

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 1 • 2019

ISSN: 2310-8681

Издается с 2013 г.

Учредители:

Мащевич И.М., Орлов В.Н., Антонян Е.А., Зайцев О.А., Издательство «Прспект»

Издатель:

Издательство «Прспект»

Главный редактор:

Мащевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, ректор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Максимцев Игорь Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Санкт-Петербург)

Сарсенбаев Талгат Есиалиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Нур-Султан)

Редакционная коллегия:

Абшилава Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат России (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения, Уголовная палата кассационного суда Республики Армения, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения, г. Ереван)

Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор Нижегородской академии МВД РФ, заслуженный деятель науки РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, профессор (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исхаан Веисал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрари Шакарпұлы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу, профессор кафедры уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КБГУ»), (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности Псковского государственного университета, (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу, советник ректора Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркарян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата (Россия, г. Москва)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, доцент кафедры уголовного права КФУ, почетный работник МВД РФ (Россия, г. Казань)

Хельмманн Уве, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, dr. jur. habil., профессор (Германия, г. Потсдам)

Хунянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Юго-западного университета (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, директор Юридического института Сибирского федерального университета, почетный работник высшего профессионального образования (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Помощник выпускающего редактора:

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А. Тимирязева

Почта журнала
crimescience.skk@yandex.ru

Переводчики:

Рудаковская Елена, Теркирян Саргис, Сторей Джессика, Штаге Диана

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

<http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2019. — № 1.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2019. — 204 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в печать 09.07.2019 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 25,5 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2019-1-204

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 1 • 2019

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevich I. M., Orlov V. N., Antonian E. A., Zaitsev O.E.

Verleger: GmbH "Verlag Prospekt"

Der Chefredakteur:

Mazkevich Igor Michailovich, Präsident des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovitch, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievitch, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der hohen Berufsbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zyagintsev Aleksandr Grigorjevitch, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Blazhev Viktor Vladimirovich, Rektor der Moskauer Staatlichen Kutafin-Universität für Rechtswissenschaften (MSAL), Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrej Pavlovich, Rektor der Baltischen Föderalen Universität Immanuel Kant, Doktor der Politikwissenschaften, Verdienter Arbeiter der Hochschule der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Kaliningrad, Russland)

Maksimov Igor Anatolyevich, Doktor der Wirtschaft, Professor, Rektor der Staatlichen Universität für Wirtschaft in St. Petersburg, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Russland, St. Petersburg)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Nur-Sultan, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgij Valerianovich, Rechtsanwalt, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vereidigter Rechtsanwalt Russlands (Jekaterinburg, Russland)

Avetisian Sergik Sergeevich, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Armenien, der Strafkammer des Kassationsgerichts der Republik Armenien, Professor der Russisch-armenischen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Erevan, Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Professor der Abteilung für gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität unter der Regierung der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Dozent am Lehrstuhl für forensische Untersuchung an der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Veliev Iskhan Weysale-ogly, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Zentral Föderalen Bezirk Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kasachstan, Rektor der Eurasische Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Akademienmitglied der kasachischen Oberschule, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, Dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Sektors Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (China, Peking)

Ijaschenko Aleksey Nikolajevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im südlichen Föderalen Bezirk Russlands, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kuban Staatlichen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorjevich, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechte Aktivitäten Vorsitzender der Pskov State University, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Pskov, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Privoljskij Föderalen Bezirk Russlands, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Kazan Federal University, Kandidat der Rechtswissenschaften, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Sankt Petersburg, Berater des Rektors der Russischen Staatlichen Pädagogischen Universität, benannt nach A.I. Herzen (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerijevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Moskau, Professor der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Nomokonov Vitalij Analofjevich, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Wladiwostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Nyzhny Novgorod, Professor am Lehrstuhl für Strafvollzugsrecht der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent (Nyzhny Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, wissenschaftliche Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Leiter des Lehrstuhls für forensische Untersuchung der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Shamurzaev Taalibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Vertretung der Union der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik, Leiter der Abteilung für Strafverfahren und Kriminalistik der Kirgisischen Russischen Slawischen Universität (Kirgisische Republik, Bischkek)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Leiterin der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kursk, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Belarus, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität (Minsk, Republik Weißrussland)

Shishko Irina Victorovna, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Direktor des Instituts für Rechtswissenschaften des Sibirischen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Redikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur Assistent

Prikhodko Natalya Yuryevna, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozentin der Rechtsabteilung der K.A. Timiryazev Russischen Staatlichen Agraruniversität

E-mail

crimescience.skk@yandex.ru

Dolmetscher:

Rudakowskaya Elena, Terzikyan Sargis, Storey Jessica, Diana Stage

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62 E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. – 2019. – Nr. 1.

Moskau: GmbH "Verlag Prospekt", 2019. – 204 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbesccheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 01. Februar 2018.

Am 09.07.2019 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8, Offsetdruck Papier. Druckliste 25,5. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2019-1-204

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 1 • 2019

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonian E.A., Zaitsev O.E.

Publisher: LLC "Publisher Prospekt"

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksandr Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Blazhev Viktor Vladimirovich, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored, Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Political Sciences, Honored Worker of High School of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Kaliningrad, Russia)

Maksimov Igor Anatolyevich, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Honorary Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (St. Petersburg, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Ural Federal District of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisyan Sergiy Sergeevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Armenia, The Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia, Professor of the Russian-Armenian University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Yerevan, Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Professor of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Honored scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Russian Federation Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filipovich, Assistant Professor of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Azerbaijan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Central Federal District of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Kazakhstan, Rector of the Kunaev Eurasian Law Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Head of Criminal and Economical Criminal Law Chair of Law Faculty of the Potsdam University, dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Environmental Law Department of the Law Institute of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Southern Federal District of Russia, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the North-Western Federal District of Russia, Head of the Organization of law enforcement and human rights activities Chair of the Pskov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Pskov, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Assistant Professor of the Criminal Law Chair of Kazan Federal University, Candidate of Legal Sciences, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Lukyayev Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Sankt Petersburg, Advisor to the Rector of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Moscow, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Far-Eastern Federal University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Nizhny Novgorod, Professor of the Criminal and Criminal-Executive Law Chair of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Research supervisor of Criminal Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences, (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Head of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Salamova Sebila Jakubovna, Assistant Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shamurzaev Taalibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Representative Office of the Union of Criminalists and Criminologists in the Kyrgyz Republic, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Kyrgyz Russian Slavic University (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Kursk, Professor of Criminal Law Department of the Law Faculty of the South-Western University (Kursk, Russia).

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists

representative office in the Republic of Belorussia, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice Dean of the Law Faculty of the Belorussian State University (Minsk, Republic of Belorussia)

Shishko Irina Viktorovna, Head of the Union of Criminalists and Criminologists

representative office in the Siberian Federal District of Russia, Director of the Siberian Federal University Law Institute, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored

Worker of High Professional Education (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor's assistant:

Prikhodko Natalya Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law at the Russian State Agrarian University Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev

E-mail

crimescience.skk@yandex.ru

Interpreters:

Rudakowskaya Elena, Terzikyan Sargis, Storey Jessica, Diana Stage

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. – 2019. – No. 1.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2019. – 204 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 09.07.2019. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 25.5. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2019-1-204

СОДЕРЖАНИЕ

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дамаскин Олег Валерьевич

Полубинская Светлана Вениаминовна

Правовые аспекты использования полиграфа 7

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА

КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ

КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-

ПРАВОВОЙ НАУКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО

ПРАВОВЕДЕНИЯ» (16–19 ДЕКАБРЯ 2018 Г., ПОТСДАМСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТ, ФРГ, Г. ПОТСДАМ)

Аветисян Сержик Сергеевич

Проблемы разграничения преступлений

от малозначительных деяний 15

Баранов Владимир Михайлович

Технико-юридические дефекты Уголовного Кодекса РФ

в фокусе сравнительного правоведения 23

Бочкарева Елена Вадимовна

Специальная виктимологическая профилактика

насильственной преступности в семейно-бытовой сфере 33

Волчецкая Татьяна Станиславовна

Особенности развития современной криминалистики

в Германии и США 39

Грачева Юлия Викторовна

Чучаев Александр Иванович

Контрабанда и «контрабандные» преступления:

сходство и различия 45

Дубовик Ольга Леонидовна

Квалифицирующие признаки экологических

преступлений по УК РФ 55

Кадников Николай Григорьевич

К вопросу о штрафе как уголовном наказании

и как иной мере уголовно-правового характера 63

Лаврентьева Мария Сергеевна

Туркин Михаил Михайлович

Об административных правонарушениях в сфере

интеллектуальной собственности 69

Лукьянов Владимир Викторович

Мушкет Иван Ильич

Система источников уголовного права: проблемы

модернизации 74

Мацкевич Игорь Михайлович

Криминологическое значение оправдательных

приговоров 81

Понятовская Татьяна Григорьевна

Спортивные отношения и уголовно-правовое

регулирование 95

Рарог Алексей Иванович

Статья 235¹ УК РФ нуждается в реконструкции 102

Редникова Татьяна Владимировна

Криминологическая характеристика преступных

посягательств на особо ценные водные

биологические ресурсы 108

Серебренникова Анна Валерьевна

Акт международного терроризма и акт агрессии

в УК РФ и уголовном законодательстве ФРГ:

точки соприкосновения 116

Халилов Рафик Нуруллоевич

Субъекты социальной реабилитации лиц,

освободившихся из мест лишения свободы:

государство или частная инициатива? 122

Шамурзаев Таалайбек Турсунович,

Балашов Талгат Тулеуович

Новеллы уголовного и уголовно-процессуального

законодательства Кыргызской Республики 129

Шевелева Светлана Викторовна

Отдельные проблемы квалификации специальных

видов мошенничества в России 136

Шидловский Андрей Викторович

Законодательная практика смягчения наказания

при выполнении обязательств досудебного соглашения

о сотрудничестве (сравнительные аспекты) 145

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Баронова Валерия Сергеевна, Косенкова Алина Ивановна

Научный руководитель: кандидат юридических

наук Саламова С.Я.

Насилие над детьми в семье 154

ИНТЕРВЬЮ

Саламова Себила Якубовна, Федоров Никита Ильич,

Луковников Владислав Вадимович, Левина Яна Анатольевна,

Чимизгина Дарья Алексеевна

Интервью заведующего кафедрой уголовного

и экономического уголовного права юридического

факультета Потсдамского университета,

dr. Iur. Habil., Профессора Уве Хелльманна 162

РЕЦЕНЗИИ

Мацкевич Игорь Михайлович

Рецензия на книгу Хритинина Д.Ф., Котова В.П.,

Полубинской С.В. Судебная психиатрия: учебник //

под общ. ред. Д.Ф. Хритинина. 6-е изд., перераб.

и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. 632 с. 169

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 172

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 174

ABOUT THE AUTHORS 176

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

«СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 178

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 180

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 192

INHALT

GERICHTLICH-FORENSISCHE TÄTIGKEIT

Damaskin O.V., Polubinskaya S.V.

Rechtliche Aspekte der Verwendung des Polygraphen7

AUSLÄNDISCHE REPRÄSENTANZ DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN SIEBTE INTERNATIONALE

RECHTSVERGLEICHENDEKONFERENZ "AKTUELLE PROBLEME
DER STRAFRECHTSWISSENSCHAFT IM INTERNATIONALEN
VERGLEICH" (16–19 DEZEMBER 2018, UNIVERSITÄT
POTSDAM, POTSDAM)

Avetisyan S.S.

Das Problem der Abgrenzung der Straftaten
von geringfügigen Taten 15

Baranov V.M.

Rechtstechnische Mängel des UK der Russischen Föderation
mit rechtsvergleichendem Fokus23

Bochkareva E.V.

Spezielle victimologische Verhinderung Gefährlicher
Verbrechen In Familienhaushalten 33

Volchetskaya T.S.

Besonderheiten der Entwicklung von der modernen
Kriminalistik in Deutschland und den USA 39

Gracheva J.V., Chuchaev A.I.

Bannbruch und bannbruchsähnliche Delikte:
Ähnlichkeiten und Unterschiede45

Dubovik O.L.

Qualifizierte Anzeichen von Umweltstraftaten im
Strafgesetzbuch der Russischen Föderation 55

Kadnikov N.G.

Zur Frage der strafrechtlichen Bestrafung und anderen
strafrechtlichen Maßnahmen 63

Lavrentieva M.S., Turkin M.M.

Zur Frage der Ordnungswidrigkeiten im Bereich
des geistigen Eigentums 69

Lukyanov V.V., Mushket I.I.

Das Rechtsquellensystem des Strafrechts
und die Probleme der Modernisierung 74

Matskevich I.M.

Kriminologische Bedeutung eines Freispruchs 81

Ponyatovskaya T.G.

Die sportlichen Verhältnisse und ihre strafrechtlichen
Regelungen 95

Rarog A.I.

Artikel 235¹ des Strafgesetzbuches der Russischen
Föderation erfordert einen Wiederaufbau102

Rednikova T.V.

Kriminologische Beurteilung der strafbaren Eingriffe
in die wertvollen aquatisch-biologischen Ressourcen108

Serebrennikova A.V.

Der Anschlag des internationalen Terrorismus
und die Angriffshandlung im Strafkodex der Russischen
Föderation und in der Strafgesetzgebung
der Bundesrepublik Deutschland: Berührungspunkte116

Khalilov R.N.

Resozialisierung, wenn inhaftierte Personen
nach Absitzen der Freiheitsstrafe wieder entlassen
werden: Eine staatliche oder private Initiative?122

Shamurzaev T.T., Balashov T.T.

Zusatzgesetz der Straf- und Strafprozessgesetzgebung
der Kirgisischen Republik129

Sheveleva S.V.

Die Probleme der Einstufung von
Qualifikationstatbeständen des Betruges in Russland136

Shidlovsky A.V.

Gesetzgebende Praxis der Milderung der Strafe beim
Abkommen über die Mitarbeit (vergleichende Aspekte)145

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS

Baronova V.S., Kosenkova A.I.

Gewalt gegen Kinder in der Familie154

INTERVIEW

*Salamova S.Ya., Fedorov N.I., Lukovnikov V.V., Levina Ya.A.,
Chimizgina D.A.*

Interview mit dem Leiter des Lehrstuhls für Straf-
und Wirtschaftsrecht an der Fakultät für Jura
der Universität Potsdam, dr. iur. habil.,
Professor Uwe Hellmann162

BUCHBESPRECHUNG

Matskevich I.M.

Buchbesprechung Khritinin D.F., Kotov V.P.,
Polubinskaya S.V. Forensische Psychiatrie:
Lehrbuch. Ed. D.F. Khritinin. 6th ed. Moscow:
Norma; INFRA-M Verlag, 2019. 632 s.169

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 174

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG
VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN
UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT
VERBAND DER KRIMINALISTEN
UND KRIMINOLOGEN 178

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 180

CONTENTS

FORENSIC EXPERT ACTIVITY

<i>Damaskin O.V., Polubinskaya S.V.</i> Legal Aspects of Polygraph Use.....	7
--	---

FOREIGN REPRESENTATIVE OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGIES SEVENTH INTERNATIONAL CONFERENCE ON COMPARATIVE LAW "CURRENT PROBLEMS OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE" (16–19 DECEMBER 2018, UNIVERSITY OF POTSDAM, POTSDAM)

<i>Avetisyan S.S.</i> The problems of delimiting crimes from insignificant acts	15
<i>Baranov V.M.</i> Technical and legal defects of the Criminal Code of the Russian Federation in the focus of comparative law.....	23
<i>Bochkareva E.V.</i> Special victimological prevention of violent crime in family-household sphere.....	33
<i>Volchetskaya T.S.</i> Development features of modern criminalistics in Germany and the USA.....	39
<i>Gracheva J.V., Chuchaev A.I.</i> Smuggling and "smuggling" crimes: similarities and differences.....	45
<i>Dubovik O.L.</i> Qualifying signs of environmental crimes under the Criminal Code of Russian Federation	55
<i>Kadnikov N.G.</i> On the issue of fine as a criminal punishment and as a different measure of criminal law.....	63
<i>Lavrentieva M.S., Turkin M.M.</i> On the issue of offenses in the field of intellectual property.....	69
<i>Lukyanov V.V., Mushket I.I.</i> System of sources of criminal law: problems of modernization.....	74
<i>Matskevich I.M.</i> Criminological value of verdict of acquittal.....	81
<i>Ponyatovskaya T.G.</i> Sports and criminal law	95
<i>Rarog A.I.</i> Article 235 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation requires reconstruction.....	102
<i>Rednikova T.V.</i> Criminological characteristics of criminal attacks on particularly valuable aquatic biological resources.....	108

<i>Serebrennikova A.V.</i> The act of international terrorism and aggression in the Criminal Code of the Russian Federation and the criminal legislation of the Federal Republic of Germany: common ground	116
<i>Khalilov R.N.</i> Entities of Social Rehabilitation of Persons Released from Prison: State or Private Initiative?	122
<i>Shamurzaev T.T., Balashov T.T.</i> Innovations of the criminal and criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic	129
<i>Sheveleva S.V.</i> Some problems of qualification of special types of fraud in Russia.....	136
<i>Shidlovsky A.V.</i> Legislative practices of mitigating punishment in implementing the obligations of the pre-trial cooperation agreement (comparative aspects).....	145

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

<i>Baronova V.S., Kosenkova A.I.</i> Violence against children within a family.....	154
--	-----

INTERVIEW

<i>Salamova S.Ya., Fedorov N.I., Lukovnikov V.V., Levina Ya.A., Chimizgina D.A.</i> Interview with the Head of the Department of Criminal and Economical Criminal Law at the Faculty of Law, Potsdam University, dr. iur. habil., Professor Uwe Hellmann.....	162
--	-----

REVIEW

<i>Matskevich I.M.</i> Book Review Khritinin D.F., Kotov V.P., Polubinskaya S.V. Forensic Psychiatry: a textbook. Ed. D.F. Khritinin. 6th ed. Moscow: Norma; INFRA-M Publ., 2019. 632 p.	169
--	-----

ABOUT THE AUTHORS	176
-------------------------	-----

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS".....	178
--	-----

ANNOTATIONS AND KEYWORDS	192
--------------------------------	-----

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА

Дамаскин Олег Валерьевич
Полубинская Светлана Вениаминовна

Цель: дать общую характеристику основных областей применения полиграфа в России; проанализировать законодательные и нормативные правовые акты, регламентирующие проведение психофизиологических исследований на полиграфе; изучить судебную практику по уголовным делам в отношении допустимости доказательств, полученных с использованием полиграфа; выявить основные проблемы, связанные с применением полиграфа и чреватые ущемлением прав и законных интересов граждан, а также предложить пути их решения.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, формально-юридический метод, юридическая герменевтика, топическая юриспруденция, сравнительно-правовой метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости разработки и принятия федерального закона об использовании полиграфа.

Научная и практическая значимость. Авторы обращают внимание на дискуссионность в отечественной и зарубежной литературе теоретических основ применения полиграфа, а также надежности получаемых с его помощью результатов, что не мешает широкому использованию этого технического средства на практике. Изучение положений законодательных и нормативных правовых актов, закрепляющих основания и порядок проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа в России, позволило авторам выявить ряд пробелов в существующем правовом регулировании. В их числе – недостаточно полная регламентация прав лиц, проходящих такие исследования, отсутствие единых требований к профессиональной подготовке и квалификации специалистов, их проводящих, как и общепризнанных экспертных методик. Авторы указывают на необходимость принятия федерального закона об использовании полиграфа, что должно способствовать решению этих проблем и стать гарантией соблюдения прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологические исследования, судебная психофизиологическая экспертиза, судебные доказательства, допустимость доказательств, органы безопасности, правоохранительные органы, трудовая деятельность, правовое регулирование, права и законные интересы граждан.

Существуют три основные области применения полиграфа в тех странах, где это допускается, включая Россию: в процессе расследования уголовных дел и раскрытия преступлений [1; 2; 3]; для профессионального отбора при приеме на работу, прежде всего, в правоохранительные органы и органы безопасности [4; 5; 6]; при психологическом тестировании уже работающих сотрудников, в том числе в финансовых и коммерческих организациях, для обеспечения безопасности деятельности, служебных проверок, предупреждения и выявления возможных преступлений.

В основе использования полиграфа лежит представление о том, что, отвечая на определенные вопросы, люди проявляют более сильную эмоциональную реакцию, когда они лгут, по сравнению со случаями, когда они говорят правду, и эта эмоциональная реакция может быть зафиксирована и измерена путем регистрации ряда физиологических показателей. Такими показателями, как правило, являются артериальное давление, частота пульса, ритм дыхания, потоотделение и т.п. [7, с. 124–128].

Надо отметить, что научные основы применения полиграфа, степень достоверности полу-

чаемых с его помощью результатов, надежность методики в целом для принятия юридически значимых решений до настоящего времени активно обсуждаются в зарубежной и отечественной литературе [8; 9; 10; 11]. При этом остается справедливым замечание Г.А. Злобина и С.А. Яни – авторов одной из первых статей на эту тему в отечественной юридической литературе, что «дискуссия вокруг полиграфа привела не столько к накоплению положительных решений, сколько к усугублению неясностей» [7, с. 123]. Вместе с тем практика использования этого технического средства продолжает расширяться [12; 13; 14].

В систематизированном виде проблемы, возникающие в связи с использованием полиграфа, представлены в докладе Национального исследовательского совета США, опубликованном в 2003 г. [15]. Так, описывая теоретические представления о физиологических процессах, измеряемых с помощью полиграфа, и сопровождающие такие измерения факторы, авторы доклада приходят к выводу, что имеющиеся данные показывают, «...лишь ограниченное соответствие между физиологическими реакциями, измеренными полиграфом, и сопутствующими психологическими состояниями мозга, которые, как полагают, связаны с обманом». Нельзя исключать, что «ответы, обычно принимаемые как указывающие на обман, могут иметь другие причины» [15, р. 101]. По мнению авторов доклада, основная часть исследований, касающихся полиграфа, отклоняется от канонов, принятых в науке, и практически «не изучает множество переменных и механизмов, которые связывают обман или другие явления с физиологическими реакциями, измеряемыми в тестах на детекторе лжи» [15, р. 102].

Далее в докладе рассматриваются прикладные исследования, в которых проверялась точность результатов, получаемых с помощью полиграфа. Всего были проанализированы исследовательские планы, методы анализа полученных данных и результаты 194 оригинальных исследований (приложение G). По данным, полученным разными авторами, тесты на полиграфе имеют точность от 61% до 85%, т.е. превосходят случайный выбор [2, р. 116–117]. Однако в докладе общее качество таких исследований оценивается как «относительно низкое». В этой связи авторы доклада отмечают, что «лабораторные исследования, хотя и важны для демонстрации принципов, имеют серьезные внутренние ограничения для обобщения применительно к реальным ситуациям, включая тот факт, что последствия, связанные с оценкой обмана, почти никогда не являются столь серьез-

ными, как в реальных условиях» [15, р. 120]. В докладе отмечается, что и полевые исследования, в частности, их планирование и проведение, не свободны от недостатков используемой методологии.

Отечественные специалисты, в свою очередь, указывают, что «исследования, направленные на формирование соответствующей теоретической базы, практически не проводились», и «грамотно проведенное тестирование на полиграфе с достаточно высокой точностью позволяет определить только одно – относительную значимость для индивида предъявляемых стимулов, в качестве которых обычно используют вопросы, озвучиваемые специалистом» [16, р. 229].

В этой связи не удивительно, что суды в разных странах проявляют осторожность в использовании результатов тестов на полиграфе в качестве доказательств, прежде всего, по уголовным делам, а вопрос о возможностях такого использования является одним из наиболее обсуждаемых в литературе. К примеру, более двух третей штатов США не считают подобные доказательства допустимыми, однако в 18 штатах они могут быть приняты судами при определенных условиях или в определенных целях, в частности, при отмене пробации. Одним из условий является обязательное согласие сторон процесса на представление таких доказательств, когда, к примеру, обвиняемый хочет пройти тест на полиграфе, чтобы доказать свою невиновность [2, р. 117–121]. На основании положений общего права не принимают подобные доказательства и английские суды, хотя некоторые авторы полагают, что правовые основания сделать их допустимыми все же существуют [17].

Российская судебная практика весьма противоречива. Надо отметить, что применение полиграфа при расследовании уголовных дел является одной из форм использования специальных познаний в уголовном процессе и может осуществляться в виде получения заключения специалиста или проведения судебной психофизиологической экспертизы (ст. 80 УПК РФ). Далее, в соответствии со ст. 144 УПК РФ экспертиза может быть назначена и при проверке сообщения о преступлении. Кроме того, на основании ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349) опрос с использованием полиграфа может проводиться в рамках оперативно-розыскных мероприятий, однако результаты оперативно-розыскной деятельности запрещается использовать в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к до-

казательствам и регламентированным уголовно-процессуальным законом (ст. 89 УПК РФ).

В ряде случаев суды, рассматривающие уголовные дела по первой инстанции, принимали результаты тестов на полиграфе как доказательства. Однако вышестоящие суды не признавали такие доказательства допустимыми и исключали ссылки на них из приговоров (*например, постановление Президиума Тамбовского областного суда от 27 марта 2014 г. № 44-у-14; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10 января 2017 г. № 9-АПУ16-16; апелляционное определение Свердловского областного суда от 05 марта 2018 г. по делу № 22-997/2018; постановление Президиума Московского областного суда от 12 декабря 2018 г. № 548 по делу № 44у-257/2018 // СПС «КонсультантПлюс»*).

Кроме того, в ряде случаев при рассмотрении апелляционных жалоб доводы заявителей о непроведении на этапе предварительного расследования проверки показаний на полиграфе судами во внимание не принимались (*апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29 января 2014 г. № 66-АПУ13-85СП; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29 марта 2017 г. № 59-АПУ17-3; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. № 66-АПУ17-5 // СПС «КонсультантПлюс»*).

В свою очередь, жалобы в Конституционный Суд РФ на отказ в удовлетворении ходатайств защиты о проведении допроса подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля с использованием полиграфа, а также на исключение судом из числа допустимых доказательств заключения эксперта-полиграфолога успеха также не имели – Конституционный Суд отказал в принятии подобных жалоб к рассмотрению (*Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2010 года N 196-О-О; от 22 апреля 2010 г. № 462-О-О; от 26 апреля 2016 г. № 711-О; от 26 января 2017 г. № 4-О // СПС «КонсультантПлюс»*).

С оценкой результатов тестов на полиграфе как недопустимых судебных доказательств, складывающейся в отечественной судебной практике, нельзя не согласиться. Помимо слабой научной обоснованности самой методики, специалисты отмечают и существенные недостатки в ее использовании, среди которых – выход специалиста или эксперта-полиграфолога за пределы специальных знаний и ответы на правовые вопросы, решать которые должны органы следствия и суд, недостаточная компетентность привлекаемых в качестве экспертов лиц и отсутствие общепризнанных

стандартов проведения тестов на полиграфе [16, с. 228–239]. Существуют лишь методические документы рекомендательного характера, содержание которых остается предметом дискуссий среди специалистов [18; 19].

Широкое применение тестирования на полиграфе (по терминологии, принятой в российском законодательстве, – психофизиологическое исследование) находит в сфере трудовой и служебной деятельности. Речь идет, прежде всего, о службе (работе) в органах безопасности и в правоохранительной системе, где использование подобного метода профессионального психологического отбора кадров закреплено в ряде федеральных законов.

Так, на основании ч. 8 ст. 16 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (*СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269*) психофизиологические исследования проходят все граждане, поступающие на военную службу по контракту, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в органы федеральной службы безопасности. Исследования, целью которых является определение пригодности кандидатов к службе или работе в органах федеральной службы безопасности, проводятся в добровольном порядке с их письменного согласия. Далее, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 16.2 того же Федерального закона подобные проверки, согласие на которые закрепляется в контракте о прохождении военной службы, служебном контракте или трудовом договоре, осуществляются и во время прохождения службы или работы (ч. 3 ст. 16.2). При отказе от прохождения исследования граждане не могут быть приняты на указанную службу (работу), а если уже на нее поступили, то могут быть уволены (п. «б» ч. 3 ст. 16 Федерального закона).

Порядок направления на психофизиологическое исследование и его проведения определяется Инструкцией по организации и проведению профессионального психологического отбора в органах федеральной службы безопасности, утвержденной приказом ФСБ России от 13 апреля 2011 г. № 151 (*Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 28*).

Аналогичным образом профессиональный психологический отбор, в том числе психофизиологические исследования, осуществляется и в органах внутренних дел. Правила профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации утверждены постановлением Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259 (*СЗ РФ. 2012. № 50*

(ч. 6). Ст. 7075). Помимо кандидатов на службу в органы внутренних дел, исследования на полиграфе проходят стажеры и сотрудники, перемещаемые по службе на другие должности в системе МВД России, при их наличии письменного.

Кроме того, на основании ч. 6 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020) граждане, поступающие на службу в органы внутренних дел, проходят психофизиологические исследования (обследования), тестирования, направленные на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами. Использование результатов таких исследований (обследований), как и психофизиологических исследований, проводимых в процессе профессионального психологического отбора, регламентируется Приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»).

В свою очередь, психологи в органах внутренних дел осуществляют свою деятельность, включая проведение психофизиологических исследований с применением полиграфа, в соответствии с Приказом МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»).

Полиграф используется при профессиональном отборе судебных приставов (Федеральный закон от 21 июля 1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590; Приказ Минюста России от 30 сентября 2015 г. № 230 «Об утверждении Порядка проведения в Федеральной службе судебных приставов психофизиологического исследования, тестирования на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ, наличия алкогольной, наркотической или иной токсической зависимости» // СПС «КонсультантПлюс»), в уголовно-исполнительной системе (Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // (СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4532; Приказ Минюста России от 16 апреля 2013 г. № 51 «Об ут-

верждении категорий должностей в уголовно-исполнительной системе, при назначении на которые проводится психофизиологическое исследование с применением полиграфа // Российская газета, № 93 от 29 апреля 2013 г.); Приказ Минюста РФ от 25 мая 2011 г. № 165 «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе» // Российская газета, № 135 от 24 июня 2011 г.); в войсках национальной гвардии (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4159; Приказ Росгвардии от 16 ноября 2016 г. № 357 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии» // СПС «КонсультантПлюс») и в ряде других правоохранительных и силовых структур.

В целях обеспечения безопасности своей деятельности, выявления преступлений и «утечек» конфиденциальной информации применяют полиграф также финансовые и коммерческие организации [20]. Правовой основой в этом случае служит Трудовой кодекс РФ, а обязанность работника проходить психофизиологические исследования закрепляется в трудовом договоре (контракте). В литературе отмечается недостаточность существующих положений Трудового кодекса РФ для проведения проверок кандидатов на работу и работников на полиграфе [21], с чем можно согласиться.

Таким образом, полиграф имеет чрезвычайно широкое применение в различных сферах государственной деятельности, и хотя определенная правовая основа для этого в российском законодательстве создана, все же ее нельзя признать в полной мере достаточной.

К примеру, сведения о гражданине, полученные с помощью полиграфа, относятся к персональным данным (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3151). По общему правилу обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных, который имеет право на доступ к ним (п. 1 ч. 1 ст. 6, ч. 1, 7 ст. 14 указанного Федерального закона). Если же обратиться к законодательным и иным нормативным правовым актам, регламентирующим проведение психофизиологических исследований в органах безопасности и правоохранительных органах, то в них закреплена лишь необходимость получения согласия субъекта на такие исследования, а право на повторное исследование при несогласии с результатами ранее

проведенного исследования и на обжалование его результатов в вышестоящие органы и суд в большинстве правовых актов не закреплено. Исключением являются лишь «Правила профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации», в п. 32 которых предусмотрено право кандидата при несогласии с заключением комиссии по психологическому отбору обратиться в письменной форме в вышестоящую аналогичную комиссию, а при несогласии с ее решением – в суд.

С учетом значимости решений, принимаемых на основе результатов психофизиологических исследований, нельзя исключать случаи злоупотреблений результатами тестов на полиграфе, например, необоснованных отказов в принятии на службу или работу, в продвижении по службе, в продлении контракта о прохождении военной службы либо служебного контракта и т.п. Непрозрачность процедуры проведения исследования, невозможность ознакомиться с его результатами и оспорить их чреваты ущемлением прав и законных интересов граждан и весьма коррупциогенны.

Конечно, окончательные юридически значимые решения принимаются на основе изучения и анализа различных данных о профессиональных, психологических и личных качествах субъекта, среди которых психофизиологические исследования – лишь один из источников, но преувеличенное доверие именно к техническому

средству получения информации способно перевесить важность иных ее источников.

В этой связи представляется необходимым принять единый законодательный акт о применении полиграфа, о чем писали и другие авторы [22]. Проект такого закона вносился в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в 2010 г. (*Проект Федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа» (редакция по состоянию на 24 декабря 2010 г.) // СПС «КонсультантПлюс»*), но был отклонен, прежде всего, по формальным основаниям (*Выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 13 февраля 2012 г. № 11 «О проекте Федерального закона N 478780-5 «О применении полиграфа» // СПС «КонсультантПлюс»*). В проекте предлагалось закрепить принципы, основания и цели проведения исследований (опросов) на полиграфе, определить случаи обязательного и добровольного прохождения таких опросов, условия их проведения и последствия отказа от них, а также права, обязанности и ответственность лиц, проводящих такие исследования, установить общие требования к их квалификации и профессиональной подготовке. Не были обойдены вниманием также права и обязанности опрашиваемых лиц, хотя эти положения проекта были недостаточно полными. По нашему мнению, указанный проект может быть использован как основа при подготовке предлагаемого закона.

Литература

1. Никитин В.В. Практика применения полиграфа при раскрытии преступлений в Чувашской Республике // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2015. № 1(7). С. 147–151.
2. Han Y. Deception Detection Techniques Using Polygraph in Trials: Current Status and Social Scientific Evidence // *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2016. Vol. 8. Iss. 2. P. 115–147.
3. Калентьева Т.А. Применение полиграфа в следственной и судебной практике Самарской области // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2017. Т. 1. № 3. С. 98–104.
4. Befort S.F. Pre-Employment Screening and Investigation: Navigating Between a Rock and a Hard Place // *Hofstra Labor and Employment Law Journal*. 1997. Vol. 14. Iss. 2. P. 365–422.
5. Cochrane R. E., Tett R. P., Vandecreek. L. Psychological Testing and the Selection of Police Officers: A National Survey // *Criminal Justice and Behavior*. 2003. Vol. 30. Iss. 4. P. 511–537.
6. Шоронов О.В., Коновалов А.Н. Полиграф в правоохранительных органах // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2014. № 4(8). С. 40–44.
7. Злобин Г.А., Яни С.А. Проблема полиграфа // *Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ*. 1976. Вып. 6. С. 122–135.
8. Grubin D. The Polygraph and Forensic Psychiatry // *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2010. Vol.38. No. 4. P. 446–451.
9. Schaufler R., Burke K.S. Who Are You Going to Believe? // *Court Review*. 2013. Vol. 49. Iss. 3. P. 124–131.
10. Машовец А.О. К вопросу о возможности формирования судебных доказательств с применением полиграфа // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 397. С. 212–215. DOI: 10.17223/15617793/397/33.

11. Васюков В.Ф. К вопросу о доказательственном значении заключения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2(43). С. 240–243.
12. Grubin D., Madsen L. Accuracy and Utility of Post-Conviction Polygraph Testing of Sex Offenders // *British Journal of Psychiatry*. 2006. Vol. 188. Iss. 5. P. 479–483.
13. Пестриков Д. В., Полянин Н. А., Юрина О. И., Курдин Д. А. Проведение специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 4(41). С. 30–35.
14. Деулин Д.В., Усачева И.В. Полиграф как средство обеспечения достоверности результатов исследования психологической безопасности образовательной среды вуза МВД // *Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности*. 2018. № 2. С.90–93.
15. The Polygraph and Lie Detection. National Research Council. Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph. Division of Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, DC: The National Academies Press, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nap.edu/read/10420> (дата обращения: 11.02.2019).
16. Комиссарова Я.В. Ошибки при производстве судебно-психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // *Судебная экспертиза: типичные ошибки* / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2014. 544 с.
17. Stockdale M., Grubin D. The Admissibility of Polygraph Evidence in English Criminal Proceedings // *The Journal of Criminal Law*. 2012. Vol. 76. Iss. 3. P. 232–253. DOI:10.1350/jcla.2012.76.3.771.
18. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Проведение исследований с применением полиграфа в форме судебной психофизиологической экспертизы // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1(3). С. 251–257.
19. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. О методическом обеспечении судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2016. № 2(12). С. 144–150.
20. Андреева Л.А. Полиграф (детектор лжи) в системе безопасности бизнеса // *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2011. № 4. С. 169–173.
21. Занданова О.В. Применение полиграфа при приеме на работу // *Глобальный научный потенциал*. 2016. № 4(61). С. 45–47.
22. Богаевский В.А., Печенкова Е.А. Правовое регулирование специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 187–189.

References

1. Nikitin V.V. Praktika primeneniya poligrafa pri rassledovanii prestupleniy v Chuvashskoy Respublike [Practice of polygraph use in crime investigation in the Republic of Chuvashiya]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya* [Crime Investigation: Problems and Ways to Solve]. 2015, no. 1(7), pp. 147–151. (In Russian).
2. Han Y. Deception Detection Techniques Using Polygraph in Trials: Current Status and Social Scientific Evidence. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2016, vol. 8, iss. 2, pp. 115–147. (In English).
3. Kalent'eva T.A. Primeneniye polygrafa v sledstvennoy i sudebnoy practice Samarskoy oblasti [Polygraph use in investigative and judicial practice of the Samara Region]. *Vestnik Volzhskogo Universiteta im. V. N. Tatishcheva* [V.N. Tatishchev Herald of Volzhsky University]. 2017, vol. 1, no. 3, pp. 98–104. (In Russian).
4. Befort S.F. Pre-Employment Screening and Investigation: Navigating Between a Rock and a Hard Place. *Hofstra Labor and Employment Law Journal*. 1997, vol. 14, iss. 2. pp. 365–422. (In English).
5. Cochrane R.E., Tett R.P., Vandecreek. L. Psychological Testing and the Selection of Police Officers: A National Survey. *Criminal Justice and Behavior*. 2003, vol. 30, iss. 4, pp. 511–537. (In English).
6. Shoronov O.V., Konovalov A.N. Poligraf v pravokhranitel'nykh organakh [Polygraph in law enforcement agencies]. *Vestnik Pensenskogo Univesiteta* [Herald of Penza University]. 2014, no. 4(8), pp. 40–44. (In Russian).
7. Zlobin G.A., Yani S.A. Problema poligrafa [The problem of polygraph]. *Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva* [Problems of Improvement of the Soviet Legislation. Proceedings of VNIISZ]. 1976, iss. 6, pp. 122–135. (In Russian).

8. Grubin D. The Polygraph and Forensic Psychiatry. *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2010, vol.38, no. 4, pp. 446–451. (In English).
9. Schaffler R., Burke K.S. Who Are You Going to Believe? *Court Review*. 2013, vol. 49, iss. 3, pp. 124–131. (In English).
10. Mashovets A.O. К вопросу о возможности формирования судебных доказательств с применением полиграфа [On the issue of the possibility of forming judicial evidences with polygraph use]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2015, no. 397, pp. 212–215. DOI: 10.17223/15617793/397/33. (In Russian).
11. Vasyukov V.F. К вопросу о доказательственном значении заключения психологической экспертизы с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве [To the question of the evidentiary value of the conclusion of psycho-physiological examination with polygraph use in criminal procedure]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya «Pravo»* [Herald of Omsk University. Series «Law»]. 2015, no. 2(43), pp. 240–243. (In Russian).
12. Grubin D., Madsen L. Accuracy and Utility of Post-Conviction Polygraph Testing of Sex Offenders. *British Journal of Psychiatry*. 2006, vol. 188, iss. 5, pp. 479–483. (In English).
13. Pestrikov D.V., Polyagin N.A., Yurina O.I., Kurdin D.A. Provedenie spetsial'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s ispol'zovaniem poligrafa v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme [Conducting special psycho-physiological tests with polygraph use in the penitentiary system]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta* [Herald of Vladimir Law Institute]. 2016, no. 4(41), pp. 30–35. (In Russian).
14. Deulin D.V., Usacheva I.V. Poligraf kak sredstvo obespecheniya rezul'tatov issledovaniya psikhologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noy sredy vuza MVD [Polygraph as a mean to provide the reliability for the results of the study of psychological safety of the educational environment in a higher education institution of the Ministry of Internal Affairs]. *Mezhdunaridnyy zhurnal psikhologii i pedagogiki v sluzhebnoy deyatel'nosti* [International Journal of Psychology and Pedagogics in Official Activity]. 2018, no. 2, pp. 90–93. (In Russian).
15. The Polygraph and Lie Detection. National Research Council. Committee to Review the Scientific Evidence on the Polygraph. Division of Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, DC: The National Academies Press, 2003. Available at: <https://www.nap.edu/read/10420> (last visited: 11.02.2019). (In English).
16. Komissarova Ya. V. Oshibki pri proizvodstve sudebno-psikhofiziologicheskikh erspertz s primeneniem poligrafa [Errors in carrying out forensic psycho-physiological examinations with polygraph use. In: *Sudebnaya ekspertiza: tipichnye oshibki* [Forensic Examination: Common Errors]. Ed. E.R. Rossinskaya. Moscow, 2014. 544 p. (In Russian).
17. Stockdale M., Grubin D. The Admissibility of Polygraph Evidence in English Criminal Proceedings. *The Journal of Criminal Law*. 2012, vol. 76, iss. 3, pp. 232–253. DOI:10.1350/jcla.2012.76.3.771. (In English).
18. Orlov Yu. K., Kholodnyy Yu. I. Provedenie issledovaniy s primeneniem poligrafa v forme sudebnoy psikhofiziologicheskoy erspertz [Conducting tests with polygraph use in the form of forensic psycho-physiological examination]. *Vestnik Akademii sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii* [Herald of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation]. 2015, no. 1(3), pp. 251–257. (In Russian).
19. Orlov Yu. K., Kholodnyy Yu. I. O metodicheskoy obespechenii sudebnoy psikhofiziologicheskoy erspertz s primeneniem poligrafa [On the methodological support of forensic psycho-physiological examination with polygraph use]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya* [Crime Investigation: Problems and Ways to Solve]. 2016, no. 2(12), pp. 144–150. (In Russian).
20. Andreeva L.A. Poligraf (detector lzhi) v sisteme bezopasnosti biznesa [Polygraph (lie detector) in business security system]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve* [Legality and Legal Order in Modern Society]. 2011, no. 4, pp. 169–173. (In Russian).
21. Zandanova O.V. Primenenie poligrafa pri prieme na rabotu [Polygraph use in employment]. *Global'nyy nauchnyy potentsial* [Global Scientific Potential]. 2016, no. 4(61), pp. 45–47. (In Russian).
22. Bogaevskiy V.A., Pechenkova E.A. Pravovoe regulirovanie spetsial'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa [Legal regulation of special psycho-physiological tests with polygraph use]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Herald of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016, no. 6, pp. 187–189. (In Russian).

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

**VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ» (16–19 ДЕКАБРЯ 2018 Г.,
ПОТСДАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ФРГ, Г. ПОТСДАМ)**

1. Конференция в Потсдамском университете 17 декабря 2018 года

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ДЕЯНИЙ

Аветисян Сержик Сергеевич

Цель: на основе сравнительно-правового анализа уголовных законодательств различных стран выделить разграничительные признаки преступления и малозначительных деяний; раскрыть сущность малозначительных деяний; разработать совокупность предложений по законодательному совершенствованию Уголовных кодексов Армении и России.

Методология: диалектика, анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-логический и сравнительно-правовые методы.

Выводы. Выделены объективные и субъективные критерии малозначительных деяний, позволяющих отличать эти деяния от преступлений; малозначительность деяния следует рассматривать в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность; в случае предусмотренного в УК Армении института уголовных проступков вопрос о малозначительности деяний будет снят. Категории преступлений по УК Армении следует предусмотреть с учетом необходимости включения уголовных проступков.

Научная и практическая значимость статьи заключается в выработке критериев отграничения преступных деяний от малозначительных, в которых степень общественной опасности деяния невелика; предложены практические рекомендации по правильному толкованию и применению нормы уголовного закона о малозначительности деяния; разработаны конкретные предложения по совершенствованию национального уголовного законодательства.

Ключевые слова: закон, преступление, общественная опасность деяния, малозначительное деяние, ответственность, уголовный проступок, правомерное поведение, категории преступлений.

Определение правомерности и противоправности причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны, отграничение преступного поведения от непроступного является современной фундаментальной проблемой науки уголовного права и законодательного регулирования [1, с. 27].

К числу таких проблем относится и вопрос о разграничении преступления от так называемых малозначительных деяний (ч. 2 ст. 18 УК Республики Армения, далее – УК РА). Аналогичная норма содержится и в УК РФ (ч. 2 ст. 14).

В памятниках армянского права этот вопрос также затрагивался. Например, в ст. 58 Судебника Астраханских армян (XVIII век) закреплено следующее положение: «Если кто-нибудь на улице или на площади украдет хлеб или фрукты, или одежду,

или что-нибудь еще, что считается мелочью, он должен будет возместить (причиненный) ущерб и подвергнут за свой проступок бичеванию, и хотя проступок его можно было бы простить, поскольку он невелик, однако он может превратиться в привычку, которая, постепенно приумножаясь, приведет его к настоящему воровству. Поэтому уже в самом начале прегрешений не следует оставлять проступок без наказания, как бы мал он ни был» (из анализа приведенной нормы следует, что кража отдельных вещей незначительной стоимостью считалась проступком, при этом виновное лицо обязано было возместить ущерб и понести за совершенное деяние ответственность (порицание). В норме говорится о «невеликом» проступке, но обязательно влекущем иное (неуголовное наказание)[2, с. 673].

Наличие в совершенном деянии всех признаков конкретного состава преступления недостаточно для привлечения лица к уголовной ответственности. Деяние должно содержать также признаки законодательно определенного понятия преступления. К ним в соответствии с ч. 1 ст. 18 УК РА относятся: общественная опасность деяния, виновность лица и противоправность (наказуемость деяния мы склонны считать не свойством, а последствием преступления).

Из анализа ст. 3 и ч. 2 ст. 18 УК РА следует, что наличие основания уголовной ответственности не всегда позволяет говорить о наличии преступления, потому что деяние, не обладающее признаком общественной опасности, преступлением не является.

С другой стороны, не всякое общественно опасное, противоправное деяние является преступлением. Оно должно быть совершено также виновно. В каждом конкретном случае необходимо устанавливать, доказывать наличие как признаков состава преступления, так и признаков общего понятия преступления. При этом важно оценить количественный признак общественной опасности деяния.

В соответствии с ч. 2 ст. 18 УК РА малозначительное деяние не является преступлением при наличии одновременно двух условий.

Первое: оно должно формально подпадать под признаки преступления, предусмотренного уголовным законом. Иными словами, в нем чисто внешне должна присутствовать уголовная противоправность.

Второе: в нем отсутствует другое свойство преступления — общественная опасность. Как правило, она отсутствует потому, что ущерб, причиненный деянием, мизерный. Отсюда деяние в целом оказывается непротивоправным. Чаще всего определенный вред, некоторая антисоциальность в малозначительных деяниях все-таки имеют место. Но они — не криминальной степени, а гражданско-правовой, административной, дисциплинарной или аморальной. Поэтому, прекращая дело или не принимая его к производству ввиду малозначительности деяния, следователь или суд рассматривает вопрос о возможности иной, не уголовно-правовой меры ответственности за него.

Уголовный кодекс Республики Беларусь это четко зафиксировал в ч. 4 ст. 11: «Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания».

Малозначительным может быть лишь умышленное деяние, причем, как правило, совершен-

ное с прямым умыслом, когда лицо желало причинить именно мизерный вред.

Общественная опасность преступления характеризуется не только реальным причинением вреда, но и угрозой его причинения. Так, основанием уголовной ответственности формальных составов преступлений является общественная опасность деяния, которая выражается в создании угрозы, вероятности причинения вреда.

Угроза наступления общественно опасных последствий, как показатель общественной опасности преступления, лежит в основе ответственности за неоконченное преступление. Несмотря на то, что преступление признается неоконченным, виновный привлекается к ответственности в силу того, что он мог объективно окончить преступный акт, но не сделал этого по причинам, не зависящим от его воли.

В литературе обосновывалась позиция о включении малозначительности деяния в систему обстоятельств, исключающих преступность деяния [3, с. 121–122].

Границы малозначительности общественной опасности деяния формально в законе не определены, и поэтому они устанавливаются произвольно правоприменителем в каждом конкретном случае.

Установление малозначительности деяния — это всегда вопрос факта, и при оценке деяния как малозначительного необходимо ориентироваться на объективные и субъективные критерии (признаки) содеянного.

Малозначительные деяния лишь тогда не признаются преступными, если малозначительность была и объективной, и субъективной, т.е. когда лицо желало совершить именно малозначительное деяние, а не потому, что по независящим от него обстоятельствам так в конкретном случае произошло. При расхождении фактически совершенного и умысла лица ответственность наступает за покушение на то преступление, совершить которое лицо намеревалось.

Объективный критерий состоит в причинении малозначительного ущерба. В таком деянии степень общественной опасности не криминальная, а свойственна гражданско-правовому, административному, дисциплинарному деликту.

В ряде составов преступлений причинение крупного ущерба является обязательным признаком. Отсутствие в деянии такого признака означает отсутствие состава преступления, поэтому о малозначительности деяния нельзя говорить.

Размер ущерба законодателем учитывается и как квалифицирующий признак некоторых

видов преступлений. Так, если лицо имело намерение тайно похитить имущество в крупном или в особо крупном размере, но преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от его воли, содеянное также нельзя оценивать как малозначительное.

Деяние квалифицируется как покушение на совершение кражи в крупном или особо крупном размере (с учетом субъективной направленности виновного).

При оценке деяния в качестве малозначительного, если по делу имеется потерпевший, необходимо учитывать его имущественное положение, влияние причиненного ущерба на условия его жизни и другие обстоятельства, которые в своей совокупности могут свидетельствовать о степени социальной опасности содеянного, а не о личности самого деятеля.

Обстоятельства, характеризующие личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие ответственность и наказание, сами по себе не являются основанием для применения ч. 2 ст. 18 УК РА. Закон говорит о малозначительности деяния. Данные о личности будут учитываться при применении оснований, освобождающих от уголовной ответственности (вследствие изменения обстановки и др.), а также при назначении наказания.

Субъективный критерий заключается в направленности умысла на причинение малозначительного ущерба, т. е. когда лицо желало совершить именно малозначительное деяние, а не потому, что по независящим от него обстоятельствам так произошло в конкретном случае.

При оценке деяния как малозначительного необходимо учитывать наличие обоих критериев. При этом субъективному критерию отдается предпочтение.

Отсутствует малозначительность деяния при совершении преступления с альтернативным умыслом, т. е. когда лицо предвидело и желало наступления любого из возможных вариантов причинения вреда. Ответственность наступает за наибольший вред, поскольку умыслом виновного охватывается причинение любого вреда.

Малозначительность деяния отсутствует также при совершении преступления с неопределенным (неконкретизированным) умыслом, т. е. когда лицо допускало наступление любого из возможных вариантов причинения вреда. Ответственность, как известно, наступает за фактически причиненный вред.

Виновный часто с неконкретизированным умыслом совершает кражу. Но на практике встречаются случаи, когда лицо, например, видя

у потерпевшего в кошельке несколько рублей, похищает их, так как именно этих денег ему не хватило, чтобы добраться до дома. Такая кража оценивается как малозначительное деяние.

Неосторожные преступления не могут быть малозначительными, ибо они криминализируются только при причинении ими имущественного вреда.

Таким образом, при малозначительности деяния отсутствует основной материальный признак преступления — общественная опасность деяния. В таких случаях возбужденное уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием в деянии состава преступления.

В малозначительных деяниях присутствуют признаки виновности и противоправности.

Исключение же преступности деяния по ст. 42–47 УК РА (необходимая оборона и др.) происходит совсем по другому юридическому основанию: факт причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам констатируется самим законом. К тому же, исключение противоправности является краеугольным камнем любого из названных обстоятельств.

Малозначительность деяния и обстоятельства, исключающих преступность деяния, в соответствии со ст. 42–47 УК РА, имеют различную юридическую природу исключения преступности деяния.

Различие состоит в особенностях детерминации деяния в одном и другом случае, мотивации поведения и целей достижения совершаемого деяния, обстоятельствах их совершения. Малозначительное деяние — всегда негативно, преследует причинение определенного вреда, тогда как при обстоятельствах, предусмотренных в названных статьях УК РА, вред причиняется правомерными, общественно полезными действиями.

Сравнение малозначительности деяния и других обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности, необходимой обороны и крайней необходимости, показывает также, что в первом случае характеризуется именно деяние, тогда как в остальных — обстоятельства, при которых совершается деяние.

Вопрос о законодательном закреплении малозначительности деяния в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, является спорным.

Однако в Уголовных кодексах некоторых стран постсоветского пространства (например, ст. 36 УК Узбекистана) малозначительность деяния отнесена к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В УК Узбекистана в понятии преступления отмечается, что «общественно опасным признается деяние, которое причиняет или создает реальную угрозу причинения ущерба объектам, охраняемым настоящим Кодексом». В конечном итоге, и обстоятельства, исключаяющие преступность деяния (ст. 42–47 УК РА), и малозначительность деяния влекут исключение ответственности.

Логика нашего подхода такова: деяние, не содержащее один из признаков (общественная опасность, виновность, противоправность), признается непроступным, и, как следствие этого, уголовная ответственность в обоих случаях исключается.

Другой вопрос: сохранять ли малозначительность деяния в статье, определяющей понятие преступления, или же это основание необходимо закрепить в главе «Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния»? Часть 2 ст. 18 из УК РА, видимо, следует исключить, поскольку не может признаваться непроступным деяние, предусмотренное Уголовным кодексом. Уголовная ответственность должна наступать за каждое преступление, но не за каждое должно назначаться наказание. А чтобы не было «малозначительных преступлений», необходимо провести декриминализацию таких преступлений, а также установить классификацию преступлений по единому основанию.

В правоприменительной практике установить малозначительность деяния трудно. Это обстоятельство, как отмечалось, обусловлено отсутствием законодательного определения границы малозначительности общественной опасности деяния. Поэтому правоприменители редко применяют эту норму.

Поэтому целесообразно в УК РА ввести *институт уголовных проступков*, как это сделано в уголовных законодательствах многих стран (Германии, Испании, Швейцарии и др.).

Во всяком случае, отличие преступного деяния от непроступного на законодательном уровне должно быть четко обозначено. Несмотря на то, что положение о малозначительности деяния свидетельствует о гуманности действующего уголовного законодательства, тем не менее, эта норма «мертва». Значит, или в самом законе нужно четко определиться с этим оценочным понятием, или же пойти по нетрадиционному пути развития отечественного уголовного законодательства, — по опыту Уголовных кодексов государств с различными правовыми системами.

Малозначительное деяние не наказывается большинством уголовных кодексов зарубежных государств. Уголовные кодексы с социальным и юридическим определением преступления непосредственно в статье о преступлении предусматри-

вают ненаказуемость малозначительного деяния. Уголовные кодексы с формальным определением преступления или вообще без такового определяют малозначительные деяния либо в других нормах, либо в уголовно–процессуальном законодательстве.

В случае малозначительности деяния (ч. 2 ст. 18 УК РА) оно не является преступлением, то есть речь идет об *исключении* уголовной ответственности за отсутствием в деянии состава преступления (отсутствие основного признака преступления — общественной опасности деяния). Это — разные понятия, поэтому уголовно–процессуальные последствия тоже разные. Одной из задач новых Уголовного и Уголовно–процессуального кодексов Армении должно быть четкое и однозначное решение существующих проблем, поскольку имеющиеся проблемы и неточности не способствуют эффективной реализации отраслевых принципов права.

Следует также заметить, что в проекте Общей части нового УПК РА имеющиеся проблемы не только не решены, но и еще более обострились.

Опыт уголовного законодательства зарубежных стран показывает, что проблема малозначительности деяния решается по-разному.

В УК стран СНГ, а также Болгарии, Вьетнама, КНР, Кубы, Македонии, Монголии, Польши, Румынии нормы о малозначительных деяниях являются, по сути, составной частью конструкции понятия преступления, поскольку такие деяния уголовным законом не признаются преступными в силу отсутствия признака общественной опасности.

Это объясняется тем, что в УК стран «Восточной» ветви континентальной системы права исторически сложилась традиция формально–материального определения преступления [4, с. 144]. При этом в УК ряда стран (Грузии, Молдовы, Польши) категория «общественная опасность» не используется. Основанием для непризнания деяния преступным является отсутствие или ничтожность причиненного им вреда. В этих странах малозначительность деяния является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность.

В УК ряда стран «Восточной» ветви (Латвии, Литвы) малозначительность деяния является основанием для освобождения от наказания. По УК Беларуси, как отмечалось, в случаях, предусмотренных законом, малозначительность деяния может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания.

В странах «Западной» ветви континентальной системы права, где принято формальное определение преступления, отсутствие общественной опасности деяния не рассматривается законодателем как обстоятельство, исключающее его преступность.

Лишь в отдельных странах законодатель предусматривает или допускает ненаказуемость малозначительных деяний (УК Австрии, Нидерландов).

В других странах «Западной» ветви континентального права непоступность или ненаказуемость малозначительных деяний определяется судебной практикой (Английское общее право, УК Бангладеш, Брунея, Индии, Нигерии, Сингапура, США).

Таким образом, отграничение преступления от малозначительности деяния является актуальной проблемой современного уголовного права. В новом УК РА данная проблема должна быть решена с учетом отмеченных особенностей, а также опыта зарубежного уголовного законодательства.

Материально-формальное определение понятия «преступление» охватывает множество неоднородных по характеру и степени общественной опасности деяний, что во многих случаях не позволяет одинакового применения к таким деяниям тех или иных институтов или конкретных норм уголовного закона [5, с. 56–61]. Отсюда возникает объективная потребность в разделении всех нарушений уголовного закона на отдельные группы в соответствии с определенными критериями.

В действующем УК РА таким критерием является характер и степень общественной опасности преступления. По этому критерию все преступления делятся на четыре категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. Другие классификации в УК РА не приводятся. Они выработаны теорией уголовного права – в рамках учения о составе преступления.

Однако отсутствие в действующем УК основных разновидностей преступлений, их уголовно-правовой характеристики не способствует эффективной реализации признаков уголовного законодательства, приводит к многочисленным ошибкам при квалификации преступлений и другим негативным последствиям.

В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предлагается следующая категоризация преступных деяний, предусмотренных УК РА:

1. *деяния небольшой тяжести* (не представляющие большой общественной опасности – *уголовные проступки*), за которые законом предусмотрено наказание, не связанное с лишением свободы, или же предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года (или двух лет – как законодательный вариант);

2. *менее тяжкие преступления*, за которые законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше 5 лет;

3. *тяжкие преступления*, за которые законом предусмотрено максимальное наказание – в виде лишения свободы на срок более пяти, но не свыше десяти лет;

4. *особо тяжкие преступления*, за которые законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет;

5. *преступления чрезвычайной тяжести*, за которые законом предусмотрено наказание – пожизненное лишение свободы.

Неосторожные преступления относятся либо к уголовным проступкам, либо к менее тяжким. Кроме того, неосторожные преступления предлагается подразделять на:

а) не повлекшие особо тяжких последствий, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РА, не превышает пяти лет лишения свободы;

б) повлекшее особо тяжкие последствия, за совершение которых УК РА предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет.

Возможны и другие законодательные варианты классификации преступлений. К сожалению, в Концепции проекта нового УК РА о критериях классификации преступлений (кроме неосторожных), ничего не говорится. Разработчики проекта предлагают из понятия преступления исключить признак общественной опасности. Также отмечается, что степень общественной опасности деяния не может служить критерием отграничения преступления от иных правонарушений. Однако, что вместо этого предлагается, какие категории преступлений выделяются, – непонятно.

Достоинством предложенной категории преступных деяний является введение «*уголовных проступков*», которые не должны влечь судимости.

В законе можно установить, что ответственность за проступки наступает в случае, когда они окончены (а за покушение – только в случаях, предусмотренных в законе).

Предлагается также новая категория – *преступления чрезвычайной тяжести*. Мы считаем, что общественная опасность особо тяжких преступлений, за которые предусмотрено наказание свыше 10 лет лишения свободы, ниже общественной опасности преступлений, за совершение которых, наряду с лишением свободы, предусмотрено пожизненное лишение свободы.

Предложенная категория преступных деяний созвучна концепции уголовно-правового обеспечения безопасности человека и будет способствовать эффективной реализации принципа справедливости.

В новом УК предлагается предусмотреть и другие виды преступлений: *единое, сложное (со своими*

разновидностями), продолжаемое, длящееся, материальное, формальное, усеченное и др.

Это будет способствовать не только развитию уголовного права, систематизации учения о пре-

ступлении, но и укреплению принципов уголовного законодательства, выработке единых правил квалификации преступлений и стабильности правоприменительной практики.

DAS PROBLEM DER ABGRENZUNG DER STRAFTATEN VON GERINGFÜGIGEN TATEN

Die *Bestimmung der Rechtsmäßig* – und Rechtswidrigkeit der Schadensverursachung gegenüber Objekten, welche dem strafrechtlichen Schutz unterliegen sowie die Abgrenzung des kriminellen und nicht kriminellen Verhaltens, sind grundlegende aktuelle Probleme der Strafrechtswissenschaft und der gesetzgeberischen Regelung.

Zu *solchen Problemen* gehört auch die Frage der Abgrenzung der Straftaten von den sogenannten geringfügigen Taten (Art. 18 Teil. 2 des Strafkodexes der Republik Armenien). Eine vergleichbare Norm ist auch im Strafkodex der Russischen Föderation enthalten (Art. 14 Teil 2).

Aus *der Analyse der Art. 3* und 18 (Teil 2) folgt, dass das Vorliegen von Anhaltspunkten für eine strafrechtliche Verantwortlichkeit nicht immer eine Straftat begründet, da Taten, die das Merkmal der Gemeingefährlichkeit nicht besitzen, nicht darunter gefasst werden.

Andererseits *ist nicht jede gemeingefährliche rechtswidrige Tat eine Straftat*. Diese muss auch schuldhaft begangen werden. In dem konkreten Fall ist es maßgebend, dass das Vorliegen der Tatbestandsmerkmale sowie der Merkmale des allgemeinen Begriffs der Straftat gegeben sind. Zudem ist es wichtig die quantitativen Merkmale der Gemeingefährlichkeit der Tat zu bewerten.

Nach Art. 18 (Teil 2) des Strafkodexes der RA sind geringfügige Taten keine Straftaten bei gleichzeitigem Vorliegen von zwei Voraussetzungen.

Erstens: Wenn die geringfügige Tat nicht alle Tatbestandsmerkmale der Straftat erfüllt, die im Strafgesetz vorgesehen sind.

Zweitens: Wenn eine andere Eigenschaft der Straftat fehlt – die Gemeingefährlichkeit. In der Regel fehlt diese deshalb, weil der durch die Tat zugefügte Schaden sehr gering ist.

In Art. 11 (Teil 4) des Strafkodexes der Belarussischen Republik ist deutlich bestimmt: “In gesetzlich vorgesehenen Fällen kann solch eine Tat die Anwendung von Maßnahmen administrativer oder disziplinarischer Bestrafung nach sich ziehen”.

Eine geringfügige Tat kann nur eine solche sein, die vorsätzlich begangen wurde. Zudem sollte diese auch

mit Absicht begangen werden, auch wenn die Person einen sehr geringen Schaden zufügen wollte.

Die Feststellung der Geringfügigkeit der Tat ist immer eine Tatsachenfrage. Bei der Bewertung des Merkmals der Geringfügigkeit ist es maßgeblich, sich an den objektiven und subjektiven Kriterien der Tat zu orientieren.

Geringfügige Taten sind nur dann nicht strafbar, wenn sie sowohl objektiv als auch subjektiv geringfügig waren. Nämlich dann, wenn die Person die Begehung einer geringfügigen Tat wollte. Nicht erfasst soll der Fall sein, indem es aufgrund täterunabhängiger Umstände zu einer geringfügigen Tat kam.

Bei der Abweichung der tatsächlich begangenen Tat und dem Vorsatz der Person greift die Verantwortung für den Versuch der Straftat, welche die Person mit Absicht begehen wollte.

In den geringfügigen Taten sind die Merkmale der Schuldhaftigkeit und der Rechtswidrigkeit vorhanden.

Doch die Ausschließung der Rechtswidrigkeit der Tat gem. Art. 42-47 des Strafkodexes der RA (Notwehr u.a.) erfolgt unter einer völlig anderen Rechtsgrundlage: die Tatsache der Herbeiführung des Schadens an strafrechtlich geschützten Rechtsgütern wird allein durch das Gesetz bestimmt. Zudem ist die Ausschließung der Rechtswidrigkeit der Eckstein jeder der genannten Umstände.

Die Geringfügigkeit der Tat sowie Umstände, die die Rechtswidrigkeit ausschließen, gem. Art. 42-47 des Strafkodexes, besitzen unterschiedliche Rechtsnaturen der Ausschließung.

Die Frage der gesetzgeberischen Verankerung der Geringfügigkeit einer Tat als ein Umstand der Ausschließung der Rechtswidrigkeit der Tat ist strittig.

In den Strafkodexen einiger Staaten des postsowjetischen Raumes zählt jedoch die Geringfügigkeit der Tat zu einem Umstand, der die Rechtswidrigkeit der Tat ausschließen lässt (z.B. Art. 36 des Strafkodexes von Usbekistan).

Im Strafkodex von Usbekistan ist im Begriff der Straftat angemerkt, dass eine “Tat als gemeingefährlich angesehen wird, wenn sie eine reale Gefahr einer

Schadensverursachung gegen Objekte, welche durch diesen Kodex geschützt werden, herbeiführt oder schafft". Letztendlich führen zu einer Ausschließung der Verantwortlichkeit die Umstände, die die Rechtswidrigkeit der Tat ausschließen (Art. 42-47 Strafkodex der RA) sowie die Geringfügigkeit der Tat.

Die Logik dieses Herangehens ist diese: die Tat, die keine von den Merkmalen (Gemeingefährlichkeit, Schuldhaftigkeit, Rechtswidrigkeit) enthält, wird als nicht strafbar anerkannt und als Folge dessen ist die strafrechtliche Verantwortlichkeit in diesen Fällen ausgeschlossen.

Eine weitere Frage ist die, ob das Merkmal der Geringfügigkeit einer Tat in der Vorschrift verankert werden sollte, in der der Begriff der Straftat bestimmt wird, oder nicht vielmehr in dem Kapitel "Umstände, die die Rechtswidrigkeit der Tat ausschließen". Damit es zu keinen "geringfügige Straftaten" kommt, ist es notwendig, eine Entkriminalisierung solcher Straftaten durchzuführen sowie eine Einteilung der Straftaten mit einheitlichen Ansätzen festzulegen.

In den Strafkodexen der GUS Staaten sowie Bulgariens, Vietnams, der Volksrepublik China, Kubas, Makedoniens, der Mongolei, Polens und Rumäniens sind die Normen über die geringfügigen Taten eigentlich ein Bestandteil der Gestaltung des Begriffs der Straftaten, weil das Strafgesetz wegen dem fehlenden Merkmal der Gemeingefährlichkeit solche Taten nicht als Straftaten einordnet.

In den Strafgesetzbüchern einiger Staaten (z.B. Lettland, Litauen) wird die Geringfügigkeit der Tat als ein Strafbefreiungsgrund betrachtet. Wie schon erwähnt kann nach dem Strafkodex der Belarus in den gesetzlich vorgesehenen Fällen die Geringfügigkeit der Tat die Anwendung von Maßnahmen administrativer oder disziplinarischer Bestrafung nach sich ziehen.

In den Staaten, in denen die formelle Bestimmung der Straftat anerkannt ist, wird die fehlende Gemeingefährlichkeit von dem Gesetzgeber nicht als Umstand, welcher die Rechtswidrigkeit ausschließt, betrachtet. Nur in einzelnen Staaten sieht der Gesetzgeber die Nicht-Strafbarkeit von geringfügigen Taten vor (Strafgesetzbuch Österreichs und der Niederlande).

In anderen Staaten wird die Nicht-Strafbarkeit oder Straflosigkeit der geringfügigen Taten durch die Rechtsprechung bestimmt (das englische allgemeine Recht, die Strafgesetzbücher Bangladeschs, Bruneis, Indiens, Nigerias, Singapurs, der USA).

Abhängig von dem Charakter und dem Grad der Gemeingefährlichkeit wird folgende Kategorisierung der Straftaten vorgeschlagen, welche im Strafkodex Armeniens vorgesehen sind:

1. Minderschwere Taten (die keine große Gemeingefährlichkeit aufweisen – strafrechtliche Vergehen),

für welche eine Strafe vorgesehen ist, die mit der Freiheitsstrafe nicht verbunden ist oder die Höchststrafe nicht über 1 Jahr Freiheitsstrafe ist (oder nicht über 2 Jahren als eine gesetzgeberische Alternative);

2. Weniger schwere Straftaten: für die gesetzlich als Höchststrafe eine Freiheitsstrafe bis zu 5 Jahren vorgesehen ist;

3. Schwere Straftaten: für diese ist gesetzlich als Höchststrafe eine Freiheitsstrafe über 5 Jahre, aber nicht höher als 10 Jahre vorgesehen;

4. Besonders schwere Straftaten: für diese ist als gesetzliche Höchststrafe eine Freiheitsstrafe von über 10 Jahre vorgesehen;

5. Außerordentlich schwere Straftaten: für welche gesetzlich eine lebenslange Freiheitsstrafe vorgesehen ist.

Die fahrlässigen Straftaten zählen entweder zu den strafrechtlichen Vergehen oder zu den minderschweren Taten. Außerdem unterteilen sie sich in:

a) solche, welche keine besonders schweren Folgen herbeigeführt haben und für die Begehung dieser die Höchststrafe nach dem Strafkodex nicht höher als 5 Jahre Freiheitsstrafe vorgesehen ist;

b) solche, welche besonders schweren Folgen herbeigeführt haben und für die Begehung dieser als Höchststrafe gem. dem Strafkodex über 5 Jahre Freiheitsstrafe vorgesehen ist.

Es sind auch andere gesetzgeberische Alternativen zur Einteilung der Straftaten möglich. Leider wird im Konzept des Entwurfs des neuen Strafkodexes der RA über die Kriterien der Einteilung der Straftaten (außer den fahrlässigen) nicht gesprochen.

Die Verfasser des Entwurfs schlagen vor, aus dem Begriff der Straftat das Merkmal der Gemeingefährlichkeit auszuschließen. Ebenfalls wird angemerkt, dass der Grad der Gemeingefährlichkeit der Tat nicht als Kriterium der Abgrenzung der Straftaten von anderen Delikten dienen soll. Jedoch bleibt unklar was anstatt dieser vorgeschlagen wird, welche Kategorien von Straftaten sich auszeichnen sollen.

Der Vorteil der vorgeschlagenen Kategorien ist die Einführung von "strafrechtlichen Vergehen", mit dem Vorteil, dass derjenige nicht als vorbestraft gilt.

Im Gesetz kann man feststellen, dass die Verantwortlichkeit für Vergehen in dem Fall eintritt, wenn diese vollendet sind (für Versuch nur in gesetzlich vorgesehenen Fällen).

Somit ist die Abgrenzung der Geringfügigkeit der Tat ein aktuelles Problem des Strafrechts. Im neuen Strafkodex der RA soll dieses Problem in Hinblick auf die angemerkten Besonderheiten sowie anhand der Erfahrungen der ausländischen, einschließlich, der deutschen, spanischen, schweizerischen strafrechtlichen Gesetzgebung gelöst werden.

Литература

1. Аветисян С.С. Проблемы разграничения преступного от непроступного поведения. Ереван: Изд-во РАУ, 2011.
2. Авакян Р.О. Памятники армянского права. Ереван: ЕФ МНЮИ – XXI век, 2000.
3. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / под ред. В.Н. Кудрявцева, С.Г. Келиной. М., 1987.
4. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. М.: Юрлитинформ, 2010.
5. Аветисян С.С. Проблемы модернизации понятия «преступление» в свете уголовно-правовой реформы Армении // Правосудие. 2013. № 4 (23).

References

1. Avetisyan S.S. Problemy razgranicheniya prestupnogo ot neprestupnogo povedeniya [Problems of distinguishing criminal from unreliable behavior]. Erevan: RAU Publ., 2011. (In Russian)
2. Avakyan R.O. Pamyatniki armyanskogo prava [Monuments of the Armenian law]. Erevan: EF MNYuI – XXI vek Publ., 2000. (In Russian)
3. Ugolovnyi zakon: Opyt teoreticheskogo modelirovaniya [Criminal law: The experience of theoretical mode] Ed. V.N. Kudryavtsev, S.G. Kelina. Moscow, 1987. (In Russian)
4. Dodonov V.N. Sravnitel'noe ugovnoe pravo. Obshchaya chast' [Comparative criminal law. General part]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2010. (In Russian)
5. Avetisyan S.S. Problemy modernizatsii ponyatiya «prestuplenie» v svete ugovno-pravovoi reformy Armenii [The problems of modernization of the concept of “crime” in the light of the criminal legal reform of Armenii]. Pravosudie [Justice], 2013, no. 4(23) (In Russian)

ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ДЕФЕКТЫ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ В ФОКУСЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Баранов Владимир Михайлович

Цель: выявить некоторые технико-юридические дефекты действующего УК РФ и предложить пути их устранения и способы преодоления отрицательных последствий.

Методология: методы, приемы и средства сравнительного правоведения, формально-юридический метод, применяемый в диалектической связи со статистическими и социологическими подходами.

Выводы. Содержание и структура УК РФ нуждаются в существенной корректировке: необходимы, в частности, его «оснащение» развернутой преамбулой, сокращение количества оценочных понятий, качественная «расшифровка» дефинитивных норм, дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере духовной безопасности.

Научная и практическая значимость статьи заключается в том, что предлагается серия организационно-управленческих мер по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства, повышению эффективности его реализации в условиях глобализации и обострения внешнеполитической обстановки.

Ключевые слова: дефект УК РФ, правотворческая ошибка, преамбула УК РФ, цель УК РФ, принцип уголовной политики, оценочное понятие уголовного законодательства, кодификация, правовая позиция Федерального Конституционного Суда Германии, духовная безопасность.

Добровольно делаю признание, совершая явку с повинной: среди высокопрофессиональной аудитории специалистов сферы уголовного права я дилетант. Моя научная специальность – теория и философия права, а последние 20 лет занимаюсь техникой законотворчества. Меня извиняет одно – иногда и у дилетантов могут рождаться здравые суждения, разумные предложения, поскольку их взгляд не зашорен, не затуманен многолетним осмыслением статей уголовных кодексов и практики их реализации в своем государстве и в мире.

В свои «союзники» попытаюсь взять М. Вебера, который так охарактеризовал дилетанта: «Идея дилетанта с научной точки зрения может иметь точно такое же или даже большее значение, чем открытие специалиста. Как раз дилетантам мы обязаны многими нашими лучшими постановками проблем и многими познаниями. Дилетант отличается от специалиста, как сказал Гельмгольц о Роберте Майере, только тем, что ему не хватает надежности рабочего метода, и поэтому он боль-

шей частью не в состоянии проверить значение внезапно возникшей догадки, оценить ее и провести в жизнь» [1, с. 146]. Может быть, поэтому мне импонирует выражение: «Дилетанты возвели Ковчег, профессионалы построили Титаник».

«Фокус» наблюдения и проникновения в содержание, структуру и форму УК РФ зависит от применяемых «оптических средств». «Наведение» на УК РФ «научного микроскопа» даст один результат. И совсем другие результаты можно получить при изучении Уголовного закона посредством мощного «доктринального телескопа». Существует определенный предел точности кодекса и к нему вполне применимо основополагающие принципы математической теории пределов. Достижение определенного предела содержания, структуры и формы УК РФ означает совпадение его точности с адекватностью, истинностью, разумностью, справедливостью. Стремление еще более тонко, более детально, более объемно отобразить в нем юридически значимую деятельность уже не даст теоретического и практического эффекта. Так же,

как для признания лезвия уникальной немецкой бритвы Zolinger острым и пригодным для бритья, нет необходимости измерять ширину лезвия до молекулярного уровня (на этом уровне края бритвы окажутся с устрашающими впадинами и пиками), нет смысла бесконечно уточнять, углублять, конкретизировать уголовно-правовые нормы. Имеется определенная цель – найти достаточную степень адекватности содержания структуры и формы Уголовного закона, которая будет пригодна для эффективного решения задач уголовно-правовой политики конкретного государства в определенный период времени. «Бесчувственность» УК РФ к некоторым деталям, фрагментам и состояниям отражаемой деятельности не является свидетельством его низкого качества. «Ничего сверх меры» – это изречение, приписываемое Солону, лучше всего отражает данную ситуацию. Именно такой подход демонстрирует Федеральный конституционный суд Германии, когда озвучивает следующую правовую позицию: «В принципе задача законодателя состоит в том, чтобы определить область уголовно-наказуемых действий с учетом конкретной ситуации. Федеральный конституционный суд не может проверить его решение на предмет того, нашел ли он самое целесообразное, разумное и справедливое решение; он лишь обязан следить за тем, чтобы норма уголовного права материально находилась в соответствии с положениями Конституции и соответствовала неписаным конституционным принципам, а также основополагающими решениями в отношении основного закона [2, с. 60].

Четкая и работающая правовая позиция. Смущает лишь одно – как обнаружить и каким образом применить «неписанные конституционные принципы»? (Конституционным судом Германии высказана другая, не менее значимая правовая позиция: «Состав преступления и пределы наказания должны соответствовать друг другу, а также что наказание, назначенное в конкретном случае, должно находиться в справедливом соотношении с тяжестью преступления и виной преступника». [2, с. 996]).

Диалектика оптики законодательного мышления и оптики практического видения уголовно-правовых проблем такова, что «нет» должно быть сказано только одной оптике – субъективной, когда законодатели и правоприменители видят только то, что хочется видеть, и «не замечают» иных аргументов. Кодистика (учение о технике кодификации) находится в стадии развития и без выяснения специфики уголовно-правовой систематизации, выявления ее крупных и малых

изъянов, она никогда не обретет цельность и эффективность.

Во-первых, базовый дефект УК РФ (мне приходилось об этом писать [3, с. 9–20; 4], и потому не стану приводить аргументацию) заключается в отсутствии развернутой, обладающей нормативным характером преамбулы. Не только мотивы принятия Кодекса, но и его идеологию, предмет, цель, задачи, принципы, систему дефиниций, нормативные ссылки – все это необходимо четко отразить в ней. Преамбула должна иметь одинаково обязательное отношение ко всем остальным элементам Уголовного кодекса, распространяться на все его содержание и быть ориентиром уголовно-правовой политики. Содержательно богатую, а не декларативную и популистскую, преамбулу необходимо сформулировать и потому, что ныне «в сфере уголовного права происходят некие процессы, которые разрушают классические, ставшие традиционными представления об этой отрасли, о ее задачах, принципах, правовых конструкциях» [5, с. 17].

Во-вторых, спорной и в значительной мере декларативной является фиксация в УК РФ принципов. Глава первая называется «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации». Отсутствует указание на цель Кодекса. Между тем цели кодифицированного нормативного правового акта гораздо более значимы и более функциональны по сравнению с задачами. У целей как идеального представления о конечных результатах больше объединительно-интегративных свойств, они обладают мощной организационно-управленческой силой. Цель служит внутренним побуждающим мотивом активности субъекта, предопределяет выбор средств, способов действия и методов, обеспечивающих ее достижение.

Можно ли вообще говорить о принципах кодекса? Является ли они существенным элементом результата кодификации? Сразу даю отрицательный ответ. И он базируется на сугубо практических данных: не обозначены принципы в Воздушном кодексе РФ, Кодексе внутреннего водного транспорта РФ, Кодексе торгового мореплавания РФ. Это означает, что разделы, главы либо статьи о принципах не являются обязательным элементом кодекса. В некоторых российских кодексах не используется категория «принцип», а законодатель оперирует понятием «основные начала законодательства» (Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ). Если трактовать принципы УК РФ как основные начала его построения, то это «кухня» законодателя, и совсем не нужно ее демонстрировать. Не

должны принципы кодекса дублировать доктринальные общеправовые принципы, как это имеет место в действующем УК РФ.

Полагаю, что в УК РФ было бы целесообразным содержательно отразить принципы уголовно-правовой политики государства.

Не в порядке дежурного комплимента принимающей нас стороне, а по методологическим соображениям напомним, что благодаря работам И. Эссера разработаны критерии правил и принципов [6, с. 67–68]. И российскому законодателю, научной общественности желательно использовать их доктринальные наработки при формулировании принципов, целей и задач уголовно-правовой политики.

В-третьих, не отрицая необходимости и ценности некоторых оценочных понятий, помещенных в УК РФ, считаю, что их количество должно быть резко сокращено. Следует максимально быстро исключить из УК РФ те из них, которые относятся к противоречивым, неопределенным, рискованным правовым ситуациям. Законодатель должен либо предложить их нормативное описание, либо прибегнуть к квалифицированному молчанию. Раскрывая принцип правового государства, Федеральный конституционный суд Германии отметил: «В норме закона нельзя заранее избежать все неясности и сомнения. Но необходимо, чтобы законодатель как минимум в полной мере разъяснил свою основную идею, цель своей законодательной воли» [2, с. 778].

Такого рода «ревизия» необходима, ибо законодатель продолжает практику не вполне продуманного применения в уголовном законодательстве оценочных понятий. Так, Федеральный закон РФ от 2 октября 2018 г. № 348-ФЗ «О внесении изменений в статью 315 Уголовного кодекса Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6188*) предусматривает ужесточение уголовной ответственности за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Основная причина корректировки статьи состоит в том, что происходило массовое игнорирование (для немецкого правосознания это нонсенс) выносимых судебных актов о запрете на распространение незаконных или недостоверных сведений. При таких обстоятельствах необходимо было предельно полно и точно сформулировать диспозицию этой нормы права. Вместо этого обе части ст. 315 оперируют оценочным понятием «злостное неисполнение». Часть 1 имеет «привязку» к ч. 4 ст. 17.15 Кодекса об административных правонарушениях РФ, что частично можно считать «раскрытием» злостности. Что касается

ч. 2, то «злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению» оставлено на усмотрение правоприменителя. Перед нами в качестве потенциального правонарушителя – особый властвующий субъект, обладающий немалым административным и финансовым ресурсом и, думается, законодателю желательно закрепить надежные средства гарантирования его привлеченности к уголовной ответственности.

Следует отметить, что законодатель оперирует этим оценочным понятием еще в 10 статьях УК РФ: так, предусмотрена уголовная ответственность за: злостное уклонение от уплаты штрафа (ст. 46); злостное уклонение осужденного от отбывания обязательных работ (ст. 49); злостное уклонение осужденного от отбывания исправительных работ (ст. 50); злостное уклонение осужденного от отбывания ограничения свободы (ст. 53); злостное уклонение осужденного от отбывания принудительных работ (ст. 53¹); злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, уклонения от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения (ст. 79); злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177); злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах (ст. 185¹); уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера (ст. 314); злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством РФ о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента (ст. 330¹).

Ни в одной из указанных норм «раскрытия» содержание примененного оценочного понятия не раскрывается, что вряд ли можно считать оправданным. Любопытно в этой связи отношение к рассматриваемому вопросу Пленума Верховного Суда России. Официальное толкование понятия «злостности» были даны в двух постановлениях (в 1969 г. и 2007 г.), которые в настоящее время утратили юридическую силу.

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. № 46 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР» (в ред. от 21 декабря 1993 г.), отмечалось: «Вопрос о том, является ли

уклонение от уплаты по решению суда или постановлению народного судьи алиментов на детей злостным, должен решаться судом в каждом конкретном случае с учетом продолжительности и причин неуплаты лицом алиментов и всех других обстоятельств дела. О злостном уклонении от уплаты по решению суда или постановлению народного судьи алиментов могут свидетельствовать, в частности, повторность совершения аналогичного преступления, уклонение от уплаты по решению суда или постановлению народного судьи алиментов, несмотря на соответствующие предупреждения, розыск лица, обязанного выплачивать алименты, ввиду сокрытия им своего места нахождения и т.д.».

В постановлении от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» рекомендовалось: «...Установление других условий, кроме неуплаты штрафа в срок (например, неоднократное предупреждение осужденного судебными приставами – исполнителями о возможности замены штраф другим наказанием, отобрание у него объяснений о причинах неуплаты штрафа, представление сведений об имущественном положении осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа) не требуется». Однако заменившее этот акт постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2*) не содержит разъяснений по вопросу злостности, вышеприведенные трактовки «злостности» в нем отсутствуют.

Конечно, можно считать, что частично содержание оценочного понятия «злостность» раскрыто в ряде других актов. Например, в письме Федеральной службы судебных приставов от 26 мая 2010 г. «О Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации» (*СПС «КонсультантПлюс»*) перечисляются конкретные деяния должника, в которых может выражаться злостность его уклонения от погашения кредиторской задолженности. Но, как известно, письма (за исключением актов Центрального банка РФ) не являются нормативными правовыми актами и не обязательны к исполнению.

В Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 30, 32, 46, 58, 60¹⁵, 103, 116) раскрываются признаки некоторых видов злостного противоправного поведения. Однако, это другой отраслевой юридический акт и у него иные цели, задачи, функции.

Полагаю, что необходимо междисциплинарное исследование оценочного понятия «злостность» и формулировка его в таком виде, чтобы оно было применимо ко всей правоохранительной деятельности.

В-четвертых, одной из малоисследованных и архисложных сфер, в которой проявляются самые разнообразные дефекты российского уголовного законодательства, является охрана от преступных посягательств материального и духовного культурного достояния общества. В диспозициях норм УК РФ, выполняющих функцию уголовно-правового обеспечения духовной безопасности [7, с. 155–166], наблюдаются дефекты разной природы. Одни из них указывают на отсутствие системного подхода в установлении юридической природы и характера общественной опасности соответствующих преступлений; другие свидетельствуют о небрежности и непоследовательности использования отдельных юридических терминов.

Яркий пример дефекта первого вида – отсутствие хоть какой-нибудь системы в расположении уголовно-правовых норм о преступлениях однородной природы с одним и тем же предметом посягательства – культурными ценностями. Законодатель отнес хищение культурных ценностей (ст. 164 УК РФ) к преступлениям против собственности (гл. 21 УК РФ), их невозвращение из-за границы (ст. 190) – к преступлениям в сфере экономической деятельности (гл. 22), тогда как контрабанду культурных ценностей (ст. 226¹) – к преступлениям против общественной безопасности (гл. 24 УК РФ), а их повреждение и уничтожение (ст. 243) – к преступлениям против общественной нравственности (гл. 25). Эти же статьи, призванные защитить от преступлений культурное достояние, одновременно являют собой и пример дефектов второго вида – небрежное обозначение одного и того же признака состава преступления разными терминами, что вводит в заблуждение правоприменителей и создает неоправданные сложности в квалификации таких преступлений. Так, один и тот же, по своей сути, предмет посягательства в ст. 164 обозначен термином «предметы и документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность», в ст. 190 и 226¹ использовано давно устоявшееся и имеющее официальное толкование понятие «культурные ценности», а в ст. 243 – «объекты культурного наследия», «памятники истории и культуры».

В качестве еще одного примера дефекта, выражающегося в непродуманном расположении норм УК РФ, призванных охранять духовную безопас-

ность, можно привести статьи, в которых предусмотрены основания и меры уголовной ответственности за различные преступные посягательства на свободу совести и вероисповедания. Например, дискриминация по признаку отношения к религии (ст. 136) и оскорбление религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148) отнесены к числу преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19), тогда как деятельность религиозного объединения, сопряженная с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью (ст. 239) признана преступлением против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25), а возбуждение религиозной ненависти или вражды и унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии (ст. 282) вообще объявлены преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29) [8, 9, 10]. Примечательно, что незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций (ч. 3 ст. 148), то есть юридических лиц, тоже по каким-то неведомым причинам стало преступлением против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 УК РФ), тогда как упомянутое выше преступное посягательство на личное неимущественное благо — человеческое достоинство, предусмотренное в ст. 282 УК РФ, превратилось в преступление против государства (гл. 29 раздела X).

Для поиска и построения оптимальной системы уголовно-правовых норм в рассматриваемой сфере необходимо изучение как собственного исторического, так и зарубежного опыта уголовно-правовой регламентации отношений в области защиты культурного и духовного наследия от преступных посягательств.

В качестве примера положительного зарубежного опыта систематизации юридических норм о преступлениях, посягающих на свободу совести и вероисповедания или иным образом связанных с религиозными отношениями, можно привести уголовные кодексы Австрии и Федеративной Республики Германии.

Так, восьмой раздел УК Австрии «Преступные деяния против религиозного спокойствия и покоя умерших» охватывает четыре вида преступлений: дискредитирование религиозного учения (§ 188);

воспрепятствование отправлению религиозных обрядов (§ 189);

надругательство над могилой (§ 190);

воспрепятствование совершению погребального обряда (§ 191) [11, с. 86–87].

В УК ФРГ нормы о подобных преступлениях также систематизированы путем их объединения в обособленный одиннадцатый раздел «Преступные деяния, затрагивающие религию и мировоззрение». К таким деяниям относятся:

оскорбление вероисповедания, религиозных обществ и мировоззренческих объединений (§ 166);

воспрепятствование отправлению религиозных обрядов, культов (§ 167);

воспрепятствование совершению погребального обряда (§ 167a);

надругательство над могилой (§ 168) [12, с. 105–106].

Представляется, что такой подход к рассматриваемому комплексу юридических норм более логичен, более гибок и с морально-психологической точки зрения более гуманен и понятен широким слоям населения.

Российское законодательство изобилует заведомо непроходными, порой весьма экзотичными законодательными инициативами. И вот парадокс — именно сфера уголовного законодательства «лидирует» в выдвигании такого рода правовых идей. Предлагается, например, установить уголовную ответственность за просмотр чужих мобильных телефонов и планшетов, продажу сертификатов пожарной безопасности.

Комиссия Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании РФ только за последние несколько месяцев 2018 г. вынесла отрицательные заключения на следующие проекты изменения УК РФ, выдвинутые в порядке реализации права законодательной инициативы:

об ужесточении уголовного наказания за причинение вреда земельным участкам, земли которых нарушены от размещения отходов;

о приравнивании неправомерного завладения транспортным средством к хищению;

о распространении действия ст. 247 УК РФ «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» не только на производство запрещенных видов опасных отходов, но и на иное обращение отходов, если эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде;

об усилении уголовной ответственности за незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

о дополнении диспозиции ч. 2 ст. 207 УК РФ новым квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное

группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

об изменении ст. 104¹ УК РФ «Конфискация имущества», предусматривающем конфискацию автомобиля или иного механического транспортного средства, в случаях совершения преступлений, предусмотренных ст. 264 и ст. 264¹ УК РФ;

о переводе из категории преступления небольшой тяжести в категорию преступлений средней тяжести нарушений правил дорожного движения, совершенных в состоянии опьянения лицами, ранее подвергавшимся административному наказанию;

о дополнении примечания к ст. 158 «Кража» уточнением о моменте окончания совершения преступления, в частности, при краже из нефтепровода;

о дополнении УК РФ ст. 200⁴ «Неисполнение застройщиком обязательства по передаче объекта долевого строительства в срок, значительно превышающий срок, установленный договором»;

о дополнении УК РФ ст. 258² «Незаконный оборот охотничьих ресурсов».

Основания (юридические и фактические) отклонения вышеперечисленных законодательных инициатив таковы:

предлагаемое деяние в полной мере урегулировано действующим уголовным законодательством;

исполнение договора долевого строительства является гражданско-правовым обязательством и ответственность за его неисполнение наступает не в уголовном порядке, а в порядке гражданского судопроизводства;

влечет конкуренцию гражданско-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых норм;

законодательное закрепление конфискации земельных участков, земли которых нарушены в результате порчи, противоречит устоявшемуся подходу применения института конфискации;

предлагаемое изменение может привести к нарушению принципа равенства граждан перед законом и принципа справедливости;

предлагаемый инициаторами законопроекта новый подход к определению момента окончания кражи из нефтепроводов не согласуется с общим направлением определения хищения, выработанным как на основе научных подходов, так и с учетом правоприменительной практики, базирующейся на решениях высших судебных инстанций; формулировки применяемых понятий нуждаются в определении (уточнении).

Некоторые пробелы уголовного законодательства РФ могут быть легко устранены, если законодатель беспристрастно оценит положительный правовой опыт Германии. Имеется в виду регламентирование в УК ФРГ уголовного проступка, фактической и юридической ошибки, превышение пределов необходимой обороны из-за страха, испуга, замешательства.

Сведение дефектов УК РФ к разумному минимуму предполагает создание национальных и международных центров ранней экспертной диагностики выдвигаемых идей и концепций уголовных запретов, организацию серий независимых общественных обсуждений законопроектов до их внесения в уполномоченный правотворческий орган. Дефектность уголовного законодательства значительно уменьшится, когда достигнет надлежащего уровня развития институт квалифицированного молчания законодателя — требуется законодательная фиксация критериев отказа нормодателя от правовой регламентации. Законодатель должен быть «вооружен» для защиты сферы уголовно-правовых запретов от необоснованных, некачественных, несвоевременных правовых инициатив.

Уголовный закон не может не быть динамичным, в нем всегда присутствует элемент *non finit*, незаконченности. Магистральный и первоочередной путь совершенствования УК РФ — преодоление уже имеющихся и выявленных содержательных и технико-юридических дефектов, поскольку любая инновационная юридическая технология непременно привнесет (в большей или меньшей степени) дополнительные изъяны.

RECHTSTECHNISCHE MÄNGEL DES UK DER RUSSISCHEN FÖDERATION MIT RECHTSVERGLEICHENDEM FOKUS

Der Fokus der Beobachtung und das Eindringen in den Inhalt und Struktur sowie die Form des UK der Russischen Föderation ist von den anzuwendenden optischen Mitteln abhängig. Aus der Heranführung

mittels eines “wissenschaftlichen Mikroskops” an den UK der RF, lässt sich ein Ergebnis erschließen. Es können jedoch auch andere Ergebnisse unter Anwendung einer intensiveren lehrteleskopischen

Betrachtungswise erzielt werden. Zudem bestehen gewisse Rahmenbedingungen, um die Prägnanz des Strafgesetzbuches sowie die Anwendbarkeit der mathematischen Grenztheorie zu wahren. Die Erzielung und Einhaltung dieser bestimmten Grenzen zum Inhalt, zur Struktur und zur Form des UK der RF, erfordert das Zusammenfallen von Genauigkeit mit Angemessenheit, Wahrheitsgehalt, Verstand und Gerechtigkeit. Das Bestreben nach einer genaueren, detaillierteren und umfangreicheren Darstellung des Strafgesetzbuches der RF allein, entfaltet weder eine theoretische noch praktische Wirkung.

Betrachtet man zur Verbildlichung die Klinge eines deutschen Rasiergeräts der Marke "Zolinger" und fragt man sich nach ihrer Geeignetheit zum Rasieren, so muss man nicht erst die Breite der Rasierklinge selbst, bis auf ihre molekulare Ebene hin untersuchen, um eine Antwort auf diese Frage zu finden, denn die Betrachtung allein ist ausreichend. Gleiches ergibt sich aus den uferlosen Untersuchungen, um einzelne Strafgesetznormen zu präzisieren, zu vertiefen und zu konkretisieren. Es würde sich bewähren, würde man die einzelnen Aufgaben genau bestimmen, um einen angemessenen Inhalt in Bezug auf die Struktur und Form des Strafgesetzbuches zu wahren und diese anschließend für eine effektivere Entscheidungsfindung in der Strafrechtspolitik des Staates nutzen zu können, um die Aufgaben in kürzester Zeit zu bewältigen und zu lösen.

Eine solche Vorgehensweise lässt sich beim deutschen Bundesverfassungsgericht aufweisen, wenn es sich um folgende Rechtsangelegenheiten handelt: Die Aufgabe des Gesetzgebers besteht grundsätzlich darin, den strafrechtlich relevanten Handlungsumfang der begangenen Straftat, unter Berücksichtigung der konkreten Situation, zu bestimmen. Das Bundesverfassungsgericht ist nicht für die Entscheidungsprüfung auf Zweckmäßigkeit, Geeignetheit und Gerechtigkeit zuständig, sondern prüft lediglich, ob die materielle Rechtmäßigkeit der strafrechtlichen Normen zu den verfassungsrechtlichen Grundsätzen sowie ob die grundlegenden Entscheidungen in Verhältnismäßigkeit zu dem Grundgesetz stehen.

Demnach besteht grundsätzlich eine klare und funktionsfähige Rechtslage. Fraglich ist lediglich, wie die ungeschriebenen verfassungsrechtlichen Grundsätze zum Vorschein kommen und wie diese Ansätze angewendet werden sollen.

Ein grundlegender Mangel des UK der RF besteht bereits im Nichtvorliegen einer verbindlichen Präambel. Diese sollte nicht nur die Gründe für eine Annahme des Strafgesetzbuches anführen, sondern auch die Ideologie, die Materie, das Ziel, die Aufgaben und Grundsätze sowie ein Definitionssystem und norma-

tive Verweise zum Ausdruck bringen. Weiterhin sollte die Präambel einen verbindlichen Bezug zu den anderen Bestandteilen des Strafgesetzbuches aufweisen, sich auf den folgenden Inhalt beziehen und sich an der strafrechtlichen Politik orientieren.

Die maßgebende deklarative Festlegung der Grundsätze im UK ist weit umstritten. Der erste Teil hat den Namen: Aufgaben Grundsätze des UK der RF. Allerdings fehlt jeglicher Verweis auf den Zweck und das Ziel des Kodex. Das Ziel eines kodifizierten normativen Rechtsaktes steht um einiges höher, als die funktionalen Aufgaben, welche eine vereinheitlichte Funktion der integrativen Eigenschaften und der verwaltungsrechtlichen Wirksamkeit haben.

Ist es überhaupt möglich über die Grundsätze des Kodex zu sprechen?

Stellen diese einen wesentlichen Bestandteil des Kodifizierungsergebnisses dar?

Dem möchte ich direkt eine absprechende Antwort geben, welche auf besonders praktischen Nachweisen beruht. Diese Grundsätze werden allerdings nicht in den Luftfahrtgesetzen, Binnenschiffsverkehrsgesetzen und den Handelsschiffahrtsgesetzen der RF angeführt. Daraus folgt, dass die einzelnen Abschnitte der Kapitel oder Artikel zu den Grundsätzen keinen festen Bestandteil des Strafkodex bilden. Einige russische Kodexe haben keinen einzelnen Abschnitt zu den Grundsätzen und Prinzipien. Stattdessen bedienen sie sich am Verständnis über die grundlegende Gesetzgebung (Bürgerliches Recht der RF, Steuerrecht der RF und Wohngesetzbuch der RF). Ich bin der Annahme, dass es sachgemäß wäre, die Grundsätze und Prinzipien der Strafrechtspolitik im Strafkodex anzuführen.

Ohne die Notwendigkeit und Wichtigkeit der im Strafkodex untergebrachten Werturteile ablehnen zu wollen, sollte ihre Anzahl jedoch reduziert werden. Es sollten vor allem die inkonsequenten, widersprüchlichen, unbestimmten und bedenklichen (noch unklaren) Werturteile schnellstmöglich aus dem Strafkodex ausgeschlossen werden. Der Gesetzgeber sollte entweder eine normative Bestimmung treffen oder sich diesbezüglich enthalten. Um die Prinzipien des Rechtsstaates offenzulegen, vermerkt das Bundesverfassungsgericht in Deutschland, dass sich die gesetzlichen Normen nicht schon im Vorfeld möglichen Unklarheiten und Zweifeln entziehen können. Trotzdem ist es von Nöten, dass der Gesetzgeber zumindest über die Hauptgedanken und Ziele seiner gesetzgeberischen Tätigkeit Aufschluss gibt. Der russische Gesetzgeber praktiziert weiterhin seine nicht wohlbedachte Anwendung zur bewertungsmaßbigen Auffassung. Am 02. Oktober 2018 unterzeichnete der russische Präsident das Bundesgesetz der russischen Föderation Nr. 348, über die Einbringung von Änderungen am Art. 315 Strafkodex der RF. Dabei handelt

es sich um eine Verschärfung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, bei Nichteinhaltung der richterlichen Entscheidung, dem gerichtlichen Urteil oder ähnlichen Maßnahmen. Der Hauptgrund für diese Gesetzesänderung ist die Missachtung der gerichtlichen Entscheidungen, um so einer illegalen bzw. ungenauen Weitergabe von Informationen entgegenzuwirken. Auf Grund dieser Umstände war es unausweichlich den Tatbestand der benannten Rechtsnorm genauer zu formulieren und zu vervollständigen. Stattdessen handeln beide Teile des Art. 315 Strafkodex von Werturteilen der böswilligen Nichterfüllung.

4. Einen noch nicht weit erforschten und sehr komplizierten Bereich, welcher zugleich mit vielen Mängeln der geltenden Gesetzgebung belastet ist, stellt der Schutzbereich des materiellen und geistigen kulturellen Erbes der Gesellschaft, vor strafrechtlichen Eingriffen, dar. Die Tatbestände des Strafkodexes, die dem geistigen Schutz dienen, zeigen Mängel unterschiedlicher Arten auf: einige von ihnen deuten auf das Fehlen eines systematischen Ansatzes des Gesetzgebers hin, welcher dazu dient die Rechtsnatur und den Rechtscharakter einer öffentlichen Gefahr und Straftat feststellen zu können.

Andere bezeugen die Nachlässigkeit und Inkonsistenz, bei der Verwendung bestimmter gesetzlicher Bestimmungen. Ein prägendes Beispiel für die rechtstechnischen Mängel des russischen Strafgesetzbuches ist die fehlende Systematik der strafgesetzlichen Normen zu Straftaten eines homogenen Rechtswesens mit demselben Tatgegenstand, mit Hinblick auf die kulturellen Werte. Der russische Gesetzgeber fasste den Diebstahl kultureller Werte (Art. 164 Strafkodex) unter dem Diebstahl von Eigentum zusammen (21. Abschnitt des Strafkodex). Die nicht Wiedererlangung dieser Werte aus dem Ausland (Art. 190 Strafkodex) zählen zu den Wirtschaftsstraftaten (22. Abschnitt des Strafkodex) und der Schmuggel dieser Werte (Art. 226.1 Strafkodex) fällt unter die Straftaten gegen die öffentliche Sicherheit (24. Abschnitt des Strafkodex). Erfolgt eine Verletzung oder Vernichtung der kulturellen Werte (Art. 243 Strafkodex) so ist diese unter die Straftaten gegen die öffentliche Sitte und Moral zu kategorisieren (25. Abschnitt des Strafkodex). Die gleichen Artikel des Strafkodexes, welche dem Schutz der Kulturgüter dienen, eignen sich auch als Beispiel, um einen weiteren Mangel des Strafkodexes aufzuzeigen – nämlich die unachtsame Bezeichnung ein und desselben

Tatbestandsmerkmals unter verschiedenen Termini, was zu einer Verwirrung in der Strafverfolgung und zu überflüssigen sowie unbegründeten Schwierigkeiten der Qualifizierung führt. Demnach werden ein und dieselben Tatgegenstände des Art. 164 Strafkodex als Gegenstände und Dokumente von besonders historischen, wissenschaftlichen, künstlerischen oder kulturellen Wert zugeordnet. In den Art. 190 und 226.1 Strafkodex ist

die Auffassung und Auslegung der kulturellen Werte seit langem fest etabliert und offiziell anerkannt sowie der kulturelle Nachlass, ihre Denkwürdigkeit und ihre Geschichte im Art. 243 des Strafkodex.

Als weiteres Beispiel für einen Mangel kann die unüberlegte Anordnung der strafgesetzlichen Normen herangezogen werden, welche für den Schutz der geistigen Sicherheit bestimmt sind und die tatbestandlichen Voraussetzungen und Maßnahmen der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Eingriffe der Glaubens- und Religionsfreiheit regeln. Als Beispiel werden die Diskriminierung wegen der Glaubensrichtung (Art. 136 Strafkodex) und die Herabwürdigung der religiösen Besinnung eines Gläubigen (Art. 148 Abs. 1 Strafkodex) von der russischen Gesetzgebung den Straftaten gegen die Freiheitsrechte der Menschen und Bürger zugeordnet (19. Abschnitt des Strafkodexes). Wobei die Aktivitäten einer religiösen Vereinigung Gewalt gegen die Bürger sowie andere gesundheitliche Schäden mit sich bringt (Art. 239 Strafkodex). Die Straftaten gegen die Gesundheit der Bevölkerung und öffentlichen Moral regelt der 25. Abschnitt des Strafkodexes und die Anstiftung zum religiösen Hass, zur Feindseligkeit oder zur Erniedrigung der Menschenwürde aufgrund der religiösen Haltung (Art. 282 Strafkodex), werden als Straftaten gegen die Grundlagen des Verfassungssystems und die Sicherheit des Staates anerkannt (29. Abschnitt des Strafkodexes).

Die russische Gesetzgebung strotzt vor unpassierbaren und einigen äußerst exotischen Gesetzesinitiativen. Das Paradoxe dabei ist, dass genau dieser Aufgabenbereich unter den der strafrechtlichen Gesetzgebung fällt. Deshalb wird vorgeschlagen, eine strafrechtliche Verantwortlichkeit für folgende Beispiele zu schaffen: Durchsuchen von fremden Telefonen und Tablets sowie für die Veräußerung von Brandschutzzertifikaten. Einige dieser Leerstellen der russischen Gesetzgebung können leicht beseitigt werden, wenn der nationale Gesetzgeber uneingenommen die positiven rechtlichen Erfahrungen von Deutschland betrachten würde. Damit meine ich die im deutschen Strafgesetzbuch enthaltenen Vorschriften zu dem strafrechtlichen Fehlverhalten (Vergehen und Verbrechen), den Tatsachen- und Rechtsirrtümern sowie dem Überschreiten der jeweiligen Grenzen der Parteien, auf Grund von Angst, Schrecken und Befangenheit. Um die Mängel des russischen Strafkodexes auf ein Minimum zu reduzieren, wäre es erforderlich nationale und internationale Zentren zur frühzeitigen gutachterlichen Untersuchung zu errichten und so Ideen und Konzepte für neue Gesetzesentwürfe zu erarbeiten und entwickeln. Die Mangelhaftigkeit des Strafkodexes würde erheblich zurückgehen, wenn ein vorschriftsmäßiges Schweigen auf Gesetzgeberseite

eingehalten würde. Weiterhin wäre eine gesetzgeberische Festlegung der Kriterien notwendig, um Gesetzesentwürfe ablehnen zu können. Der Gesetzesgeber sollte gegen die strafrechtlichen Verbote “ausgerüstet” sein, in den Fällen der unberechtigten, unzureichenden und unzeitgemäßen rechtlichen Initiativen.

Der Haupt- und wichtigste Weg zu einer Verbesserung des Strafkodexes der RF, besteht in der Überwindung der bereits vorliegenden und herausgestellten rechtlichen Mängel, da jede weitere innovative juristische Arbeitsweise zusätzliche Mängel mit sich bringen wird.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США / пер. с нем. П.П. Гайденко. М.; СПб.: Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. 640 с.
2. Избранные решения Федерального конституционного суда Германии. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 1028 с.
3. Баранов В.М. Уголовный кодекс РФ в ракурсе юридической техники // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 года / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 9–20.
4. Баранов В.М. Преамбула нормативного правового акта (доктрина, практика, техника). М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.
5. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития // Российское правосудие. 2018. № 9. С. 14–23.
6. Корнев В.Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 64–70.
7. Беспалько В.Г. Духовная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Право и безопасность. 2006. № 3–4. С. 155–166.
8. Беспалько В.Г. Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X–XXI вв. М.: ИНФРА-М, 2014. 232 с.
9. Зюбанов Ю.А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации: Сравнительный анализ норм УК РФ и Священного Писания. М.: Проспект, 2007. 416 с.
10. Религиозные каноны и уголовный закон (материалы к сравнительному анализу уголовных запретов России и Священных Писаний). К 1000-летию Правды Русской / сост. Ю.А. Зюбанов. М.: Статут. 672 с.
11. Уголовный кодекс Австрии. М.: ИКД «Зерцало», 2001. 133 с.
12. Уголовный кодекс ФРГ. М.: ИКД «Зерцало», 2001. 208 с.

References

1. Weber M. Nauka kak prizvaniye i professiya [Science as a vocation and profession]. In Self-consciousness of culture and art of the XX century. Western Europe and the USA Trans. from German by P.P. Gaydenko. Moscow; Sankt Petersburg, 2000. Pp. 143–163. (in Russian).
2. Izbrannyye resheniya Federal'nogo Konstitutsionnogo Suda Germanii [Selected decisions of the Federal Constitutional Court of Germany]. Moscow: Infotropic Media Publ., 2018. 1028 p. (in Russian).
3. Baranov V. M. Criminal Ugolovnyy kodeks RF v rakurse yuridicheskoy tekhniki [Code of the Russian Federation in terms of juridical technique]. In Problems of codification of criminal law: history, modernity, future (Dedicated to the 200th anniversary of the draft Criminal Code of 1813) // Proceedings of the VIII Russian Congress of Criminal Law, held May 30-31, 2013 / Exec. ed. prof. V.S. Komissarov. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. Pp. 9–20 (in Russian).
4. Baranov V. M. Preambula normativnogo pravovogo akta (doktrina, praktika, tekhnika) [Preamble of a normative legal act (doctrine, practice, technology)]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2014. 248 p. (in Russian).
5. Pudovochkin Yu. E., Babayev M. M. Neopredelennost' ugolovnogo prava: sodержaniye, riski, strategiya razvitiya [Uncertainty of criminal law: content, risks, development strategy]. Rossiiskoe pravosudie [Russian justice], 2018, no 9, pp.14–23. (in Russian).

6. Kornev V. N. Evolyutsiya doktriny printsiptov prava v otechestvennoy yuridicheskoy nauke [Evolution of the doctrine of the principles of law in Russian legal science]. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1 (41), pp. 64–70. (in Russian).

7. Bepalko V. G. Dukhovnaya bezopasnost' kak ob"yekt ugovolno-pravovoy okhrany [Spiritual Security as an Object of Criminal Law Protection]. *Pravo i bezopasnost'* [Law and Security], 2006, no. 3–4, pp. 155–166. (in Russian).

8. Bepalko V. G. Religioznye prestupleniya v Moiseyevom ugovolnom prave i ikh proyeksii v rossiyskom zakonodatel'stve X–XXI vv. [Religious crimes in the criminal laws of Moses and their projections in the Russian legislation of the 10th – 21st centuries]. Monograph. Moscow: INFRA-M Publ., 2014. 232 p. (in Russian).

9. Zyubanov Yu. A. Khristianskiye osnovy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Sravnitel'nyy analiz norm UK RF i Svyashchennogo Pisaniya [Christian foundations of the Criminal Code of the Russian Federation: Comparative analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Holy Scriptures]. Moscow: Prospect Publ., 2007. 416 p. (in Russian).

10. Religioznye kanony i ugovolnyy zakon (materialy k sravnitel'nomu analizu ugovolnykh zapretov Rossii i Svyashchennykh Pisaniy). K 1000-letiyu Pravdy Russkoy [Religious canons and criminal law (materials to the comparative analysis of the criminal prohibitions in Russia and the Holy Scriptures). To the 1000th anniversary of the Pravda Russkaya]. Comp. by Yu.A. Zyubanov. Moscow: Statute Publ. 672 p. (in Russian).

11. Ugolovnyy kodeks Avstrii [Criminal Code of Austria]. Moscow: IKD Zertsalo Publ., 2001. 133 p. (in Russian).

12. Ugolovnyy kodeks FRG [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. Moscow: IKD Zertsalo Publ., 2001. 208 p. (in Russian).

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Бочкарева Елена Вадимовна

***Цель:** рассмотреть проблемы, возникающие при осуществлении специальной виктимологической профилактики насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, и предложить новые меры для повышения эффективности такой профилактики.*

***Методология:** анализ, синтез, индукция, дедуция, межотраслевой метод, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** На основании проведенного исследования автор предлагает в качестве меры специальной виктимологической профилактики в отношении женщин-жертв семейно-бытового насилия в России создать централизованную систему кризисных центров; для осуществления виктимологической профилактики в семейно-бытовой сфере в отношении несовершеннолетних предлагается наладить эффективное взаимодействие между различного рода структурами, работающими в сфере защиты прав несовершеннолетних; для защиты лиц пожилого возраста от насильственных преступлений и жестокого обращения предлагается создать на базе органов социальной защиты населения подразделение, профильной деятельностью которого являлась бы социальная и правовая защита лиц пожилого возраста, в том числе и защита от насилия в семейно-бытовой сфере. Также, по мнению автора, представляется целесообразным введение особой программы-коррекции для мужчин, которые склонны к применению насилия в семейно-бытовой сфере, и создание федеральной телефонной линии «Телефон доверия», с целью оказания первичной помощи и поддержки всем обратившимся жертвам семейно-бытового насилия.*

***Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование дает рекомендации по улучшению специальной виктимологической профилактики насильственной преступности в семейно-бытовой сфере. Данное исследование будет полезно для изучения как научным, так и практическим работникам, а также студентам вузов, изучающим криминологию, виктимологию и семейную психологию.*

***Ключевые слова:** насильственная преступность, семья, виктимологическая профилактика, профилактика преступности, жертва преступления, кризисный центр, служба доверия.*

Под насильственной преступностью в семейно-бытовой сфере понимается совокупность общественно опасных и уголовно-противоправных деяний, посягающих на жизнь, здоровье или телесную неприкосновенность, совершенных одним лицом в отношении другого против или помимо воли последнего при условии взаимосвязи жертвы с преступником общностью быта, совместным проживанием и т.д.

В наши дни насилие в семейно-бытовой сфере, к сожалению, является крайне острой обществен-

ной проблемой. Различные статистические данные последних лет объективно показывают, что количество насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере по-прежнему является высоким. Специфика данного вида преступности такова, что жертвами таких преступлений в подавляющем большинстве случаев становятся, наиболее беззащитные категории граждан: инвалиды, лица преклонного возраста, женщины, а также несовершеннолетние.

Жертвой насильственной преступности в семейно-бытовой сфере может оказаться каждый,

поэтому проблема семейно-бытового насилия всегда была, есть и будет актуальной. В связи с этим должны быть разработаны эффективные меры по профилактике семейно-бытового насилия, отвечающие современным реалиям.

В нашей стране одной из основных причин того, почему жертвы семейно-бытового насилия терпят противоправные действия в семье, является нерешенный жилищный вопрос. Так, многие опрошенные женщины-жертвы семейно-бытового насилия отмечали, что им некуда было уйти от мужа-тирана или сожителя. В связи с этим немаловажную роль при решении проблемы специальной виктимологической профилактики насильственной преступности в семейно-бытовой сфере для женщин могут иметь кризисные центры, где они смогут разместиться на продолжительное время, уйдя от конфликтной ситуации [7, с. 96].

Особенность данных центров заключается в том, что в них оказывается не только материальная поддержка, но и помощь специалистов: психологов, юристов, медиков. Жертвам семейно-бытового насилия разъясняются их права, при необходимости о семейно-бытовом насилии сообщается в правоохранительные органы. Также им предоставляется питание, спальное место, различные необходимые удобства бытового характера. Зачастую сотрудниками центра осуществляется не только предоставление жилища и бытовых удобств, но и последующая помощь в поиске работы и жилья.

В таких центрах должна также оказываться поддержка и в последующей социальной реабилитации, т. е. для трудоспособных лиц должен осуществляться поиск работы с приемлемым уровнем заработной платы; если это лица пожилого возраста, то для них должно быть предоставлено место в доме для престарелых; если это лица, страдающие тяжелым неизлечимым заболеванием, то для них должно быть предоставлено место в хосписе и т.д.

С каждым обратившимся необходимо проводить беседу с целью выяснения сложившейся ситуации, в которой он находится. Если лицо находится в ситуации повышенной опасности для его жизни и здоровья, то необходимо его помещение в кризисный центр для временного проживания.

При этом представляется необходимым создание централизованной системы кризисных центров в России. Их финансирование необходимо осуществлять за счет как регионального, так и федерального бюджета.

Для защиты несовершеннолетних, в отношении которых осуществляются противозаконные

деяния со стороны родителей или лиц, их заменяющих, принимаются новые и совершенствуются прежние нормы законодательства, устанавливающие основания изъятия ребенка из семьи, в том числе и в результате насильственных деяний. Так, согласно ст. 69 Семейного кодекса РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они: жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность; совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

В науке и обществе существуют споры по поводу введения ювенальной юстиции в России по примеру ряда зарубежных стран. Так, почетный адвокат России Алексей Куприянов приводит следующие аргументы против введения системы ювенальной юстиции: «Я резко не согласен с попытками навязать нашему обществу чужеродный институт ювенальной юстиции. По поводу изъятия детей из семьи и повального лишения родительских прав — нужно четко понимать, что ничто не заменит ребенку родную мать, да и материальные условия в детдомах не самые лучшие. В нашей стране во многих семьях приняты консервативные методы воспитания, то есть порою ребенку могут и просто «ремня всыпать», как говорится. Пришел ребенок в школу, проболтался об этом учительнице, а она теперь должна идти и сообщать об этом в органы опеки или в полицию что ли? И что теперь? Такого ребенка из семьи забирать? А он сам-то захочет уходить из нее и пойти в интернат?» (Козлова М.И. *Что такое ювенальная юстиция и почему с ней борются родители* // *Российская газета*. № 7412 (218). URL: <http://rg.ru/2013/02/12/juvenalnaia.html>).

Государство должно быть нацелено на сохранение и укрепление семьи, не вмешиваясь в нее, а создавая благоприятные внешние условия, поэтому представляется нецелесообразным вводить ювенальную юстицию в Российской Федерации.

Ярые противники ювенальной юстиции порой не всегда адекватно оценивают сложившуюся ситуацию в обществе и, навязывая позицию о невмешательстве государства в семейно-бытовую сферу, подвергают риску жертв семейно-бытового насилия, в том числе несовершеннолетних. Так, в 2017 г. принят Федеральный закон «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации». Суть поправок сводится к исключению из текста нормы слов «в отноше-

нии близких лиц», что, по сути, является декриминализацией семейных побоев и перевода их из состава уголовных преступлений в разряд административных правонарушений (ст. 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации). Уголовная ответственность за такие действия будет наступать только, если правонарушение совершено лицом, ранее подвергшимся административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116¹ УК РФ).

Сторонники данного закона ссылались как раз на то, что подобного рода нормы в отечественном законодательстве разрушают институт семьи. Однако, следует отметить, что преступления в семейно-бытовой сфере являются наиболее латентными, и статья 116 УК РФ в старой редакции была чуть ли не единственным гарантом защиты жертв семейно-бытового насилия.

Приверженцы ювенальной юстиции, ссылаясь на то, что ежегодно происходят сотни убийств несовершеннолетних в семьях, тысяч несовершеннолетних в своих же семьях подвергаются физическому и психическому насилию, а также насильственным действиям сексуального характера, считают, что система ювенальной юстиции может сыграть ключевую роль для виктимологической профилактики насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних [5, с. 41].

Когда создается внутрисемейная реальная опасность для здоровья, психики, половой неприкосновенности или жизни несовершеннолетнего, необходимо принимать незамедлительные меры по решению возникших проблем, однако изъятие ребенка из семьи должно являться крайней мерой.

В настоящее время внимание органов социальной защиты населения сфокусировано на так называемых «неблагополучных семьях», где родители (родитель) или лица, их заменяющие, страдают алкогольной или наркотической зависимостью, ведут асоциальный образ жизни или же страдают психическим расстройством [2, с. 11; 6, с. 15; 8, с. 17]. Однако проблема заключается в том, что семьи, где совершаются насильственные деяния в отношении несовершеннолетних, могут внешне казаться вполне благополучными и вести социально одобряемый образ жизни. Такие семьи обычно не привлекают внимание органов социальной защиты населения. В этой связи органы социальной защиты населения, социальные педагоги и психологи должны более глубоко и объективно работать над получением информации о защите прав и свобод несовершеннолетнего в семейно-бытовой сфере, принимать соответствующие меры реагирования в ответ на

донесенную до их сведения информацию о причиняемом насилии в отношении несовершеннолетних в семьях.

Представляется необходимым повысить требования к реагированию социальных педагогов и иных сотрудников в школах, в случае если к ним обратится несовершеннолетний с жалобой на насильственные действия родителей (родителя) или лиц, их заменяющих. В такой ситуации социальный педагог обязан для начала позвонить родителям или лицам, их заменяющим, и вызвать их для беседы; после устной беседы или беседы по телефону незамедлительно решить вопрос о целесообразности подачи заявления в органы социальной защиты, органы опеки и попечительства, если необходимо, то обратиться с заявлением в полицию или в прокуратуру. Каждый несовершеннолетний должен быть проинформирован о возможности обращения к сотрудникам учебного учреждения о совершении в отношении него насильственных действий в семье. Более того, каждый несовершеннолетний должен быть уверен в том, что его обращение будет принято, и он получит необходимую помощь. Аналогичные меры должны осуществлять сотрудники дошкольных образовательных учреждений, если ребенок приходит в детский сад со следами побоев, истязаний, жалуется на жестокое обращение со стороны родителей.

Данные меры специальной виктимологической профилактики должны возыметь особую превентивную роль. Для недобросовестных родителей или лиц, их заменяющих, данные меры могут являться эффективным сдерживающим обстоятельством от совершения насильственных действий в отношении несовершеннолетних, находящихся у них на воспитании или попечении. К тому же данные меры будут дополнительно способствовать защите прав и свобод несовершеннолетних в семьях в масштабах всей страны.

Изъятие ребенка из семьи должно являться крайней, взвешенной и по-настоящему необходимой мерой [1, с. 16]. Если есть возможность и целесообразность сохранить целостность семьи, то необходима работа в данном направлении социальных и школьных психологов, разъяснительная работа сотрудников правоохранительных органов и сотрудников органов опеки и попечительства. Но, если подтверждаются выявленные факты нанесения несовершеннолетнему в семье серьезного вреда здоровью, истязаний и нарушения права на половую неприкосновенность, изъятие несовершеннолетнего из семьи должно происходить решительно и незамедлительно.

В России из года в год становятся известны вопиющие случаи жестокого обращения с лицами пожилого возраста [3, с. 65; 4, с. 74]. В некоторых случаях, когда в отношении пожилых людей в семейно-бытовой сфере совершаются насильственные преступления, лица пожилого возраста либо не способны, либо по определенным причинам отказываются принимать должные меры по защите своих прав. Некоторые лица пожилого возраста страдают тяжелыми заболеваниями, которые лишают их полноценной подвижности, нарушают коммуникативную сферу. Такие пожилые люди, по сути, беспомощны перед членами семьи, которые совершают против них насильственные преступления. Многие лица пожилого возраста страдают тяжелыми психическими расстройствами, что также может препятствовать их обращению за защитой в правоохранительные органы или в органы социальной защиты населения. В этой связи необходимо создание для защиты от насильственных преступлений и жестокого обращения лиц пожилого возраста на базе органов социальной защиты населения подразделения, профильной деятельностью которого являлась бы социальная и правовая защита лиц пожилого возраста, в том числе и защита от насилия в семейно-бытовой сфере.

В США в целях профилактики семейно-бытового насилия много лет практикуется специальная программа для мужчин, которые совершили насильственное преступление в отношении членов своей семьи. Данная мера является альтернативой уголовному наказанию и назначается мужчинам за насильственные преступления небольшой тяжести, совершенные на семейно-бытовой почве. Мужчина проходит многомесячный курс консультаций с семейным психологом, его учат выстраивать отношения с членами семьи, в отношении которых он применил насилие, помимо этого он находится на учете в правоохранительных органах и обязан периодически отчитываться в органах социальной защиты и в полиции относительно правомерности своего поведения в семейно-бытовой сфере (*Новицкий Е.А. Домашнее насилие: вчера и сегодня // URL: <http://russian-bazaar.com/ru/content/122231.htm>*).

Представляется необходимым введение аналогичных мер для мужчин в России, которые совершили в отношении членов своей семьи насильственные преступления небольшой тяжести. Эта мера будет иметь, как минимум, профилактический эффект. Мужчина, который регулярно посещает семейного психотерапевта, а также состоит

на учете в органах социальной защиты и в полиции как лицо, совершившее семейно-бытовое насилие, с меньшей вероятностью захочет повторить свой проступок хотя бы по причине того, что уже находится в поле зрения правоохранительных органов. К тому же у мужчин, в поведении которых домашнее насилие образует главенствующую линию поведения, существует ряд действительных внутренних психологических или даже психических проблем. Ввиду чего, работа с психологом для таких лиц может оказать реальную помощь и поддержку.

Также в России представляется необходимым создать единую телефонную систему «Телефона доверия», которая оказывала бы консультационную, психологическую и правовую поддержку жертвам семейно-бытового насилия. В настоящий момент существует множество горячих линий – практически у каждого центра помощи, однако в экстренной ситуации могут возникнуть сложности с поиском нужного номера. Поэтому необходимо ввести единый многоканальный трехзначный номер, который был бы у всех на слуху.

Например, система «Телефона доверия» уже много лет работает в США, в Японии и в Европе. В этих странах сотрудники данных телефонных центров – специалисты, которые имеют соответствующее образование и могут оказать поддержку на должном уровне. За свой труд они получают соответствующую заработную плату. Их задача состоит не в простом фиксировании факта семейно-бытового насилия и в последующем сообщении о нем в правоохранительные органы, а в реальной психологической и правовой поддержке. У сотрудников есть электронный список с адресами всех социально-реабилитационных центров, которые находятся вблизи района проживания звонившего, где жертва домашнего насилия может попросить о временном убежище. У сотрудников нет четких ограничений по времени, уделяемому на каждое обращение, то есть консультации могут длиться и по несколько часов. Как сообщают сотрудники «Телефона доверия»: свыше 85% звонивших – это женщины, которые страдают от насильственных преступлений, совершаемых в отношении них мужьями или сожителями. Задача оператора состоит в выяснении реальных причин сложившейся виктимологической ситуации и даче эффективно действующих рекомендаций по ее разрешению и профилактике. Далеко не все из звонивших готовы обращаться в полицию для пресечения в отношении них противоправных действий.

Операторы, как правило, на этом не настаивают, но твердо рекомендуют так поступить. При этом отметим, что причины, по которым звонившие отказываются сообщить в правоохранительные органы о семейно-бытовом насилии или же уйти от мужа либо сожителя, аналогичны таковым причинам в России, – это жилищный вопрос, материальная и психологическая зависимость, и так далее.

Предложения о создании доступного для каждого «Телефона доверия» в России высказывались регулярно правозащитниками, но централизованной системы, куда бесплатно и на условиях анонимности могут позвонить жертвы домашнего насилия, не существует до сих пор. Сейчас данная деятельность – это прерогатива различных некоммерческих организаций, в число которых входят социальные фонды, кризисные центры, центры психологической помощи. Данные организации существуют, в основном, на материальные средства благотворителей, а также благодаря безвозмездной помощи волонтеров. Такие некоммерческие организации существуют либо в развитых регионах, либо в крупных городах Российской Федерации. Фактически абсолютное большинство жертв насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере не могут получить должную помощь по месту своего нахождения. Также о существовании антикризисных центров многие не знают. В мировоззрении многих россиян укоренилась установка, что их проблемы никому не нужны, однако при должной активности всегда существует возможность позвонить в нужную организацию и получить профессиональную поддержку.

Информация о существовании единого «Телефона доверия» должна быть общедоступна. Ее необходимо разместить на рекламных баннерах, в общественном транспорте, в школах, университетах, больницах и т.п.

Таким образом, в качестве меры специальной виктимологической профилактики в отношении женщин – жертв семейно-бытового насилия в России необходимо создание централизованной системы кризисных центров, где им должна оказываться психологическая, материальная и правовая поддержка, а также обеспечиваться последующая социальная реабилитация. Для осуществления виктимологической профилактики в семейно-бытовой сфере в отношении несовершеннолетних необходимо наладить эффективное взаимодействие между различного рода структурами, работающими в сфере защиты прав несовершеннолетних. Для защиты лиц пожилого возраста от насильственных преступлений и жестокого обращения необходимо создание на базе органов социальной защиты населения подразделения, профильной деятельностью которого являлась бы социальная и правовая защита лиц пожилого возраста, в том числе и защита от насилия в семейно-бытовой сфере. Также представляется целесообразным ввести особую программу-коррекцию для мужчин, которые склонны к применению насилия в семейно-бытовой сфере, и создать федеральную телефонную линию «Телефон доверия» с целью оказания первичной помощи и поддержки всем обратившимся жертвам семейно-бытового насилия. Вместе с тем необходимо принять Федеральный закон о профилактике семейно-бытового насилия, который так и не был принят.

Литература

1. Агафонов В.К., Ильяшенко А.Н. Факторы семейного неблагополучия в генезисе преступного поведения // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 11–17.
2. Бельцов Н.И. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых в сфере семьи и досуга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 29 с.
3. Большаков В.П. История культуры повседневности. М.: Проспект, 2015. 500 с.
4. Гизман А.В. Возрастные особенности пожилых людей. М., 2013. 112 с.
5. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 59 с.
6. Иншакова М.С. Криминогенные дисфункции семьи как фактор преступности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 20 с.
7. Первякова И.К. Женщины – жертвы преступлений // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 96–97.
8. Побегайло А.Э. Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

References

1. Agafonov V.K., Il'yashenko A.N. Faktory semeynogo neblagopoluchiya v genezise prestupnogo povedeniya [Factors of family trouble in the genesis of criminal behavior] *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2007, no. 3 (17), pp. 11–17 (in Russian).
2. Beltsov N.I. Kriminologicheskiy analiz i preduprezhdeniye prestupleniy, sovershayemykh v sfere sem'i i dosuga [Criminological analysis and prevention of crimes committed in the field of family and leisure]: author. dis. candidate sciences. M., 1996. 200 p. (in Russian).
3. Bolshakov V.P. Istoriya kul'tury povsednevnosti [The history of the culture of everyday life]. M.: Prospect, 2015. 500 p. (in Russian).
4. Gizman A.V. Vozrastnyye osobennosti pozhilykh lyudey [Age features of the elderly]. M., 2013. 112 p. (in Russian).
5. Ilyashenko A.E. Protivodeystviye nasil'stvennoy prestupnosti v sem'ye: ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty [Countering violent crime in the family: criminal law and criminological aspects]: author. dis. doct. legal sciences. M., 2008. 511 p. (in Russian).
6. Inshakova M.S. Kriminogennyye disfunktsii sem'i kak faktor prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminal dysfunctions of the family as a factor in juvenile delinquency]: author. dis. cand. legal sciences. M., 2012. 20 p. (in Russian).
7. Pervyakova I.K. Zhenshchiny – zhertvy prestupleniy [Women – victims of crime] *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 2000, no. 9, pp. 96–97 (in Russian).
8. Pobegaylo A.E. Semeynoye neblagopoluchiye v sisteme determinatsii prestupnogo povedeniya nesovershennoletnikh [Family trouble in the system of determination of the criminal behavior of minors]: author. dis. cand. legal sciences. M., 2008. 30 p. (in Russian).

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В ГЕРМАНИИ И США

Волчецкая Татьяна Станиславовна

Цель: сравнить и проанализировать уровень и тенденции развития криминалистической науки в Германии и США, установить возможность использования их научных достижений в России.

Методология: материалистическая диалектика, индукция, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. На основе анализа современной научной литературы России, Германии и США определены уровни развития криминалистической науки в указанных странах. Выявлены различные подходы немецких и американских ученых к описанию природы, предмета и объекта криминалистики. Установлено, что структура криминалистической науки в Германии, США и в России неоднородна. В теории и методологии криминалистики Германии активно используются положения других наук, прежде всего естественно-научных. Уровень развития криминалистической техники в США и Германии довольно высок и в полной мере отвечает всем требованиям противодействия современной преступности, в том числе и международной. Актуальными проблемами немецкой криминалистической тактики являются стратегические аспекты допроса, суггестивные вопросы, стратегия защиты, отказ от признательных показаний обвиняемым и ряд других.

Научная и практическая значимость. Изучение современных достижений криминалистической науки в Германии и США позволяет выявить тенденции развития этой науки в противодействии преступности независимо от национальных границ, а также определить перспективные направления развития криминалистики в России.

Ключевые слова: криминалистическая наука, зарубежная криминалистика, криминалистика в Германии, криминалистика в США.

Среди многих юридических наук существенной особенностью криминалистики является то, что она, не будучи отраслью права, практически не имеет национальных границ. Разнообразные методы обнаружения и поиска следов, тактические приемы и операции, положения методик расследования отдельных видов преступлений, не связанные с уголовно-процессуальными нормами, одинаково успешно могут быть использованы в противодействии преступностью в различных странах.

Ранее в российских учебниках и научных трудах по криминалистике зарубежные исследования в этой области традиционно рассматривались с позиции их реакционной сущности, исключением можно считать совместную работу ученых

стран социалистического лагеря [1]. Так было вплоть до 1990-х годов. Затем стали появляться отдельные, очень немногочисленные исследования по вопросам зарубежной криминалистики.

К сожалению, в настоящее время исследования ученых разных стран в области криминалистической науки ведутся обособленно, и практически отсутствует взаимодействие между российскими и зарубежными учеными-криминалистами. Между тем, как показывает изучение современной литературы, во многих странах имеются уникальные разработки прикладного характера.

При этом следует отметить, что в Германии и США в большинстве исследований криминалистика трактуется как полицейская техника (*police technique*), судебная наука (*forensic science*),

естественно-научная криминалистика (*natur wissenschaftliche Kriminalistik*), полицейская наука (*polizei wissenschaft*) и т.д. [2; 3; 4; 5]. Анализ зарубежной криминалистической научной литературы последних лет позволяет заключить, что в последние годы помимо традиционного изучения вопросов криминалистической техники стали появляться интересные исследования и по иным проблемам: выдвижения и проверки следственных версий, тактике и проведения отдельных следственных действий, расследования отдельных видов преступлений, тактическим аспектам судебного следствия.

Сравним основные достижения и основные научные проблемы криминалистики в названных странах с позиций традиционно принятой в России системы этой науки.

Общая теория и методология криминалистики. Если российская криминалистика базируется на положениях диалектического материализма, то в основе криминалистической науки США и Германии лежит философия прагматизма. Исходя из этого, в криминалистике США большое внимание уделяется разработке прикладных вопросов в ущерб развитию ее теоретических основ. В то же время в теории и методологии криминалистики Германии активно используются положения других наук, прежде всего естественно-научных [6].

Американские ученые при описании природы, предмета и объекта криминалистики используют различные подходы. Одни авторы полагают, что природа криминалистики имеет исключительно естественно-научный характер [2], другие считают, что криминалистика является правовой наукой, поскольку имеет тесную связь с уголовным и уголовно-процессуальным правом [3]. Правовая природа криминалистики наиболее ярко проявляется в работах с названием «уголовное расследование», означающим, по сути, то же, что и «криминалистика». Поскольку криминалистические вопросы, рассматриваемые в рамках «уголовного расследования», понимаются, непосредственно связаны с уголовно-процессуальным правом, криминалистика также получает «правовую окраску».

Криминалистическая техника. Следует заметить, что понятие и содержание зарубежной криминалистической техники несколько шире российского. В США, Германии и странах Западной Европы уровень развития криминалистической техники в плане эффективной разработки новых технико-криминалистических средств, применяемых для обнаружения, исследования и поиска следов, довольно высок и в полной мере отвечает

требованиям противодействия современной преступности, в том числе и международной.

Понятие криминалистической техники в США несколько шире, чем в России, в научной литературе используется термин «forensic science» – судебная наука, которая включает большое количество естественных, медицинских, технических, химических и многих других наук. Причем положения всех этих наук, как правило, адаптированы к исследованию вещественных доказательств.

Раздел «криминалистическая техника», как правило, самый важный в американской криминалистике. Он состоит из трех основных частей. В первой части раскрывается понятие криминалистической техники, рассматривается ее значение в раскрытии преступлений, излагаются основные положения идентификации, вещественных доказательств и их видов. Вторая часть посвящена правилам обнаружения следов на месте происшествия, закономерностям их образования и обнаружения, особенностям средств криминалистической техники и правилам работы с ней. В третьей части описываются работа криминалистической лаборатории, особенности учета, хранения и экспертного исследования следов и иных вещественных доказательств.

В Германии под криминалистической техникой понимается система методов и средств, созданных на основе технических и естественных и наук, используемых для раскрытия и расследования преступлений. Однако следует заметить, что этот термин учеными трактуется неоднозначно.

В структуре российской, немецкой и американской криминалистической техники имеется и немало общих отраслей, таких как: трасология; криминалистическое исследование почерка и документов; судебная фотография и видеозапись; криминалистическое исследование признаков внешности; оружиеведение; криминалистическая регистрация [7; 8].

Примечательно также, что в США, несмотря на наличие серьезных научных разработок по теории идентификации, во многих учебниках криминалистическая идентификация излагается лишь на уровне конкретных примеров [8]. Кроме того, в США и Германии, в отличие от России, система криминалистической техники не упорядочена. В учебниках по криминалистике отдельные отрасли криминалистической техники не объединены в один раздел, а чередуются с разделами из криминалистической тактики и методики.

Криминалистическая тактика. По некоторым данным, термин «криминалистическая тактика»

был введен в научный оборот в Германии еще в 1904 г. [9]. В настоящее время проблемы криминалистической тактики связаны, в целом, с выдвижением и проверкой версий, с проведением уголовно-процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, между которыми нет такой большой разницы, как в России. В числе актуальных проблем немецкой криминалистической тактики можно назвать: стратегические аспекты допроса, суггестивные вопросы, стратегия защиты, отказ от признательных показаний обвиняемым и др.

В американской криминалистике этот раздел чаще именуется как полицейская тактика, в котором можно выделить три основных части. В вводной части излагаются основные уголовно-процессуальные нормы, связанные с раскрытием и расследованием преступлений, задачи уголовного судопроизводства, принципы расследования (в процессе допроса не разглашать известные полиции сведения, соблюдать право человека на частную жизнь и т.д.) и общие рекомендации, например, как использовать необходимые технико-криминалистические средства, применять помощь осведомителей, рассматриваются способы получения информации. При этом, обращается внимание на то, что информация, которой оперирует полиция, следует подразделять на разведывательную, которая собирается в отношении конкретного лица в целях превенции или пресечения преступлений, и следственную, которая собирается в отношении конкретного человека уже в процессе расследования преступления.

В отличие от России во вводном разделе криминалистической тактики США особое место уделяется описанию качеств, которыми должен обладать детектив. К их числу относятся: наблюдательность, беспристрастность, коммуникабельность, вежливость, умение расположить к себе, а также знание уголовного права, юридической психологии и криминалистики и т.д.

Основная часть посвящена тактике гласных и негласных полицейских действий. Это связано с тем, что, в отличие от России, оперативно-розыскная деятельность не выделена в качестве самостоятельной науки, а является частью криминалистики.

В заключительной части рассматриваются особенности участия полицейского в судебном разбирательстве. Одним из элементов криминалистической тактики является тактика поведения полицейского в ходе судебного разбирательства, которая зависит от множества факторов. Некоторые тактические положения, связанные с про-

изводством следственных действий, исследуется в рамках уголовного процесса.

Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений. В США нет работ, посвященных теоретическим основам криминалистической методики, однако можно заключить, что особенности расследования отдельных видов преступлений все же отражены в отдельных методах, построенных по видам преступлений. В учебниках по криминалистике, в научной литературе этот раздел получил название «специфические преступления». В виде методик таких специфических преступлений представлены: методики расследований убийств, краж, грабежей и разбоев, незаконного оборота наркотических средств, изнасилований, использования поддельных документов, взломов и проникновения в помещения, крупных автомобильных аварий и др.

В Германии раздел науки, затрагивающий проблемы криминалистической методики, называется «особая либо специальная криминалистика», а также «криминалистическая обработка особых видов дел».

Структура частных криминалистических методик зависит от видов преступлений.

С появлением сотовых телефонов, цифровых медиа, развитием Интернета не только пользователи получают ряд преимуществ – новые возможности открываются и для преступности. Учитывая это, необходимым представляется разработка методик расследования отдельных видов преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, и исследование проблем, связанных с особенностями использования интернет-технологий в расследовании. В отдельных методических пособиях и некоторых научных разработках имеется классификация преступников, размещающих о себе информацию на интернет-сайтах, а также содержатся тактические рекомендации по поиску информации в сети и работе с ней. Причем многие американские криминологи и аналитики полагают, что снижение преступности в их стране в последнее время обусловлено использованием в раскрытии и расследовании преступлений тактических приемов, связанных с работой в социальных сетях.

Таким образом, интеграция научных криминалистических знаний, накопленных в разных странах а, возможно, и проведение совместных научных исследований приобретает особую значимость с учетом нынешних мировых событий и *существенных негативных* изменений в социально-экономической и политической сфере, а также внедрение научных рекомендаций в практику.

BESONDERHEITEN DER ENTWICKLUNG VON DER MODERNEN KRIMINALISTIK IN DEUTSCHLAND UND DEN USA

1. Die Kriminalistik ist im Gegensatz zu den Rechtswissenschaften kein Bereich des Rechts und hat deshalb auch keine nationalen Grenzen. Es bestehen verschiedene Methoden zur Entdeckung und Spurensuche, zu den taktischen Maßnahmen und Einsätzen sowie den Besonderheiten der Ermittlungen von Straftaten, die nicht mit den strafprozessualen Normen verbunden sind. Diese können gleichermaßen erfolgreich in verschiedenen Staaten angewandt werden. Zudem fehlt es bis heute in tatsächlicher Hinsicht, an einer internationalen Interaktion zwischen den russischen und ausländischen Kriminalisten, obwohl es in vielen Ländern zahlreiche einzigartige Entwicklungsarbeiten von praktischer Bedeutung gibt. Analysieren wir die grundlegenden Arbeiten anhand der Beispiele von Russland und den USA.

2. Jahrelang haben die russischen Forscher traditionell hervorgehoben, dass die Kriminalistik in den USA ausschließlich eine polizeiliche Wissenschaft ist, in der ein besonderer Schwerpunkt auf die Entwicklung der speziellen kriminalistischen Technik gelegt wird. Jedoch hat sich die kriminalistische Wissenschaft nicht nur in Russland, sondern auch in den USA auf ein höheres Niveau entwickelt. In den letzten Jahrzehnten beschäftigen sich interessante Arbeiten zu folgenden Themen: Merkmale investigativen Denkens, der Modellierung vom Verhalten eines Straftäters nach den Spuren am Tatort, Ermittlungen anhand von Informationen aus den sozialen Netzwerken, die Besonderheiten der gerichtlichen Beweisaufnahme und viele weitere.

3. Der grundlegende Unterschied zwischen der russischen und amerikanischen Kriminalistik besteht im Folgenden: Während in der russischen Kriminalistik die wissenschaftlichen Vorschriften die Grundlage bilden, so ist es in den USA die Philosophie des Pragmatismus. Demnach kommt der wissenschaftlichen Ausarbeitung von angewandten Fragen in der Kriminalistik der USA eine große Beachtung zu, was jedoch zu einem Schaden an der Entwicklung ihrer theoretischen Grundlagen führt.

4. Dies lässt sich gut anhand eines Beispiels der kriminalistischen Denkweise erklären, welche übrigens erstmals von dem deutschen Wissenschaftler Hans Walder erforscht wurde. In Russland wird die Problematik des Begriffs, des Wesens und der Struktur von der kriminalistischen Denkweise diskutiert, welche eine Abart der professionellen und juristischen Denkweise bilden.

In der amerikanischen Kriminalistik hat Don Ray die Besonderheiten der kriminalistischen Denkweise

(investigative mindset) begründet. Er hat angewandte Grundlagen zu dieser Lehre und Spezialkurse zu einer kriminalistischen Denkweise für die Studenten der USA sowie für andere Staaten (Nicaragua, Polen, Armenien, Bosnien-Herzegowina und Serbien) ausgearbeitet. Des Weiteren hat er diesen Kurs auch zur Ausbildung von Detektiven und Ermittlern, als eine Art der Erhöhung ihrer Qualifikation, unterrichtet.

Anders als in Russland, wird die wissenschaftliche Betrachtung von theoretischen Grundlagen der „kriminalistischen Denkweisen“ in den USA nicht durchgeführt, sondern es wird die angewandte Form von einer Entwicklung der Denkfähigkeiten durch systematische Übungen und Trainings untersucht.

5. Der Abschnitt der „Kriminaltechnik“ ist in der amerikanischen Kriminalistik der zentrale und wichtigste Bestandteil. In der amerikanischen Kriminalistik wird den Sachbeweisen traditionell eine große Bedeutung zugeteilt. Die Bedeutung der Sachbeweise in den polizeilichen Ermittlungen besteht darin, dass a) es sich um wichtige Straftaten handelt und b) die Sachbeweise nicht lügen können.

Zudem ist das System der Kriminaltechnik, im Unterschied zu Russland, in den USA nicht geordnet. In den Lehrbüchern zur Kriminalistik, sind die einzelnen Bereiche der Kriminaltechnik nicht zu einem Abschnitt verbunden, sondern wechseln sich mit einzelnen Abschnitten der Kriminaltaktik und der Methodik ab.

Der aktuelle Bereich der Kriminaltechnik, ist mit den Betrachtungen der neuesten kriminalistischen Technologien und den Besonderheiten des Verlaufs einer Situation der verbrecherischen Tätigkeit in einem virtuellen Raum verbunden.

Dies scheinen die aktuellen Probleme der Kriminalistik und insbesondere ihrer wissenschaftlichen Ausarbeitung zu sein, welche zudem mit der Entdeckung, der Beschlagnahme und der Nutzung von Spuren, die in einem virtuellen Raum hinterlassen wurden, in Verbindung stehen. In Russland wurden bereits einige Aspekte dieser Probleme im Verlaufe der Jahre betrachtet. Sodass gegenwärtig eine Lehre zu den virtuellen Spuren existiert.

6. In Russland werden im Rahmen der Kriminaltaktik Informationen, welche eine konkrete Bedeutung für die Ermittlungen einer Straftat haben, von den anderen Informationen abgetrennt. In der amerikanischen Kriminalistik wird die Information, mit welcher die Polizei operiert, in zwei Informationsgruppen eingeteilt:

5. Zum einen in die Aufklärungsinformation, welche bezüglich einer konkreten Person zwecks grundsätzlicher Untersuchung von Straftaten gesammelt wird.

2. Zum anderen, die Ermittlungsinformation, welche hinsichtlich einer konkreten Person zwecks Strafatermittlungen im Prozess gesammelt wird.

Abweichend von Russland, wird in dem Einleitungsabschnitt der Kriminaltaktik der USA ein Detektiv eingesetzt, welchem eine besondere Stellung zugeordnet ist und deshalb spezielle Eigenschaften aufzuweisen hat. Darunter zählen folgende Eigenschaften, wie die Beobachtungsgabe, Unbefangenheit, Kommunizierbarkeit, Höflichkeit, Fähigkeit Vertrauen zu erwecken, Kenntnisse im Strafrecht, in der Rechtspsychologie und Kriminalistik. In Russland hat der Ermittler ebenfalls bestimmte Eigenschaften aufzuzeigen, allerdings nicht im Abschnitt der Kriminaltaktik, sondern in den entsprechenden professionellen Standardvorschriften des Ermittlers.

In beiden Ländern wurden Betrachtungen zu den Fragen der taktischen Fehler eines Ermittler durchgeführt.

Der zentrale Teil des Abschnitts der Kriminaltaktik in den USA, ist der Taktik der öffentlichen und nichtöffentlichen Tätigkeit der Polizei gewidmet. Dies ist damit verbunden, dass anders als in Russland, die Vorermittlungs- und Fahndungstätigkeit in den USA sowie auch in Deutschland, nicht als eine selbständige Wissenschaft angesehen wird, sondern einen Teil der Kriminalistik bildet.

7. Einen Bestandteil der Kriminaltaktik bildet die Verhaltenstaktik eines Polizeibeamten im Laufe einer Gerichtsverhandlung, welche durch mehrere Faktoren bestimmt wird (Herstellung psychologischer Kontakte, Besonderheit der Haltung, Gesten und des Verhaltens vor dem Gericht etc.). Zum Beispiel kann der Rechtsanwalt im Laufe der Beweisaufnahme, dem Polizeibeamten eine ganze Reihe im Voraus vorberei-

teter und aufeinanderfolgender Fragen stellen, mit dem Ziel, inkonsequente und widersprüchliche Antworten zu erhalten. In solch einer Situation wird dem Polizeibeamten empfohlen sich nicht direkt zu äußern, sondern zunächst jede Frage zu durchdenken, vorsichtig bei der Abgabe einer jeden Antwort zu sein, die Ruhe zu bewahren und falls notwendig, darum bitten die Frage zu wiederholen. In Russland wurde eine ganze Lehre zur Taktik der Beweisaufnahme ausgearbeitet.

8. Einige taktische Vorschriften, die mit der Durchführung von Ermittlungshandlungen verbunden sind, werden im Rahmen der strafprozessualen Wissenschaft betrachtet.

So wird in den USA, die Lehre über die Zeugen als eine selbständige Richtung angesehen, welche neben der Besonderheit der Betrachtung der einzelnen Persönlichkeitsmerkmale, auch einige taktische Aspekte der Vernehmung sowie Analyse und Würdigung der Zeugenangaben betreffen. Dabei ist interessant, dass die Forscher in der genannten Wissenschaft die Besonderheiten der Zeugen im Strafprozess, so wie auch im Zivilprozess betrachten.

Somit ist eines der wichtigsten Probleme der Gegenwart, die Zusammenfassung Integrierung von kriminal-wissenschaftlichen Erkenntnissen, die in verschiedenen Ländern angesammelt werden sowie auch die Durchführung einiger gemeinsamer wissenschaftlicher Forschungen. Diese Problempunkte scheinen eine besondere Bedeutung im Hinblick auf die jetzigen weltweiten Ereignisse und die wesentlichen negativen Veränderungen, im sozialwirtschaftlichen sowie im politischen Bereich zu haben. Unter Berücksichtigung des angewandten Charakters dieser Wissenschaft, kommt jedoch dem Prozess der Einführung von wissenschaftlichen Empfehlungen in die Praxis eine große Bedeutung zu.

Литература

1. Криминалистика социалистических стран / под ред. В.Я. Колдина. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
2. Inman K., Rudin N. Principles and Practice of Criminalistics: The Profession of Forensic Science. New York, CRC Press Publ. 2000. 392 p.
3. Buckles T. Woodbury College Crime Scene Investigation, Criminalistics, and The Law. 2nd Edition. New York, 2007. 360 p.
4. Saferstein R. Criminalistics: An Introduction to Forensic Science (12th edi.) London, Pearson Publ., 2014. 576 p.
5. Weihmann R. Kriminalistik. Für Studium und Praxis. 10 Auflage, Verlag deutsche polizeiliteratur Bonn, GMBH Buchvertrieb. 2008. 392 p.
6. Клаус Д.П. Естественно-научная криминалистика. М.: Гостехиздат, 1985. 304 с.
7. Anthony J. Bertino, Patricia Bertino Forensic Science: Fundamentals and Investigations. 2nd Edition. Boston, MA: Cengage Learning Publ., 2016. 704 p.
8. Сокол В.Ю. Криминалистика в Германии: понятие, система, перспективы. Краснодар: КрУ МВД России. 2010. 258 с.

9. Гусаков А.Н Криминалистика США: теория и практика ее применения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. 128 с.

References

1. Kriminalistika socialisticheskikh stran [Criminalistics of the socialist countries]. Ed. V.Ja. Koldin. Moscow: Juridicheskaja literature Publ., 1986. 512 p. (In Russian)
2. Inman K., Rudin N. Principles and Practice of Criminalistics: The Profession of Forensic Science. New York, CRC Press Publ. 2000. 392 p.
3. Buckles T. Woodbury College Crime Scene Investigation, Criminalistics, and The Law. 2nd Edition. New York, 2007. 360 p.
4. Saferstein R. Criminalistics: An Introduction to Forensic Science (12th edi.) London, Pearson Publ., 2014. 576 p.
5. Weihmann R. Kriminalistik. Fur Studium und Praxis. 10 Auflage, Verlag deutsche polizeiliteratur Bonn, GMBH Buchvertrieb. 2008. 392 p.
6. Klaus D. P. Estestvenno-nauchnaja kriminalistika. M.: Gostehizdat, 1985. 304 с.
7. Anthony J. Bertino, Patricia Bertino Forensic Science: Fundamentals and Investigations. 2nd Edition. Boston, MA: Cengage Learning Publ., 2016. 704 p.
8. Sokol V.Ju. Kriminalistika v Germanii: ponjatie, sistema, perspektivy [Forensic science in Germany: concept, system, perspectives: monograph]. Krasnodar: KrU MVD Rossii Publ., 2010. 258 p. (In Russian)
9. Gusakov A.N Kriminalistika SShA: teorija i praktika ee primenenija [US Forensic Science: Theory and Practice of Its Application]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1993. 128 p. (In Russian)

КОНТРАБАНДА И «КОНТРАБАНДНЫЕ» ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Грачева Юлия Викторовна
Чучаев Александр Иванович

Цель: уточнить законодательные признаки четырех составов контрабанды на основе теоретической оценки наиболее значимых ее характеристик.

Методология: анализ, синтез, дедукция и индукция, диалектический, историко-правовой и системный методы.

Выводы.

1. В Уголовном кодексе РФ существует четыре статьи, в которых описана контрабанда, и четыре статьи, в которых изложены признаки «контрабандных» преступлений. Законодатель прав, не назвав последнюю группу посягательств контрабандой, поскольку общественно опасное деяние каждого из рассматриваемых преступлений не исчерпывается незаконным перемещением предмета преступления через границу, а характеризуется еще рядом альтернативных действий.

2. История генезиса и эволюции уголовного законодательства об ответственности за контрабанду свидетельствует о том, что ее возникновение и изменение обусловлены развитием таможенного дела, экономики страны, внутренней и внешней торговли. Зарождалась и развивалась контрабанда еще в древние века, когда впервые была введена пошлина на ввозимые и вывозимые товары, возрастание ее масштабов происходило пропорционально росту пошлин и было связано с незаконным, скрытым перемещением товаров помимо таможен или через таможи, с их сокрытием.

Пошлины служили: а) существенным источником для пополнения казны; б) инструментом для регулирования внешней и внутренней торговли.

Позже контрабанда приобрела дополнительные черты, стала охватывать не только уклонение от уплаты пошлин, но и запрет на ввоз или вывоз определенных товаров.

3. Декриминализация «товарной» контрабанды 7 декабря 2011 г. виделась правильной и была обусловлена несколькими факторами: а) в 2009 г. три страны Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) подписали Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза; б) общественная опасность «товарной» контрабанды заключается в неуплате таможенных пошлин, но в УК РФ данное деяние подпадает под признаки ст. 194 УК РФ.

4. Непосредственный объект контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ) – это общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью охраны общественной безопасности, в связи с чем ст. 200¹ УК РФ следовало бы расположить в гл. 24 УК РФ.

5. Требуется уточнение расположение ст. 200² УК РФ в системе норм Особенной части УК РФ и обстоятельства места совершения контрабанды.

6. Во всех четырех составах контрабанды необходимо заметить словосочетание «таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» на «таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС».

7. В ст. 226¹ и 229¹ УК РФ правильное указание помимо таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС на государственную границу РФ обусловлено предметом контрабанды, каковым являются предметы, ограниченные в гражданском обороте.

Научная и практическая значимость. В статье сформулированы выводы, которые могут быть использованы при проведении дальнейших исследований как контрабанды, «контрабандных» преступлений, так и таможенных преступлений, а также при разработке разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ и правоохранительными органами в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: контрабанда, «контрабандные» преступления, Таможенный союз ЕАЭС, Государственная граница РФ, граница Таможенного союза ЕАЭС, уголовная ответственность, ввоз на территорию РФ, вывоз с территории РФ, обстоятельство места совершения контрабанды, уклонение от уплаты таможенных платежей.

В УК РФ имеется четыре статьи, в которых описана контрабанда, и четыре статьи, в которых изложены признаки «контрабандных» преступлений. К преступлениям первой группы следует отнести деяния, в названии которых законодатель использует термин «контрабанда». Подтверждение такому подходу можно найти в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6, июнь, 2017*), в котором отмечается, что «в целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовного закона об ответственности за контрабанду (статьи 200¹, 200², 226¹ и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации...)». В указанных составах преступлений под контрабандой понимается незаконное перемещение предмета преступления через таможенную границу Таможенного союза или Государственную границу РФ. Примерно так же контрабанда определяется в толковом словаре русского языка – «нарушающий таможенное законодательство тайный провоз товаров и других предметов через границу, а также товары, предметы, перевезенные таким способом» [5, с. 286].

Вторую группу составляют преступления, в названии которых не используется термин «контрабанда», но при их совершении предусматривается незаконное перемещение предмета преступления через Государственную границу РФ. Деяние в этих составах описывается по-разному. Так, в ст. 234¹ УК РФ говорится о ввозе на территорию Российской Федерации, вывозе с территории РФ...»; в ст. 238¹ – о ввозе на территорию РФ; в ст. 242 – о незаконном перемещении через Государственную границу РФ; в ст. 242¹ УК РФ – о перемещении через Государственную границу РФ.

Законодатель не называет преступления, входящие во вторую группу, контрабандой, поскольку общественно опасное деяние каждого из них не исчерпывается незаконным перемещением предмета через границу и характеризуется еще рядом альтернативных действий. Например, в ст. 234¹ деяние описано как «незаконные производство, изготовление, переработка, хранение,

перевозка, пересылка, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта, а равно незаконный сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен», т.е. из 10 альтернативных форм деяния только две связаны с контрабандным перемещением указанных предметов.

Попробуем оценить, насколько обосновано существование на сегодняшний день наличие в УК РФ четырех составов преступлений под названием контрабанда и в чем состоит их общественная опасность. Генезис и эволюция уголовного законодательства об ответственности за контрабанду достаточно хорошо изучены [2; 3; 10]. Ученые приходят к выводу, что ответственность за контрабанду «возникает и эволюционирует неразрывно с развитием таможенного дела, экономикой страны, внутренней и внешней торговлей. Зарождалась и развивалась контрабанда еще в древние века, когда впервые была введена пошлина на ввозимые и вывозимые товары, возрастание ее масштабов происходило пропорционально росту пошлин и было связано с незаконным, скрытым перемещением товаров помимо таможен или через таможни, с их сокрытием» [6, с. 10].

Введение пошлин обуславливалось рядом обстоятельств. Во-первых, они служили источником для пополнения казны. Особенно отчетливо это проявлялись в установлении жесткого контроля за производством и оборотом таких товаров, как алкоголь, табак, а также исключительного права государства на эмиссию денежных средств. На определенных этапах развития российского государства сложность и запутанность системы исчисления пошлин способствовали злоупотреблениям со стороны их сборщиков и к росту количества незаконно перевозимого товара. Во-вторых, пошлины являлись средством, регулирующим внутреннюю и внешнюю торговлю. Например, централизация в изготовлении напитков, их сбыте и сборе пошлин способствовала распространению корчем, впоследствии кабаков. Начиная с XI в.

в Новгороде и Пскове корчмы находились в собственности городских общин. В этой связи княжим людям запрещалось иметь корчмы и изготавливать хмельные напитки, а иностранным купцам в Пскове была категорически запрещена торговля хмельными напитками [9, с. 24–29]. Там, где была сильна княжеская власть, корчемство облагалось налогом и находилось в исключительном ведении князей, тайное корчемство преследовалось. Борьба с ним и провозом хмельных напитков была обусловлена стремлением не только предотвратить причинение ущерба казне, но и противодействовать злоупотреблению алкоголем [6, с. 18–19]. Так, Иван III, видя, что подданные его предаются пьянству и пренебрегают полезными занятиями, издал указ, запрещающий варить мед, пиво и употреблять хмель [1, с. 59].

Заботой о здоровье населения наряду с интересами казны, был обусловлен запрет на употребление, разведение и торговлю табаком, действовавшим с 1634 по 1697 г. [15, с. 3, 4].

Таким образом, изначально контрабанда представляла собой уклонение от уплаты пошлин. Ее общественная опасность заключалась в посягательстве на интересы казны, интересы государства на внутреннем и внешнем рынке. Однако со временем ей становятся присущи и иные черты. Это преступление стало охватывать запрет ввоза и (или) вывоза определенных товаров, обусловленный различными причинами. Например, заботой о здоровье населения или защитой внутреннего рынка от конкуренции, протекционистской политикой в отношении собственных товаров и т.д.

До XX в. основной задачей государства (на фоне укрепления и централизации страны) было установление финансовой независимости, требовавшей достаточного количества серебра, а потом и золота для обеспечения эмиссии денежных средств, поэтому существовали ограничения по вывозу этих металлов за границу. В дальнейшем такая политика распространилась на ассигнации и бумажные денежные средства [6, с. 26]. В советский период внешнеторговая деятельность была национализирована, денежные средства, включая иностранную валюту, были ограничены в обороте и могли вывозиться из страны только при наличии специального разрешения (см.: *Декрет СНК РСФСР от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ»* // *СУ РСФСР. 1921. № 70. Ст. 564*; *Декрет СНК РСФСР от 18 ноября 1921 г. «О сделках с иностранной валютой и драгоценными металлами»* // *СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 698*).

Статья 188, включенная в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» в январе 1997 г., состояла из четырех частей. В ч. 1 предусматривалась ответственность за «товарную» или «экономическую» контрабанду, т. е. за незаконное перемещение в крупном размере через таможенную границу РФ товаров или иных предметов, за исключением указанных в ч. 2, в которой перечислялись предметы, изъятые из свободного гражданского оборота, а ч. 3 и 4 отягчали ответственность квалифицированными признаками.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362*) указанная статья утратила силу, а товарная контрабанда была декриминализована. Этим же Законом Уголовный закон был дополнен:

а) ст. 226¹ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей»;

б) ст. 229¹ «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ».

Декриминализация «товарной» контрабанды обусловлена рядом факторов.

Во-первых, три страны Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) – Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация – 27 ноября 2009 г. в Минске подписали Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза (*СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615*). В соответствии с этим Кодексом территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации составляют Единую таможенную территорию Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (*Федеральный*

закон от 2 июня 2010 г. № 114-ФЗ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе таможенного союза» // СЗ РФ. 2010. № 23. Ст. 2796). С 1 июля 2011 г. на внутренних границах этих трех стран снят контроль за перемещением товаров.

10 октября 2014 г. главы государств России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в связи с началом функционирования с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (*Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.)*) // [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (Дата обращения: 15.11.2018 г.).

Во-вторых, если виновный незаконно перевозит через таможенную границу товар, например, не декларировав его, и тем самым уклоняется от уплаты таможенных платежей, то при наличии всех остальных признаков состава преступления уголовная ответственность наступит по ст. 194 УК РФ.

Позже законодатель посчитал, что общественные отношения в экономической и финансовой сферах перестали быть должным образом защищенными, поэтому были приняты федеральные законы:

от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» (СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207);

от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» (СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 83).

Этими законами УК РФ был дополнен соответственно ст. 200¹ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» и 200² «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий».

Введение запрета на оборот предметов, закрепленных в ст. 226¹ и 229¹ УК РФ, не вызывает возражений, хотя их изложение с точки зрения юридической техники небезупречно, а вот обоснованность криминализации деяний в ст. 200¹ и 200² вызывает сомнения.

Размер незаконно перемещенных наличных денег в 2014–2017 гг. составил соответственно 222 млн руб., 244 млн руб., 228 млн руб. и 141 млн руб., а стоимость незаконной алкогольной продукции и табачных изделий – 171 млн руб., 265 млн руб., 157 млн руб. (*ФТС России: показатели право-*

охранительной деятельности таможенных органов РФ за 2014–2017 годы. [Электронный ресурс] URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=55:2011-01-24-16-40-26&layout=default; <http://customs.staging.itesoft.ru/7668/document/13355>. (Дата обращения: 01.08.2018)). Приведенные данные свидетельствуют о необходимости таможенного контроля за перемещаемыми товарами, но место соответствующих запретов в УК РФ, скорее всего, определено неточно.

Н.Е. Панфилова, изучив материалы уголовных дел, возбужденных по ст. 200¹ УК РФ, выявила, что 56% осужденных по ч. 1 данной статьи, незаконно переместили через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС денежные суммы в размере от 20 до 30 тыс. долл. США, 33% – от 30 до 40 тыс. долл., 13% – от 40 до 50 тыс. долл. [7, с. 130–135]. Эти данные свидетельствуют о том, что вряд ли такие деяния способны причинить вред внешнеэкономической деятельности России, для ее охраны больше подходят диспозиции ст. 193 и 193¹ УК РФ. Кроме того, следует иметь в виду, что предпосылкой криминализации незаконного перемещения через таможенную границу наличных денежных средств и (или) денежных инструментов является решение Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 5 июля 2010 г. № 51 (*данный документ утратил силу с 1 января 2018 г. в связи с вступлением в силу Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС*), принятого в целях противодействия отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (*Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. М., 2012*). Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) рекомендовалось: установить меры по выявлению физического трансграничного перемещения наличных денег и оборотных инструментов, в том числе через систему декларирования и (или) информирования, и ввести эффективные и соразмерные санкции в отношении лиц, которые осуществляют недостоверное декларирование или информирование. «Перемещение денег для террористических организаций осуществляется в несколько этапов: собранные средства пересылаются в рамках серии электронных переводов, а затем снимаются наличными для дальнейшей перевозки курьерами. Также отмечаются случаи, когда наличные деньги вновь клались на лицевые счета» [6, с. 35–36].

Таким образом, рассматриваемая норма была включена в УК РФ в целях противодействия прежде всего терроризму и совершению иных преступлений. Кстати, еще одним доводом в обоснование того, что непосредственным объектом рассматриваемого преступления является общественная безопасность, служит то, что оборот наличной денежной массы весьма небольшой. Основная часть населения использует для осуществления расчетов безналичные денежные средства, при пересечении таможенной границы размер средств на кредитной карте не контролируется, т.е. на ней могут находиться суммы, значительно превышающие разрешенные для вывоза (ввоза) без декларирования. Это объяснимо, так как оборот безналичных денежных средств находится под контролем банков. Недекларируемые наличные денежные средства, как правило, имеют нелегальный источник происхождения, не всегда преступный, но в большинстве своем незаконный. Исходя из этого, предусматривается, что непосредственным объектом контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹) следует признавать общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью охраны общественной безопасности. Указанную статью следовало бы поместить в гл. 24 УК РФ, например под номером 205⁷.

Статья 200² предусматривает ответственность за контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Большинство авторов полагают, что поскольку она содержится в гл. 22 УК РФ, непосредственным объектом преступления являются отношения во внешнеэкономической сфере. Однако высказываются и иные точки зрения [17, С. 426, 432]. Так, Т.М. Лопатина объектом этого преступления считает порядок внешнеэкономической деятельности по обеспечению товарооборота через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции и табачных изделий [4, с. 29–30]. Т.Д. Устинова пишет, что непосредственный объект такой контрабанды заключается в установленном порядке перемещения через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции и табачных изделий [16, С. 220–221]. Некоторые ученые выделяют дополнительный непосредственный объект в виде общественных отношений, связанных с установленным порядком перемещения товаров (предметов) через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС [14, с. 3–9].

Незаконное перемещение алкогольной продукции через таможенную границу опасно в силу ряда причин. Во-первых, если речь идет о каче-

ственной, нефальсифицированной продукции, то общественная опасность будет выражаться в уклонении от уплаты таможенных платежей. В этом случае вред причиняется внешнеэкономической деятельности как непосредственному объекту преступления, но ответственность должна наступать по ст. 194 УК РФ. Данный состав будет в этой части специальным по отношению к сформулированному в ст. 202² УК РФ. Во-вторых, предмет преступления может быть фальсифицирован, причем фальсификат может быть как минимум двух видов. Первый вид – качественная продукция, она поступает по поддельным документам в связи с тем, что, например, в отношении страны-производителя Россией приняты экономические санкции. В этом случае вред причиняется внешнеполитическим интересам Российской Федерации. Второй вид – продукция, не отвечающая техническим регламентам, вред в данном случае будет причиняться безопасности здоровья населения. Следует сказать, что ст. 200² введена в УК РФ Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» (СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 83). Кроме того, одной из правовых предпосылок дополнения УК РФ данным составом преступления является Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года (СЗ РФ. 2010. № 2. Ст. 264).

В этой связи представляется, что рассматриваемую норму, возможно, следовало бы включить в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», но данный вопрос требует дополнительного изучения.

Характерной особенностью всех четырех рассматриваемых составов преступлений является то, что законодатель по-разному описал в них место совершения преступления. В ст. 226¹ и 229¹ им является таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственная граница РФ с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС; в ст. 200¹ – как таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС; в ст. 200² – как таможенная граница Таможенного союза [8, с. 147–155].

Во-первых, как отмечалось выше, ЕврАзЭС уже не существует. На это обратил внимание Пле-

нум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам о контрабанде» указав, что с учетом положений п. 2 ст. 101 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. под используемыми в ст. 200¹, 200², 226¹ и 229¹ УК РФ терминами «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» и «таможенная граница Таможенного союза» следует понимать таможенную границу ЕАЭС. Однако разъяснение Пленума Верховного Суда РФ не может корректировать уголовный закон – требуется внесение в него соответствующих изменений.

Во-вторых, в двух составах преступлений (ст. 226¹ и 229¹) наряду с границей Таможенного союза ЕАЭС указана Государственная граница РФ. Согласно ст. 5 ТК ЕАЭС таможенную территорию ЕАЭС составляют территории государств-членов, а также находящиеся за пределами их территорий искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых указанные государства обладают исключительной юрисдикцией, а таможенной границей ЕАЭС являются пределы таможенной территории ЕАЭС, а также в соответствии с международными договорами в рамках ЕАЭС – пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств-членов.

Статья 1 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (*Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594*) определяет Государственную границу РФ как линию и проходящую по этой линии вертикальную поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета России.

Таможенная граница ЕАЭС совпадает с отдельными участками государственных границ Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России (за исключением участков государственных границ этих стран друг с другом), а также с государственной границей Армении. Например, таможенная граница ЕАЭС состоит из сухопутных участков российско-норвежской, российско-финляндской, российско-латвийской, российско-литовской, российско-польской, российско-украинской, российско-грузинской, российско-азербайджанской, российско-китайской, российско-монгольской, российско-северокорейской границ [12, с. 3–11].

Следует отметить, что Государственная граница РФ не совпадает с границей Таможенного союза ЕАЭС, т. е. последняя выходит за пределы территории РФ [13, с. 3–13].

В.И. Плохова полагает, что включение в ст. 226¹ и 229¹ двух видов границ обусловлено предметом преступления [8, с. 147–155], ограниченным в гражданском обороте. Это не противоречит тому, что в ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного, фитосанитарного и т.д.). Пункт 3 ст. 29 Договора о Евразийском экономическом союзе допускает возможность ограничения оборота отдельных категорий товаров, если такие ограничения необходимы: 1) для охраны жизни и здоровья человека; 2) для защиты общественной морали и правопорядка; 3) охраны окружающей среды; 4) для охраны животных и растений, культурных ценностей; 5) для выполнения международных обязательств; 6) для обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена ЕАЭС. При этом порядок перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза определяется в соответствии с Договором, а также с международными договорами в рамках Союза.

Запреты и ограничения на перемещение через Государственную границу РФ с государствами-членами ЕАЭС должны быть закреплены в российских нормативных правовых актах и (или) международных документах.

Как указывает А.В. Скачко, по данным «Интерпола» объем контрабанды сигарет ежегодно составляет примерно 700 миллиардов штук и приносит прибыль около 50 миллиардов долларов. В Россию основные контрабандные поставки табачных изделий следуют из Казахстана и Белоруссии. Белорусские табачные фабрики производят 33 миллиарда штук сигарет, а для внутреннего потребления используют только половину производства. В странах Европейского союза таможенный и пограничный контроль строгий и наказывают там за подобные нарушения достаточно жестко. Соответственно поток сигарет направляется в Россию, так как границы открыты...» [11, с. 73].

Думается, было бы целесообразным уточнить не только расположение ст. 200² в УК РФ, но и обстоятельство места совершения контрабанды, дополнив его указанием на Государственную границу РФ.

Подводя итог, отметим, что Россия имеет богатый опыт регулирования общественных отношений в области таможенного дела. За последние семь лет нормы, предусматривающие ответственность за контрабанду, подвергались неоднократным изменениям, и этот процесс, судя по всему, не завершен.

BANNBRUCH UND BANNBRUCHSÄHNLICHE DELIKTE: ÄHNLICHKEITEN UND UNTERSCHIEDE

Vier Vorschriften des Strafkodexes der RF regeln die Arten des Bannbruchs und weitere vier die Merkmale der bannbruchsähnlichen Delikte. Zur ersten Gruppe zählen solche Taten, in denen der Gesetzgeber im Titel der Vorschrift den Begriff "Bannbruch" verwendet. Die zweite Gruppe bilden solche Straftaten, in denen der Begriff "Bannbruch" nicht verwendet wird, aber auch eine Fortschaffung von Gegenständen der Straftat entgegen dem gesetzlichen Verbot durch die Grenzen der RF vorsieht, wobei die Tat in diesen Straftatbeständen unterschiedlich dargestellt wird. So im Art. 234¹ des Strafkodexes der RF: "Einfuhr in das Hoheitsgebiet der Russischen Föderation, Ausfuhr aus dem Hoheitsgebiet der Russischen Föderation"; im Art. 238¹ des Strafkodexes der RF "Einfuhr in das Hoheitsgebiet der Russischen Föderation (...)"; im Art. 242 des Strafkodexes der RF "Fortschaffung durch die Staatsgrenze der Russischen Föderation"; im Art. 242¹ "Fortschaffung durch die Staatsgrenze der Russischen Föderation (...)".

Der Gesetzgeber nennt durchaus begründet im Bannbruch nicht die Taten, die in der zweiten Gruppe enthalten sind, weil die Taten des jeweiligen Straftatbestandes nicht bloß mit der Fortschaffung des Gegenstandes durch die Grenze erschöpft sind, sondern mit einer Reihe von alternativen Handlungen charakterisiert werden. Z.B. im Art. 234¹ des Strafkodexes der RF ist die Tat als "rechtswidrige Produktion, Herstellung, Überarbeitung, Aufbewahrung, Beförderung, Übermittlung, Erwerb, Einfuhr in das Hoheitsgebiet der Russischen Föderation, Ausfuhr aus dem Hoheitsgebiet der Russischen Föderation zwecks Absatzes sowie das rechtswidrige Absetzen von neuen potentiell gefährlichen psychoaktiven Stoffen, deren Verkehr in der Russischen Föderation verboten ist" bezeichnet. Also nur zwei von zehn alternativen Formen der Tat sehen die rechtswidrige Fortschaffung vor.

Die Geschichte der strafrechtlichen Gesetzgebung zeugt davon, dass die Entstehung und die Evolution des Bannbruchs durch die Entwicklung des Zollwesens, der Wirtschaft des Landes, dem Innen- und Außenhandel, der Einführung von Abgaben für eingeführte und ausgeführte Waren bedingt ist. Das Anwachsen der Maßstäbe geschah proportional zum Ansteigen der Ollgebühren und war verbunden mit der rechtswidrigen verborgenen Fortschaffung von Waren außerhalb der Zollstellen oder mit Verheimlichung von den Zollstellen.

Später bekam der Bannbruch zusätzliche Merkmale. Der Straftatbestand erfasste nicht nur die Zollhin-

terziehung, sondern auch das Verbot der Einfuhr oder Ausfuhr bestimmter Waren, welches durch verschiedene Gründe bedingt war, z.B. durch die Gesundheits-sorge der Bevölkerung, durch den Schutz des Binnenmarktes vor Konkurrenz, durch die protektionistische Politik für die eigenen Waren usw.

Durch das Föderalgesetz vom 7. Dezember 2011 № 420-FG "Über die Einbringung von Änderungen in den Strafkodex der Russischen Föderation und in den einzelnen Rechtsakten der Russischen Föderation", ist der Art. 188 des Strafkodexes der RF außer Kraft getreten. Durch dieses Gesetz wurde der Strafkodex der RF durch die Artikel 226¹ und 229¹ ergänzt.

Die Entkriminalisierung des sogenannten Warenbannbruchs war durch einige Faktoren bedingt:

a) im Jahre 2009 wurde die Vereinbarung über einen Zollkodex im Rahmen der Zollunion unterzeichnet, b) seine Gemeingefährlichkeit besteht in der Nichtzahlung von Zollgebühren, stellt daher eine Straftat dar, die im Art. 194 des Strafkodexes der RF vorgesehen ist.

Nach den Föderalgesetzen vom 28. Juni 2013 № 134-FG "Über die Einbringung von Änderungen in den einzelnen Rechtsakten der Russischen Föderation, bezüglich der Bekämpfung von rechtswidrigen Finanzdienstleistungen" und vom 31. Dezember 2014 № 530-FG "Über die Einbringung von Änderungen in den einzelnen Rechtsakten der Russischen Föderation, bezüglich der Verstärkung der Bekämpfung des Verkehrs von gefälschter Produktion und dem Bannbruch von Alkoholproduktion und Tabakerzeugnissen", wurde der Strafkodex der

RF mit dem Art. 200¹ "Bannbruch von Bargeld und (oder) Geldinstrumenten" und Art. 200² "Bannbruch von Alkoholproduktion und (oder) Tabakerzeugnissen".

Die Einführung des Verbots auf den Warenverkehr, das in den Art. 226¹ und 229¹ des Strafkodexes der RF verankert ist, erweckt keine Einwände, wohingegen die Begründetheit der

Kriminalisierung der Taten, die in den Art. 200¹ und 200² des Strafkodexes der RF dargestellt sind und deren Stellung im Strafkodex nicht so offensichtlich seien. Erstens zeigt die Praxis, dass die Taten nicht in einer solchen Lage sind, der außenwirtschaftlichen Tätigkeit Russlands einen Schaden zuzufügen. Für deren Schutz sind eher solche Normen geeignet, die in den Art. 193 und 193¹ des Strafkodexes der RF geregelt sind. Zweitens muss man beachten, dass die Voraus-

setzung für die Kriminalisierung der rechtswidrigen Fortschaffung von Bargeldmitteln und (oder) Geldinstrumenten durch die Zollgrenze, die Entscheidung vom 5. Juli 2010 № 51 des Zwischenstaatlichen Rates der Eurasischen Wirtschaftsgemeinschaft ist. Diese wurde zum Zwecke der Bekämpfung der Geldwäsche, Finanzierung des Terrorismus und der Verbreitung von Massenvernichtungswaffen getroffen.

Somit ist die betrachtete Norm vor allem zur Bekämpfung des Terrorismus und der Begehung von anderen Taten eingeführt worden. Diesbezüglich ist als unmittelbares Objekt des Bannbruchs von Bargeldmitteln und (oder) Geldinstrumenten (Art. 2001 des Strafkodexes der RF) das gesellschaftliche Verhältnis, welches mit der Notwendigkeit des Schutzes der öffentlichen Sicherheit entsteht, anzunehmen. Daher sollte der Art. 2001 des Strafkodexes der RF im Kapitel 24 verankert sein.

Art. 2002 des Strafkodexes der RF sieht eine Verantwortlichkeit wegen Bannbruchs von Alkoholproduktion und (oder) Tabakerzeugnissen vor. Die herrschende Meinung geht davon aus, dass soweit die Norm in dem 22. Kapitel des Strafkodexes der RF geregelt ist, als die unmittelbaren Objekte der Straftat, die Verhältnisse im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeit auftreten.

Zudem kommt die Gemeingefährlichkeit der Straftat in einigen Momenten zum Ausdruck. Zum einen, wenn die Rede von einer qualitativ nicht gefälschten Produktion ist, dann wird diese durch die Hinterziehung von Zollgebühren festgestellt. In diesem Fall wird der Schaden auf die außenwirtschaftliche Tätigkeit als unmittelbares Objekt der Straftat zugefügt. Eine Verantwortlichkeit soll aus dem Art. 194 des Strafkodexes der RF abgeleitet werden. Dieser Straftatbestand ist in diesem Teil spezieller gegenüber dem Art. 2002 des Strafkodexes der RF. Des Weiteren kann der Gegenstand der Straftat gefälscht werden, wobei die Fälschung in zweierlei Art auftreten kann. Erstens: Die qualitative Produktion kommt mit gefälschten Unterlagen herein, wenn z.B. Russland gegen das Herstellerland wirtschaftliche Sanktionen verhängt hat. In diesem Fall wird den außenpolitischen Interessen der Russischen Föderation ein Schaden zugefügt. Die zweite Art von gefälschten Produktionen sind solche, die den technischen Voraussetzungen nicht entsprechen. Hier wird der gesundheitlichen Sicher-

heit der Bevölkerung ein Schaden zugefügt. Weiterhin ist Art. 2002 des Strafkodexes der RF, mit dem Föderalgesetz vom 31. Dezember 2014 № 530-FG "Über die Einbringung von Änderungen in die einzelnen Rechtsakte der Russischen Föderation, bezüglich einer Verstärkung der Bekämpfung mit dem Verkehr von nachgeahmten Produktionen und dem Bannbruch von Alkoholproduktion und Tabakerzeugnissen", eingefügt worden. Außerdem ist die rechtliche Voraussetzung zu der Erscheinung dieses Straftatbestandes, die Konzeption von der Realisierung der Staatspolitik zur Verringerung des Missbrauchs von Alkoholproduktion und der Prävention von Alkoholabhängigkeit in der Bevölkerung der RF für den Zeitraum bis 2020.

Diesbezüglich ist zu betrachten, dass die Stellung des untersuchten Straftatbestandes nicht optimal gewählt wurde. Möglicherweise sollte dieser in das 25. Kapitel des Strafkodexes der RF für "Straftaten gegen die Gesundheit der Bevölkerung und die gesellschaftlichen Sitten" verlegt werden.

Die charakteristische Besonderheit aller vier betrachteten Straftatbestände ist, dass der Gesetzgeber die Umstände der Ortsbestimmung, bei der Begehung der Straftat, unterschiedlich bezeichnet hat. In den Art. 226¹ und 229¹ des Strafkodexes der RF wird dieser als die Zollgrenze der Zollunion, im Rahmen der Eurasischen Wirtschaftsgemeinschaft oder als die Staatsgrenze der Russischen Föderation mit den Mitgliedstaaten der Zollunion bestimmt; im Art. 200¹ des Strafkodexes der RF hingegen allein die Zollgrenze im Rahmen der Eurasischen Wirtschaftsgemeinschaft; im Art. 200² des Strafkodexes der RF als die Zollgrenze der Zollunion. Allerdings existiert die Eurasische Wirtschaftsgemeinschaft wie bereits erwähnt nicht mehr. Zudem wird in zwei Straftatbeständen (Art. 226¹ und 229¹ des Strafkodexes der RF) neben der Grenze der Zollunion der Eurasischen Wirtschaftsunion auch die Staatsgrenze der RF benannt, welche durch den Gegenstand der Straftat bedingt ist und durch den zivilrechtlichen Verkehr beschränkt wird.

Es erscheint daher zweckmäßig, nicht nur die Anordnung des Art. 200² im System des Strafkodexes der RF klarzustellen, sondern auch die Umstände der Ortsbestimmung bei der Begehung eines Bannbruchs, welche um einen Hinweis auf die Staatsgrenze der RF ergänzt werden sollten.

Литература

1. Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1836. 32 с.
2. Богданов Д.И. Историко-правовой анализ законодательства об ответственности за таможенные преступления и контрабанду. М., 2004. 47 с.

3. Грязнов А.В. Контрабанда (ст. 188 УК РФ). Историко-правовое, социологическое, уголовно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 233 с.
4. Лопатина Т.М. Контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий: объективные признаки // Уголовное право. 2015. № 6. С. 29–30.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. 928 с.
6. Панфилова Н.Е. Контрабанда денежных средств и инструментов, алкоголя и табачных изделий: уголовно-правовые и криминологические проблемы / под ред. С.И. Голубева. М., 2018. 240 с.
7. Панфилова Н.Е. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов сквозь призму судебных решений // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3. С. 130–135.
8. Плохова В.И. Толкование признаков контрабанды // Lex Russica. 2016. № 5. С. 147–155.
9. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1914. 229 с.
10. Рогатых Л.Ф. Уголовно наказуемая контрабанда. СПб., 2005. 140 с.
11. Скачко А.В. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: концептуальные подходы к регламентации ответственности и предупреждению в законодательстве России. М., 2016. 312 с.
12. Федоров А.В. Место совершения контрабанды // Российский следователь. 2017. № 16. С. 3–11.
13. Федоров А.В. Новые разъяснения по делам о контрабанде // Российский следователь. 2017. № 15. С. 3–13.
14. Федоров А.В. Общественная опасность и объект контрабанды алкогольной продукции и табачных изделий // Российский следователь. 2017. № 21. С. 3–9.
15. Чулков М. История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II. Казань, 1855. 41 с.
16. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2018. 592 с.
17. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2017. 822 с.

References

1. Biblioteka inostrannyh pisatelej o Rossii [Library of foreign writers about Russia]. Otd. 1. Vol.1. SPb., 1836. 32 p. (in Russian)
2. Bogdanov D. I. Istoriko-pravovoj analiz zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za tamozhennye prestupleniya i kontrabandu [Historical and legal analysis of the legislation on responsibility for customs crimes and smuggling]. Moscow, 2004. 47 p. (in Russian)
3. Gryaznov A. V. Kontrabanda (st. 188 UK RF). Istoriko-pravovoe, sociologicheskoe, ugovolno-pravovoe issledovanie: diss. ... kand. yurid. nauk [Smuggling (article 188 of the criminal code). Historical and legal, sociological, criminal law research: diss. ... kand. the faculty of law. sciences']. Moscow, 2000. 233 p. (in Russian)
4. Lopatina T. M. Kontrabanda alkohol'noj produkcii i tabachnyh izdelij: ob'ektivnye priznaki [Smuggling of alcohol and tobacco products: objective signs], Ugolovnoe parvo [Criminal law], 2015. no. 6, pp. 29–30. (in Russian, abstract in English)
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 2nd ed. Moscow, 1995. 928 p. (in Russian)
6. Panfilova N. E. Kontrabanda denezhnyh sredstv i instrumentov, alkogolya i tabachnyh izdelij: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problemy [Smuggling of money and tools, alcohol and tobacco products: criminal law and criminological problems]. Ed. S. I. Golubev. Moscow, 2018. 240 p. (in Russian)
7. Panfilova N. E. Kontrabanda nalichnyh denezhnyh sredstv i (ili) denezhnyh instrumentov skvoz' prizmu sudebnyh reshenij [Smuggling of cash and (or) monetary instruments through the prism of judicial decisions], Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii [Bulletin of the Omsk law Academy], 2017, no. 3, pp. 130–135. (in Russian, abstract in English)
8. Plokhova V. I. Tolkovanie priznakov kontrabandy [Interpretation of signs of smuggling], Lex Russica, 2016, no. 5, pp. 147–155. (In Russian, abstract in English)
9. Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda [The History of taverns in Russia in connection with the history of the Russian people]. Moscow, 1914. 229 p. (in Russian)

10. Rogatykh L. F. Uголовно наказуемая контрабанда [Criminal offense of smuggling]. Sankt Petersburg, 2005. 140 p. (in Russian)
11. Skachko A. V. Kontrabanda i ukлонenie ot uplaty tamozhennyh platezhej: konceptual'nye podhody k reglamentacii otvetstvennosti i preduprezhdeniyu v zakonodatel'stve Rossii [Smuggling and evasion of customs payments: conceptual approaches to liability regulation and prevention in Russian legislation]. Moscow, 2016. 312 p. (in Russian)
12. Fedorov A. V. Mesto soversheniya kontrabandy [The place of smuggling]. Rossijskij sledovatel' [Russian investigator], 2017, no. 16, pp. 3–11. (in Russian)
13. Fedorov A. V. Novye raz'yasneniya po delam o kontrabande [New explanations on cases of smuggling], Rossijskij sledovatel' [Russian investigator], 2017, no. 15, pp. 3–13. (in Russian, abstract in English)
14. Fedorov A. V. Obshchestvennaya opasnost' i ob'ekt kontrabandy alkohol'noj produkcii i tabachnyh izdelij [Public danger and object of smuggling of alcohol and tobacco products], Rossijskij sledovatel' [Russian investigator], 2017, No. 21, pp. 3–9. (in Russian, abstract in English)
15. Chulkov M. Istoriya zakonodatel'stva o tabachnoj promyshlennosti v Rossii do Ekateriny II [History of legislation on the tobacco industry in Russia before Catherine II]. Kazan, 1855. 41 p. (in Russian, abstract in English).
16. Uголовное право. Osobennaja chast' [Criminal law. Special part]. A.I. Chuchaev Ed. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 592 p. (in Russian)
17. Uголовное право Rossii. Chasti Obshhaja i Osobennaja [Criminal law of Russia. Parts General and Special]. A.I. Rarog. Ed. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 822 p. (in Russian)

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УК РФ

Дубовик Ольга Леонидовна

Цель: основной целью является выявление обоснованности уголовно-правового регламентирования содержания общих и специальных квалифицирующих признаков экологических преступлений по гл. 26 УК РФ. Дополнительно в качестве исследовательской задачи выясняется, каково значение этих признаков в составах преступлений, имеющих экологическую компоненту, но ответственность за совершение преступлений предусмотрена и в других главах УК РФ – 24, 25, 34. Главной задачей представляется определение систематики и распределения квалифицирующих признаков посягательств (непосредственных либо косвенных) на окружающую среду, ее компоненты и объекты, на экологическую безопасность РФ и ее граждан. Это позволит уточнить как перечень, так и значение квалифицирующих признаков данной группы преступлений.

Методология: методы структурного анализа, логико-догматического анализа, лингвистико-структурального анализа и сравнительного правоведения.

Выводы. При всем внимании, уделяемом в литературе в комментариях к УК РФ, учебниках по уголовному праву, монографических публикациях проблеме квалифицирующих признаков составов преступления, в первую очередь многообъектных, таких как преступления против общественной безопасности или экономических, их систематика, оценке соотношения общих и специальных квалифицирующих признаков, их установлению и доказыванию, его приходится признать недостаточным.

Сопоставление общих и специальных квалифицирующих признаков экологических преступлений против общественной безопасности, здоровья населения и иных, несущих в себе экологически значимую составляющую (по причиняемому вреду окружающей среде, ее компонентам и объектам, экологическим правам граждан, экологической безопасности населения и территорий) позволяет сделать вывод о том, что систематика (перечень и соотношение) квалифицирующих признаков, указанных в статьях глав 24, 26 УК РФ и в ряде других, не является оптимальной. Она не в полной мере соответствует общественной опасности посягательства на окружающую среду и иные охраняемые правом эколого-значимые правовые блага, характеризуется пробелами (немногочисленными), а поэтому нуждается в специальном анализе и уточнении текстов уголовно-правовых запретов.

Научная и практическая значимость. В отечественной литературе – при всем внимании к раскрытию содержания и роли квалифицирующих признаков преступлений (применение насилия, совершение преступлений организованной группой, на территории заповедника, причинение смерти и т.д. и т.п.) все же недостаточно полно рассматриваются вопросы систематики этих признаков. Теоретически надо обосновать необходимость их обозначения в уголовном законе, а практически либо изменять его предписания, либо ориентировать судебную-следственную практику на более тщательный учет всех доказательств, свидетельствующих о наличии квалифицирующих признаков (по объекту/предмету, субъекту и объективной стороне состава преступления). Складывается впечатление, что и перечень таких признаков иногда определен произвольно без учета результатов криминологических и уголовно-правовых исследований, судебной практики и позиций доктрины уголовного права. Поэтому особенно важно сопоставить распределение общих и специальных квалифицирующих признаков как с учетом их систематики в главах УК РФ, так и исходя из объективной опасности конкретных деяний, посягающих на общественную безопасность.

Ключевые слова: безопасность, браконьерство, закон, право, преступление, квалифицирующие признаки, состав преступления, окружающая среда, экология, насилие.

Постановка проблемы. Определение перечня квалифицирующих признаков в уголовном законе и выбор их применительно к отдельным видам преступных посягательств представляют собой весьма сложную задачу, которую обязан решать законодатель. Здесь приходится учитывать традиции уголовного правотворчества, сложившуюся на момент принятия или изменения уголовного законодательства ситуацию (состояние преступности, ее структуру, динамику, прогнозы развития и стратегии борьбы с нею, степень общественной опасности конкретных видов преступного поведения и других показателей). Кроме того, имеет значение во многих случаях формулирования уголовно-правовых запретов и общая противоправность, уровень урегулированной в смежном (экономическом, экологическом, налоговом и ином законодательстве) понятий, ограничений, требований, процедур, раскрывающих содержание данного квалифицирующего признака. Не менее важно учитывать международные обязательства Российской Федерации, установленные в подписанных и ратифицированных ею конвенциях, многосторонних и двусторонних договорах, а также опыт зарубежных стран. Наконец, следует принимать во внимание результаты научных исследований в области уголовного права и криминологии, в том числе об эффективности наказания, общей теории квалификации преступлений и др.

Анализу и описанию квалифицирующих признаков преступлений посвящена обширная литература: соответствующие параграфы в учебнике уголовного права, комментарии к статьям общей и особенной части УК РФ [8, с. 666, 680; 9, с. 458, 460–461; 11, с. 238–249; 15, с. 444–445; 20, с. 513, 520–521], комментарии к статьям Водного, Лесного, Налогового и других кодексов, федеральных законов, содержащих общую отсылочную норму о применении уголовной, административной и гражданской ответственности за нарушения регламентируемых ими правил и требований, монографии [13, с. 3–528; 16, с. 198–305], статьи, тезисы докладов, обобщения судебной практики и т.п. [22, с. 486–498, 725–729]. Но все же систематика этих признаков нуждается в специальной оценке, в частности применительно к сложным, многообъектным составам преступлений против окружающей среды, общественной безопасности. [2, с. 3–512; 3, с. 3–208; 7, с. 3–240]

Структура главы 26 «Экологические преступления» Уголовного кодекса РФ 1996 г. Она включает 18 статей, как правило, состоящих из нескольких частей, в которых установлена уголовная ответственность за посягательства на окружающую сре-

ду, ее компоненты и объекты, порядок осуществления экологически-значимой деятельности, жизнь и здоровье людей, их права, экологическую безопасность населения и территорий. В статьях 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», 249 «Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений», 259 «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации», 262 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов», предусмотрены основные составы преступлений и не сформулированы признаки деяний, характеризующихся более высокой степенью общественной опасности.

Двенадцать статей этой главы, устанавливающих ответственность за загрязнение компонентов окружающей среды, браконьерство, лесные пожары и другие опасные с экологической точки зрения деяния, предусматривают как основные, так и квалифицированные составы преступлений [4, с. 27–46; 12, с. 29–39; 16, с. 191–197; 17, с. 81–214].

Систематика составов преступлений, характеризующихся наличием экологической экспоненты в признаках объекта или объективной стороны. Помимо норм, указанных в главе 26, Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за причинение экологического вреда и в других главах: в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества»). Так, статьи 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», 215³ «Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов», 216 «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ», 217 «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах», 217¹ «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса», 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», 221 « Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ», 226¹ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств

его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов», 237 «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей», 245 «Жестокое обращение с животными» содержат основные и квалифицированные составы преступлений. Лишь в ст. 358 «Экоцид» сформулирован только основной состав преступления.

Классификация признаков и их соотношение в статьях УК РФ. Квалифицирующие признаки перечисленных составов разделяются на общие и специальные (экологозначимые). Квалифицирующие признаки общего характера основаны на двух критериях. Это, во-первых, последствия деяния (причиненный вред), а, во-вторых, признаки субъекта преступления, а также такой признак объективной стороны, как применения насилия или угроза его применения. К общим относятся такие квалифицирующие признаки, как причинение вреда здоровью человека; смерть человека (по неосторожности); массовые заболевания людей; совершение деяния с использованием своего служебного положения; совершение деяния группой лиц по предварительному сговору; совершение деяния организованной группой; иной особый правовой статус субъекта преступления (ч. 2, ст. 237 УК РФ; применение насилия или угроза его применения).

Первый из указанных квалифицирующих признаков наличествует в ч. 2 ст. 247 «Нарушение обращения экологически опасных веществ и отходов», ч. 2 ст. 250 «Загрязнение вод», ч. 2 ст. 251 «Загрязнение атмосферы», ч. 2 ст. 252 «Загрязнение морской среды» [4, с. 162–169.]. Следует отметить, что в ч. 2 ст. 215 признак наступивших последствий уточняется: здесь речь идет о причинении тяжкого вреда здоровью [8, с. 666].

Второй признак указан законодателем в ч. 3 ст. 247, ч. 2 ст. 248 «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами», ч. 3 ст. 250, ч. 3 ст. 251, ч. 3 ст. 252, ч. 3 ст. 254 «Порча земли», ч. 2 ст. 217, ч. 2 ст. 215 (по ч. 3 ст. 215 ответственность наступает за причинение по неосторожности смерти двух и более лиц), ч. 3 ст. 215³, ч. 2 ст. 216, ч. 2 ст. 217¹, ч. 2 ст. 220, как и по ч. 3 ст. 216, ч. 3 ст. 217, ч. 3 ст. 220, ч. 3 ст. 217.

Третий признак – совершения деяния, повлекшего массовые заболевания людей, предусмотрен в ч. 3 ст. 247.

Четвертый признак, то есть совершение деяния должностным лицом с использованием своего служебного положения по своему содержанию сложен, так как опирается на такую компоненту состава преступления как субъект, но вдобавок учитывает и деятельность, действия этого субъекта, совершаемые с использованием им своего служебного положения (но не злоупотребления таковым), указан в ч. 3 ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», ч. 2 ст. 258 «Незаконная охота», ч. 2 ст. 258¹ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации», п. «в», ч. 2 ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений», п. «в» ч. 2 ст. 221, п. «а» ч. 2 ст. 226¹.

Пятый общий квалифицирующий признак, а именно совершение преступления группой лиц по предварительному сговору является квалифицирующим признаком по ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 260 (в ч. 2 этой статьи указано на совершение незаконной рубки группой лиц без предварительного сговора, что по всей видимости является техническим недочетом при внесении изменений в текст статьи), п. «а» ч. 2 ст. 215³, п. «а» ч. 2 ст. 221, ч. 2 ст. 245 (совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) [19 с. 3–200; 21, с. 457–463]. Аналогично законодатель выделяет и такой квалифицирующий признак как совершение деяния организованной группой (ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 258¹, ч. 3 ст. 260, п. «а» ч. 3 ст. 221, ч. 3 ст. 226, ч. 2 ст. 246).

Кроме того, в ряде статей, устанавливающих ответственность за нарушение правил безопасности (в том числе содержащей экологическую компоненту), предусматриваются такие квалифицирующие признаки как разрушение, повреждение, приведение в негодность магистральных трубопроводов (п. «б» ч. 2 ст. 215³); совершение деяния с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия (п. «г» ч. 2 ст. 221), с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия (п. «б» ч. 3 ст. 220), [5, с. 3–164]. с применением насилия к лицу, осуществляющим таможенный или пограничный контроль (п. «б», ч. 2 ст. 226¹). В связи

с этим следует отметить, что и некоторые экологические преступления, а именно браконьерство, совершаются с применением насилия или угрозы его применения по отношению к инспекторам лесоохраны, работникам службы охраны заповедников, природных заказников, инспекторам рыбоохраны и сотрудникам других контрольно-надзорных органов, выполняющих функции по охране биоразнообразия и вытекающих вследствие ценности ресурсов животного и растительного мира по защите экономических интересов Российской Федерации. Данный пробел уголовно-экологического законодательства, по всей видимости, нуждается в устранении. Соответствующие обоснования могут быть сформулированы на основе проведения специального криминологического исследования о распространенности этого феномена; пока что в публикациях и диссертационных работах указанная проблема недостаточно изучена.

Наконец, в ч. 2 ст. 237 квалифицирующим признаком является статус лица, совершившего преступление: это лицо, занимающее государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Федерации, а равно глава органа местного самоуправления.

Специальные (эколого-значимые) квалифицирующие признаки. Они выделяются по различным критериям. Это, к примеру, *место совершения преступления.* Российский законодатель посчитал в большей степени опасными нарушение природоохранных правил в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации (ч. 2 ст. 247, ч. 2 ст. 250, ч. 2 ст. 254), на территории заповедника или заказника (ч. 2 ст. 250), в открытом море или в запретных зонах (ч. 2 ст. 256); *способ совершения преступления* — путем поджога, иным общеопасным способом (ч. 3 ст. 261); *последствия*, например, радиоактивное загрязнение окружающей среды (ч. 2 ст. 215), массовая гибель животных (ч. 2 ст. 247, ч. 2 ст. 250) или причинение существенного вреда водным биоресурсам, окружающей среде, зонам отдыха либо другим охраняемым законом критериям (ч. 2 ст. 252). Нередко последствия как квалифицирующий признак указываются в общем виде: и это создает трудности расследования и квалификации деяний, причинение крупного, особо крупного, существенного, значительного вреда (ущерба), либо в такой формулировке — «повлекшие тяжкие последствия». Здесь приходится обращаться к специальному экологическому законодательству и устанавливаемым в нем методикам подсчета ущерба. При этом постоянно возникает трудноразрешимый вопрос о том какова грань между крупным, существен-

ным, значительным вредом (и, отмечу, не только в отношении экологических преступлений), установление в уголовном законе конкретных показателей, выраженных в денежных суммах, не решает и в принципе не может решить данную проблему, а лишь приводит к нивелированию ответственности и порождает многочисленные трудности на практике, и монографической литературе [1, с. 3—200]. В отдельных случаях законодатель разъясняет размеры ущерба (вреда) либо дает ссылку на методику его исчисления в примечаниях. Так, разъясняется, что крупным ущербом при незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов признается ущерб, исчисленный по утвержденным Правительством РФ таксам, превышающей 100000 руб., особо крупным 250000 руб., а значительным размером при незаконной рубке лесных насаждений признается ущерб, исчисленный по утвержденным Правительством РФ таксам и методике, превышающий 5000 руб., крупным размером — 50000 руб., особо крупным 150000 руб., в случае же уничтожения или повреждения лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) крупным размером признается ущерб, если стоимость уничтоженных или поврежденных лесных и иных насаждений превышает 50000 руб. Из этих примеров видно, что наибольшие трудности и сомнения вызывает применение таких квалифицирующих признаков, как последствия деяния: они определены в законе либо в слишком общем виде, либо в случае указания нижних границ в денежном выражении не всегда соответствуют размерам реально причиненного экологического вреда.

Таким образом, следует сделать вывод, что необходимо уточнить, упорядочить и по возможности привести к единообразию всю систему квалифицирующих признаков экологических преступлений. Не исключена необходимость ввести новые, дополнительные признаки, а также дополнить соответствующими нормами те статьи главы 26 УК РФ, в которых содержатся лишь основные составы, конечно, при условии, что такого рода деяния требуют усиления ответственности за их совершение. В первую очередь, этот вопрос надо обсудить в отношении ст. 246 УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, а также ст. 253, которая вообще выглядит вопиющим анахронизмом даже по сравнению со статьями КоАП РФ, регулирующими ответственность за посягательства на природные ресурсы континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ.

Разумеется, разъяснение многих понятий, использованных для формулирования квалифицирующих признаков, дается в экологическом законодательстве, а также к многочисленным

комментариям к Уголовному кодексу РФ. Но даже эти разъяснения нуждаются в уточнении с учетом *связи* признаков основных и квалифицированных составов преступлений.

QUALIFIZIERTE ANZEICHEN VON UMWELTSTRAFTATEN IM STRAFGESETZBUCH DER RUSSISCHEN FÖDERATION

Das 26. Kapitel „Straftaten gegen die Umwelt“ des Strafgesetzbuchs der RF von 1996, beinhaltet 18 Artikel und besteht in der Regel aus mehreren Teilen, wie zum einen der strafrechtlichen Verantwortung bei Eingriffen in die Umwelt, zu ihren Komponenten und Objekten, den Regelungen über umweltrelevante Aktivitäten, das Leben und die Gesundheit der Menschen und die Rechte der Bevölkerung die sich aus dem Umweltschutz herleiten lassen. Die Auswertung der Normen, angefangen beim Art. 246 Verstoß gegen die Schutzvorschriften für die biologischen Ressourcen des Wassers, Art. 249 zur Verletzung der Veterinärs Vorschriften und Verordnungen der Krankheits- und Schädlingsbekämpfung, Art. 259 zur Zerstörung kritischer Lebensräume, für die im roten Buch der RF aufgeführten Organismen und Art. 262 zur Zerstörung von besonders geschützten Lebensverhältnissen in Naturgebieten und von Naturobjekten, ergaben, dass die in ihnen vorhergesehenen Tatbestände, keine solchen Anzeichen für Handlungen formulieren, die charakteristisch für eine große öffentliche Gefahr wären. Zwölf Artikel dieses Kapitels enthalten sowohl grundlegende als auch qualifizierte Straftatbestände.

Abgesehen vom 26. Kapitel des UK der RF, wurde die Verantwortung der Herbeiführung von Umweltschäden auch in anderen Kapitel des UK festgelegt (Art. 24: Straftaten gegen die öffentliche Sicherheit, Art. 25: Straftaten gegen die öffentliche Gesundheit und Moral, Art. 34: Straftaten gegen den öffentlichen Frieden und Sicherheit der Menschheit). Weiterhin bestimmt Art. 215, die Verletzung der Sicherheitsbestimmungen für kerntechnische Anlagen, Art. 215³ die Herbeiführung des Verfalls von Ölleitungen, Rohölpipelines und Gasleitungen, Art. 216 die Verletzung der Sicherheitsregeln im Bergbau und der Bergarbeit, Art. 217 die Verletzung der Sicherheitsregeln an explosiven Objekten, Art. 217¹ die Sicherheitsanforderungen und antiterroristische Sicherheit an Brennstoff- und Energieobjekten, Art. 220 den illegalen Umgang mit Kernmaterial und radioaktiven Substanzen, Art. 221 Diebstahl und Erpressung von Kernmaterial und radioaktiven Stoffen sowie auch Art. 226¹ den Schmuggel

von höchst giftigen, explosiven, radioaktiven Stoffen, Strahlungsquellen, Kernmaterialien, Feuerwaffen und von deren Bestandteilen, Sprengstoff, Munition, Massenvernichtungswaffen, anderen Waffen und militärische Ausrüstungen sowie strategisch wichtige Güter und sonstige Ressourcen, besonders wertvolle Wildtiere, Art. 237 die Verschleierung von gesundheits- und lebensgefährdenden Umständen, Art. 245 die Grausamkeit im Umgang mit Tieren. Die genannten Artikel enthalten sowohl die einfachen, als auch die qualifizierten Tatbestände. Lediglich Art. 358 der Umweltzerstörung, formuliert nur die Grundtatbestandsmerkmale einer Straftat.

Die Qualifikationsmerkmale der aufgeführten Ansätze lassen sich grundsätzlich in einen allgemeinen und besonderen (ökologisch bedeutsamen) Teil aufteilen.

Zum allgemeinen Teil gehören zum einen: 1) Schäden an der Gesundheit des Menschen 2) Der Tod eines Menschen (verursacht durch Fahrlässigkeit); 3) Massenerkrankungen von Menschen, die Verwirklichung der Tathandlung durch Ausnutzen der eigenen Amtsstellung 5) oder durch eine Bande, mittels vorherigen Zusammenschlusses 6) oder durch eine organisierte Gruppe. Das erst genannte Merkmal der Qualifizierung befindet sich im zweiten Absatz des Art. 247 zur Verletzung im Umgang mit schädlichen Stoffen und Abfällen für die Umwelt. Im zweiten Absatz des Art. 250 zur Wasserverunreinigung, im zweiten Absatz des Art. 251 zur Verschmutzung der Atmosphäre sowie im zweiten Absatz des Art. 252 zur Verschmutzung der Meereswelt. Im zweiten Absatz des Art. 215 wird das Merkmal verstärkt dargestellt: dort geht es um eine bereits eingetretene Gesundheitsschädigung.

Das zweite Merkmal, bestimmt der Gesetzgeber im dritten Absatz des Art. 257, im Art. 248 Abs. 2 zur Verletzung der Sicherheitsregelungen im Umgang mit mikrobiologischen und anderen biologischen Wirk- und Giftstoffen, im Absatz 3 des Art. 250, im Art. 251 Abs. 3, im Art. 252 Abs. 3, im Art. 254 Abs. 3 zur Bodenbeschädigung, im Art. 217 Abs. 2, im Art. 215 Abs. 2 (Abs. 3 die Verantwortung bei einer fahrlässi-

gen Tötung tritt bei mindestens zwei Personen ein), im Art. 215.3 Abs. 3, im Art. 216 Abs. 3, im Art. 217¹ S. 2 sowie auch im Art. 216 Abs. 2, im Art. 217 Abs. 3, im Art. 220 Abs. 3.

Das dritte Merkmal der Tatbestandsverwirklichung ergibt sich aus dem Art. 241 Abs. 3, welcher das Hervorrufen von Massenerkrankungen der Menschen bestraft. Verwirklicht ein Beamter einen Tatbestand, indem er seine Amtsstellung missbraucht, ist die Regelung des Art. 256 Abs. 3 einschlägig bei illegalem Erwerb von Wasserressourcen, Art. 258 Abs. 2 für gesetzeswidrige Wilderei, Art. 258.1 Abs. 2 für den illegalen Fang und Handel von besonders wertvollen Wildtieren und Wasserressourcen, welche im Roten Buch der Russischen Föderation gekennzeichnet sind oder dem internationalen Vertrag der Russischen Föderation zufallen, Art. 260 Abs. 2 beim illegalen Abholzen von Waldplantagen sowie Art. 221 Abs. 2 c) und Art. 226¹ Abs. 2 a).

Die Verabredung zur bandenmäßigen Begehung einer Straftat, setzt ein Qualifikationsmerkmal nach Art. 256 Abs. 3, Art. 260 Abs. 3 (wobei Art. 260 Abs. 2 die illegale Gruppenabholzung ohne vorherige Absprache beschreibt, welche auf einen offensichtlichen Anwendungsmangel hindeuten, als Änderungen am Gesetzestext vorgenommen wurden), Art. 215³ Abs. 2 a), Art. 221 Abs. 2 a), Art. 245 Abs. 2 (die bandenmäßige Begehung eines Tatbestandes, bandenmäßige Begehung mittels vorheriger Abrede oder mittels organisierter Bandenbegehung). Vergleichbar wird eine solche, qualifizierende, Eigenschaft der organisierten Bandenkriminalität gesondert hervorgehoben (Art. 256 Abs. 3, Art. 258 Abs. 2, Art. 258¹ Abs. 3, Art. 260 Abs. 3, Art. 221 Abs. 3 a), Art. 226¹ Abs. 3, Art. 246 Abs. 3).

Darüber hinaus begründen eine Reihe von Artikeln, bei einer Verantwortlichkeit der Gesetzesverstöße gegen die Sicherheitsvorschriften (einschließlich der im Umweltstrafrecht geregelten Vorschriften), bestimmte Qualifizierungsmerkmale, wie die Herbeiführung eines Verfalls der Hauptleistungen (Art. 215³ Abs. 2 b); die Tatbestandsbegehung mittels Gewalt, welche keine Gefahr für das Leben oder die Gesundheit des Menschen mit sich bringt (Art. 221 Abs. 2 g)), unter Einsatz von Gewalt und Drohung für das Leben und die Gesundheit (Art. 220 Abs. 3 b)), die Anwendung von Gewalt gegenüber dem Zoll oder Grenzkontrollen (Art. 226¹ Abs. 2 b)). Der folgende Art. 237 Abs. 2 beschäftigt sich mit den qualifizierenden Merkmalen, die sich aus der Stellung der Person ergeben, welche die Tat begangen hat: diese Person kann eine Stellung im öffentlichen Amt der Russischen Föderation haben oder einen Sitz in einer lokalen Regierungsbehörde.

Die speziellen Qualifizierungsmerkmale (die besonders umweltbedeutsam sind) heben sich durch unterschiedliche Kriterien hervor. Dies kann zum Beispiel der

Ort sein, an welchem das Verbrechen begangen wurde. Der Russische Gesetzgeber sieht den Verstoß gegen die Umweltschutzvorschriften, im ökologischen Katastrophengebiet und in Gebieten von besonderer Umweltlage (Art. 247 Abs. 2, Art. 250 Abs. 2, Art. 254 Abs. 2), auf dem Naturschutz- und Schongebiet (Art. 250 Abs. 2), auf dem Meer oder bestimmten Sperrgebieten (Art. 256 Abs. 2); bei Straftatbeständen der Brandstiftung oder anderen gemeingefährlichen Methoden (Art. 261 Abs. 3); bei radioaktiver Verunreinigung der Umwelt (Art. 215 Abs. 2), beim Massensterben von Tieren (Art. 247 Abs. 2, Art. 250 Abs. 2) oder bei gravierenden Schäden der Wasserressourcen der Umwelt, der Kurorte und weiteren gesetzlich geschützten Gebieten (Art. 252 Abs. 2), als besonders schwer an.

Oft sind die Auswirkungen der Qualifizierungsmerkmale in allgemeiner Form angeführt: wie die Herbeiführung einer großen, sehr großen, wesentlichen, erheblichen Beeinträchtigung (Schadens) oder mit einer Formulierung, der „schwerwiegenden Folgen“ gekennzeichnet. In manchen Fällen stellt der Gesetzgeber das Ausmaß der Beeinträchtigung (Schadens) fest oder verweist auf das zu anzuwendende Verfahren, um diese zu berechnen. Daraus folgt die Annahme eines großen Schadens bei illegalem Erwerb von Wasserressourcen, ab einem Wert von 100.000 Rubel und eines sehr großen Schadens ab einem Wert von 250.000 Rubel; die wesentliche Beeinträchtigung beim illegalen Abholzen, liegt bei Verlusten ab 5.000 Rubel, der großen Schaden wird bei Verlusten ab 50.000 Rubel beim Abholzen und der sehr große Schaden bei Verlusten ab 150.000 Rubel angenommen. Im Falle der Zerstörung und Beschädigung von Waldbeständen (Art. 261 UK der RF), besteht ein großer Schaden ab 50.000 Rubel. Diese Angaben der Tarife, wurden von der Russischen Regierung anerkannt und festgesetzt. Aus diesen Beispielen ergibt sich, dass die Anwendung der Qualifizierungsmerkmale die größeren Schwierigkeiten und Zweifel, als die Tathandlungen selber bereiten: Dies folgt aus dem Grund, dass die Regelungen strikt festgelegt sind und ihrem Wortlaut nach, zu allgemein gefasst sind. Zum anderen entsprechen die angegebenen Geldstrafen, nicht immer den tatsächlichen Umweltschäden und Beeinträchtigungen.

Daraus ergibt sich die Notwendigkeit die Qualifizierungsmerkmale der Umweltstraftaten zu klären, zu regeln und möglicherweise das System der Qualifizierungsmerkmale zu vereinheitlichen. Es sollte nicht ausgeschlossen sein, neue und zusätzliche Qualifizierungsmerkmale einzuführen sowie die einschlägigen Regelungen des 26. Kapitels UK der RF zu ergänzen, in denen lediglich die Grundtatbestände angeführt werden, vorausgesetzt, die Tathandlung fordert eine größere strafrechtliche Verantwortung bei der Bege-

hung. Schließlich gibt es für die Qualifizierungsmerkmale verschiedene Ansichten, welche dem Umweltstrafgesetzbuch sowie den zahlreichen Kommentaren zum UK der RF entnommen werden können.

Литература

1. Верина Г.В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
2. Денисова А.В. Системность российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2018. 512 с.
3. Донец С.П. Квалифицированные и привилегированные составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.
4. Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Спарк, 1998. 352 с.
5. Жданов Ю.А. Грани физического и психического насилия. М.: Юрлитинформ, 2016. 164 с.
6. Закомолдин Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. М.: Юрлитинформ, 2017. 192 с.
7. Кириенко М.Г. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2018. 240 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э. Жалинский. М.: ИД «Городец», 2010. 1120 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией А.И. Чуцаева. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2009. VIII, 1016 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейным приложением материалов / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2010. 880 с.
11. Кочои С.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Wolters Kluwer, 2011. 936 с.
12. Лопашенко Н.А. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 УК РФ. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 802 с.
13. Лопашенко Н.А. Экологические преступления. М.: Юрлитинформ, 2017. 528 с.
14. Лукомская А.С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка. М.: Юрлитинформ, 2017. 184 с.
15. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общей ред. В.М. Лебедева, отв. ред. А.В. Галахова. М.: ИД «Городец», 2009. 1168 с.
16. Попов И.В. Преступления против природной среды: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2012. 472 с.
17. Применение ответственности за экологические правонарушения / отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: ИД «Городец», 2007. 544 с.
18. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. 3-е изд. / сост. А.И. Рарог, А.А. Бимбинов. М.: Проспект, 2019. 784 с.
19. Тимошенко Ю.А. Субъект экологических преступлений. М.: Юрлитинформ, 2017. 200 с.
20. Уголовный кодекс Российской Федерации Особенная часть. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. А.В. Наумова и А.Г. Кибальника. М.: ЗАО «Библиотека РГ», 2012. 896 с.
21. Уголовное право. Т. 1. Общая часть. Учебник / под ред. А.Э. Жалинского. М.: ИД «Городец», 2011. 864 с.
22. Уголовное право. Библиография (1985–2006 годы) / под ред. А.Э. Жалинского, сост. О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинский, Ю.Г. Бабаева, Н.А. Ленчина. 2-е изд. М.: ИД «Городец», 2007. 832 с.

References

1. Verina G.V. Fundamental'nye ponyatiya ugolovnogo prava Rossii: aktual'nye problemy [Fundamental Concepts of Russian Criminal Law: Actual Problems]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. 200 p. (In Russian)
2. Denisova A.V. Sistemnost' rossiiskogo ugolovnogo prava [Systemacy of Russian criminal law.]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. 512 p. (In Russian)
3. Donetsk S.P. Kvalifitsirovannye i privilegirovannye sostavy prestuplenii v sisteme ugolovno-pravovogo vozdeistviya [Qualified and privileged offenses in the criminal law system]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 208 p. (In Russian)

4. Dubovik O.L. *Ekologicheskie prestupleniya. Kommentarii k glave 26 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Environmental crimes. Commentary to Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Spark Publ., 1998. 352 p.
5. Zhdanov Yu.A. *Grani fizicheskogo i psikhicheskogo nasiliya* [Facets of physical and mental abuse]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2016. 164 p. (In Russian)
6. Zakomoldin R.V. *Obespechenie spetsial'nykh pravil i trebovaniy bezopasnosti ugovolno-pravovymi sredstvami* [Provision of special rules and safety requirements by criminal law means]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2017. 192 p. (In Russian)
7. Kirienko M.G. *Sistemnyi analiz Osobennoi chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [System analysis of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. 240 p. (In Russian)
8. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Ed. A.E. Zhalinskii. Moscow: Gorodets Publ., 2010. 1120 p. (In Russian)
9. *Kommentarii k Ugolovnomu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)] Ed. A.I. Chuchayev. Moscow: KONTRAKT; INFRA-M Publ., 2009. 1016 p. (In Russian)
10. *Kommentarii u Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii s postateinym prilozheniem materialov* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation with article by article attachment] Ed. A.I. Rarog. Moscow: Prospekt Publ., 2010. 880 p. (In Russian)
11. Kochoi S.M. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Moscow: Wolters Kluwer Publ., 2011. 936 p. (In Russian)
12. Lopashenko N.A. *Ekologicheskie prestupleniya. Kommentarii k glave 26 UK RF* [Environmental crimes. Commentary to Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Sankt Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2002. 802 p. (In Russian)
13. Lopashenko N.A. *Ekologicheskie prestupleniya* [Environmental crimes]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2017. 528 p. (In Russian)
14. Lukomskaya A.S. *Ugolovno-pravovaya okhrana ekologicheskoi bezopasnosti i ekologicheskogo pravoporyadka* [Criminal law protection of environmental safety and environmental law and order]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2017. 184 p. (In Russian)
15. *Osobennaya chast' Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: kommentarii, sudebnaya praktika, statistika* [The special part of the Criminal Code of the Russian Federation: commentary, court practice, statistics]. Ed. V.M. Lebedev, A.V. Galakhova. Moscow: Gorodets Publ., 2009. 1168 p. (In Russian)
16. Popov I.V. *Prestupleniya protiv prirodnoi sredy: problemy teorii i praktiki.* [Crimes against the natural environment: problems of theory and practice]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2012. 472 p. (In Russian)
17. *Primenenie otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya* [Application of liability for environmental offenses]. Ed. O.L. Dubovik. Moscow: Gorodets Publ., 2007. 544 p. (In Russian)
18. *Sbornik postanovlenii Plenumov Verkhovnykh Sudov SSSR, RSFSR i RF po ugovolnym delam* [Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Courts of the USSR, RSFSR and the Russian Federation on criminal matters]. 3-d ed. Comp. A.I. Rarog, A.A. Bimbinov. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 784 p. (In Russian)
19. Timoshenko Yu.A. *Sub'ekt ekologicheskikh prestuplenii* [The subject of environmental crime]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2017. 200 p. (In Russian)
20. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii Osobennaya chast'.* Postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii [Criminal Code of the Russian Federation. Special part. Itemized scientific and practical commentary]. Ed. A.V. Naumov, A.G. Kibal'nik. Moscow, Biblioteka RG Publ., 2012. 896 p. (In Russian)
21. *Ugolovnoe pravo. Tom 1. Obshchaya chast'.* Uchebnyk [Criminal law. Volume 1. The general part. Textbook]. Ed. A.E. Zhalinskii. Moscow: Gorodets Publ., 2011. 864 p. (In Russian)
22. *Ugolovnoe pravo. Bibliografiya (1985-2006 gody)* [Criminal law. Bibliography (1985–2006)]. Ed. A.E. Zhalinskii., comp. O.L. Dubovik, A.E. Zhalinskii, Yu.G. Babaeva, N.A. Lenchina. 2-nd ed. Moscow: Gorodets Publ., 2007. 832 p. (In Russian)

К ВОПРОСУ О ШТРАФЕ КАК УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ И КАК ИНОЙ МЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Кадников Николай Григорьевич

Цель: выделить нормы уголовного закона, которые характеризуют правовую природу штрафа как вида наказания и как иной меры уголовно-правового характера, показать критерии их различия и раскрыть уголовно-правовое значение.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Выводы. Реформы уголовного закона в Российской Федерации коснулись многих институтов уголовного права. Существенные дополнения коснулись института наказания и в существенной степени относятся к нормам о таком виде наказания, как штраф. Более того, в настоящее время законодательно определено, что штраф является не только уголовным наказанием, но и признается иной мерой уголовно-правового характера.

1. Как вид наказания штраф в соответствии со ст. 46 УК РФ есть денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных уголовным законом.

В ч. 2 ст. 46 УК закреплены размеры штрафа и способы его исчисления. Первый способ исчисления – в абсолютном денежном выражении. Ранее размер составлял от двух тысяч пятисот до одного миллиона рублей, после указанной даты составляет от пяти тысяч до пяти миллионов рублей. Второй способ – в размере заработной платы или иного дохода осужденного (за период от двух недель до пяти лет). Третий способ исчисления штрафа – в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа (ст. 204–204² УК РФ), подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200^б УК РФ), взятки (ст. 290–291² УК РФ) или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов (ст. 200^г УК РФ) (в размере до стократной суммы таких подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей). Штраф, как вид наказания, может быть назначен как без рассрочки, так и с рассрочкой выплаты до пяти лет (в соответствии с ч. 3 ст. 46 УК РФ).

2. Как иная мера уголовно-правового характера судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьей 76² УК РФ.

Судебный штраф следует рассматривать в рамках двух институтов – освобождения от уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера.

Положения о судебном штрафе были включены в Общую часть УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в виде новой статьи 76² «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» и главы 15² «Судебный штраф» раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера», содержащей статьи 104^а и 104^б, определяющих условия и порядок применения данной меры.

Уголовный закон связывает определение размера судебного штрафа с содержанием санкции статьи Особенной части УК РФ о совершенном преступлении. Согласно ч. 1 ст. 104^б УК РФ, размер судебного

штрафа не может превышать половину максимального размера наказания в виде штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Если в санкции применяемой статьи Особенной части УК РФ штраф не предусмотрен, то размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Несомненно, штраф как вид наказания и как иная мера уголовно-правового характера имеют много общего. Тем не менее это различные правовые категории, имеющие свою юридическую природу и самостоятельное содержание.

Учитывая изложенное, следует признать, что появление в УК РФ так называемого судебного штрафа, как иной меры уголовно-правового воздействия, существенно изменяет механизм уголовно-правового регулирования. Возможно, мы наблюдаем отражение объективной необходимости более дифференцированного способа воздействия на лиц, совершивших деяния, запрещенные уголовным законом, кроме чисто карательного возмездия с помощью лишь уголовного наказания.

Научная и практическая значимость. Значимость статьи заключается в определении важности норм уголовного закона, определяющих штраф как вид наказания и как иную меру уголовно-правового характера, что позволит вести речь о более дифференцированном воздействии на лиц, виновных в совершении преступлений.

Ключевые слова: УК РФ, штраф как вид уголовного наказания, штраф как иная мера уголовно-правового характера.

Изменения, вносимые в УК РФ, коснулись многих институтов уголовного права, в том числе института наказания. Существенно дополнены нормы о таком виде наказания, как штраф. Более того, в настоящее время законодательно определено, что штраф является не только уголовным наказанием, но и иной мерой уголовно-правового характера.

1. Штраф, как вид наказания, в соответствии со ст. 46 УК РФ представляет собой денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных уголовным законом.

В ч. 2 ст. 46 предусмотрены размеры штрафа и способы его исчисления. Следует сказать, что ранее его размер составлял от 2500 руб. до 1 млн руб., а после 4 мая 2011 г. увеличен соответственно от 5000 руб. до 5 млн руб. (*Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2714*). Однако такие изменения закона в сложный экономический период не позволяют говорить об эффективности данной меры наказания, да и пополнить бюджет подобным методом вряд ли возможно.

Это первый способ исчисления штрафа — в абсолютном денежном выражении. Второй способ — в размере заработной платы или иного дохода осужденного (за период от двух недель до пяти лет). В соответствии с судебным толкованием под иным доходом следует понимать доходы, подлежащие налогообложению согласно действующему

законодательству (например, доход от предпринимательской деятельности, от аренды недвижимости и пр.). Третий способ исчисления штрафа — в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа (ст. 204–204² УК РФ), подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200⁵ УК РФ), взятки (ст. 290–291² УК РФ) или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ), в размере до 100-кратной суммы таких подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, но не менее 25 тыс. руб. и более 500 млн руб.).

Штраф, превышающий 500 тыс. руб. или размер заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет, может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ. Это правило не распространяется на случаи исчисления размера штрафа исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов.

Стремление авторов таких дополнений уголовного закона показать усиление борьбы с коррупцией можно понять, но объяснить очень трудно. Размеры кратности штрафов не поддаются научному анализу (цифры как бы взяты с потолка) и установлены только за преступления коррупционного характера, а не за все корыстные преступления (хищения и преступления в сфере экономической деятельности, хотя хищений не стало меньше). Особенно впечатляет сумма в 500 млн руб. (максимум для кратного штрафа). Исполнимость карательной нормы должна быть очевидной законодателю, но штрафы в таких размерах вряд ли могут быть уплачены. Конечно, в ответ на это возможны возражения, что в данном случае решается задача не карательного, а предупредительного свойства, что позволит остановить коррупцию. Но размах коррупции становится все больше, значит, предупредительные меры в виде подобных наказаний не срабатывают. Виновные за коррупционные преступления предпочитают даже лишение свободы, отказываясь платить большие штрафы. Более того, к виновным в указанных преступлениях будут возникать вопросы о происхождении средств, выплачиваемых в виде кратной суммы штрафа, об их декларировании в качестве доходов.

Таким образом, мы видим разные критерии в применении штрафа, способах его исчисления. Более того, замена штрафа на иное наказание в случае злостного уклонения также предусмотрена по разным вариантам. Так, в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется иным наказанием, кроме лишения свободы (это исключение не применяется к осужденным за коррупционные преступления). Злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо его часть в установленный законом срок.

Вместе с тем следует отметить как положительный момент закрепление в законе возможности рассрочки выплаты штрафа до пяти лет, с учетом тяжести совершенного преступления, его характера, наступивших последствий, имущественного положения осужденного и его семьи, а также возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. Штраф может быть назначен как в полном размере, так и с рассрочкой его выплаты до пяти лет. Порядок таких действий указан в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (УИК РФ). Так, в соответствии с ч. 1 ст. 31 УИК РФ осужденный к штрафу без рассрочки выплаты обязан уплатить его в течение 30 дней со

дня вступления приговора суда в законную силу. Уголовно-исполнительное, а также и уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность рассрочки или отсрочки уплаты штрафа на стадии исполнения приговора (ч. 2 ст. 31 УИК РФ, ч. 2 ст. 398 УПК РФ). Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, данному в постановлении от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (*Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3*). Ходатайство о рассрочке уплаты штрафа, если этот вопрос не решен в приговоре, рассматривается в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ. При этом суд проверяет доводы осужденного о том, что единовременная уплата штрафа для него невозможна. С этой целью заслушиваются объяснения осужденного, если он участвует в судебном заседании, других участвующих в деле лиц, мнения судебного пристава-исполнителя и прокурора (если он участвует в судебном заседании) и исследуются представленные материалы. В решении об удовлетворении ходатайства осужденного о рассрочке уплаты штрафа указываются период рассрочки и суммы ежемесячных выплат.

Как указывается в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. Февраль. № 2*).

В соответствии со ст. 46 УК РФ штраф при любом способе его исчисления должен быть определен в виде денежного взыскания. В резолютивной части приговора следует указывать способ исчисления штрафа и его сумму в денежном выражении.

Исходя из положений ч. 2 ст. 46, минимальный размер штрафа, назначенного за совершенное преступление в определенной сумме, в том числе с применением положений ст. 64 УК РФ, не может быть ниже 5 тыс. руб., а при его назначении в размере заработной платы или иного дохода осужденного — за период менее двух недель. К иным следует относить доходы, подлежащие налогообложению в соответствии с действующим законодательством.

Если сумма, рассчитанная с учетом кратной величины штрафа, меньше 25 тыс. руб., он назначается в размере 25 тыс. руб.

При назначении в качестве основного наказания штрафа, исчисляемого указанным способом, в случае применения ст. 64 может быть уменьшена величина кратности, предусмотренная соответствующей статьей Особенной части УК РФ

(в этом случае размер штрафа также не может быть менее 25 тыс. руб.). Изменение способа исчисления штрафа (например, назначение штрафа в определенном размере без применения кратности) в таком случае не допускается.

При назначении штрафа в качестве основного наказания осужденному, содержащемуся под стражей, суд вправе с учетом срока содержания под стражей либо полностью освободить такое лицо от отбывания данного наказания, либо смягчить его (ч. 5 ст. 72 УК РФ). В случае смягчения наказания размер штрафа может быть ниже минимального предела, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, но не ниже минимального предела, установленного ч. 2 ст. 46 для конкретного способа исчисления штрафа.

При назначении наказания по совокупности преступлений не допускается сложение сумм штрафа, назначенного в качестве основного и дополнительного видов наказаний за разные преступления.

В УК РФ содержится ряд особенных положений, касающихся назначения штрафа как вида наказания для несовершеннолетних. Во-первых, в соответствии с ч. 2 ст. 88 минимальный размер штрафа, назначенного судом несовершеннолетнему, не может быть менее 1 тыс. руб. либо размера заработной платы или иного его дохода за период менее двух недель независимо от наличия у него самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть наложено взыскание. Во-вторых, штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с законных представителей, например с родителей, усыновителей с их согласия. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. Апрель. № 4*), такое решение может быть принято и по их ходатайству после вступления приговора в законную силу в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ. В любом случае суду следует удостовериться в добровольности согласия и платежеспособности таких лиц, а также разъяснить последствия неисполнения судебного решения о взыскании штрафа. В-третьих, с учетом обстоятельств, предусмотренных ч. 3 ст. 46 УК РФ, штраф может быть назначен с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет либо с его отсрочкой на тот же срок по основаниям, предусмотренным ст. 398 УПК РФ.

Судебный штраф, как иная мера уголовно-правового характера, есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьей 76² УК РФ.

Положения о судебном штрафе были включены в Общую часть УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (*СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4256*) в виде новых ст. 76² «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» и главы 15² «Судебный штраф» раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера», содержащей статьи 104⁴ и 104⁵, в которых определены условия и порядок применения данной меры. Этим же Законом УПК РФ был дополнен ст. 25¹ о новом основании для прекращения уголовного дела или уголовного преследования и гл. 51¹, регламентирующей производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Таким образом судебный штраф следует рассматривать в рамках двух институтов – освобождения от уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера. Поэтому, как разъяснил в п. 7.1 Пленум Верховного суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. Февраль. № 2*), с учетом того, что судебный штраф, назначаемый на основании ст. 76² УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным разд. VI УК РФ, правила ст. 46 к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются.

Согласно ст. 76² лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Понятие лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, а также содержание таких понятий, как «возмещение ущерба» и «заглаживание причиненного преступлением вреда» раскрыто применительно к освобождению в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ). В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, данным в поста-

новлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Август. № 8*), впервые совершившим преступление считается лицо: а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или по нескольким статьям УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Пленум Верховного Суда РФ особо подчеркнул, что совершение таким лицом впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует его освобождению от уголовной ответственности на основании ст. 76².

Заглаживанием вреда по смыслу данной статьи можно признать имущественную, в том числе денежную, компенсацию морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принятие ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав, законных интересов личности, охраняемых законом интересов общества и государства. При этом способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны иметь законный характер и не ущемлять права третьих лиц.

Возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда в ст. 75–76² УК РФ может быть произведено не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе или с его согласия другими лицами. При этом не принимаются во внимание обещания и различные обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или заглаживать вред в будущем.

Следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 76² УК РФ и ч. 1 ст. 25¹ УПК РФ освобождение от уго-

ловной ответственности с назначением судебного штрафа является правом, а не обязанностью суда, который принимает соответствующее решение по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора, и с учетом указанных выше условий. В ч. 2 ст. 25¹ указано, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию возможно в любой момент производства по уголовному делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу).

Уголовный закон связывает определение размера судебного штрафа с содержанием санкции статьи Особенной части УК РФ о совершенном преступлении. Согласно ч. 1 ст. 104⁵ размер судебного штрафа не может превышать 1/2 максимального размера наказания в виде штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Если в санкции применяемой статьи Особенной части УК РФ штраф не предусмотрен, размер судебного штрафа не может быть более 250 тыс. руб.

Уголовным законом предусмотрены освобождения несовершеннолетнего по основаниям, указанным в ст. 76². Эти особенности касаются исчисления сроков давности уголовного преследования, сроков погашения судимости, размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания.

В ч. 2 ст. 104⁵ говорится о том, что размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода. Это положение практически полностью совпадает с содержанием ч. 3 ст. 46 УК РФ об определении размера наказания в виде штрафа, за исключением указания на возможность назначения последнего с рассрочкой выплаты определенными частями. Таким образом, возможность выплаты судебного штрафа в рассрочку не предусмотрена. Вместе с тем в ч. 6 ст. 446² УПК РФ указано, что срок для уплаты судебного штрафа устанавливается судьей с учетом материального положения лица и его семьи.

В ч. 2 ст. 104⁴ предусмотрены юридические последствия неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок, состоящие в отмене су-

дебного штрафа и привлечения лица к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Согласно УПК РФ (ст. 446⁵) суд по представлению судебного пристава-исполнителя отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, после чего материалы направляются руководителю следственного органа или прокурору для организации производства по делу в общем порядке.

В качестве уклоняющегося от уплаты судебного штрафа рассматривается лицо, которое не уплатило такой штраф в установленный судом срок (до истечения указанной в постановлении суда конкретной даты) без уважительных причин.

Уважительными причинами неуплаты судебного штрафа могут признаваться такие обстоятельства, появившиеся после вынесения постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, вследствие которых лицо лишено возможности выполнить соответствующие действия (в частности, нахождение на лечении в стационаре, утрата возможности заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица).

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. Январь. № 1*), обобщил складывающуюся практику судов по данному вопросу. За период с 15 июля по 15 октября 2016 г. в рамках досудебного производства по уголовным

делам (ст. 446²) в суды поступило 795 ходатайств о прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа, из которых 576 (72,4%) были удовлетворены. Помимо этого, в ходе судебного производства (ст. 446³ УПК РФ) было принято еще 785 решений о прекращении уголовного дела с применением данной меры. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что судебный штраф изначально стал наиболее часто применяемым видом иных мер уголовно-правового характера [1, с. 428, 429].

Несомненно, штраф как вид наказания и как иная мера уголовно-правового характера, имеют много общего. Тем не менее, это различные правовые категории, имеющие собственную юридическую природу и самостоятельное содержание.

Учитывая изложенное, следует признать, что включение в УК РФ норм о судебном штрафе, как иной мере уголовно-правового воздействия существенно изменяет механизм уголовно-правового регулирования. Возможно, мы наблюдаем отражение объективной необходимости более дифференцированного способа воздействия на лиц, совершивших деяния, запрещенные уголовным законом, кроме сугубо карательного возмездия.

Однако многие вопросы, связанные с изменением механизма различных видов уголовно-правового воздействия, остаются нерешенными. Например, из содержания соответствующих правовых норм не ясно, влечет ли данный штраф судимость, каковы сроки давности по делам такого рода. Полагаем, что необходимо подробное судебное толкование высшей судебной инстанции по применению подобной меры.

Литература

1. Уголовное право России: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2018. 436 с.

References

1. Uголовное право Rossii: uchebnik [Criminal law of Russia]. In 2 vol. Vol. 1. N.G. Kadnikov Ed. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2018. 436 p. (In Russian)

ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Лаврентьева Мария Сергеевна
Туркин Михаил Михайлович

Цель: проанализировать законодательство Российской Федерации на предмет юридической защиты прав интеллектуальной собственности.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. В статье рассмотрены вопросы, связанные с различными видами правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, а также с нормативным правовым регулированием ответственности за данные правонарушения в России. Особое внимание уделено ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности в отношении промышленных образцов. Авторы указывают, что в целях уяснения складывающейся обстановки, профилактики правонарушений и улучшения охраны патентных прав на промышленные образцы представляется необходимым внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты Российской Федерации, одновременно предусмотрев определенную градацию (разделение) по объектам преступного посягательства — патентным правам.

Научная и практическая значимость. Анализ правового регулирования защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации позволяет решить российскому законодателю ряд проблем, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм.

Ключевые слова: правонарушение, административная ответственность, промышленный образец, объекты интеллектуальной собственности.

Результатами интеллектуальной (творческой) деятельности, на которые можно получить патент на территории Российской Федерации, являются изобретение, полезная модель и промышленный образец (далее — промобразец).

Если вопросам охраны изобретений и полезных моделей посвящено довольно большое количество научных трудов, то вопросы правоохраны промобразцов, по нашему мнению, остались без должного внимания.

Становление экономики во всем мире сопровождается интенсивным развитием промышленного дизайна. С учетом этого крайне актуальной является правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности в сфере дизайна. В Российской Федерации дизайн изделий охраняется в виде промобразцов. При этом следует отметить, что востребованность их правовой охраны в России в настоящий момент еще недостаточна. Не-

смотря на рост количества заявок на получение патента на промышленный образец, более 50% заявок по данной категории подается иностранными заявителями (См.: Забородцев Д.А. Доклад на тему: «Промышленный образец как форма правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности», М., 2018. С. 1–2).

Говоря о промобразцах, первоначально следует пояснить, что же это такое. В соответствии с п. 1 ст. 1349 ГК РФ объектами патентных прав являются результаты интеллектуальной деятельности в сфере дизайна, отвечающие установленным ГК РФ требованиям к промышленным образцам. Таким образом, промышленным образцом может быть признан только объект дизайна, отвечающий требованиям, которые установлены нормативными документами Российской Федерации.

Так, промобразцом признается художественно-конструкторское решение изделия, определя-

ющее его внешний вид (дизайн). Под изделием понимается любой объект промышленного или кустарно-ремесленного производства.

Сущностью промобразца в широком смысле является усовершенствование формы и конфигурации или орнамента и сочетания цветов, а также их комбинация. Он должен быть воспроизводим с помощью промышленных средств, поэтому и называется промышленным образцом. Тиражирование образца может осуществляться только промышленным способом с применением механизированных технологий.

Промобразцы могут быть объемными, плоскостными и комбинированными. Объемные обладают композицией, в основе которой лежит развитая объемно-пространственная структура, например, внешний вид станка, автомобиля, светильника и т.п.

Плоскостные обладают композицией, в основе которой лежит линейно-графическое соотношение элементов, например, внешний вид ковра, косынки, платка, ткани, этикетки и т.п. Комбинированные промобразцы характеризуются признаками, которые определяют как форму товара, так и его внешнее оформление, например, внешний вид информационного табло, строительной отделочной плиты и т.п.

При этом не признаются промобразцами такие решения, как:

обусловленные исключительно техническими функциями изделия;

объекты архитектуры, кроме малых форм (например, киоск, скамейка для парка или сквера, беседка и т.п.), промышленных, гидротехнических и других стационарных сооружений;

объекты печатной продукции;

объекты неустойчивой формы из жидких, газообразных, сыпучих или им подобных веществ;

игрушки в качестве копий реальных объектов без творческого переосмысления формы реальных изделий предметного мира;

изделия, противоречащие общественным интересам, принципам морали и гуманности.

Промобразцу предоставляется правовая охрана, если он является новым и оригинальным. Требование промышленной применимости в отношении промобразцов отсутствует.

Так, промышленный образец признается новым, если совокупность его существенных признаков, определяющих эстетические и эргономические особенности изделия, не известна из сведений, ставших общедоступными в мире до даты приоритета промобразца. Он признается оригинальным, если его существенные признаки

обуславливают творческий характер эстетических особенностей изделия.

Права на промобразец подтверждает соответствующий патент, который действует в течение пяти лет с даты поступления заявки и в последующем может быть продлен в общей сложности до 25 лет (патент на промобразец продляется каждый раз на 5 лет).

Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности регулируется прежде всего частью четвертой ГК РФ. Глава 72 ГК РФ «Патентное право» устанавливает требования, необходимые для предоставления интеллектуальных прав, в том числе и на промобразцы. Большая часть положений, указанных в статьях названной главы, являются общими для всех объектов патентного права. Особенности, относящиеся лишь к промышленным образцам, раскрываются в ст. 1352, п. 3. ст. 1354, п. 3 ст. 1358, 1377 и 1391 ГК РФ [3, с. 48].

Отметим, что ГК РФ в основном раскрывает общие положения патентного права, а более подробно и конкретно требования, необходимые для подачи заявки и ее рассмотрения в Патентном ведомстве, указаны в подзаконных актах, например в: «Административном регламенте предоставления Роспатентом государственной услуги по государственной регистрации промышленных образцов и выдаче патента на промышленный образец», его дубликата; в «Правилах составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов» и других актах.

В настоящее время законодательство РФ предусматривает три вида юридической ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности: гражданскую, административную и уголовную.

Рассмотрим более подробно вопросы государственной защиты объекта интеллектуальной собственности — промышленных образцов.

Защита авторских, смежных, изобретательских и патентных прав при помощи административного права особенно актуальна для предотвращения и пресечения незаконного их использования. Административная ответственность за такие правонарушения предусмотрена рядом статей КоАП РФ — ст. 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав», ч. 2 ст. 14.33 «Недобросовестная конкуренция».

Каждое из перечисленных противоправных деяний образует самостоятельный оконченный состав административного правонарушения

[1, с. 11], и посягает на установленные правила пользования объектами авторских и смежных прав. Порядок использования объектов авторских и смежных прав закреплен в части 4 ГК РФ и других, в том числе международных, нормативных правовых актах.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.12 КоАП РФ, составляют должностные лица органов внутренних дел, при этом рассматривают данные правонарушения – судьи (ст. 23.1 КоАП РФ). В том случае, если субъектом состава правонарушения является несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет, дела об административных правонарушениях рассматривают комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 23.2 КоАП РФ) [2, с. 47].

Говоря о защите прав интеллектуальной собственности уголовным законодательством РФ, хотелось бы обратить внимание на ст. 147 УК РФ «Нарушение изобретательских и патентных прав» [3, с. 92].

Так, названной статьей предусмотрено, что незаконное использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству, если эти деяния причинили крупный ущерб и наказываются штрафом в размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо обязательными работами на срок до 480 часов, либо принудительными работами на

срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок [4, с. 29].

В то же время, на наш взгляд, провести всесторонний анализ преступных посягательств в виде незаконного использования промышленных образцов не представляется возможным по причине того, что объектом ст. 147 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие изобретательские и патентные права.

В свою очередь приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» не предусмотрено разграничение информации по конкретным патентным правам, нарушенным преступными деяниями.

Полагаем обоснованным, в целях уяснения складывающейся обстановки, профилактики правонарушений и улучшения охраны патентных прав на промышленные образцы внести соответствующие изменения в названный межведомственный приказ, предусмотрев определенную градацию (разделение) по объектам преступного посягательства – патентным правам.

Кроме того, такой подход, на наш взгляд, позволит обратить более пристальное внимание на правонарушения в сфере интеллектуальной собственности, обозначить проблемные места правоохраны объектов интеллектуальной собственности и выработать определенные подходы по их защите, а также возможно разработать новые методы профилактики правонарушений в данной сфере, например, используя такой инструмент, как институт административной преюдиции.

ZUR FRAGE DER ORDNUNGSWIDRIGKEITEN IM BEREICH DES GEISTIGEN EIGENTUMS

Ergebnisse geistiger (schöpferischer) Tätigkeit, für welche ein Patent in der Russischen Föderation erteilt wird, sind Erfindungen, sowie Gebrauchs- und Geschmacksmuster.

Soweit den Fragen des Schutzes der Erfindungen und Gebrauchsmuster eine Vielzahl von wissenschaftlichen Werken gewidmet ist, so wurden die Fragen des Rechtsschutzes von Geschmacksmustern nach unserer Ansicht bisher außer Acht gelassen.

Für die Erläuterung der Geschmacksmuster ist zunächst die Erklärung ihrer Bedeutung erforderlich.

So ist das Geschmacksmuster jede konstruktions-künstlerische Lösung des Erzeugnisses, welches dessen äußeres Erscheinungsbild (Design) bestimmt. Unter einem Erzeugnis wird jede objektive hausgewerbliche Handwerksproduktion verstanden.

Das Wesen des Musters im weiten Sinne ist die Weiterentwicklung der Form, der Konfiguration, des Ornaments und Farbkombination sowie deren Kombination. Die Vervielfältigung des Musters muss durch die Verwendung mechanisierter Technologien auf gewerbliche Weise erfolgen.

Geschmacksmuster können umfänglich, flächig und kombiniert sein. Die umfänglichen haben eine Komposition, in deren Grundlage die entwickelte umfänglich-räumliche Struktur liegt, z.B. das äußere Erscheinungsbild der Werkbank, des Autos, der Lampe u.Ä.

Flächige Muster besitzen eine Zusammensetzung, auf deren Grundlage das lineare-graphische Verhältnis der Elemente liegt, z.B. das äußere Erscheinungsbild des Teppichs, des Kopftuchs, des Tuches, des Stoffes, des Etikettes u.Ä. Das kombinierte Geschmacksmuster zeichnet sich durch Merkmale aus, welche sowohl die Form und das optische Erscheinungsbild der Ware bestimmen, sowie dessen äußere Ausstattung, z. B. das äußere Erscheinungsbild der Anzeigetafel, der Baubestanzplatte etc.

Dabei werden solche Erzeugnisse, die ausschließlich durch technische Funktionen bedingt sind; Objekte der Architektur, außer den Kleinformen (z. B. der Kiosk, die Bank für Grünanlagen, Gartenlaube u.Ä.), gewerbliche, hydrotechnische und andere stationäre Bauwerke; Gegenstände der Druckerzeugnisse; Gegenstände labiler Form aus flüssigen, gasförmigen, streubaren oder anderen ähnlichen Stoffen; Spielzeuge als Kopien der realen Objekte ohne schöpferische Umdeutung der Form der tatsächlichen Erzeugnisse der gegenständlichen Welt und Erzeugnisse, die den öffentlichen Interessen, sowie den guten Sitten und Humanität widersprechen nicht als Geschmacksmuster anerkannt. Dem Geschmacksmuster wird Schutz gewährleistet, wenn es neu und originell ist. Die Voraussetzungen der gewerblichen Anwendbarkeit sind bei Geschmacksmustern nicht vorhanden.

Somit wird das Geschmacksmuster als neu anerkannt, wenn die Gesamtheit seiner wesentlichen Merkmale, welche die ästhetischen und ergonomischen Besonderheiten des Erzeugnisses bestimmen, nicht aus öffentlich zugänglichen Angaben, die zeitlich vor dem Datum der Kundgabe des Geschmacksmusters liegen, bekannt waren. Es wird als originell anerkannt, wenn die schöpferische Art die wesentlichen ästhetischen Merkmale des Erzeugnisses bestimmen.

Die Rechte auf das Geschmacksmuster bestätigt das entsprechende Patent, welches für eine Dauer von fünf Jahren ab Eingang des Antrags Geltung hat.

Derzeit sind in der Gesetzgebung der Russischen Föderation drei Formen von Verantwortlichkeit für Ordnungswidrigkeiten im Bereich des geistigen Eigentums vorhanden, nämlich die zivil-, die ordnungswidrigkeitenrechtliche Haftung sowie die Strafbarkeit.

Die Fragen des staatlichen Schutzes des geistigen Eigentums insb. der Geschmacksmuster soll näher beleuchtet werden. Der Schutz von Urheberrechten, verwandten Schutzrechten, Erfindungs- und Patentrechten mit Hilfe des Ordnungswidrigkeitenrechts ist insbesondere für die Prävention und Bekämpfung der rechtswidrigen Nutzung relevant.

Im Gesetzbuch über Ordnungswidrigkeiten der Russischen Föderation ist eine ordnungswidrigkeitenrechtliche Haftung in sämtlichen Vorschriften vorgesehen (Art. 7.12 „Verletzung des Urheberrechts und verwandter Schutzrechte und Patentrechte“, Art. 14.33 „Unlauterer Wettbewerb“).

Jede der aufgezählten rechtswidrigen Taten bildet einen eigenständigen vollendeten Bußgeldtatbestand und muss rechtswidrig sein, nämlich mit dem Verstoß bestimmter Gebrauchsregelungen von Objekten des Urheberrechts und verwandter Schutzrechte erfolgen.

Die Gebrauchsregelungen von Objekten des Urheberrechts und verwandter Schutzrechte sind im vierten Teil des Zivilgesetzbuchs der Russischen Föderation und anderen, darunter auch in internationalen normativen Rechtsakten geregelt.

Gem. Art. 28.3 Abs. 1 des Gesetzbuchs über Ordnungswidrigkeiten der Russischen Föderation werden die Protokolle über Ordnungswidrigkeiten, die in Art. 7.12 vorgesehen sind, von den Beamten der Behörde der Innenverwaltung fertig gestellt, wobei die oben genannten Ordnungswidrigkeiten vom Richter I behandelt werden.

Hinsichtlich des Schutzes der Rechte des geistigen Eigentums im Kontext der strafrechtlichen Gesetzgebung der Russischen Föderation, ist auf Art. 147 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation hinzuweisen („Verletzung von Erfindungs- und Patentrechten“).

So ist in dem genannten Artikel geregelt, dass die rechtswidrige Nutzung einer Erfindung, Gebrauchs- und Geschmacksmuster, die Offenbarung des Erfindungswesens ohne Einverständnis des Urhebers oder Antragsstellers, des Gebrauchsmusters oder Geschmacksmusters bis zur offiziellen Kundgabe der Angaben, die Aneignung der Urheberschaft oder der Zwang zur Miturheberschaft, wenn diese Handlungen einen erheblichen Schaden verursacht haben, mit einer Geldstrafe in Höhe von bis zu zweihundert tausend Rubel oder in Höhe des Gehalts oder anderer Einkommen des Verurteilten für den Zeitraum von bis zu achtzehn Monaten, entweder mit Pflichtarbeiten für die Dauer bis zu vierhundertachtzig Stunden oder mit Zwangsarbeit für die Dauer von bis zu zwei Jahren, entweder oder mit Freiheitsstrafe in Höhe derselben Dauer bestraft wird.

Литература

1. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с.
2. Богданова О.В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами. М.: Юстицинформ, 2017. 212 с.
3. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чу-чаев, М.: Контакт, 2017. 384 с.
4. Панкова О.В. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правона-рушениях / под ред. О.А. Егоровой. М.: Статут, 2014. 440 с.

References

1. Entin V.L. Avtorskoye pravo v virtual'noy real'nosti (novyye vozmozhnosti i vyzovy tsifrovoy epokhi) [Copyright in virtual reality (new opportunities and challenges of the digital era)]. Moscow: Statut publ., 2017. 216 p. (In Russian)
2. Bogdanova O.V. Zashchita intellektual'nykh avtorskikh prav grazhdansko-pravovymi sposobami: Monografiya [Protection of intellectual copyright by civil law methods: Monograph], Moscow: Yustitsinform publ., 2017. 212 p. (In Russian)
3. Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik [Russian criminal law. General and Special parts: textbook]. Ed. Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchayev. Moscow: Kontakt publ., 2017. 384 p. (In Russian)
4. Pankova O.V. Rassmotreniye v sudakh obshchey yurisdiktsii del ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Consideration in the courts of general jurisdiction of cases of administrative offenses]. Ed. O.A. Yegorova. Moscow: Statut publ., 2014. 440 p. (In Russian)

СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Лукиянов Владимир Викторович
Мушкет Иван Ильич

Цель: обосновать необходимость модернизации системы источников уголовного права в Российской Федерации.

Методология: диалектика, анализ, синтез, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Растущее многообразие источников права – закономерный процесс, присущий всему современному праву. Этот процесс отражает черты нового времени, изменившиеся условия развития права, государства, всего общества. Это приводит к увеличению объема нормативных правовых актов, расширению и углублению сферы правового регулирования, расширению круга участников правоотношений, появлению новых свойств и признаков, регулирующих вновь возникающие, а также изменяющиеся общественные отношения. Обращает на себя внимание и повышение роли права в обществе, которое становится значительно более востребованным и авторитетным регулятором социальных отношений. Перечисленные процессы делают модернизацию систем источников права объективно необходимой.

Научная и практическая значимость состоит в анализе эффективности системы источников уголовного права РФ и предложений по ее модернизации.

Ключевые слова: источники уголовного права, конституция, общепризнанные принципы и нормы международного права, судебная практика, доктрина.

Постановка проблемы. Для России вопрос об источниках уголовного права в условиях реформирования всей национальной правовой системы с начала 90-х гг. XX столетия и ее дальнейшего развития в последующий период приобрел важнейшее значение как для разработки и разрешения вопросов теории уголовного права, так и для правоприменительной практики. Государство и общество столкнулись с ситуацией, которая характеризовалась в последнее десятилетие прошлого века резким всплеском преступности, появлением новых видов общественно опасных деяний, не предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР (а позднее Уголовным кодексом РФ), кардинальными изменениями системы ценностей во всех сферах жизни российского общества. Для эффективного решения этой проблемы требовалась модернизация всего уголовного законодательства, которая позволила бы создать прочную

правовую базу для борьбы как с традиционными преступлениями, так и вновь появившимися. К сожалению, законодатель не успевал оперативно реагировать на стремительно меняющиеся проявления преступности, новые способы и средства их совершения.

Подготовка и принятие ныне действующего УК РФ 1996 г. – единственного официального источника уголовного права, процедура внесения в него многочисленных дополнений и изменений, несмотря на все усилия законодателя, заняла слишком много времени. Стремление ускорить законодательный процесс отражалось и на качестве юридических новелл, которые подчас не согласовывались федеральными законодательными актами, осуществляющих правовое регулирование других сфер деятельности, а иногда их нормы конкурировали между собой. Тогда же в научной литературе правоведами все чаще стали подниматься

вопросы о необходимости модернизации системы источников уголовного права, поиска эффективных правовых инструментов в борьбе с преступностью, пересмотра традиционных подходов к решению этих проблем (*в последние годы этому вопросу уделяется значительное внимание не только в научной, но и в учебной литературе*) [1, 2, 3, 4]. В этой связи весьма интересным представляется опыт германского законодателя.

Предпосылки решения проблемы. Речь идет о возможном расширении перечня источников уголовного права и использовании всех видов источников права, об уточнении их иерархии, максимального использования потенциала каждого их вида. Отметим, что в общей теории права, для которой понятие «источник права» является одним из ключевых, вопрос об их круге окончательно не разрешен, что значительно затрудняет решение упомянутой проблемы в уголовном праве. Именно поэтому, несмотря на модернизацию права в целом, вопрос об определении места и роли источников права является актуальным не только для общей теории права, но и отраслевых научных дисциплин. При этом система источников права должна развиваться в комплексе и максимально отражать общие интересы всех отраслей права. Изучение вопроса об источниках права имеет богатую историю, в результате за многие века определились теоретические положения в данной сфере, ставшие аксиомами, однако безусловно имеется богатый потенциал для рассмотрения этого вопроса с учетом развития общества, а также возможно для пересмотра и модификации существующих подходов. Не стоит также упускать из внимания тот факт, что один и тот же термин в различные периоды времени мог употребляться для обозначения совершенно разных явлений общественной жизни.

Само название «источник права» носит, как известно, метафорический, образный характер, а то, что оно стало общепринятым, можно рассматривать как некую условность, конвенциональность. Однако содержание источника права может быть далеко не тождественно его названию. Причины этого двойственны. С одной стороны, понятие источника права по-разному трактуется в различных науках. То, что понимают под источником права в юридических науках, зачастую не совпадает с тем, что является привычным для социологии, политологии, истории. С другой стороны, в юридической науке также имеются свои особенности, своеобразие взглядов, которое сложилось не сегодня, а имеет длительную историю. Известный русский юрист Г.Ф. Шершеневич писал, что под

источниками права понимаются: «...а) силы, творящие право, например, когда говорят, что источниками права следует считать волю бога, волю народную, правосознание, идею справедливости, государственную власть; б) материалы, положенные в основу того или другого законодательства, например, когда говорят, что римское право послужило источником для германского гражданского права, труды ученого Потье – для Французского кодекса Наполеона, Литовский статут – для Уложения Алексея Михайловича; в) исторические памятники, которые когда-то имели значение действующего права, когда говорят о работе по источникам, например, по *Congrus juris civilis*, по Русской правде и т.п.; г) средства познания действующего права, например, когда говорят, что право можно узнать из закона» [5, с. 368–369].

При всем многообразии определений источников права, которое присутствует в теории уголовного права, речь в основном идет, как справедливо отмечал проф. М.Д. Шаргородский, о двух понятиях: а) о содержании права, о силе, которая создает право, и это называют источником права в материальном смысле, или общим понятием источника права, и б) о форме, которая придает норме правовой, т.е. общеобязательный характер – формальное или специальное определение источника права [6, с. 5].

Хотя такое деление достаточно условно, оно несет в себе некую функциональность. Широкий подход означает, что под источником права понимается та сила, которая предопределяет и творит право (философский, социологический подход). Узкий (формальный) подход к источникам права выражается в том, что источниками права объявляются виды правовых актов, содержащих общеобязательные предписания для всех без исключения потребителей права – физических и юридических лиц, граждан, государственных органов и общественных организаций, предприятий и учреждений.

Источник права в узком смысле слова – это и есть внешняя форма, внешнее выражение права. Без этого право и не может быть самим собой, существовать и развиваться. Нормы права воспринимаются в обществе и соблюдаются людьми не как некая абстракция, изначально запрограммированность человеческого бытия и не в виде набора духовных ценностей, системы обычаев и традиций, а посредством соответствующим образом оформленных источников права.

Характерно, что вопрос об источниках права рассматривается сегодня в Российской Федерации на фоне формирования и развития правового го-

сударства. Для того, чтобы сделать государство совершенным и эффективным, добиться серьезных и позитивных сдвигов как в правотворчестве, так и правоприменении, на наш взгляд необходимо, в том числе провести и «инвентаризацию», мониторинг источников уголовного права. Речь идет об оценке и решения вопроса об использовании всего набора источников уголовного права, о выстраивании их иерархии, использовании потенциала каждого вида источников права.

Источники уголовного права РФ и ФРГ. Уголовное право РФ и уголовное право ФРГ, относящиеся к одной — романо-германской правовой системе достаточно близки как в содержательном, так и технико-юридическом плане. Они преследуют близкие по своей сути цели, призваны решать схожие задачи, в их основе лежат общие принципы. Источниками двух национальных правовых систем являются писанные нормативные акты — законы в формальном смысле слова. В то же время уголовное право РФ и уголовное право ФРГ имеют различия и особенности, объективно обусловленные многими факторами экономического, политического и социального характера.

В основе систем источников уголовного права РФ и ФРГ безусловно лежат уголовные кодексы — кодифицированные нормативно-правовые акты. Вместе с тем, анализ национальных систем позволяет выделить характерные особенности каждой из них.

Уголовное право ФРГ кодифицировано не полностью. Помимо УК ФРГ уголовно-правовые нормы содержатся и в других законах. Система источников уголовного права включает в себя:

Основной Закон ФРГ 1949 г. (Конституция);

Уголовный кодекс ФРГ от 15 мая 1871 г. (с дополнениями и изменениями);

федеральные законы, содержащие уголовно-правовые нормы;

уголовное законодательство земель, содержащее уголовно-правовые нормы;

нормы международного права и иностранное законодательство.

Формальный взгляд на систему источников уголовного права России через призму ч. 1 ст. 1 УК РФ приводит нас к выводу о том, что единственным официальным источником уголовного права является УК РФ. Некоторые российские ученые юристы пропагандируют иной подход к рассматриваемой проблеме последовать зарубежному опыту и дополнить систему уголовного права помимо УК РФ и другими видами источников права.

Конституция. Основной Закон (Конституция) ФРГ содержит ряд основополагающих уго-

ловно-правовых принципов — отмену смертной казни (ст. 102), принцип законности (ст. 103 (2)), запрет многократного наказания за одно преступление (ст. 103 (3)), лишения свободы только на основании формального закона и по решению суда (ст. 104) и др., безоговорочно признается немецкими юристами источником уголовного права. С Конституцией РФ в этом плане все гораздо сложнее. Большинство ученых, отмечают, что она выступает и в качестве его материального источника, закрепляя или устанавливая определенный уклад общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности, и в качестве формального источника, устанавливающего ряд норм, непосредственно регулирующих уголовно-правовые отношения.

Отметим, что влияние Конституции РФ на уголовное право является как бы опосредованным через определение принципов и направлений уголовно-правовой политики. Большинство российских юристов в качестве источника права признают непосредственно нормы Конституции РФ, а не судебные прецеденты, порождаемые судебными решениями.

Однако в случае рассмотрения судами вопроса конституционности того или иного запрета, содержащегося как в самом УК РФ, так и иных федеральных нормативных правовых актах (например, в случае конструирования состава преступления при помощи бланкетных диспозиций), решения Конституционного Суда оказывают непосредственное воздействие на практику применения уголовно-правовых норм, помогая правоприменителю уяснить содержание соответствующих нормативных предписаний.

Общепризнанные принципы и нормы международного права. Если в ФРГ вопрос о признании международно-правовых норм источником уголовного права не вызывает дискуссий, то в России этот вопрос является достаточно спорным.

Как известно, принципы и нормы международного права могут быть как зафиксированными в письменных актах, так и иметь характер обычая, в то время как международный договор является исключительно писанным актом.

Однако неписанные нормы международного права, на наш взгляд, не могут служить источником российского уголовного права, поскольку как установлено в Конституции РФ, приоритетом над национальными нормативными актами могут обладать только международные договоры, т. е. писанные источники. Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении № 8 от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции

Российской Федерации при осуществлении правосудия» было дано ограничительное толкование соответствующих норм Конституции РФ и УК РФ: составной частью российской правовой системы являются «общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах».

При этом международно-правовые нормы уголовно-правового характера содержатся в различных документах, как посвященных противодействию отдельным видам преступлений, борьбе с ними (терроризм, незаконный оборот наркотических средств, оружия пиратство и т.п.), так и в документах более общего характера, посвященных правам человека, сотрудничеству государств и т.п.

В Российской Федерации вопрос о приоритете и о прямом воздействии международно-правовых норм в российском уголовном праве рассматривают как один из самых дискуссионных [7, с. 225].

Уголовные кодексы и в России, и в ФРГ, как отмечалось выше, являются основными, аксиоматическими источниками уголовного права.

Современное уголовное законодательство ФРГ имеет богатейшую историю и традиции, которые оказали существенное влияние на формирование уголовного права многих стран, в том числе и России. В основе современного УК ФРГ лежит УК 1871 г., который «...основываясь на философии И. Канта и Г. Гегеля, воспринял идеи классической школы уголовного права с ее теорией психологической вины и свободы воли, с объективными основаниями уголовной ответственности за причинение вреда правовому благу, с концепцией наказания как возмездия за зло» [8, с. 8]. Существенный «запас прочности», заложенный первоначально, позволил ему «дожить» до сегодняшних дней. Во многом это объясняется тем, что германский законодатель, отказавшись от фундаментального пересмотра положений УК 1871 г., которые могли привести к принятию новых уголовных кодексов, «...идет по пути принятия огромного количества дополнительных законов, относящихся к уголовно-правовой сфере и вносящих изменения в отдельные нормы действующего уже более века германского УК» [8, с. 17].

Родословная действующего УК РФ 1996 ведет свой отчет от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. История российского уголовного законодательства в отличие от германского сопровождалась фундаментальными реформами в данной сфере (только за 70 лет советского периода российской государственности были разработаны и приняты три уголовных кодекса).

Законы (за исключением уголовных кодексов). В ФРГ к источникам уголовного права, помимо уголовного кодекса, относятся федеральные законы и законы земель, содержащие уголовно-правовые нормы (так называемое «дополнительное уголовное право») и регулирующие в основном публично-правовые или гражданско-правовые отношения. В их числе можно назвать Закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних 1953 г., Закон об ответственности за воинские преступления в ред. 1974 г., Закон о проведении собраний, Закон об обороте наркотических средств 1981 г. и др.

Уголовному кодексу как источнику уголовного права принадлежит исключительная роль. Она определяется тем, что УК РФ формально является единственным законом, в котором устанавливается основание уголовной ответственности, формулируются уголовно-правовые запреты и конструируются уголовно-правовые последствия и их нарушения. В настоящее время среди российских юристов появилось значительное количество сторонников признания федеральных законов, содержащих уголовно-правовые нормы, источниками уголовного права.

Однако ряд российских юристов, позицию которых мы разделяем, полагает, что УК не является единственным источником отрасли. В качестве обоснования своей позиции они указывают на существование норм уголовного закона, которые при описании признаков состава преступления содержат отсылки к нормативному предписанию иных отраслей права, так называемые нормы с бланкетными диспозициями, которые должны содержать ссылки на федеральные законы, поскольку уголовное законодательство находится в исключительной компетенции Российской Федерации. Однако уголовно-правовая норма с бланкетной диспозицией может содержать отсылку к нормам законодательства (налогового, экологического, трудового, административного, семейного). В качестве примера можно привести ст. 198 — преднамеренное банкротство, ст. 199 — фиктивное банкротство, ст. 216 — нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, ст. 217 — нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах, ст. 218 — нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся и пиротехнических изделий, ст. 219 нарушение правил пожарной безопасности, ст. 236 — нарушение правил охраны окружающей среды, ст. 249 — нарушение ветеринарных правил, и др.

На наш взгляд, федеральные нормы отраслевого (не уголовно-правового) законодательства, определяя в целом ряде случаев преступность и наказуемость деяний, выступают в качестве источников уголовного права.

Судебная практика формально не является источником уголовного права ни в России, ни в ФРГ, но значение ее трудно переоценить. Вольно или невольно в центр дискуссии об источниках права в целом, и уголовного права в частности, выдвигается вопрос о судебной практике. Судебная практика сыграла огромную роль в формировании уголовного права, являясь одним из его источников на протяжении многих веков и оставаясь таковым во многих современных государствах [9].

Судебные прецеденты и судебная практика являлись источниками права в Древней Греции (гомеровские *Themstes* – приговоры царей) и в Древнем Риме (система так называемого «преторского права», т.е. решений преторов и других магистратов по конкретным делам, считавшимся обязательными образцами для решения аналогичных дел» [6, с. 173].

В средневековую эпоху по своему значению приговоры практически не отличались от закона. Именно благодаря судебной практике в XV веке была осуществлена рецепция римского права, а в XVII и XVIII веках были созданы новые нормы уголовного права взамен устаревшей к тому времени Каролины [6, с. 37]. Свидетельством того, что средневековые судебные решения являлись обильнейшим и важнейшим источником права, служит их тщательное собирание, записывание и составление из них особых сборников, получивших широкое развитие во Франции и Германии.

В Англии огромная область неписанного права «...всецело почти является продуктом судебных решений, накопившихся в течение столетий и имеющих значение высшего авторитета, которому судья обязан следовать и подчиняться» [10, с. 7–8].

Столь же существенными особенностями сопровождалось становление уголовного права США, Австралии и других, испытавших английское влияние стран, где прецедент стал важнейшим источником права.

Страны континентальной Европы также пережили времена, когда судебные прецеденты имели авторитет общеобязательных норм, которым следовали во многих областях. Однако со временем под решающим влиянием идеи разделения властей в указанных странах формируется все более отрицательное отношение к прецедентному праву, особенно к злоупотреблению прецедентами

и произволу судов, ибо стремление к обеспечению господства закона и превращению судей в исполнителей законодательной власти несовместимо с признанием обязательной силы за судебным прецедентом.

Дореволюционное российское уголовное право явно тяготело к романо-германскому типу. В советский период судебная практика конституировалась в две формы существования: в форму руководящих разъяснений высших (общесоюзных и республиканских) судебных органов и в форму судебных решений по конкретным делам.

Дифференциация отмеченных форм соотносилась с подразделением судебного толкования уголовного закона на казуальное, т.е. осуществляемое на рассмотрении конкретного дела и только для него обязательное, и нормативное, т.е. даваемое по материалам изучения и обобщения судебной практики применения того или иного закона и обязательное для всех судов при рассмотрении тех категорий дел, по которым оно дано.

Постсоветская Россия в известной мере сохранила сложившееся положение, однако нельзя не заметить, что одна из форм – принятие разъяснений в виде постановлений Пленума Верховного Суда – модифицировалась таким образом, что породила сомнения в сохранении ее былого значения.

В России в середине 90-х годов XX века в условиях явного дисбаланса между Уголовным кодексом и стремительно меняющимися реалиями государственной и общественной жизни разгорелась острая дискуссия по вопросу о возможности признания судебной практики источником уголовного права, способного оперативно реагировать на новые формы преступного поведения.

Согласно ст.126 Конституции РФ и п. 4 ст. 19 ФКЗ «О судебной системе РФ» 1996 г. (с последующими дополнениями и изменениями), Верховный Суд РФ как высший судебный орган по уголовным делам также наделен праворазъяснительными полномочиями, но его разъяснения, во-первых, не именуются «руководящими», во-вторых, не сопровождаются указанием на их обязательность, и в-третьих, даются по вопросам судебной практики, а не законодательства.

Одни исследователи по-прежнему продолжают считать разъяснения Верховного Суда РФ обязательными, другие, опираясь на изложенные новации, приходят к выводу об изменении их статуса на рекомендательные. Дезориентирована в этом отношении и судебная практика.

Доктрина. Научные теории, выводы, предложения, доктринальное толкование уголовного

закона не признаются в РФ и ФРГ источниками уголовного права. Тем не менее, все возрастающее опосредованное влияние на систему источников уголовного права имеет место и в РФ, и в ФРГ. В частности, участие ученых в качестве экспертов при разработке проектов новых законов, изменений и дополнений в действующий УК, постановлений Пленума Верховного Суда РФ ощутимо повысило качество российского уголовного законодательства и практики его применения.

Тенденции развития систем источников уголовного права. Таким, образом круг источников уголовного права никогда не оставался неизменным. Некоторые из них, утратив какую-либо практическую значимость, сохранили лишь историческую ценность. Другие, совершив значительную эволюцию с древнейших времен, продолжают свое существование и поныне. При этом для многих правовых систем характерна множественность источников права. Однако несмотря на отмеченное разнообразие, в зависимости от их значимости в осуществлении регулятивной роли, правовые системы различных стран объединяются в романо-германскую (континентальную) правовую семью и англосаксонскую (островную) семью общего права. Сравнивая эти системы, известный французский компаративист Рене Давид отмечал, что если в странах романо-германской правовой семьи «...стремятся найти справедливые юридические решения, используя правовую технику, в основе которой находится закон», то в странах, относящихся к семье общего права, «...стремятся к тому же результату, основываясь в первую очередь на судебных решениях».

Каждая из этих систем имеет свои характерные, ярко выраженные особенности.

Несмотря на это, многие современные исследователи констатируют две основные тенденции развития различных систем источников права.

Во-первых, характерной чертой развития источников права во всем мире стало явное увеличение их многообразия, включение в перечень источников права новых видов. Во-вторых, сближение (но не слияние) систем континентального и общего права. Континентальное право в принципе готово признать судебный прецедент в качестве источника права, но по-прежнему будет исходить из приоритета закона, который остается главенствующим источником права. В то же время в общем праве сохраняется основополагающая роль судебного прецедента. Здесь закон становится зачастую своего рода дополняющим, уточняющим источником права.

Выводы. Растущее многообразие источников права – закономерный процесс, присущий всему современному праву. Этот процесс отражает черты нового времени, изменившиеся условия развития права, государства, всего общества.

Во-первых, во всех отраслях права (и уголовное право не является исключением) происходит увеличение правового регулирования, что предопределяется расширением и углублением сферы такого регулирования. Жизнь идет вперед, порождая новые социальные отношения и включая в эти отношения более широкий круг участников.

Во-вторых, отмечаются усложнение регулируемых отношений, которые приобретают новые свойства и признаки.

В-третьих, повышается роль права в обществе, право становится значительно более востребованным и авторитетным регулятором социальных отношений.

Перечисленные процессы делают объективно необходимыми (по крайней мере в России) мониторинг существующих источников права, комплексные научные исследования в этой области и, в конечном итоге модернизацию систем источников права.

Литература

1. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2006. 243 с.
2. Пудовкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. 240 с.
3. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2015. 504 с.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / О.С. Капинус [и др.]; под ред. О. С. Капинус. 2-е изд. М. : Издательство Юрайт, 2019. 704 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. 1911. 698 с.
6. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. 311 с.
7. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. 264 с.
8. Серебренникова А.В. Уголовное право Германии: учебное пособие. М.: Издательство Юрайт, 2019. 124 с.

9. Бойцов А.И. Судебная практика как источник уголовного права // Судебная практика и российская правовая система. СПб., 2002.
10. Демченко Г.Б. Судебный прецедент. Варшава, 1903. 252 с.

References

1. Bibik O.N. Istochniki ugolovnogogo prava Rossiiskoi Federatsii [Sources of criminal law of the Russian Federation]. Sankt Petersburg: Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2006. 243 p. (In Russian)
2. Pudovkin Yu.E. Uchenie ob osnovakh ugolovnogogo prava: leksii [The doctrine of the foundations of criminal law: lectures]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2012. 240 p. (In Russian)
3. Obrazhiev K.V. Sistema formal'nykh (yuridicheskikh) istochnikov rossiiskogo ugolovnogogo prava [The system of formal (legal) sources of Russian criminal law]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 504 p. (In Russian)
4. Kapinus O. S. and others. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' : uchebnik dlya bakalavriata, spetsialiteta i magistratury [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook for undergraduate, specialist and graduate]. Ed. O. S. Kapinus. 2-nd ed. Moscow: Izdatel'stvo Yurait Publ., 2019. 704 p. (In Russian)
5. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, 1911. 698 p. (In Russian)
6. Shargorodskii M.D. Ugolovnyi zakon [Criminal law]. Moscow, 1948. 311 p. (In Russian)
7. Mal'tsev V.V. Printsipy ugolovnogogo prava [Principles of Criminal Law]. Volgograd, 2001. 264 p. (In Russian)
8. Serebrennikova A.V. Ugolovnoe pravo Germanii: uchebnoe posobie [German Criminal law: textbook]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait Publ., 2019. 124 p. (In Russian)
9. Boitsov A.I. Sudebnaya praktika kak istochnik ugolovnogogo prava [Judicial practice as a source of criminal law]. In Sudebnaya praktika i rossiiskaya pravovaya sistema [Judicial practice and the Russian legal system]. Sankt Petersburg, 2002. (In Russian)
10. Demchenko G.B. Sudebnyi pretsedent [Judicial precedent]. Varshava, 1903. 252 p. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель: изучить практику вынесения оправдательных приговоров и оценить криминологические риски, связанные с этим.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формальный юридический метод, метод сравнительного правоведения.

Выводы. Практика многих стран свидетельствует о разных статических данных об оправдательных приговорах и разных оценках их значимости. В России многие считают, что оправдательных приговоров выносится неоправданно мало. В то же время важно понимать, насколько небольшое число оправдательных приговоров связано с эффективностью или не эффективностью судебной системы, и является ли большое число оправдательных приговоров гарантией от судебной ошибки. Как показало проведенное исследование: 1) оправдательный приговор является иллюзией правового преимущества той или иной судебной системы; 2) оправдательный приговор не означает торжества правосудия, в том числе по конкретному уголовному делу; 3) оправдательный приговор не гарантирует, что по этому конкретному делу не будет допущена судебная ошибка и что она не будет допущена по другим делам; 4) оправдательный приговор несет в себе серьезные негативные последствия не только для тех, кто обвинял человека в совершении преступления, но и для потерпевшего от преступления, правовой системы и государства в целом; 5) никакого криминологического значения оправдательный приговор не имеет.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование позволяет дополнить знания о криминологическом значении оправдательных судебных приговоров. Изучение причин вынесения и невынесения оправдательных приговоров представляет собой интересную криминологическую проблему, которой необходимо заниматься. Выводы, сделанные в результате анализа, могут быть использованы при совершенствовании нормативных правовых актов, регулирующих вопросы уголовного судопроизводства, и криминологических оценок итогов этого процесса. Кроме того, материалы исследования могут применяться в учебном процессе при подготовке специалистов в области юриспруденции.

Ключевые слова: криминология, судопроизводство, судебная реформа, судья, приговор, оправдание, обвинение, вина, справедливость, законность, судебная ошибка, ответственность.

Дело Засулич как эталон вынесения оправдательных приговоров. В российской правовой системе постоянной критике подвергается институт вынесения оправдательных приговоров. История этого вопроса берет свое начало в позапрошлом XIX в. и связана с судебной реформой 1864 г., проведенной императором Александром II. Не буду давать оценку этой реформе, отмечу только, что большинство правоведов считает ее едва ли не самым большим достижением российского императора, даже большим, чем отмена крепостного права.

Суть судебной реформы (1866–1899 г.), строго говоря, сводилась к заимствованию англосаксонской системы правосудия, включая судебное следствие, со всеми ее достоинствами и недостатками.

Одним из ключевых ее элементов судебной была возможность вынесения оправдательного приговора. Ранее вынесение оправдательного приговора исключалось, хотя бы потому, что по всем наиболее значимым уголовным делам приговор утверждал лично император.

Переломным моментом стало дело террористки Веры Засулич, которая совершила неудачное покушение на градоначальника Санкт-Петербурга Ф. Трепова под надуманным предлогом (он отдал приказ о телесном наказании политического заключенного, народника Алексея Боголюбова (подлинное имя – **Архип Емельянов**), с которым Засулич не была знакома ни лично, ни даже заочно. Кстати, Емельянов был психически нездоровым человеком и умер через три года после порки в состоянии умственного помешательства). Вопреки логике, здравому смыслу и правовым предписаниям Засулич была оправдана присяжными заседателями. До этого момента в деле не было ни одной жертвы, кроме раненного градоначальника, но оправдательный приговор спровоцировал уличные беспорядки, во время одного из которых студент Григорий Сидорацкий выстрелил в жандарма, но попал в курсистку и сам застрелился.

Вера Засулич после этого скрылась и жила в эмиграции вплоть до февральской революции 1917 г. Вернувшись, она выступила с пламенной речью в поддержку демократических перемен. Октябрьскую революцию 1917 г. Засулич не приняла и считала, что большевики незаконно захватили власть. Тем не менее никаким репрессиям она подвергнута не была и умерла в 1919 г.

Вердикт присяжных по делу Засулич до сих пор преподносится как эталон беспристрастности суда, хотя даже председательствовавший на процессе известный юрист Анатолий Кони говорил, что приговор явился следствием недоработок судебной реформы.

Недостатки действующих судов заключаются в малом количестве оправдательных приговоров. Практически все российские адвокаты настаивают на том, что действующая судебная система плоха тем, что выносятся мало оправдательных приговоров.

Характерным приемом для поддержания актуальности этой темы является призыв к справедливости при вынесении приговора. «Значимость идеи справедливости для законодателя трудно переоценить. Древняя египетская мудрость гласит, что «в справедливости – спокойствие страны». Сегодня, когда приговоры судов, в том числе несправедливые, становятся в считанные часы достоянием гласности многомиллионной аудитории граждан посредством коммуникационной электронной среды, это изречение должно стать фундаментальным априори профессиональной деятельности депутатов Государственной Думы и судей» [1, с. 58].

Не вполне понятно, при чем здесь депутаты Государственной Думы, но можно догадаться, о каких несправедливых приговорах идет речь. Разумеется, об обвинительных. В частности, говорится, что к уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие малозначительные деяния.

В научной литературе оправдательный приговор рассматривается как: 1) процессуальный акт; 2) правовой институт; 3) совокупность уголовно-процессуальных отношений [2, с. 12].

По мнению И.И. Карташова и Р.В. Приходько, оправдательный приговор соединяет в себе два термина: «оправдать», что означает признание правоты, и «невиновность» подсудимого [3]. Следуя такой логике, обвинительный приговор состоит из терминов: «винить» и еще раз «винить», т.е. любой обвинительный приговор по своей сути ни к правоте, а тем более к социальной справедливости никакого отношения не имеет.

Относительно причин вынесения оправдательных приговоров большинство отечественных ученых высказывает схожие точки зрения. В частности, О.В. Соколов говорит, что оправдательные приговоры свидетельствуют либо о следственных ошибках, либо о некачественно проведенном предварительном расследовании [4].

И.И. Самсонов указывает: «Вынесение оправдательного приговора означает незаконность предварительного следствия (дознания) в отношении обвиняемого, ошибочность позиции прокурора, утвердившего обвинительное заключение (обвинительный акт), а в некоторых случаях и государственного обвинителя в суде» [5, с. 114].

А.Д. Назаров считает, что вынесение оправдательных приговоров является следствием общего обвинительного уклона отечественного уголовного судопроизводства, когда следователи и прокуроры игнорируют доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, не желая проверять и учитывать доводы защиты [6, с. 150].

Л.А. Воскобитова приходит к выводу, что следователь и прокурор, сформулировав обвинение, не отвечающее требованиям всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела, стараются в дальнейшем любой ценой подтвердить его обвинительным приговором суда [7, с. 458].

Углубляться в полемику нет необходимости. На мой взгляд, спор идет не о природе оправдательного приговора, а о том, что наша правоохранительная система работает плохо, а суд является независимым только на словах. Все остальное – прикрытие давно известных тезисов тех, кто, как представляется, необоснованно (с формальной

юридической точки зрения) называют себя правозащитниками, занимаясь по существу политической диссидентской деятельностью, и тех, кто действительно ими являются, т.е. представителей адвокатского сообщества. В слово «диссидент» я вкладываю исключительно первоначальный смысл, которому оно соответствует, исходя из его латинского происхождения. И здесь не надо искать, говорю на всякий случай, какого-либо иного тайного, тем более негативного значения.

При этом намеренно упускается из виду важный аспект, связанный с оправдательными приговорами: эти приговоры оказывают непосредственное влияние на решения по гражданским делам, которые нередко рассматриваются параллельно с уголовными делами или непосредственно сразу же после их завершения. Судьи осторожничают при вынесении оправдательных приговоров, потому что их ошибки и неточные решения повлекут череду других неверных («неправильных», как я условно их называю) и неправомочных решений.

Ни в коем случае не хочу сказать, что предварительное следствие у нас замечательное, следователи все делают правильно, а прокуроры поддерживают обвинение в суде, не допуская ошибок и оплошностей. Однако следует напомнить, что разработчики действующего УПК РФ, некоторые из которых сегодня говорят о том, что в стране мало оправдательных приговоров, изъяли из него положения об установлении истины по делу, равно как и требования, адресованные следователям и прокурорам, об установлении причин и условий совершения преступления и принятия мер к их устранению. Вероятно, они посчитали, что это для отечественного судопроизводства не так уж и важно. Между тем обязанность дознавателя, следователя, прокурора и судьи принимать меры к устранению причин и условий совершения конкретного преступления давала необходимый эффект, и игнорировать такие процессуальные предписания не решались должностные лица, из-за разгильдяйства которых преступления, как правило, и совершаются.

Это не имеет отношения к оправдательному приговору, но касается борьбы с преступностью. В конечном итоге можно сказать, что конечная цель уголовно-процессуального закона — не наказание виновных в совершении преступлений, а постановление оправдательного приговора.

В том числе поэтому у оперативных работников существует свой учет раскрытых преступлений, не связанный с обвинительными или оправдательными приговорами. Они считают, что знают, кто совершил преступление, и для них не

имеет значения, что далее решат по делу следователи и судьи.

С точки зрения здравого смысла ситуация абсурдная, а с точки зрения борьбы с преступностью — вполне закономерная. Получается, что суд в наименьшей степени заинтересован в борьбе с преступностью, а те, кто ратуют за увеличение процентного соотношения оправдательных приговоров (как будто не они высмеивали гонку за показателями в плановой советской системе), хотя того или нет, работают против улучшения криминогенной ситуации в стране. Впрочем, разве не эти же люди ратовали за начало противозаконной приватизации в начале 1990-х г. и легализации теневых капиталов? Я хорошо помню эти дискуссии в Институте изучения причин преступности Прокуратуры СССР.

И.И. Карташова и Р.В. Приходько правильно обращают внимание на очевидные вещи, в частности, на то, что в уголовном процессе существуют две основные стадии производства: досудебное и судебное. При этом досудебная стадия рассматривается как единая связь оперативной работы с дознанием (следствием) и утверждением обвинительного заключения прокурором. На этой стадии все работники объединены для получения конкретного результата, под которым понимается вынесение *обвинительного* приговора либо прекращение дела по *нереабилитирующим* (здесь и далее курсив мой. — И.М.), обстоятельствам. В свою очередь, суд не заинтересован в вынесении оправдательного приговора, поскольку: а) может возникнуть конфликт с представителями досудебной стадии судебного производства; б) факт вынесения оправдательного приговора позволяет создавать слухи о коррупции, что может негативно сказаться на карьере судьи; в) оправдательный приговор может быть отменен [3].

М.Л. Поздняков утверждает, что оправдательные приговоры отменяются в три-четыре раза чаще, чем обвинительные, и к ним более пристальное внимание со стороны вышестоящих судебных инстанций [8, с. 122].

Я не располагаю соответствующей статистикой, но, скорее всего, она верна. Однако представляется, что пристальное внимание к оправдательным приговорам обусловлено не сомнениями в компетенции судей, а тем, что проделана огромная работа многими людьми, и следует удостовериться, что все эти люди на досудебной стадии уголовного производства ошиблись. Ничего необычного в этом нет. Скорее, можно пожелать, чтобы ни у кого не возникало сомнений, что не только оправдательные, но и обвинительные при-

говоры проверяются столь же тщательно. Кстати, более высокий показатель отмены оправдательных приговоров ни о чем не свидетельствует. Меня смущает другое, а именно: а) явные и скрытые упреки в том, что обвинительные приговоры выносятся неверно; б) ничем не подтвержденное, но выдаваемое за конечную истину утверждение, что оправдательные приговоры — это справедливые приговоры; в) косвенные, а иногда и прямые обвинения в том, что обвинительные приговоры — это несправедливые приговоры; г) попытки связать количество выносимых оправдательных приговоров с понятием качественного правосудия. Не понятно также, какое отношение имеют вынесенные или не вынесенные оправдательные приговоры к безопасности наших граждан.

Несправедливыми бывают только обвинительные приговоры. Так ли это? Я решил:

- 1) посмотреть статистику вынесения оправдательных приговоров в России и в мире;
- 2) проанализировать причины вынесения или невынесения оправдательных приговоров;
- 3) проследить, каковы криминологические последствия вынесения оправдательных приговоров;
- 4) определить взаимосвязь оправдательных приговоров и судебных ошибок;
- 5) выяснить, как оправдательные приговоры влияют на криминологическую обстановку.

Посмотрим статистику оправдательных приговоров в мире. Так, в Великобритании оправдательные приговоры составляют 20%, в США — 17–25%, в Тайване — 12%, в Германии — 3%, в Японии и России — менее 1%, в Китае — 0,7%. По странам Европейского союза разброс соотношения обвинительных и оправдательных приговоров составляет от 1 до 50%.

Т.Г. Морщякова по этому поводу дает следующие пояснения: «Низкий показатель оправдательных приговоров вовсе не говорит о высоком качестве правосудия. Взгляните на Европу, где низкий процент оправдательных приговоров расценивается как свидетельство определенного непрофессионализма. Или Скотленд-Ярд. Там оценивают процент раскрытых преступлений следующим образом: если он высок, значит, работали непрофессионалы. Российский процент оправдательных приговоров (0,8) очень низкий. В нормальной ситуации процент оправданных обычно составляет около 20. При этом наша статистика даже не учитывает количество отмененных оправдательных приговоров. В общем, такая ситуация говорит о том, что суды у нас по-прежнему чаще всего встают на сторону обвинения, а не защиты» [9].

Несмотря на эти утверждения, очевидно, что статистические данные об оправдательных приговорах мало что объясняют. Поэтому рассмотрим более подробно статистику оправдательных приговоров в России. Парадоксально, но самая благополучная, с точки зрения адвокатов, статистика оправдательных приговоров была при Сталине.

Так, из числа привлеченных к уголовной ответственности были оправданы:

- в 1935 г. — 10,2%;
- в 1936 г. — 10,9%;
- в 1937 г. — 10,3%;
- в 1938 г. — 13,4%;
- в 1939 г. — 11,1%;
- в 1941 г. — 11,6%;
- в 1942 г. — 9,4%;
- в 1943 г. — 9,5%;
- в 1944 г. — 9,7%;
- в 1945 г. — 8,9% [10].

Разумеется, эти данные не отражают реального положения дел, поскольку в 1936 и 1937 г. в стране происходили массовые внесудебные преследования, миллионы людей были расстреляны либо оказались в местах лишения свободы, хотя, согласно статистике, именно в это время было вынесено самое большое число оправдательных приговоров. В действительности в статистические данные не попадали приговоры военных трибуналов, а также приговоры специальных судебных, а по сути, внесудебных органов — «троек». Кроме того, «хорошую» статистику оправдательных приговоров обеспечивали уголовные дела, возбужденные за совершение деяний, не представлявших большую общественную опасность.

В современной России доля оправдательных приговоров варьируется от 0,36 до 0,54%. В последние годы их доля снижается. В то же время П. Чирков, который занимается правозащитной деятельностью, в том числе на деньги зарубежных грантов, и поэтому его трудно обвинить в попытке приукрасить российскую действительность, приводит следующие данные, основанные на анализе официальной судебной статистики за 2015–2016 г.: 1) за данный период, несмотря на снижение количества оправдательных приговоров, число осужденных увеличилось только на 1%; 2) в отношении более 1,5 тыс. человек уголовное преследование в среднем прекращается по реабилитирующим основаниям, что, по сути, также является оправдательным приговором, но оформляется постановлением о прекращении уголовного дела (число таких дел увеличилось за два года в четыре раза); 3) помимо этого, 29% уголовных дел прекращается в судах по нереабилитирующим

основаниям, т.е. виновность человека в совершении преступления считается доказанной, но сам он как бы не представляет общественной опасности и поэтому освобождается от уголовной ответственности (завуалированная форма оправдательного приговора, когда не собраны в должном объеме доказательства виновности человека, хотя бывают случаи, когда действительно сам факт его привлечения к ответственности уже явился достаточным наказанием для него); 4) еще примерно 25% уголовных дел прекращается на стадии предварительного следствия и не попадает в суды; 5) 73% всех оправданных подсудимых в России проходили по одной из трех статей – побои, легкий вред здоровью или клевета (эти составы относятся к делам частного обвинения, где пострадавший сам обращается к мировому судье с заявлением против обидчика, и по таким делам не проводится предварительное следствие).

Таким образом, с учетом общего числа уголовных дел, по которым были вынесены оправдательные приговоры, и дел, прекращенных судами по не реабилитирующим основаниям, реальный уровень оправдательных приговоров в России составляет примерно 2,6%.

Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова и другие авторы в своем исследовании «Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.)» приводят следующую статистику оправдательных приговоров и приговоров, которые я называю, за камуфлированными оправдательными приговорами. Согласно приводимым ими данным о судебной статистике, производство по уголовным делам в первой инстанции окончилось следующим образом: 1) 1% – 8574 осужденным назначены так называемые меры принудительного характера (иными словами, они были освобождены от уголовного наказания по медицинским показаниям, в основном связанным с психическими отклонениями); 2) 1% – 10 785 человек были освобождены от уголовной ответственности, поскольку уголовные дела в их отношении прекращены по нереабилитирующим основаниям (об этом говорилось выше); 3) 1% – 12 020 уголовных дел в отношении подсудимых возвращены прокурору для проведения дополнительного следствия (как правило, это происходит либо из-за серьезных недостатков при оформлении дел на следствии, либо из-за недоказанности обвинения, т.е. это прямой оправдательный приговор, что подтверждается высоким процентом прекращения таких дел и не направления, соответственно, их в суд повторно); 4) 0% – 4297 человек оправданы (ноль процентов в соответствующей графе свидетельствует,

на мой субъективный взгляд, об ангажированности авторов монографии и не имеет отношение к объективному исследованию проблемы, поскольку все, что больше единицы, не может быть нулем); 5) 23% – 23 1510 дел в отношении подсудимых прекращены судами по другим основаниям (что, по моему мнению, тоже должно быть признано псевдооправдательными приговорами – что делать, если так работает судебная система); 6) 74% – 762 958 подсудимых осуждены (речь идет, заметим, о решениях судов первой инстанции, т.е. в других инстанциях также возможно вынесение оправдательного приговора по небольшому проценту из числа этих дел) [11, с. 27].

В то же время авторы исследования утверждают, что наибольшее количество уголовных дел прекращалось в связи с применением акта амнистии, примирения с потерпевшим или в связи с деятельным раскаянием, т.е. по нереабилитирующим основаниям [11].

Если посчитать, сколько дел, поступивших в суд первой инстанции, не оканчивается вынесением приговора об осуждении подсудимого, то получится цифра, которая очень не понравится адвокатам и другим правозащитникам, утверждающим, что российское правосудие имеет односторонний обвинительный уклон – 26%. Для меня не очень важно, что большая часть от этого количества уголовных дел составляют дела как бы с обвинительным приговором. По этим делам не вынесен конкретный оправдательный приговор. Но в результате этих судебных решений человек реально освобождается от уголовной ответственности.

Но забудем обо мне и о моем мнении. Гораздо важнее, что считают люди, которых освободили от уголовной ответственности в суде первой инстанции. Уверяю, что все они довольны вынесенным решением и не хотят пересмотра своего дела (исключения, в рамках статистической погрешности, конечно, возможны). Для них подобный исход – самый настоящий оправдательный приговор. Все остальное – наше с учеными коллегами лукавство.

Иное дело – почему так устроена система, что не выносятся прямой оправдательный приговор? Но этот вопрос требует самостоятельного и обстоятельного изучения, и им никто не занимался. Возможно, в том числе и потому, что проще сказать, что оправдательных приговоров мало.

Допустим, оправдательных приговоров много в США, и что? Это хорошо? А что в этом хорошего? Почему только в суде в ходе долгих судебных процедур выясняется, что лица, заведомо невиновные в инкриминируемых им преступлениях, их не совершали. При этом хотелось бы узнать, сколько

простых американцев было оправдано, и сколько среди оправданных тех, кто мог позволить себе купить помощь «качественного» адвоката, а также соотнести количество оправдательных приговоров, вынесенных в отношении тех и других.

Я уже не говорю о том, что в американских судах не менее половины дел заканчивается так называемой сделкой с правосудием, когда в обмен на признание своей вины подсудимый получает минимальное наказание. Никакого отношения к судопроизводству подобная практика, на мой взгляд, не имеет, в том числе к оправдательному и обвинительному приговору.

Показательно, что преобладающая точка зрения относительно российской статистики оправдательных приговоров иная. Упорно доказывается, что оправдательные приговоры являются следствием обвинительного уклона отечественного уголовного судопроизводства, поэтому в среднем в течение года выносятся ничтожно малое их количество — около 0,7 %, тогда как тот же показатель в Европе составляет 15–20% (я нашел другие данные — от 1 до 50%, о чем уже говорилось выше). При этом в дореволюционной России число оправдательных приговоров доходило до 25–30%. А в период Великой Отечественной войны по суду оправдывались до 7% подсудимых [12, с. 190].

Особенно красноречив пассаж по поводу оправдательных приговоров во время войны, учитывая, что правом расстрела без всяких судебных процедур в боевой обстановке обладали командиры подразделений, а командиры более высокого уровня утверждали приговоры и тут же приводили их в исполнение. При этом я нисколько не умаляю роль и значение военной прокуратуры и военных трибуналов, но сколько до них доходило дел от общего числа тех, кого обвиняли в то время в совершении преступлений и какие это были дела?

Л.В. Головкич вопреки статистическим данным и насаждаемой точке зрения утверждает, что в США выносятся меньше оправдательных приговоров, чем не только в России, но и в большинстве европейских стран. Все дело в корректности подсчетов. Более 75% уголовных дел в США разрешаются путем договоренности подсудимого и прокурора, из которых значительная их часть переквалифицируется в дела, для которых предусмотрены штрафы, и попадает в число якобы оправдательных приговоров (*Шипилин П. Истина — в последней инстанции. Обвинительный уклон в американских судах: лишь полпроцента оправдательных приговоров.* URL: <https://pavelshipilin.livejournal.com/292641.html> (дата обращения 11.12.2018)). Об этом я также говорил чуть выше.

Следовательно, статистика ничего не может сказать о том, какую криминологическую ценность представляют собой оправдательные приговоры.

Правосудие и иллюзия бытовых представлений. Американский ученый и адвокат Скотт Лилиенфельд (Scott O. Lilienfeld) доказал, что система правосудия находится в плену иллюзий бытовых представлений. Он провел исследование и пришел к следующим выводам: 1) программы реабилитации действительно снижают уровень рецидива среди преступников; 2) большинство педофилов не совершают повторных преступлений в течение 15 лет после первоначального преступления или, по крайней мере, их не ловят на этом, а лечение дает хотя и незначительное, но позитивное воздействие на уровень рецидива среди них; 3) принудительный лечебный или трудовой лагерь и прямое запугивание преступников неэффективны и даже вредны; 4) большинство психопатов ведут себя не буйно, а скорее рационально, и сознавая, что их действия являются неправильными, не меняют своего поведения; 5) нет ни одного типа личности, который рискует быть отнесенным к зависимому типу, хотя такие черты характера, как импульсивность и предрасположенность к беспокойству, предсказывают риск противоправного поведения (*Лилиенфельд Скотт О. Практически все люди, которые сознают в совершении преступлений, виновны в них.* URL: <https://psy.wikireading.ru/246/> (дата обращения 11.12.2018)).

Оправдательный приговор не может служить показателем демократичности либо авторитарности судебной или правовой системы, он не оказывает никакого влияния на криминогенную обстановку. По сути, оправдательный приговор имеет значение только для адвоката, защищающего своего клиента. Часто и справедливо говорят о судебных ошибках, в результате которых невиновные попадают в тюрьмы и даже лишаются жизни, но при этом мало кто вспоминает об ошибочных оправдательных приговорах, в результате вынесения которых оказавшиеся на свободе лица, вину которых не удалось доказать в суде, вновь совершают самые страшные преступления.

Так, в декабре 2017 г. был вынесен приговор Сергею Тюрину, который обвинялся в убийстве риелтора Валентины Раевской. Обвинительному приговору предшествовал ряд оправдательных вердиктов присяжных заседателей. В 2007 г. присяжные заседатели оправдали Тюрина, который обвинялся в убийстве Игоря Климова, директора компании «Алмаз-Антей», связанной с оборон-

ными заказами. В 2012 г. по делу об убийстве Раевской он также был оправдан присяжными заседателями. В 2014 г. Тюрин вновь предстал перед судом по данному делу и снова был оправдан. Работники правоохранительных органов убеждены, что в перерыве между оправдательными приговорами Тюрин продолжал совершать другие тяжкие преступления.

В 2011 г. был вынесен оправдательный приговор главарю группировки скинхедов Андрею Малюгину, подозревавшемуся в совершении нескольких убийств. После освобождения из-за денег он задушил 36-летнего предпринимателя из Южной Кореи Александра Тена и 22-летнего националиста Мирослава Ковровского. В декабре 2017 г. оправдательный приговор был пересмотрен, и Малюгин был осужден на 18 лет лишения свободы.

В США был вынесен оправдательный приговор Лори Дрю, которая, желая отомстить 13-летней школьной подруге своей дочери, через Интернет довела ее до самоубийства. Присяжные не смогли дать юридическую оценку ее действиям.

Особое место среди сомнительных оправдательных приговоров занимает дело Орентал Джеймс «О. Джей» Симпсона (англ. Orenthal James “O. J.” Simpson), знаменитого профессионального игрока американского футбола, пробежавшего с мячом более 2 тыс. выносных ярдов за сезон в 14 играх (рекорд, который никто не смог повторить). Напомню фабулу дела. 13 июня 1994 г. внимание соседки Симпсонов было привлечено лаем собаки. Она подошла к дому и увидела в окне тела двух убитых – мужчины и женщины. Вскоре приехала полиция. Жертвами оказались Николь Симпсон (бывшая жена спортсмена) и ее знакомый Рональд Гольдман. Оба были заколоты профессиональным ножом немецкого производства, который был приобретен Симпсоном за три недели до трагедии. Голова женщины была почти полностью отделена от туловища, лицо сильно изуродовано. Мужчине были нанесены множественные смертельные ранения в шею, грудь и живот.

Как установило следствие, накануне вечером Николь Симпсон (в девичестве – Браун) ужинала в ресторане. Уходя, она забыла свои очки, и ее знакомый официант Рональд Гольдман завез их к ней домой. Гольдман и Николь были любовниками. Ужас ситуации заключается в том, что когда убивали Николь и Гольдмана, дети Симпсонов (восьмилетняя дочь Синди вместе с пятилетним братом Джастином) находились в спальне на втором этаже.

Вечером того же дня на дорожке, ведущей дому Симпсонов, были обнаружены пятна крови, груп-

па которой была идентична группе крови О. Джей Симпсона, а в саду была найдена окровавленная перчатка на правую руку (другую изъяли на месте убийства).

Симпсон сразу попал в число подозреваемых лиц. Как выяснилось в ходе следствия, Симпсон встречался с Николь еще в 1977 году, когда был женат на другой женщине. Только в 1985 г. Николь и Симпсон зарегистрировали официально свои отношения. В 1992 г. они развелись.

В 1989 г. Николь обращалась в полицию, обвиняя супруга в издевательствах и угрозах убийством. Когда полицейский наряд прибыл в дом Симпсонов, они увидели жестоко избитую Николь. Однако Симпсон не был привлечен к ответственности, так как Николь позднее сняла свои обвинения.

Полицейские через средства массовой информации обратились к Симпсону с призывом о добровольной сдаче. На этом же настаивали его адвокаты, которые находились с ним в тайном контакте. Утром 17 июня репортеры ждали Симпсона около полицейского участка, но вместо него появился его приятель и адвокат Роберт Кардашьян и зачитал обращение Симпсона к журналистам. Оно было интерпретировано как прощальное послание перед самоубийством.

В тот же день, 17 июня Симпсон и его друг Эл Коулинг попытались тайно выехать из города. В 14 часов полиция объявила Симпсона в розыск. В 18 час. 50 мин. телевидение включило прямую трансляцию погони полицейских за Симпсоном. Они догнали Симпсона, он приставил к своей голове пистолет и стал угрожать самоубийством. Через несколько часов, когда Симпсон прибыл к дому своей матери, полиции удалось уговорить его выйти из машины, и в 20 час. 45 мин. 17 июня он был взят под стражу. 18 июня его поместили в одиночную камеру центральной окружной мужской тюрьмы.

Вопреки ожиданиям Симпсон после ареста категорически отрицал причастность к убийству. Впрочем, к этому моменту он уже был проинструктирован адвокатами.

На допросе Симпсон заявил, что в момент убийства (с 22 до 23 час. 12 июня) находился в трех километрах от места преступления, в собственном доме.

23 января 1995 г. в Лос-Анджелесе начался суд. Симпсон, поднимаясь на скамью подсудимых, патетически объявил, что заплатит *500 тыс. долларов США тому, кто наведет следствие на истинного убийцу его бывшей жены.*

Со стороны обвинения на процессе выступили девять человек во главе с заместителем окружного прокурора Марсией Кларк. Адвокаты Симпсона

с самого начала придавали процессу расовый характер. Тем более, что сделать это было нетрудно, поскольку обвиняемый был чернокожим. Защита настаивала на версии сговора полицейских «из-за расистских убеждений». Полиция Лос-Анджелеса незадолго до этого дала повод к такого рода инсинуациям после жестокого задержания полицейскими афроамериканца Родни Кинга, которое было зафиксировано на видеокамеру. После оправдания участвовавших в его задержании полицейских в городе вспыхнули уличные беспорядки.

В числе 12 присяжных на процессе было восемь чернокожих женщин и один чернокожий мужчина, один латиноамериканец и лишь две белые женщины.

Помимо версии «заговора полицейских», адвокаты Симпсона выдвинули версию о колумбийской наркомафии, которая якобы намеревалась расправиться с подругой Николь – Фэй Резник. По словам адвокатов, она находилась в преступной связи с наркодилерами, и ее за какие-то преступления должны были убить. Таким образом, согласно данной версии, Николь убили по ошибке, потому что она и Фэй Резник жили под одной крышей.

3 октября 1995 г. был оглашен вердикт присяжных заседателей. Как заявили журналисты, этот день стал праздником для всей чернокожей Америки – Симпсон был оправдан. Однако вскоре против него был выдвинут гражданский иск практически по тем же основаниям, что и обвинения по уголовному делу. В 1997 г. Симпсон проиграл гражданский суд и выплатил семье погибшего Рона Гольдмана 33,5 млн долл. США.

Спустя некоторое время после завершения всех процессов против Симпсона адвокат Кардашьян выразил сомнения в его невиновности. Отношения между Кардашьяном и Симпсоном были прекращены. Однако, когда адвокат умер, Симпсон сказал: *«Роб был рядом, когда я больше всего в этом нуждался». Ведь именно у него Симпсон прятался от полицейских 13–17 июня 1994 года.*

Осенью 2006 г. был анонсирован выпуск книги О. Джея Симпсона с примечательным названием *«Если бы я сделал это»*. В ней он в гипотетической форме описывал убийство своей бывшей жены и Рональда Гольдмана, если бы это убийство совершил он сам. Разгорелся скандал, и выход книги был отменен. Тем не менее она была выпущена в 2007 г. под названием *«Если бы я сделал это: признание убийцы»* с комментариями семьи Гольдмана и Пабло Фенхвеса (литературного «призрака», подготовившего первоначальный текст книги), а также журналиста Доминика Данна.

Симпсон сумел заработать на гибели бывшей жены целое состояние. Но, как говорится, сам он при этом измениться не мог. 3 сентября 2007 г. вместе с приятелями Симпсон ворвался в номер одной из гостиниц Лас-Вегаса к торговцу спортивными трофеями и, угрожая пистолетом, отобрал принадлежавшие Симпсону ранее кубки, которые тот приобрел на аукционе. 4 октября 2008 г. суд Лас-Вегаса признал Симпсона виновным в вооруженном ограблении и похищении людей. 5 декабря 2008 г. он был приговорен к 33 годам тюремного заключения с возможностью досрочного освобождения в 2017 г. Отбывал наказание Симпсон как заключенный под номером 102820 в тюрьме недалеко от городка Лавлок.

В 2013 г. комиссия по условно-досрочному освобождению штата Невада частично удовлетворила ходатайство об условно-досрочном освобождении Симпсона, он вышел на свободу 1 октября 2017 г.

Полагаю, что ошибочных оправдательных приговоров, вынесенных в отношении людей, которые в действительности были виновны в совершении преступлений, намного больше, чем об этом становится известно. Просто такие ошибки не афишируются, чтобы не подрывать доверие обывателей к судебной системе как государственному инструменту возмездия. Разрушение такого доверия неизбежно ведет к самосудам.

Игра в статистику оправдательных приговоров. С моей точки зрения, игра в статистику оправдательных приговоров не так безобидна, как кажется. В конечном итоге большое число оправдательных приговоров после судебной реформы 1864 г. привело к военно-полевым судам П.А. Столыпина. Я не даю никаких оценок действиям этого политика, которого в советское время предавали анафеме, а сегодня превозносят. Как тут не вспомнить слова Булата Окуджавы: *«Не раздобыть надежной славы, куда кровь не пролилась!»*.

Кстати, непредвзятый анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что для вынесения обвинительного приговора судье придется потрудиться значительно больше, чем при вынесении оправдательного приговора. Сравните положения ст. 305 и 306 УПК РФ со ст. 307 и 308. Чтобы составить резолютивную часть обвинительного приговора, необходимо применить 12 обязательных пунктов, а оправдательного – всего пять.

Я говорю об этом потому, что сторонники масовости в вынесении оправдательных приговоров утверждают, что вынести оправдательный приговор намного сложнее, чем обвинительный. С юридической точки зрения – ничего подобного, с организа-

ционно-технической и нравственно-психологической, скорее всего, да. Но рассуждать обо всем этом как о главных причинах невынесения большого количества оправдательных приговоров у нас, как я убежден, — верх дилетантства, лукавства, позерства, *игры* в либерализм, или того хуже — сознательного искажения действительности.

Судьи и оправдательные приговоры. Степень ответственности судей за принятые решения более высока по сравнению с ответственностью остальных участников уголовного судопроизводства, включая оперативных работников и следователей. Риск принятия каждого такого решения определяется, с одной стороны, точной уверенностью в виновности или невиновности человека, оказавшегося на скамье подсудимых, а с другой стороны, справедливостью принятого решения. Здесь нет ничего менее важного. Приговор человеку, который действительно совершил преступление, вынесенный несправедливо (например, выбор самого строгого из возможных наказаний), теряет свою значимость и ценность, как для осужденного, который не воспринимает его в качестве заслуженной кары, так и для общества в целом, поскольку одним полноценным его членом становится меньше. Даже виновный в совершении преступления человек хочет справедливого к себе отношения. И если вынесенный ему приговор не воспринимается им через призму справедливости, он начинает воспринимать окружающий его мир как враждебный, а себя начинает ощущать изгоем. Возвращение такого человека в общество в качестве полноценного его члена практически невозможно.

Не менее опасна обратная ситуация, когда назначено неоправданно мягкое наказание. Еще хуже, если в отношении виновного выносится оправдательный приговор. В этом случае преступник ощущает себя человеком, который может делать, что угодно, неся при этом минимальные издержки, а общество перестает чувствовать себя защищенным и теряет веру в разумность судебных решений.

Хорошо, если такой оправдательный приговор будет следствием судебной ошибки, обусловленный некачественно проведенным следствием. К сожалению, имеют место случаи, когда оправдательный приговор выносится вопреки фактам, добытым оперативными работниками и следователями. Так, двое подсудимых были признаны невиновными в покушении на убийство лица путем сбрасывания его с высоты 17 м в реку в связанном состоянии. Суд, принимая решение оправдать этих граждан, сослался на якобы нестабильность показаний потерпевшего, которые тот давал в рамках предварительного следствия, а также на его заявление,

что он все выдумал, сделанное им в суде. Между тем из материалов дела видно, что пострадавший, чудом оставшийся в живых, после того, как сумел выбраться на берег реки, обратился с заявлением в полицию. При этом он назвал конкретных лиц и объяснил, почему они хотели его убить. Потерпевший неоднократно, в том числе с выездом на место происшествия, подробно рассказывал об обстоятельствах произошедшего. Суд необоснованно не учел не только эти показания, но и показания свидетелей, которые видели, как потерпевший выбирался из воды. Более того, в ходе судебного заседания судья учел явку с повинной подсудимых как смягчающее обстоятельство. Почему судья решил, что подсудимые не совершали преступления, в котором сознались, и главное, почему он не выяснил причины столь радикального изменения потерпевшим своих показаний, остается только гадать.

Вышестоящая судебная инстанция признала, что суд не оценил должным образом все материалы уголовного дела. При повторном его рассмотрении был вынесен обвинительный приговор. Данное решение впоследствии было оставлено без изменения кассационной инстанцией.

Наказывать имеет смысл при условии понимания ответственности тем, кого наказывают. Поэтому современная концепция вины имеет решающее значение. Вина определяется посредством субъективной категории, которую называют психическим отношением к содеянному. Определяют это люди, которым свойственно ошибаться (*errare humanum est*). Отсюда неизбежное большое число судебных ошибок, в том числе ошибочно вынесенных обвинительных и оправдательных приговоров.

При этом практическая конструкция вины, которая даже теоретически не может быть идеальной, поскольку предполагает, я бы даже сказал, закладывает в себя, возможность ошибки, не может не быть порочной при ее нормативно-правовом регулировании. Из этого вовсе не следует, что существующее законодательное определение вины не годится. Я хочу сказать, что оно годится, поскольку лучшего на данном этапе быть не может, при условии, что одного человека судит другой человек, который, возможно, отличается от преступника только тем, что не попался при совершении преступления, например, совершенном из озорства в юности.

Следовательно, действующая нормативная правовая конструкция предполагает судебную ошибку.

В свою очередь, что такое судебная ошибка? Это искаленная судьба, и, обычно не одного, а нескольких людей, в том числе потерпевшего, членов семей преступника и потерпевшего.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что для противодействия преступности в целом, установления истины по делу и, что наиболее важно, для улучшения криминологической ситуации в том или ином регионе оправдательный приговор значения не имеет.

В то же время, буду честным перед самим собой, в случаях очевидного нарушения прав граждан, когда, например, выясняется, что вместо настоящего преступника был осужден человек, который этого преступления не совершал, невынесение оправдательного приговора может повлиять на настроение общества, и, естественно, на криминогенную ситуацию в конкретном районе. Но обратите внимание на парадокс: на криминогенную ситуацию будет влиять не просто оправдательный приговор, а невынесенный оправдательный приговор, который должен был быть вынесен в свое время. Это отложенная криминологическая реакция на судебную ошибку. Кстати, эффект от такой ошибки минимальный, что подтверждают случаи, имевшие место как в мировой практике, так и в России, в том числе, когда выяснялось, что вместо виновного человека был осужден другой невиновный человек.

Следовательно, криминологическое значение оправдательных приговоров несущественно. Они не оказывают влияния на рост или снижение преступности. Между тем изучение причин вынесения (невынесения) оправдательных приговоров представляет собой интересную криминологическую проблему, которой необходимо заниматься. Подспорьем здесь могли бы стать эмпирические данные, например, о том: а) сколько было вынесено оправдательных приговоров лицам, которые после этого совершили преступления, а также тяжесть таких преступлений; б) сколько было вынесено обвинительных приговоров в отношении лиц, которые не совершали инкриминируемых им

преступлений; в) сколько было прекращено уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в отношении лиц, которые не совершали преступлений; г) почему в отношении обвиняемых и подсудимых выносятся решения о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям вместо оправдательного приговора; д) сколько дел прекращается по реабилитирующим основаниям. Причем все эти данные значимы не только сами по себе, но и в сравнительном плане с аналогичными статистическими данными Европейского Союза, США и других стран.

Конечно, вопросов, которые необходимо исследовать значительно больше. Ограничимся перечнем тех, которые, как мне представляется, наиболее очевидны. Итак:

- 1) оправдательный приговор является иллюзией правового преимущества той или иной судебной системы;
- 2) оправдательный приговор не означает торжества правосудия, в том числе по конкретному уголовному делу;
- 3) оправдательный приговор не гарантирует, что по конкретному делу не будет допущена судебная ошибка, а также по другим делам;
- 4) оправдательный приговор имеет серьезные негативные последствия не только для тех, кто обвинял человека в совершении преступления, но и для потерпевшего от преступления, правовой системы и государства в целом;
- 5) никакого криминологического значения оправдательный приговор не имеет.

В заключение хотелось бы сказать, что никто не любит признаваться в собственных ошибках. А оправдательный приговор — это череда ошибок огромного числа людей. Именно по этой причине оправдательных приговоров будет всегда выноситься меньше, чем обвинительных.

KRIMINOLOGISCHE BEDEUTUNG EINES FREISPRUCHS

Das Institut des Freispruchs wird im russischen Rechtssystem ständig kritisiert. Die Geschichte dieser Frage beginnt im 19. Jahrhundert und ist mit einer Gerichtsreform 1866–1899 verbunden, die der Kaiser Alexander II durchgeführt hat. Diese Reform werde ich nicht bewerten und möchte nur anmerken, dass die überwiegende Mehrheit der Rechtswissenschaftler sie als beinahe größte Leistung des Kaisers bewertet, sogar größerer als die Aufhebung der Leibeigenschaft. Im Laufe der Reform wurde der Öffentlichkeitsgrundsatz

eingeführt, für eine bessere Transparenz des Gerichtsverfahrens. Des Weiteren wurde das Verhandlungsprinzip im Verfahren verankert, sodass die Parteien bei der Beweisvorbringung die gleichen Rechte haben. Überdies wurde eine gerichtliche Beweisaufnahme eingeführt und das Institut der Geschworenen. Strenggenommen lag der Schwerpunkt der Reform lag in der Übernahme des angelsächsischen Gerichtssystems mit allen seinen Vor- und Nachteilen. Zu einer der bedeutendsten Bestandteile der Reform ist die Möglichkeit

des Freispruchs geworden, die bisher deswegen nicht existierte, weil der Kaiser in allen bedeutsamen Strafsachen das Urteil persönlich verkündet hat.

Als Wendepunkt der Gerichtsreform von Alexander II, wurde der Fall von der Terroristin Wera Sasulitsch, die einen fehlgeschlagener Mordversuch des Stadthauptmanns von Sankt Petersburg Fedor Trepow begangen hat. Jeder Logik, Vernunft und Rechtsvorschriften entgegen wurde sie dennoch von den Geschworenen freigesprochen. Im Übrigen, gab es bis zu diesem Zeitpunkt in dem genannten Fall keinerlei Opfer, bis auf den verletzten Stadthauptmann. Allerdings hat der Freispruch Straßenunruhen provoziert, während ein Student namens Grigorij Sidoratskij auf einen Polizisten geschossen hat. Sein Schuss hat aber eine Studentin getroffen. Daraufhin hat sich Sidoratskij erschossen.

Der Spruch der Geschworenen im Fall von Sasulitsch wird bis jetzt als Unparteilichkeitsstandard dargestellt, wobei sogar der Vorsitzende in diesem Prozess – der berühmte Jurist Anatolij Koni – sagte, dass dieser Spruch eine Folge der Lücken in der Gerichtsreform darstelle.

Immerhin behaupten alle russischen Rechtsanwälte, dass eine wesentliche Lücke des geltenden Gerichtssystems in der geringen Zahl der Freisprüche besteht. Der Vortrag beinhaltet im Folgenden:

- 1) Wie die Statistik der Freisprüche in Russland und auf der Welt tatsächlich aussieht;
- 2) Das Verständnis, aus welchen Gründen der Beschuldigte schuldig ist oder freigesprochen wird;
- 3) Die kriminologischen Folgen des Freispruchs;
- 4) Die Bestimmung des Zusammenhangs der Freisprüche und Gerichtsfehler;
- 5) Feststellungen, wie die Freisprüche das kriminologische Umfeld beeinflussen.

Statistik der Freisprüche:

Großbritannien – 20%;

USA – 17–25%;

Taiwan – 12%;

Japan – weniger als 1%;

China – 0,7%;

Russland – weniger als 1%;

Deutschland – 3%.

Es ist offensichtlich, dass diese Statistik kaum was erklärt. Deswegen werde ich mich eingehend mit der Statistik der Freisprüche in Russland beschäftigen. Paradoxerweise waren zu Stalins-Zeiten, aus Sicht der Rechtsanwälte, laut Statistik die größte Zahl der Freisprüche. Im Jahre 1935 wurden 10,2% Beschuldigte freigesprochen, 1936 – 10,9%, 1937 – 10,3%, 1938 – 13,4%, 1939 – 11,1%, 1941 – 11,6%, 1942 – 9,4%, 1943 – 9,5%, 1944 – 9,7%, 1945 – 8,9%.

Sicherlich spiegelt diese Statistik nicht die Realität wieder. In den Jahren 1936 und 1937 gab es im Land

massenhafte außergerichtliche Verfolgungen. Millionen von Menschen wurden erschossen oder kamen ins Gefängnis. Hierbei wurde laut Statistik gerade in dieser Zeit die größte Zahl der Freisprüche verkündet. Tatsächlich wurden in der Statistik die Urteile von Militärgerichten und von speziellen gerichtlichen – aber dem Wesen nach außergerichtlichen Organen (sog. Trojkas) – nicht erfasst. Außerdem wurde eine gute Statistik der Freisprüche, durch die Fälle, die keine große gesellschaftliche Gefährlichkeit darstellen, gewährleistet.

Derzeit liegt der Anteil der Freisprüche in Russland zwischen 0,36 und 0,54%, wobei in den letzten Jahren eine erkennbar sinkende Tendenz der Anzahl der Freisprüche vorliegt. Gleichzeitig bringt Pavel Chikov (der Leiter einer internationalen Menschenrechtsgruppe „Agora“, die ihre Tätigkeit u.a. aus den ausländischen Fördermitteln finanziert), welchem man nicht unterstellen kann die Wirklichkeit zu verschönern, folgende Daten dar, die auf der Analyse von offiziell gerichtlichen Statistiken aus den Jahren 2015–2016 basieren:

trotz Senkung der Anzahl der Freisprüche, hat sich in dem genannten Zeitraum die Zahl der Verurteilten nur um 1% erhöht;

die Strafverfolgung wird pro Jahr durchschnittlich im Verhältnis zu 1.500 Menschen aus Gründen der Rehabilitation eingestellt. Seinem Wesen nach dies auch einen Freispruch, welcher aber in Form eines Beschlusses über die Einstellung des Strafverfahrens erlassen wird (die Anzahl solcher Fälle hat sich innerhalb von zwei Jahren um das Vierfache erhöht);

29% aller Strafverfahren, werden in den Gerichten nicht aus Gründen der Rehabilitation eingestellt; die Person wird jedoch von der Strafe befreit;

ca. 25% aller Strafverfahren werden während des Ermittlungsverfahrens eingestellt und nicht an die Gerichte weitergeleitet;

73% aller Freigesprochenen wurden in Russland wegen Misshandlungen, einer Körperverletzung oder einer Verleumdung angeklagt (die genannten Straftatbestände gehören zu den Privatanklagen. Das Opfer erstattete eine Anzeige, es gab jedoch selbst in diesen Sachen kein Ermittlungsverfahren).

Unter Berücksichtigung der Gesamtzahl der Strafverfahren, in denen Freisprüche ergehen, und Strafverfahren, die aus rehabilitierten Gründen eingestellt wurden, beträgt die tatsächliche Zahl der Freisprüche in Russland ca. 2,6%.

Trotz der Statistik und einer etablierten Sichtweise, behauptet Herr Golovko, Professor von der Lomonosow-Universität in Moskau, dass in den USA weniger Freisprüche als in Russland, und des Weiteren auch in der Mehrheit der europäischen Länder verkündet werden. Das liegt an der Art der Berechnungen.

Mehr als 75% der Strafsachen in USA werden durch die Vereinbarung zwischen dem Angeklagten und dem Staatsanwalt gelöst, ein wesentlicher Teil davon wird in eine Geldstrafe „umqualifiziert“ und stellt somit einen „Freispruch“ dar.

Folglich kann die Statistik nicht zeigen, welchen kriminologischen Wert die Freisprüche darstellen.

Der amerikanische Wissenschaftler und Rechtsanwalt Scott O. Lilienfeld hat bewiesen, dass sich das Rechtsprechungssystem in der Gefangenschaft der Illusionen von spießigen Vorstellungen befindet. Es hat Forschungen unternommen und kam zu folgenden Ergebnissen:

1) die Resozialisierungsprogramme vermindern die Rückfallquoten von Straftäter; 2) die Mehrheit der Pädophilen begehen keine neuen Straftaten innerhalb von 15 Jahren nach Begehung der ersten Straftat (oder zumindest wurden nicht erwischt). Die Therapie der Pädophilen beeinflusst die Senkung der Rückfallquoten zwar unerheblich, aber immerhin positiv; 3) zwingende Maßnahmen und direkte Einschüchterungen von Straftätern sind ineffizient und sogar schädlich; 4) die Mehrheit von Psychopaten verhalten sich nicht gewalttätig, sondern eher rational: sie erkennen, dass ihre Handlungen nicht richtig sind, ändern aber ihr Verhalten nicht; 5) es gibt keinen einzigen Typ von Personen, der zu einem abhängigen Typ eingeordnet werden kann, wobei Impulsivität und Angstanregung, als Charaktereigenschaften eines Menschen, das Risiko seines rechtswidrigen Verhaltens erhöhen. Ein Freispruch kann nicht als ein Zeichen der Demokratie oder des Autoritarismus des Gerichts- oder Rechtssystems angesehen werden und nimmt keinen Einfluss auf eine die Verbrechensbegehung begünstigende Situation.

Der Freispruch spielt nur eine Rolle für den Strafverteidiger. Darüber hinaus spricht man oftmals über richterliche Fehler, infolge deren Unschuldige ins Gefängnis kommen oder sogar dem Vollzug einer Todesstrafe unterliegen. Dabei denkt kaum jemand an die falschen Freisprüche, wenn freigekommene Straftäter erneut die schlimmsten Straftaten begehen.

Im Dezember 2017 wurde Sergej Turin ein Schuldspruch verkündet, der wegen Mordes einer Maklerin Walentina Raewskaja angeklagt wurde. Diesem Schuldspruch ging eine merkwürdige Geschichte voran. Im Jahre 2007 wurde Turin von den Geschworenen

freigesprochen. Damals wurde er wegen Mordes des Geschäftsführers des Unternehmens „Almaz-Intei“ Igor Klimow (das Unternehmen beschäftigte sich mit den Verteidigungsaufträgen) angeklagt. Im Jahre 2012 wurde Turin im Raewskaja-Mordverfahren von den Geschworenen freigesprochen. Im Jahre 2014 stand er wieder vor dem Gericht wegen dieser Strafsache und wurde erneut freigesprochen. Die Mitarbeiter der Strafverfolgungsbehörden waren sich sicher, dass Turin zwischen den beiden Freisprüchen weiterhin andere schwere Straftaten begangen hat.

Im Jahre 2011 wurde der Chef der Skinhead-Gruppierung Andrej Maljugin freigesprochen. Dieser wurde verdächtigt, einige Totschläge begangen zu haben. Nach seinem Freispruch hat er aus Habgier einen 36-jährigen Unternehmer aus Südkorea Alexander Ten und den 22-jährigen Nationalisten Miroslav Kowrowskij erwürgt. Im Dezember 2017 wurde seinen Freispruch revidiert. Gegen Maljugin wurde eine Freiheitsstrafe in Höhe von 18 Jahren verhängt.

In USA wurde Lori Drew freigesprochen. Um ein 13-jähriges Mädchen, das ihre Tochter beleidigt hatte, zu rächen, hat Lori Drew diese im Internet gemobbt. Daraufhin beging das Mädchen Selbstmord. Die Geschworenen könnte aus juristischer Sicht die Handlungen von Lori Drew nicht bewerten.

Schlussfolgerungen:

ein Freispruch ist eine Illusion eines Vorteils diesen oder eines anderen Gerichtssystems;

ein Freispruch bedeutet nicht Triumph der Gerechtigkeit, auch nicht in einem konkreten

ein Freispruch gibt keine Garantie, dass kein gerichtlicher Fehler in diesem konkreten sowie in anderen Fällen passieren wird;

ein Freispruch trägt in sich ernsthafte negative Folgen, nicht nur für diejenigen, die eine Person in der Begehung einer Straftat beschuldigt haben, sondern auch für das Opfer, das Rechtssystem und den Staat im Gesamten;

ein Freispruch hat keine kriminologische Bedeutung.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass niemand zugeben mag, dass er einen Fehler gemacht hat. Und ein Freispruch ist eine Reihe von den Fehlern von einer Vielzahl von Menschen. Aus diesem Grund wird es immer weniger Frei- als Schuldsprüche verkündet.

Литература

1. Бунин О.Ю. Несправедливость приговоров и понятие преступления в УК РФ // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 3. С. 58–61.

2. Александрова О.Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 23 с.

3. Карташов И.И., Приходько Р.В. Проблемы постановления оправдательного приговора // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. № 4. С. 46–47.
4. Соколов О.В. Постановление оправдательного приговора в российском судопроизводстве как результат следственных ошибок // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1. С. 222–224.
5. Самсонов И.И. Сущность и социально-ценностное значение оправдательного приговора // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2012. № 2–4. С. 114–118.
6. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 149–154.
7. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455–462.
8. Поздняков М.Л. Суд и правоохранительная система – цена компромисса // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сборник статей. М.: Норма, 2015. С. 104–130.
9. Барышева Е. Тенденция // Огонек. 2008. № 8.
10. Романова О., Челищева В., Байдакова А. Верховный Суд обнародовал данные по оправдательным приговорам в России // Новая газета. 2017. 11 авг.
11. Есаков Г.А., Дологов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М., 2017. 73 с.
12. Аминов Д.И., Эриашвили Н.Д. К вопросу о состязательности уголовного судопроизводства и необходимости расширения перечня оснований производства судебных экспертиз и исследований // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1 (3). С. 189–192.
13. Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 23 с.

References

1. Bunin O.Yu. Nespravedlivost prigovorov i ponyatie prestyplny v YK RF [The injustice of sentences and the concept of crime in the Criminal Code of the Russian Federation]. Ychenie trydi Rossiiskoi Akademii advokatyri i notariata [Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries], 2017, no. 3, pp. 58–61. (In Russian, abstract in English)
2. Alexandrova O.Yu. Opravdatel'nyj prigovor v ugovnom processe: teoreticheskie osnovy i pravoprimeritel'naya praktika: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Verdict of acquittal in the criminal process: theoretical foundations and law enforcement practice: author's abstract. diss. ... cand. legal sciences]. Omsk, 2005. 23 p. (In Russian)
3. Kartashov I.I., Prikhodko R.V. Problemy postanovleniya opravdatel'nogo prigovora [Problems of acquittal decisions]. Central'nyj nauchnyj vestnik [Central Scientific Herald], 2016, vol 1, no. 4, pp. 46–47. (In Russian, abstract in English)
4. Sokolov O.V. Postanovlenie opravdatel'nogo prigovora v rossijskom sudoproizvodstve kak rezul'tat sledstvennyh oshibok [The ruling of acquittal in the Russian judicial proceedings as a result of investigative errors]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2007, no 1, pp. 222–224. (In Russian, abstract in English)
5. Samsonov I.I. Sushchnost' i social'no-cennostnoe znachenie opravdatel'nogo prigovora [The essence and the social value of acquittals]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i parvo [Bulletin of Udmurt University. Series of Economics and Law], 2012, no. 2–4, pp. 114–118. (In Russian, abstract in English)
6. Nazarov A.D. Obvinitel'nyj uklon v deyatel'nosti sub"ektov, vedushchih ugovolnyj process, kak faktor, sposobstvuyushchij poyavleniyu oshibok v ugovnom sudoproizvodstve [The accusatory bias in the activities of the subjects leading the criminal process as a factor contributing to the appearance of errors in criminal proceedings]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law], 2015, no. 9, pp. 149–154. (In Russian, abstract in English)
7. Voskobitova L.A. Obvinenie ili obvinitel'nyj uklon? [Charge or accusatory?]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law], 2014, no. 3, pp. 455–462. (In Russian, abstract in English)
8. Pozdnyakov M.L. Sud i pravoohranitel'naya sistema – cena kompromissa [The court and law enforcement system – the price of a compromise.]. In Obvinenie i opravdanie v postsovetsoj ugovolnoj yusticii: sbornik

statej [Prosecution and acquittal in post-Soviet criminal justice: a collection of articles]. Moscow: Norma publ., 2015, pp. 104–130. (In Russian)

9. Barysheva E. Tendenciya [Trend]. Ogonek [Spark], 2008, no. 8. (In Russian)

10. Romanova O., Chelishcheva V., Baidakova A. Verhovnyj Sud obnarodoval dannye po opravdatel'nyj prigovoram v Rossii [The Supreme Court promulgated data on acquittals in Russia]. Novaya gazeta [New Newspaper]. 11.08.2017. (In Russian)

11. Esakov G.A., Dolotov R. O., Filatova M.A., Redchits M. A., Stepanov P. P., Tsai K.A. Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.). [Criminal Policy: Roadmap (2017–2025)]. Moscow, 2017. 73 p. (In Russian)

12. Aminov D.I., Eriashvili N.D. K voprosu o sostyazatel'nosti ugolovnogo sudoproizvodstva i neobходимости rasshireniya perechnya osnovanij proizvodstva sudebnyh ehkspertiz i issledovanij [On the issue of competitiveness of criminal proceedings and the need to expand the list of grounds for the production of forensic examinations and studies]. Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii [Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation], 2015, no. 1 (3), pp.189–192. (In Russian, abstract in English)

13. Churilov Yu.Yu. Opravdatel'nyj prigovor v rossijskom sudoproizvodstve: Avtoref. dis. ... kand. jurid. Nauk [Acquittal sentence in the Russian legal proceedings: author's abstract. diss. ... cand. legal sciences]. Voronezh, 2009. 23 p. (In Russian)

СПОРТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Понятовская Татьяна Григорьевна

Цель: проанализировать меры юридической ответственности, предусмотренные в законодательстве РФ за использование допинга и склонение к его применению, оценить степень общественной опасности данных деяний.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формальный юридический метод, метод сравнительного правоведения

Выводы. Нормы КоАП РФ и УК РФ, предусматривающие ответственность в рассматриваемой сфере, являются по существу тождественными и действуют параллельно на протяжении всех последних лет. Криминализацию склонения к употреблению допинга ряд авторов объясняют степенью общественной опасности данного деяния. Однако для подобной характеристики общественной опасности допинга требуются более серьезные основания, чем предположение о родстве запрещенных в спорте субстанций с наркотиками. Мотивация противодействия допингу существенно отличается от той, которая положена в основание противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. При этом допинг не обладает общественной опасностью, свойственной распространению наркотиков и других психоактивных веществ, а также не опасен для здоровья населения, однако может иметь негативные последствия для здоровья только тех лиц, которые его используют.

Нарушение нормативного порядка объединяет природу преступлений против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности с нормативной обусловленностью допинговых нарушений (в том числе преступлений, предусмотренных статьями 230¹ и 230² УК). Допинговые нарушения могут вписаться в систему преступлений главы 25 УК РФ, если будет установлено тождество (или родство) запрещенных в спорте субстанций и методов с опасными для здоровья населения предметами, оборот которых находится под контролем государства. Однако возникает проблема относимости запрещенных в спорте субстанций к объектам преступлений, предусмотренных в главе 25 УК РФ. Наркотические средства и психотропные вещества объективно опасны, независимо от особенностей организма потребителя. Запрещенные в спорте субстанции в большинстве своем не обладают свойством опасности. Напротив, они широко используются в медицине, поскольку обладают лечебными свойствами. Допинговые преступления объединяет с преступлениями главы 25 УК РФ только нормативная природа запрета, а не общественной опасности, поскольку допинговые нарушения ею не обладают. Речь идет о закреплении в действующем УК преступлений нового рода — деяний, имеющих нормативную природу, но не правовой, а политической обусловленности. В нормах, предусмотренных статьями 230¹ и 230² УК РФ, нет связи с объектами уголовно-правовой охраны. В основании данных уголовно-правовых запретов допинговых нарушений лежит конъюнктурный критерий — общественно-политическая напряженность.

Научная и практическая значимость. Выводы, сделанные в результате анализа, могут быть использованы при совершенствовании нормативных правовых актов, регулирующих вопросы введения правовых запретов на применение допинга, а также помогут соотнести предусмотренную за данные деяния ответственность со степенью их общественной опасности. Кроме того, материалы исследования могут применяться в учебном процессе при подготовке специалистов в области юриспруденции.

Ключевые слова: допинг, уголовное право, уголовно-правовой запрет, административное правонарушение, спорт.

Использование запрещенных в спорте субстанций и методов, так и склонение к этому — допинг (административное нарушение). Согласно статье 6.18 КоАП РФ, нарушение тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта установленных законодательством о физической культуре и спорте антидопинговых правил влечет дисквалификацию на срок от одного года до двух лет (в отношении несовершеннолетних спортсменов — дисквалификацию на срок три года).

В это же время склонение к использованию допинга — преступление, согласно части 1 статьи 230¹ УК РФ, а использование запрещенных в спорте субстанций и методов — преступление, согласно части 1 статьи 230² УК. При этом в уголовно-правовых запретах, предусмотренных этими статьями УК РФ, не сформулировано ни одного «уголовного» признака, отличного от признаков аналогичного административного правонарушения. По существу, законодатель расчленил систему признаков допинга как административного нарушения и придал им уголовно-правовое значение. Одни признаки, относящиеся к соучастию в допинге, положил в основание криминализации отдельно взятой формы административного правонарушения (допингового поведения). Другие признаки, относящиеся к другим формам допингового поведения, он положил в объективное основание состава преступления, предусмотренного статьей 230² УК РФ.

Административная ответственность за нарушение антидопинговых правил была установлена в 2011 г., уголовная — в 2016 г., и действуют эти по существу тождественные нормы КоАП РФ и УК РФ параллельно на протяжении всех последних лет. Или не действуют, если эта возмутительная конкуренция до сих пор не обратила на себя внимания правоприменителя?..

По какому же уголовно-политическому и правовому основанию *соучастие в административном правонарушении приобрело значение признака криминализации? На каком уголовно-политическом основании административное нарушение, оставаясь таким по форме и по сути, превратилось еще и в преступление?*

А.В. Федоров считает, что это оправдано значительной общественной опасностью склонения спортсменов к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте [1, с. 39–40]. О значительной общественной опасности допинга пишут многие авторы [2, с. 23–24; 3, с. 26; 4, 5]. Этот вывод, как правило, имеет эмоциональную аргументацию, основанную на умозрительных представлениях о родстве запре-

щенных в спорте субстанций с наркотическими средствами и психотропными веществами [4]. Думается, для подобной характеристики общественной опасности допинга требуются более серьезные основания, чем предположение о родстве запрещенных в спорте субстанций с наркотиками.

Другие авторы концентрируют свое внимание не на предмете допинговых нарушений и преступлений против здоровья населения, а на политическом обосновании интересов в спорте как объекта правового регулирования (следовательно, самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны).

С.А. Авакьян, И.П. Кененова, А.С. Ковлер справедливо полагают, что в вопросе об ответственности в спорте должен присутствовать конституционный подход к выработке требований, «предъявляемых к миссии государства и органов публичной власти во всех спортивных сферах, а также к участию граждан в спортивных мероприятиях (включая как спортсменов, в том числе вопросы регулирования их прав и притязаний на участие в соревнованиях высшего ранга, приобретение гражданства или выход из гражданства по спортивным соображениям, получение гарантий от государства и т.п., так и обычных граждан, включая их права и возможные обязанности в связи с реализацией своих спортивных интересов)» [6].

Этот подход является основательным, но конструктивным он будет, если та или иная сфера общественной жизни (например, спорт) будет включена в общее правовое поле, в котором каждая отрасль правового регулирования, в том числе уголовно-правового, базируется на конституционных принципах и служит реализации конституционных гарантий прав и законных интересов личности, общества и государства. Пока эта работа не будет проведена, задача установления родовой и видовой принадлежности «спортивного интереса» в системе объектов уголовно-правовой охраны останется нерешенной. Лозунг «О спорт, ты — здоровье населения» не может служить инструментом уголовно-правового регулирования.

Пока же государство под названием «Спорт» живет по своим собственным правилам. С.А. Авакьян, И.П. Кененова, А.С. Ковлер и др. отмечают, что «спортивные структуры совершенно не связаны с фундаментальными правами и свободами человека, и поэтому, например, установление факта виновности или процедура доказывания строится совершенно не так, как принято в государственных структурах, в сравнении с требованиями действующего законодательства. Так, правило 2.2.1 Кодекса ВАДА говорит о том, что персональной обязанностью каждого спортсмена является недопущение

попадания запрещенной субстанции в его или ее организм, а также неиспользование запрещенного метода. Соответственно нет необходимости доказывать намерение, вину, халатность или осознание использования со стороны спортсмена для установления нарушения антидопингового правила по использованию запрещенной субстанции или запрещенного метода. Такой подход в классической правовой литературе называется «принципом объективного вменения» [6].

Указанные выше авторы не без оснований заявляют и о другой, более масштабной проблеме: *автономность спортивных структур и механизмов регулирования отношений внутри спорта приводит к тому, что международная спортивная структура пытается создать собственные механизмы, которые позволили бы ей воздействовать на государство* [6].

В каждом виде спорта действуют свои правила (как в любой игре), свои правила поведения участников и свои последствия их нарушения, не связанные с правовыми принципами. Однако можно ли говорить о том, что сфера спорта обособлена от общего права, если спортивные отношения регулируются множеством нормативных актов (*Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»; КОАП РФ; Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 33-й сессии в городе Париже 19 октября 2005 г. и ратифицированная Федеральным законом от 27 декабря 2006 г. № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте»; Всемирный антидопинговый кодекс 2015 года, утвержденный Всемирным антидопинговым агентством 15 ноября 2013 г.; Международные стандарты ВАДА*)?

Ответ на этот вопрос содержится в Приказе Минспорта России от 09 августа 2016 г. № 947 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил»: «1.2. *Особый характер Правил. Антидопинговые правила, включающие правила международных спортивных федераций, настоящие правила, правила организаторов крупных соревнований, являются специфическими спортивными правилами и процедурами, нацеленными на всеобщее и скоординированное применение правил борьбы с допингом, и отличаются по своей сути от уголовного и гражданского процесса. Рассматривая факты и правовую сторону какого-либо случая, все суды, третейские суды и другие выносящие юридические решения органы призваны полностью понимать и уважать существенные отличия антидопинговых правил, изложенных в Правилах и Кодексе, и тот факт, что Кодекс*

является результатом консенсуса сторон, заинтересованных в честном спорте во всем мире».

При таких условиях невозможно вставить спортивные отношения в систему правового регулирования, просто раздвинув его рамки. В этом контексте термин «спортивное право» имеет свое собственное значение, при котором в кавычки нужно забрать только слово «право». Эта замкнутая на себе самой система регулируется спортивными структурами, действующими в соответствии с такими целями, которые определяются спортивными интересами. В данном случае термин «спортивный интерес» употребляется без тени иронии — как позитивное начало общественно значимой деятельности.

В этом смысле, Т.Н. Иванова и М.Е. Басова обоснованно употребляют термин «спортивный правопорядок», отмечая, что именно он был и остается правообразующим началом антидопингового контроля [7]. «*Спортивный правопорядок* (выделено мной. — Т. Понятовская) не допускает использования спортсменами субстанций и методов, способствующих повышению их работоспособности и запрещенных для использования законодательством отдельного государства и (или) решениями Международного олимпийского комитета (МОК), Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) и иных международных спортивных организаций» [7, с. 34].

В контексте спортивного правопорядка допинговые нарушения представляются в их истинном свете. По мнению Н.Д. Граевской, «помимо регулятивного, применение допинга содержит и нравственный аспект, который заключается в неравенстве условий участников соревнований, и это неравенство вытекает не из уровня подготовленности (что предусматривается правилами соревнований в любом виде спорта), но обусловлено уровнем развития фармакологической промышленности, медицинской науки и экономическими возможностями их привлечения в спортивную сферу» [8, с. 45].

Т.Н. Иванова и М.Е. Басова отмечают: «В связи с этим основным вопросом современного спорта стал *физиологический статус организма спортсменов с точки зрения равенства стартовых условий* (выделено мной. — Т. Понятовская). Физиологический статус организма спортсмена, свободный от допингового воздействия, оказался условием, при котором стартовые условия можно полагать равными» [7, с. 38; 9].

Этот тезис согласуется с основной политической идеей антидопинговых правил: «Антидопинговые программы призваны сохранить то, что действительно важно и ценно для спорта, что часто называют «духом спорта». Это является сущностью олимпийского движения — стремление

к достижению человеком превосходства благодаря совершенствованию природных талантов каждого человека. Это то, что определяет наше стремление к честной игре. ...Допинг в корне противоречит духу спорта» (*Приказ Минспорта России от 9 августа 2016 г. № 947 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил», п. 1.2*). И это характеризует его общественную опасность, как достаточное основание для криминализации допинговых нарушений?! Может быть, действительно настало время для расширения сферы уголовно-правового регулирования в целях удовлетворения общественных запросов? Может быть, настало время отказаться от классической уголовно-правовой идеи охраны только необходимых и достаточных условий существования субъектов уголовного права? Однако стремление к актуализации (модернизации) уголовно-правовой идеологии несет в себе и уголовно-политические риски: придется менять базовые положения о задачах уголовного закона и тем самым отойти от конституционных основ сложившейся уголовно-правовой идеологии...

Нарушение нормативного порядка объединяет природу преступлений против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности с нормативной обусловленностью допинговых нарушений (в том числе, преступлений, предусмотренных статьями 230¹ и 230² УК). Допинговые нарушения могут вписаться в систему преступлений главы 25 УК РФ, если будет установлено тождество (или родство) запрещенных в спорте субстанций и методов с опасными для здоровья населения предметами, оборот которых находится под контролем государства. Однако возникает проблема относимости запрещенных в спорте субстанций к объектам преступлений, предусмотренных в главе 25 УК.

Опасность наркотических средств и других психоактивных веществ, равно как и опасность их незаконного оборота общепризнана, что вытекает из содержания международно-правовых актов. Стороны, подписавшие «Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 года» (Вместе с «Перечнями наркотических средств, занесенных в Списки I, II, III, IV») (заключена в г. Нью-Йорке 30 марта 1961 г.), признали, «что наркомания является серьезным злом для отдельных лиц и чревата социальной и экономической опасностью для человечества». Так же в «Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (заключена в г. Вене 20 декабря 1988 г.) сторонами отмечается их озабоченность распространением наркотиков, «которые представляют

собой серьезную угрозу для здоровья и благополучия людей и оказывают отрицательное воздействие на экономические, культурные и политические основы общества». В преамбуле к этой Конвенции дана полная характеристика пагубным последствием распространением оборота опасных субстанций, какими являются наркотические средства и психотропные вещества [...]: «взаимосвязь между незаконным оборотом и другими связанными с ним формами организованной преступности, которые подрывают законную экономику и создают угрозу для стабильности, безопасности и суверенитета государств; незаконный оборот представляет собой международную преступную деятельность, пресечение которой требует неотложного и самого первоочередного внимания» и прочее.

Допинговые нарушения характеризуются в международно-правовых документах иначе. В «Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» 2005 г. мотивация противодействия допингу выражена в нескольких базовых тезисах: 1) спорт должен играть важную роль в охране здоровья, в нравственном, культурном и физическом воспитании, а также в содействии укреплению международного взаимопонимания и мира; 2) использование спортсменами допинга в спорте противоречит принципу справедливой игры, чревато мошенничеством и угрожает будущему спорта; 3) допинг ставит под угрозу этические принципы и воспитательные ценности, закрепленные в Международной хартии физического воспитания и спорта ЮНЕСКО и Олимпийской хартии; 4) допинг чреват пагубными последствиями для здоровья спортсменов.

Мотивация противодействия допингу существенно отличается от той, которая положена в основание противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Из этого следуют два вывода: 1) допинг не обладает общественной опасностью, свойственной распространению наркотиков и других психоактивных веществ; 2) допинг не опасен для здоровья населения, но может иметь негативные последствия для здоровья только тех лиц, которые его используют, употребляя запрещенные в спорте субстанции (вернее *злоупотребляют их применением*).

Как отмечается в преамбуле к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., «применение наркотических средств в медицине продолжает быть необходимым для облегчения боли и страданий». Однако эта необходимость не уменьшает опасности наркотических средств, которые при оказании паллиативной помощи так же вредны для больного, как и для человека, вовлеченного в употребление наркотиков (как и для всего

населения). Целью паллиативной практики является поддержка безнадежного больного, а не его лечение. Наркотические средства и психотропные вещества объективно опасны независимо от особенностей организма потребителя.

Запрещенные в спорте субстанции в большинстве своем не обладают свойством опасности. Напротив, они широко используются в медицине, поскольку обладают лечебными свойствами.

Медицинские и фармакологические характеристики запрещенных в спорте субстанций (далекие от юридической материи) обнаруживают несколько особенностей общего списка запрещенных в спорте субстанций, существенных для понимания уголовно-правовой стороны вопроса. 1. Все запрещенные в спорте субстанции (за исключением списков S7 – наркотики и S8 – марихуана) обладают лечебными свойствами и широко используются в медицинской практике. 2. Действие всех запрещенных в спорте субстанций (за исключением списков S7 – наркотики и S8 – марихуана) зависит от индивидуальных особенностей организма человека. На этих основаниях можно утверждать, что запрещенные в спорте субстанции не имеют видовой общности с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами.

В группах S7 и S8 рассматриваемых списков все-таки предусмотрены субстанции, опасные для здоровья населения. В данном случае *рубрикация списков запрещенных в спорте субстанций не имеет того правового и социально-политического основания, к которому мы привыкли, рассуждая о наркотических средствах.* Следуя уголовному (а не «спортивному») правопорядку, субстанции, предусмотренные в перечнях S7, S8 (наркотики и марихуану), следует числить в ряду категорически запрещенных психоактивных субстанций (опасных для здоровья населения). Согласно «спортивному списку», они относятся к числу

тех субстанций, которые запрещены только в соревновательный период. Почему?

мотивация запрета отдельных препаратов в спорте обусловлена не их опасностью для здоровья населения, а другими соображениями: все препараты, включенные в список запрещенных в спорте, нарушая физический статус спортсмена, противоречат главному условию спорта – равенству стартовых возможностей (честному соревнованию).

Этот вывод имеет еще одно подтверждение. Глюкокортикоиды (S9) находятся в списке запрещенных в спорте в соревновательный период субстанций в соседстве с наркотиками и марихуаной. Между тем, они не только не опасны для здоровья населения, но и безобидны. Глюкокортикостероиды могут содержаться как в лекарствах, продаваемых по рецепту, так и в общедоступных медикаментах. Они могут входить в состав различных кремов, мазей, ингаляторов, спреев, капель, таблеток и инъекций, поскольку обладают противовоспалительным действием. Соседство этих препаратов с наркотиками (только в соревновательном периоде) можно объяснить лишь соображениями «спортивного правопорядка».

Представляется, что допинговые преступления объединяет с преступлениями главы 25 УК только нормативная природа запрета. Важно: не общественной опасности (поскольку допинговые нарушения ею не обладают), а именно – запрета. По существу, речь идет о закреплении в действующем УК *преступлений нового рода* – деяний, имеющих нормативную природу, но не правовой, а политической обусловленности. В нормах, предусмотренных статьями 230¹ и 230² УК, нет связи с объектами уголовно-правовой охраны. В основании уголовно-правовых запретов допинговых нарушений лежит конъюнктурный критерий – общественно-политическая напряженность.

DIE SPORTLICHEN VERHÄLTNISSE UND IHRE STRAFRECHTLICHEN REGELUNGEN

Existieren Gründe für eine Erweiterung des Art. 230 UK der RF, um Verbrechen gegen die Gesundheit der Bevölkerung und die öffentliche Moral?

Aus der Verordnung des russischen Sportministeriums vom 9. August 2016 N 947 (17.10.2016) über die russlandweite Bewilligung von Anti-Doping-Regelungen, ergibt sich ihr besonderer Charakter. Die An-

ti-Doping-Regelungen sind spezifische Sportregelungen und – verfahren, die sich allgemein und gezielt auf die Bekämpfung von Dopingmitteln richten und sich ihrem Wesen nach, vom normalen Straf- und Zivilprozess unterscheiden (Art.1.2). Demzufolge ist es nicht möglich diese sportlichen Verhältnisse im Strafrecht zu regeln. In diesem Zusammenhang gewinnt der Begriff des Spor-

trechts an eigener Bedeutung, wobei das Wort „Recht“ in Anführungszeichen zu setzen ist. T.N. Ivanova und M.E. Bassowa verwenden zurecht den Begriff der „sportlichen Rechtsordnung“ und merken an, dass genau dieser konstitutiv für die Bekämpfung von Dopingmitteln steht. Im Rahmen der sportlichen Rechtsordnung können Dopingverstöße in ihrem wahren Licht dargestellt werden, nämlich als Verstoß gegen die gleichen Startbedingungen in einem Wettkampf, durch Veränderung des physiologischen Zustands beim Sportler.

Diese These steht zudem im Einklang mit der politischen Grundidee der Regelung zur Bekämpfung von Dopingmitteln. Die Anti-Doping-Programme sind dazu da, um das zu wahren, was wirklich wichtig ist im Sport. Diese besondere Eigenschaft, die sich im Sport auszeichnet ist der „Sportsgeist“. Doping stellt einen Widerspruch zum Sportsgeist dar. Die davon ausgehende soziale Gefahr, sollte einen ausreichenden Grund darstellen, um Dopingverstöße unter Strafe zu stellen.

Die Verletzung gegen das Regelungsverfahren, vereinigt die Natur der Verbrechen gegen die Gesundheit der Bevölkerung und die öffentliche Moral mit der normativen Bedingtheit von Dopingverstößen (einschließlich der in Art. 230.1 und 230.2 UK vorgesehen Straftatbestände, welche aber nicht vollständig mit den Dopingverstößen gleichzustellen sind). Die Dopingverstöße könnten allerdings in das 25. Kapitel des Strafgesetzbuches passen, wenn eine Übereinstimmung (oder ein Ähnlichkeitsverhältnis) zu den im Sport verbotenen chemischen

Mitteln bestimmt werden kann und diese in den Bereich der gesundheitsgefährdenden Mittel fallen, deren Verkehr unter der staatlichen Kontrolle steht.

Die Gefahr von Drogen und anderen psychoaktiven Stoffen, wie auch die Gefahr des illegalen Handelns ist allgemein anerkannt und besteht vor allem in folgenden Aspekten: Die Drogensucht stellt ein ernsthaftes Übel für die einzelne Person dar und gefährdet die sozialen und wirtschaftlichen Werte, die in unserer Menschlichkeit verankert sind. Dabei werden in den internationalen Dokumenten, die Dopingverstöße anderweitig beschrieben.

In der internationalen Konferenz über die Bekämpfung von Dopingmitteln im Sport aus dem Jahre 2005, wurden mehrere grundlegende Thesen über die Dopingbekämpfung zum Ausdruck gebracht: Der Einsatz von Dopingmitteln durch Sportler widerspricht dem fairen Spiel, gleicht einem Betrug und droht der Zukunft des Sports. Weiterhin gefährdet das Doping die ethischen Aspekte und ist mit verheerenden Folgen für die Gesundheit der Sportler verbunden.

Von den vom Verbot umfassten Dopingmitteln im Sport geht jedoch nicht zwangsweise eine Gefahr aus. In der Medizin sind viele dieser Mittel weit verbreitet, da sie auch heilende Eigenschaften aufweisen können.

Die Liste der für den Sport verbotenen Stoffe und Methoden ist seit dem Beschluss vom 28.03.2017 Nr. 339 in den Art. 230.1 und 230.2 UK der RF zu finden. Der Inhalt des Beschlusses ist in mehrere Abschnitte unterteilt, nämlich: Die im Sport verbotenen Stoffe und Methoden, in die während der Wettbewerbszeit verbotene Stoffe und Methoden sowie Substanzen und Stoffe, die in ganz bestimmten Sportarten verboten sind. Zudem wird in der Literatur festgestellt, dass die Wirkung von Dopingmitteln (wie Steroide) von der jeweiligen Anwendung und Einnahme abhängig sind.

Eine Analyse der im Sport verbotenen Dopingmittel, anhand ihrer medizinischen und pharmazeutischen Grundlagen ergab mehrere strafrechtlich relevante Aspekte. Die im Sport verbotenen Mittel (außer Drogen und Marihuana) sind in ihrer medizinischen Anwendung weit verbreitet, da sich eine heilende bzw. lindernde Wirkung nachweisen lässt. Die Wirkung der im Sport verbotenen Mittel hängt zudem von den individuellen Eigenschaften des Verwenders ab. Aus diesen genannten Gründen könnte man davon ausgehen, dass von den im Sport verbotenen Mitteln keine spezifische Gefahr, wie von Betäubungsmitteln und Drogen ausgeht. Allerdings ist in den Listen auch ein Abschnitt für die der Bevölkerung gesundheitsgefährdenden Mittel vorgesehen. Die für den Sport verbotenen Dopingmittel können nicht auf ihre rechtlichen und sozialpolitischen Grundlagen zurückgeführt werden, welche sonst grundsätzlich bei den Rauschmitteln ausgewertet werden kann. Der für den Sport verbotenen Auflistung zufolge, liegt die Grundlage eher im Wettbewerbssport, da sich die Motivation für das Verbot, in erster Linie nicht aus der Gesundheitsgefährdung ergibt, sondern aus der chemischen Veränderung des physischen Leistungszustandes eines Sportlers. Dies widerspricht nämlich den grundlegenden Prinzipien im Leistungssport. Es sollen für alle Sportler dieselben Grundbedingungen beim Beginn eines Wettkampfes gelten, um einen fairen Wettkampf sicherstellen zu können.

Die Dopingverstöße weisen lediglich in ihrer normativen Rechtsnatur Gemeinsamkeiten zu den Straftatbeständen des 25. Kapitels vom UK auf. Die Normen der Art. 230.1 und 230.2 UK stehen nicht im Zusammenhang mit den grundsätzlich strafrechtlich relevanten Schutzgütern. Die Grundlage für ein solches, strafrechtliches Verbot, soll im gesellschaftspolitischen Bereich und den daraus resultierenden Spannungen gesehen werden. Fraglich ist, ob dies einen ausreichenden Grund darstellt, um ein solches Verbot zu begründen? Eine Korrektur der strafrechtlich relevanten Rechts- und Schutzgüter wäre grundsätzlich möglich. Es erfordert allerdings mehr als nur einer inhaltlichen Änderung, da zudem das Medizinstrafrecht erweitert und möglicherweise ein weiterer grundlegender Sektor eingeführt werden müsste.

Литература

1. Федоров А.В. Уголовная ответственность за склонение к использованию допинга // Российский следователь. 2017. № 11 С. 38–43.
2. Песков А.Н., Брусникина О.А. Проблемы борьбы с допингом в спорте: монография / ред. и вступ. С.В. Алексеев. М., 2016. 121 с.
3. Мохов А.А. Антидопинговая политика Российской Федерации и ее правовое обеспечение // Спорт: экономика, право, управление. 2017. № 1. С. 26–28.
4. Кошаева Т.О., Ямашева Е.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 97–105.
5. Габдрахманов Р.Л., Кужиков В.Н., Денисенко М.В. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и запрещенных в спорте субстанций и методов, совершенных в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 12. С. 25–29.
6. Авакьян С.А., Кененова И.П., Ковлер А.С. и др. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. 512 с.
7. Иванова Т.Н., Басова М.Е. Актуальные проблемы антидопингового законодательства в Российской Федерации // Право и экономика. 2016. № 9. С. 33–39.
8. Граевская Н.Д. Проблема допинга в спорте // Спортивная биология и медицина в повышении качества жизни: XXI век: Сб. науч. тр. М., 1999. С. 45.
9. Спортивная медицина: Справочник для врача и тренера / Центр развития легкой атлетики ИААФ. М.: Терра-Спорт, 1999. 239 с.

References

1. Fedorov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie k ispol'zovaniyu dopinga [Criminal liability for inducing doping]. Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator], 2017, no.11, pp. 38–43. (In Russian, abstract in English)
2. Peskov A.N., Brusnikina O.A. Problemy bor'by s dopingom v sporte: Monografiya [Problems of fight against doping in sport: Monograph] Ed. S.V. Alekseev. Moscow, 2016. 121 p. (In Russian)
3. Mokhov A.A. Antidopingovaya politika Rossiiskoi Federatsii i ee pravovoe obespechenie [Anti-doping policy of the Russian Federation and its legal support]. Sport: ekonomika, pravo, upravlenie [Sport: economy, law, management], 2017, no. 1, pp. 26–28. (In Russian, abstract in English)
4. Koshaeva T.O., Yamasheva E.V. K voprosu ob ustanovlenii ugolovnoi otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o dopinge [On the issue of establishing criminal liability for violations of doping legislation]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law], 2017, no. 6, pp. 97–105. (In Russian, abstract in English)
5. Gabdrakhmanov R.L., Kuzhikov V.N., Denisenko M.V. Kvalifikatsiya prestuplenii, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv, ikh analogov i zapreshchennykh v sporte substantsii i metodov, sovershennykh v otnoshenii nesovershennoletnykh [Qualification of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, their analogues and substances prohibited in sports and methods committed against minors]. Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator], 2017, no. 12, pp. 25–29. (In Russian, abstract in English)
6. Avak'yan S.A., Kenenova I.P., Kovler A.S. and other. Protivodeistvie korruptsii: konstitutsionno-pravovye podkhody: kolektivnaya monografiya [Anti-Corruption: Constitutional-Legal Approaches: Collective Monograph]. Ed. S.A. Avak'yan. Moscow: Yustitsinform Publ., 2016. 512 p. (In Russian)
7. Ivanova T.N., Basova M.E. Aktual'nye problemy antidopingovogo zakonodatel'stva v Rossiiskoi Federatsii [Actual problems of anti-doping legislation in the Russian Federation]. Pravo i ekonomika [Law and economy], 2016, no. 9, pp. 33–39. (In Russian, abstract in English)
8. Graevskaya N.D. Problema dopinga v sporte [The problem of doping in sport]. In Sportivnaya biologiya i meditsina v povyshenii kachestva zhizni: XXI vek: Sb. nauch. tr. [Sports biology and medicine in improving the quality of life: XXI century: collection of scientific articles] M., 1999. (In Russian)
9. Sportivnaya meditsina: Spravochnik dlya vracha i trenera. Tsentr razvitiya legkoi atletiki IAAF [Sports Medicine: A Handbook for the Doctor and Trainer / IAAF Athletics Development Center]. Moscow: Terra-Sport Publ., 1999. 239 p. (In Russian)

СТАТЬЯ 235¹ УК РФ НУЖДАЕТСЯ В РЕКОНСТРУКЦИИ

Рарог Алексей Иванович

Цель: *высветить несоответствие действующей редакции ст. 235¹ УК РФ международному праву и российскому законодательству в сфере здравоохранения, а также месту этой нормы в системе национального уголовного закона.*

Методология: *методы системного и формально-юридического анализа.*

Выводы. *Наряду с отраслевыми законами, регламентирующими порядок производства и обращения медицинской продукции, жизнь и здоровье людей должны охраняться уголовным законодательством, предусматривающим ответственность за наиболее опасные формы нарушения запретов в области медицины. Статья 235¹ наряду со ст. 238¹ и 327² УК РФ, по мысли законодателя, образует уголовно-правовой механизм противодействия незаконному обороту медицинской продукции и отнесена законодателем к преступлениям против здоровья населения. Анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 235¹, позволяет прийти к выводу о неполном соответствии терминологии уголовного закона понятийному аппарату Международной Конвенции «Медикрим» и российского законодательства в сфере здравоохранения. Кроме того, действующая редакция анализируемой нормы не согласуется с ее расположением в главе о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности. Для устранения отмеченных несоответствий предлагается новая редакция ст. 235¹ УК РФ.*

Научная и практическая значимость статьи *заключается в анализе действующего уголовного законодательства и предложениях по его возможному совершенствованию.*

Ключевые слова: *лекарственные средства, медицинская техника, незаконное производство, обслуживание медицинской техники.*

Уголовно-правовая норма, закрепленная в ст. 235¹ УК РФ «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий» в купе со ст. ст. 238¹ УК РФ «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок» и 327² УК «Подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий» образует уголовно-правовой механизм противодействия незаконному обороту медицинской продукции [1, с. 10–11].

Исследуемая норма содержится в гл. 25 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Однако такое законодательное решение вряд ли оправданно.

Если незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), когда такое разрешение (лицензия) обязательно (обязательна), не причинило вред здоровью гражданам, то следует говорить лишь о нарушении общественных отношений в сфере экономической деятельности [2, с. 82]. Такова позиция и Пленума Верховного Суда РФ, который в постановлении от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1*) разъяснил: «В том случае, когда осуществление частной медицинской практики или частной фармацевтической деятельности без соответствующего специального разрешения (лицензии) не повлекло последствий, указанных в ст. 235 УК РФ, но при этом был причинен крупный ущерб гражданам, организациям

или государству либо извлечен доход в крупном размере или в особо крупном размере, действия лица следует квалифицировать по соответствующей части ст. 171 УК РФ» (п. 5). Как следует из приведенного разъяснения, преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 235 и 235¹ УК РФ, являются специальными видами незаконного предпринимательства.

Если же законодатель намеревался создать специальный вид незаконного предпринимательства с соответствующим усилением наказания за незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности, то было бы логично поместить соответствующую норму в гл. 22 УК РФ (например, под номером 171¹).

При условии же, что характер предмета и содержание действий, образующих объективную сторону преступления, порождает опасность причинения вреда здоровью, а тем более смерти конкретного лица (конкретных лиц), объектом преступления следует считать жизнь или здоровье в смысле гл. 16 УК РФ. И только в том случае, когда деяние угрожает жизни или здоровью неопределенно широкого круга потерпевших, объектом преступления является здоровье населения, а не физического лица.

Предмет анализируемого преступления определен в законе как: 1) лекарственные средства, 2) медицинские изделия. В совокупности они образуют понятие «медицинский продукт». Его определению в специальной литературе уделено достаточно много внимания [1, с. 19–24], поэтому ограничимся общими сведениями, нормативного характера.

Под лекарственным средством следует понимать медикамент, предназначенный для человека или животного (некоторые авторы предлагают не считать предметом данного преступления медикамент, предназначенный для животного [2, с. 89–90]), который может представлять собой:

а) любое вещество или комбинацию веществ с заявленным профилактическим или лечебным действием в отношении заболеваний человека или животных;

б) любое вещество или комбинацию веществ, которые могут использоваться или назначаться человеку или животному с целью восстановления, исправления или изменения физиологических функций путем оказания фармакологического, иммунологического или метаболического воздействия или в целях установления медицинского диагноза;

в) исследуемое лекарственное средство (п. «б» ст. 4 Конвенции Совета Европы по контрафактной

медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения (Конвенция «Медикрим» (Москва, 2011)).

Наряду с лекарственными средствами предмет преступления включает фармацевтические субстанции и вспомогательные вещества.

Фармацевтическая субстанция — любое вещество или смесь веществ, предназначенные для использования в производстве лекарственного средства, которые при использовании в производстве лекарственного средства становятся активным ингредиентом лекарственного средства (п. «с» ст. 4 указанной Конвенции).

Под вспомогательным веществом понимается любое вещество, не являющееся активным веществом или готовым лекарственным средством, но входит в состав лекарственного средства, предназначенного для человека или ветеринарного использования, и имеющее важное значение для целостности готового продукта (п. «д» ст. 4 Конвенции).

Вторым обозначенным в законе предметом анализируемого преступления, как уже говорилось, названы медицинские изделия.

Учитывая российскую законодательную практику, в названии и тексте ст. 325¹ УК РФ термин «медицинские изделия» следует заменить термином «медицинская техника».

На территории РФ разрешается обращение медицинской продукции, зарегистрированной уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в порядке, установленном правительством РФ (см.: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» (СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 14)). Поэтому в ст. 235¹ подразумевается производство только качественных, зарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, ответственность за оборот фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок предусмотрена в ст. 238¹ УК РФ [3, с. 64–67; 1, с. 11].

Объективная сторона рассматриваемого преступления очерчена весьма скупо: как производство медицинского продукта (в законе — лекарственных средств или медицинских изделий) без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна).

Согласно ч. 1 ст. 45 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекар-

ственных средств» (СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815) производство лекарственного средства должно соответствовать требованиям правил надлежащей производственной практики, утвержденным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти запрещается производство лекарственных средств, не включенных в государственный реестр лекарственных средств; фальсифицированных лекарственных средств; лекарственных средств с нарушением правил организации производства и контроля качества лекарственных средств (ч. 5 ст. 45). Следовательно, объективная сторона преступления, ответственность за совершение которого предусмотрено в ст. 235¹ УК РФ, предполагает производство только тех лекарственных средств, производство которых в России не запрещено и может осуществляться на основании полученного разрешения (лицензии). Если предметом преступления являются лекарственные средства, не включенных в государственный реестр лекарственных средств, фальсифицированные или недоброкачественные лекарственные средства, то их производство надлежит квалифицировать по ст. 238¹.

Понятие производства имеет как легальное, так и судебное определение. Например, в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219) производство определяется как «действия, направленные на серийное получение наркотических средств или психотропных веществ из химических веществ и (или) растений» (ст. 1). Более полное его определение содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8): «Под незаконным производством наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228¹ УК РФ) следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на серийное получение таких средств или веществ из растений, химических и иных веществ».

Производство лекарственных средств в Федеральном законе «Об обращении лекарственных средств» определяется как «деятельность по производству лекарственных средств организациями-производителями лекарственных средств на одной стадии, нескольких или всех стадиях технологического процесса, а также по хранению и реализации произведенных лекарственных

средств» (п. 31 ст. 4). Приведенную дефиницию вряд ли можно признать удачной. Во-первых, она тавтологична: определяемый термин разъясняется через него же. Во-вторых, им охватывается и деятельность по хранению и реализации лекарственных средств, тогда как в ст. 238 и 238¹ УК РФ эти действия от производства отделены.

Под производством медицинского изделия согласно Конвенции Медикрим понимается любая стадия процесса изготовления медицинского изделия, а также его частей или материалов, включая стадию разработки изделия, частей или материалов, или приведения медицинского изделия, частей или материалов в готовый вид (п. «i» ст. 4).

Итак, понятие «производство» в российском уголовном законе применяется для обозначения системы действий, иначе говоря – деятельности.

Именно деятельность в сфере экономических отношений (предпринимательская) может быть лицензированной или не лицензированной. Только с отсутствием лицензии на производство лекарственных средств или медицинских изделий, необходимой для их товарного производства, связана уголовная ответственность по ст. 235¹ УК РФ.

1. Характеристика объективной стороны незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235¹ УК РФ) не в полной мере соответствует отечественному законодательству о лицензировании деятельности, связанной с медицинской техникой. В указанной норме ответственность предусмотрена только за производство медицинской техники, тогда как обязательному лицензированию подлежит техническое обслуживание как самостоятельный вид предпринимательской деятельности. Так, в Федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности» предусмотрено обязательное лицензирование производства и технического обслуживания (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники (п. 17 ст. 12). Обязательность лицензирования предпринимательской деятельности по коммерческому обслуживанию медицинской техники предусмотрено и подзаконными нормативными правовыми актами (см. упоминавшиеся выше Положение о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники, а также административные регламенты Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения).

Следовательно, для приведения диспозиции ст. 235¹ УК РФ в соответствие с действующим законодательством в области здравоохранения ее следовало бы сформулировать как «производство лекарственных средств или медицинской техники, а также техническое обслуживание медицинской техники за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя».

Однако изменение диспозиции анализируемой уголовно-правовой нормы только в части предмета преступления и совершаемых в отношении него действий не может обосновать ее включение в главу о преступлениях против здоровья населения. Для этого необходимо подчеркнуть в ней опасность деяния для здоровья населения и очертить круг субъектов данного преступления.

В соответствии с действующей редакцией ст. 235¹ субъектом преступления может быть лицо, не имеющее лицензии на производство лекарственных средств или медицинской техники. Такая характеристика субъекта охватывает две группы лиц: 1) лиц, которые по лицензионным требованиям могли бы претендовать на получение искомой лицензии, но по каким-либо причинам ее не получили; 2) лиц, которые упомянутым лицензионным требованиям не соответствуют и поэтому лицензии получить не могут в принципе.

В частности, обязательным лицензионным требованием, предъявляемым к соискателю лицензии на производство лекарственных средств, является наличие у него высшего фармацевтического, химического, медицинского или биологического образования; применительно к производству лекарственных средств для ветеринарного применения – ветеринарного образования, а также стажа работы не менее чем пяти лет в области производства и контроля качества лекарственных средств (см. п. 4 «г» Положения о лицензировании производства лекарственных средств. Утв. постановлением Правительства РФ от 6 июля 2012 г. № 686 (СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4116).

Обязательным лицензионным требованием к соискателю лицензии на техническое обслуживание медицинской техники является наличие работников, осуществляющих на основании трудового договора с соискателем лицензии техническое обслуживание медицинской техники, имеющих высшее или среднее профессиональное (техническое) образование, стаж работы по специальности не менее трех лет и обладающих дополнительным профессиональным образованием (повышение квалификации не реже одного раза в 5 лет) (см. п. 5 Положения

о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники).

Конечно, несоответствие лица и другим (помимо изложенных) лицензионным требованиям чревато опасностью для жизни и здоровья лиц, обращающихся за медицинской или фармацевтической помощью. Но если таковую помощь пытаются на коммерческой основе оказать лица, не подготовленные в профессиональном отношении, то это практически гарантирует неприятные для здоровья пациента последствия.

По изложенным соображениям ст. 235¹ УК РФ, с нашей точки зрения, необходимо сформулировать следующим образом:

«Незаконное производство лекарственных средств и медицинской техники

Производство лекарственных средств лицом, не имеющим медицинского образования соответствующего уровня и специальности либо лишенным права осуществлять медицинскую или фармацевтическую деятельность, а равно производство медицинской техники, а также техническое обслуживание медицинской техники за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя, лицом, не имеющим высшего или среднего профессионального (технического) образования, необходимого стажа работы по специальности и не обладающим дополнительным профессиональным образованием либо лишенным права на техническое обслуживание медицинской техники, –

наказывается ...»

2. Те же деяния, совершенные:

а) организованной группой;

б) в крупном размере, –
наказываются...

Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается стоимость лекарственных средств или медицинских изделий, превышающая сто тысяч рублей.»

Сохранение квалифицирующих признаков в прежнем виде отражает тот факт, что описанные в ч. 1 данной нормы действия представляют собой хотя и незаконную, но все же предпринимательскую деятельность, поэтому ее организационный и экономический размер оказывает существенное влияние на степень общественной опасности деяния.

Аналогичные действия лиц, которые по лицензионным требованиям могут быть соискате-

лями лицензии на производство лекарственных средств или медицинской техники, а также на ее техническое обслуживание, но по тем или иным причинам такой лицензии не получившие, обладают гораздо меньшей степенью потенциальной опасности для здоровья населения. Их основным

объектом является не здоровье населения, а установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности. Поэтому аналогичные действия таких лиц следует квалифицировать по ст. 171 УК РФ как специальный вид незаконного предпринимательства.

ARTIKEL 235¹ DES STRAFGESETZBUCHES DER RUSSISCHEN FÖDERATION ERFORDERT EINEN WIEDERAUFBAU

Das Strafgesetz ist dem Art. 235 UK der RF zugewiesen (zur illegalen Herstellung von Arzneimitteln und medizinischen Produkten) und befindet sich im 25. Kapitel des UK der RF, über die Verantwortung der Verbrechen gegen die Gesundheit der Menschen und die vorgeschriebenen Sitten der Öffentlichkeit. Allerdings bleibt eine solch gesetzgeberische Gestaltung fraglich.

Wenn die illegale Herstellung von Arzneimitteln und medizinischen Produkten ohne Genehmigung erfolgt, die Annahme solcher Medikamente hingegen keine gesundheitlichen Schäden hervorrufen soll, so ist notwendigerweise davon auszugehen, dass eine Verletzung der öffentlichen Verhältnisse, im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeiten vorliegt. Dieser Ansicht folgt auch das Plenum, des obersten Gerichtshofs der RF (Urt. v. 18.11.2004 Nr. 23 Teil 5- über die gerichtliche Praxis bei illegalen Geschäften).

Wenn die Art des Gegenstandes und die enthaltene Tathandlung, welche den objektiven Tatbestand der Straftat ausmachen, die Gefahr einer Gesundheitsschädigung hervorruft oder erst recht, den Tod eines Menschen verursacht, so sind die Begriffe des Lebens und der Gesundheit gemäß des 16. Kapitels des UK der RF zu verstehen und auszulegen. Stellt die Tathandlung zudem eine unbegrenzt weite Menschenmenge unter Gefährdung von Gesundheit und Leben, so ist von der Gesundheit der Bevölkerung und nicht nur einer natürlichen Person, als sog. Tatobjekt, auszugehen.

Die Gegenstände der Tathandlung, sind im Gesetz wie folgt definiert: 1) zum einen als Arzneimittel, 2) zum anderen als medizinische Produkte.

Dem Begriff und Inhalt des Art. 235 UK der RF zufolge, sollte der ausschlaggebende Verkehr in der pharmazeutischen Produktion, im Hinblick auf die gesetzgeberische Praxis der RF, nicht als „medizinische Erzeugnisse“, sondern als „medizinische Technik“ bezeichnet werden. Denn unter dieser Gesetzesregelung versteht sich, nur die Herstellung von qualitativ Hochwertigen, nicht von verfälschten sowie zugelasse-

nen Arzneimitteln und Medikamenten. Sind hingegen verfälschte, illegale, minderwertige oder nicht zugelassene Arzneimittel Gegenstand der Tathandlung, so ist deren Herstellung nach Art. 238 UK der RF zu qualifizieren.

Unter dem Begriff der illegalen Herstellung, sollte das vorsätzliche Handeln zur Erlangung einer handelsüblichen Menge von Arzneimitteln oder medizinischen Geräten, welche eine besondere Form der illegalen Geschäftstätigkeit darstellen, verstanden werden,

Die Eigenschaften des objektiven Tatbestandes gemäß Art. 235 UK der RF, entsprechen ihrer Gesamtheit nach nicht den Vorschriften und gesetzlichen Regelungen zur lizenzierenden Tätigkeit, in Bezug auf die medizinische Technik. Aus dieser Norm ergibt sich lediglich die Verantwortlichkeit zur Herstellung von medizinischen Geräten. Die notwendige Lizenzierung der Tätigkeit bezieht sich allerdings nicht nur auf die Herstellung, sondern auch auf die Instandhaltung, welche einer eigenständigen Regelung unterliegt. Demnach sieht das Bundesgesetz, vom 04.05.2011 № 99-FZ, eine Zwangslizenz für die Produktion und Wartung der medizinischen Technik vor.

Dementsprechend müssten die Tatbestandsvoraussetzungen des Art. 235 UK der RF, im Einklang mit der geltenden russischen Gesetzgebung, im Bereich der Gesundheitsfürsorge, stehen. Daher könnte man die Gesundheitsfürsorge, als Herstellung von Arzneimitteln oder medizinischer Technik sowie als technische Betreuung der medizinischen Technik formulieren, um eine Sicherstellung und Gewährleistung des eigenen Unternehmens zu bewirken.

Nach der aktuellen Fassung des Art. 234 UK der RF, kann Straftäter der sein, welcher keine Lizenz für die Herstellung von Arzneimitteln und medizinischen Techniken aufweisen kann. Diese tatbestandliche Eigenschaft umfasst zwei Gruppen: Zum einen, die Personen, welche zwar grundsätzlich den Anforderungen an eine Lizenz gerecht werden und eine solche ent-

sprechend beanspruchen könnten, aber aus irgendeinem Grund nicht erhalten haben. Zum anderen Personen, welche die Zulassungsbedingungen nicht erfüllen und daher grundsätzlich keine Lizenz erhalten können.

Dementsprechend entsteht bei einem Auseinanderfallen der Anforderungen an die Lizenzpflicht, insbesondere im Bereich der medizinischen Produktherstellung oder professionellen und technischen Instandhaltung, eine Gefahr für das Leben und die Gesundheit von Personen, die eine solche medizinische Hilfe beanspruchen. Wird eine entsprechende Abhilfe nicht durch fachlich ausgebildetes Personal erbracht, sind unerfreuliche Folgen der Gesundheit des Patienten vorprogrammiert.

Aus den genannten Gründen, erscheint es vorzugsweise den ersten Teil des Art. 235 UK der RF wie folgt zu formulieren:

Wegen illegaler Herstellung von Arzneimitteln und medizinischer Technik sollen die Personen bestraft werden, welche während der Arzneimittel-Herstellung, keine medizinische Ausbildung auf angemessenem Niveau genossen haben, die Berechtigung zu dieser oder zur Ausübung pharmazeutischer Tätigkeiten verloren haben. Gleiches gilt auch für die Herstellung

von medizinischen Techniken sowie für die Instandhaltung der Medizintechnik, außer für den Fall, dass Wartungsarbeiten im eigenen Bereich getätigt werden. Zudem auch Personen, die keine höhere beruflich-technische Ausbildung abgeschlossen haben, die erforderliche Dienstzeit nicht erfüllt oder keine zusätzliche Berufsausbildung abgeschlossen haben oder keine Lizenz haben eine Instandhaltung durchzuführen.

Ähnliche Handlungen von Personen, die im Rahmen der Genehmigungsaufgaben grundsätzlich den Lizenzanforderungen für die Herstellung von Arzneimitteln oder Medizintechniken sowie die Instandhaltung dieser gerecht werden, aber aus irgendeinem Grund keine solche Lizenz erhalten haben, weisen eine weitaus geringere Gefahr für die öffentliche Gesundheit auf. Zudem begründet sich Ihr Hauptziel nicht in der Gesundheit der Bevölkerung, sondern in der Aufstellung einer Vorgehensweise für die Geschäftstätigkeiten. Demnach sollen entsprechende Handlungen nicht gemäß Art. 235 zu bestrafen sein, sondern dem illegalen Unternehmertum gemäß Art. 171 UK der RF unterfallen.

Литература

1. Фирсов И. В. Незаконный оборот медицинской продукции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 208 с.
2. Деревянская Т. П. Уголовная ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 191 с.
3. Ерохина А.В., Ларичев В. Д. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия производству и обороту фальсифицированных лекарственных средств. М.: Юрлитинформ, 2013. 237 с.

References

1. Firsov I. V. Nezakonnyi oborot meditsinskoi produktsii: diss... kand. jurid. Nauk [Illicit trafficking in medical products: Diss ... Cand. legal sciences]. Moscow, 2017. 208 p.
2. Derevyanskaya T.P. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe ob-rashchenie lekarstvennykh sredstv i meditsinskikh izdelii: diss... kand. jurid. Nauk [Criminal liability for the illicit circulation of medicines and medical devices: Diss ... cand. legal sciences.] Omsk, 2015. 191 p.
3. Erokhina A.V., Larichev V.D. Ugolovno-pravovye i kriminolo-gicheskie mery protivodeistviya proizvodstvu i oborotu fal'sifitsiro-vannykh lekarstvennykh sredstv [Criminal law and criminological measures to counter the production and trafficking of counterfeit drugs]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. 237 p.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОСОБО ЦЕННЫЕ ВОДНЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

Редникова Татьяна Владимировна

***Цель:** дать криминологическую характеристику преступным посягательствам на особо ценные водные биологические ресурсы на примере осетровых бассейна Каспийского моря. На основе проведенного исследования выработать рекомендации по противодействию данному виду преступлений.*

***Методология:** анализ, абстрагирование, синтез, дедукция и индукция.*

***Выводы.** Рост экологической преступности создает системную угрозу обеспечению устойчивого развития государства, национальной безопасности (в том числе экономической и экологической безопасности), прав граждан на благоприятную окружающую среду. В последнее десятилетие уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов в Российской Федерации была усилена. Однако исключительно усилением мер ответственности невозможно решить проблему преступности. Одним из факторов, способствующих ее росту в данной сфере, является исторически сложившееся с учетом вековых традиций существования промысла рыб осетровых пород терпимое отношение населения к данному явлению. Другим немаловажным фактором является низкий уровень жизни населения Каспийского региона. Высокая латентность данного вида преступлений обусловлена низкой активностью правоохранительных органов, коррупцией, а также недостаточно эффективным применением соответствующего законодательства. Активное противодействие преступлениям данной категории может быть обеспечено исключительно при условии налаженного взаимодействия между различными правоохранительными структурами как на национальном, так и на межгосударственном уровнях. Представляется необходимым в первую очередь обеспечить унификацию норм экологического и уголовного законодательства в прикаспийских странах, а также оптимизировать взаимодействие государственных структур, в компетенцию которых входит борьба с организованной преступностью. Акцент должен быть сделан на выявлении и пресечении подобных преступлений, ликвидации каналов сбыта продукции, полученной преступным путем. Особое внимание надо уделять разработке и реализации специальных мер поддержки населения со стороны государства, направленных на экономическое развитие прикаспийских регионов РФ, а также информированию населения об уровне общественной опасности преступлений данной категории, причиняемом ими ущербе, масштабности и необратимости негативных последствий для всего общества.*

***Научная и практическая значимость.** Значимость проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций по противодействию преступным посягательствам на особо ценные водные ресурсы.*

***Ключевые слова:** криминологическая характеристика, водные биологические ресурсы, осетровые, преступление, организованная преступность, международное сотрудничество, экологические преступления, охрана окружающей среды.*

Сохранение биологического разнообразия и его компонентов является одной из стратегических целей устойчивого развития человечества. Для ее достижения используются различные

правовые средства и механизмы, направленные на поддержание качества среды обитания, сохранение экосистем, видового и генетического разнообразия. Биологическое разнообразие, его

компоненты и среда их обитания традиционно охраняются как нормами международного права (например, Конвенция о биологическом разнообразии, CITES, Рамсарская конвенция и др.), так и национального законодательства Российской Федерации (Федеральные законы «Об охране окружающей среды», «Об особо охраняемых природных территориях», «О животном мире» и др.).

Охрана биологического разнообразия представляет собой сложную, целенаправленную и многоаспектную деятельность [12, с. 73]. Одним из ее важных и действенных механизмов является предупреждение и пресечение преступных посягательств на его компоненты, особенно на те виды животных и растений, численность которых в природе неуклонно снижается год от года. Именно по причине браконьерства и незаконной торговли за последние четыре десятилетия по данным ООН количество редких и исчезающих видов растений и животных сократилось на 40% [5, с. 230].

Эта проблема актуальна и для России, где в последнее десятилетие была усилена уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. В 2013 г. 26 гл. УК РФ была дополнена ст. 258¹, предусматривающей более строгую по сравнению с другими составами ответственность за незаконную добычу, содержание, приобретение, хранение, перевозку, пересылку и продажу особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами РФ, их частей и дериватов (производных).

Однако следует отметить, что исключительно усилением мер ответственности невозможно решить проблему роста преступности в данной сфере. Целью данной статьи является криминологический анализ преступных посягательств на особо ценные водные биологические ресурсы в регионе Каспия на примере рыб осетровых пород, а также поиск путей их предотвращения указанных деяний.

Численность, промысловые запасы и структура популяции осетровых в Каспийском регионе подвергались значительным изменениям на протяжении многих десятилетий под воздействием различных факторов как природного, так и антропогенного характера. К числу первых можно отнести водность нерестовых рек, колебания уровня и солености Каспийского моря, изменение кормовой базы. Среди антропогенных факторов выделяют изменение интенсивности, сроков промысла, его локализацию и структуру, в том

числе использование различных орудий и способов лова, многократное сокращение объемов естественного воспроизводства из-за строительства плотин, изменение сезонного объема и режима речного стока, загрязнение водоемов, развитие искусственного воспроизводства осетровых [1, с. 49]. С начала XXI в. численность популяции осетровых постоянно снижается, в том числе по причине роста объемов нелегального лова.

Следует отметить, что коммерческий промысел осетровых в России является традиционным видом деятельности, которым занималось население на протяжении многих веков. Попытки государственного регулирования ловли рыб осетровых пород стали предприниматься только в XIX веке. Тогда объемы вылова были сравнительно небольшими, поскольку получаемая продукция не подлежала длительному хранению, и потреблялась исключительно на внутреннем рынке. Развитие транспортного сообщения между государствами способствовало экспорту продукции осетровых на рынки Западной Европы, что привело к увеличению объемов вылова осетров в конце XIX в.

В советское время росту объема промысла осетровых, в том числе и браконьерского, препятствовал полный запрет на частную предпринимательскую деятельность, а также ограниченный товарооборот между СССР и западными странами. Снижение численности осетровых, наблюдавшееся в этот период в Каспийском регионе, было обусловлено иными антропогенными причинами (перекрытие в результате строительства ГЭС основных нерестилищ, сброс технических отходов промышленности в водоемы, разработка нефтяных скважин в мелководной части Каспия) [2, с 51–52]. Следует учитывать, что развитие нефтедобычи может представлять значительную угрозу не только для численности рыб осетровых пород, но и для всей экосистемы Каспийского моря, поскольку риск развития аварийных ситуаций высок по причине сейсмичности данного региона. К опасным природным факторам, повышающим такой риск, также относят извержение подводных грязевых вулканов и нагонные волны [1, с. 50].

Ярко выраженный региональный характер экологической преступности в Российской Федерации определяется различными факторами [4, с. 99], которые влияют на количество совершаемых преступлений, их причины и условия, размер ущерба, причиняемого окружающей природной среде (зачастую невосполнимого). Регион Каспия, обладающий все еще значительными запасами рыб осетровых пород, является тому ярким примером. Именно обитанием в бассейне Каспийского моря

данных биологических видов обусловлена структура региональной экологической преступности. Как отмечается в литературе, рыночный спрос на редкие виды животных и их дериваты является одной из основных причин браконьерства [5, с. 227]. Осетровые, промысел которых в соответствии с российским и международным законодательством запрещен, по-прежнему привлекательны для браконьеров в первую очередь по причине высокой коммерческой стоимости добываемой из них черной икры и наличия рынков ее сбыта.

Другой немаловажный фактор — уровень жизни населения региона. Как известно, отсутствие либо недостаточность условий для развития в богатом природными ресурсами регионе легальных видов экономической деятельности неминуемо приводит к росту уровня незаконного природопользования. Возможность преступного обогащения в относительно короткие сроки является очень привлекательной для граждан по причине высокой рыночной стоимости осетровых, а тем более их икры, особенно в регионах с высоким уровнем безработицы и низким уровнем среднего дохода [3, с. 207]. Как уже отмечалось, рыбы осетровых пород в силу ее высокой рыночной стоимости, а в особенности ее икры, являются особо привлекательными объектами незаконного лова. К примеру, рыночная цена 1 кг икры белуги и осетра в среднем составляет 70 тыс. руб. [9, с. 242]. Таким образом, противоправное использование природных ресурсов становится средством существования местного населения [6, с. 56]. Учитывая невысокий уровень дохода жителей прикаспийских регионов РФ (ниже средних значений по стране) и официальный уровень безработицы (выше среднероссийского приблизительно в два раза) можно сделать вывод о справедливости данного утверждения для ситуации в прикаспийских регионах.

Так, средний уровень заработной платы в Российской Федерации в 2017 г. составлял 31,5 тыс. руб. ([URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/) (дата обращения: 17.10.2018)), в Республике Дагестан — 18,1 тыс. руб., в Республике Калмыкия — 19,7 тыс. руб., в Астраханской области — 25,1 тыс. руб. ([URL: http://center-yf.ru/data/economy/dohod-naseleniya-rossii-v-2018-godu.php](http://center-yf.ru/data/economy/dohod-naseleniya-rossii-v-2018-godu.php) (дата обращения: 17.10.2018)). При среднем уровне безработицы в Российской Федерации в 2018 г. в 4,6% в прикаспийских регионах ее уровень составлял: в Республике Дагестан — 10,6%, в Республике Калмыкия — 9,6%, в Астраханской области — 7,3% ([URL: https://nangs.org/analytics/rosstat-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossijskoj-federatsii](https://nangs.org/analytics/rosstat-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossijskoj-federatsii) дата обращения: 17.10.2018)).

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что несмотря на то, что бедность часто ставят на первое место среди причин преступности, довольно часто коммерческие цели и жажда наживы толкают людей на преступления [15, с. 27].

Дополнительным, но не менее значимым фактором, оказывающим влияние на число преступлений, связанных с незаконным ловом осетровых, является терпимое отношение местного населения к данному явлению, исторически сложившееся с учетом вековых традиций существования промысла рыб осетровых пород [2, с. 53]. Реальная степень общественной опасности данного явления жителями региона до сих пор в должной мере не осознается. Между тем размер фактически наносимого ущерба с трудом поддается исчислению.

Следует также обратить внимание на высокую латентность данного вида преступлений, в числе причин которой называют низкую активность правоохранительных органов, в частности, из-за нехватки штатной численности и их недостаточного по сравнению с браконьерами материально-технического обеспечения; коррупции и злоупотребления служебным положением как со стороны сотрудников правоохранительных органов, так и местных властей; недостаточно эффективное применение соответствующих законодательных норм [8, с. 13]. В свою очередь, высокий уровень латентности свидетельствует о безнаказанности преступников, что отнюдь не способствует эффективности профилактики совершения данных преступлений.

Глобальный масштаб незаконного промысла осетровых может быть проиллюстрирован на примере Республики Дагестан, где им занято практически все население прибрежной территории. При этом сотрудники республиканских правоохранительных органов зачастую покровительствуют такому нелегальному бизнесу [10, с. 20]. В последние десятилетия криминальный промысел осетровых все больше становится предметом интереса организованных преступных групп, в том числе международных. В литературе отмечается, что на современном этапе экологическая преступность в Российской Федерации характеризуется все большим распространением коррупционного преступного поведения, а также проникновением в нее организованной и профессиональной преступности [7, с. 258–259]. Это обусловлено прежде всего значительными доходами, получаемыми от незаконной торговли биоресурсами, глобальные масштабы которой на сегодняшний день не вызывают ни у кого сомнений. Так, обороты криминального рынка черной икры в Каспийском

бассейне в 50 раз превышают легальные [11, с. 106]. Браконьерство осетровых превратилось в огромный по масштабам и высокодоходный бизнес, характеризующийся развитой сетью организованных групп, осуществляющих их нелегальный промысел и переработку с использованием промышленных производственных мощностей, налаженными каналами сбыта.

Еще одной характерной чертой данного вида преступных посягательств является, как уже отмечалось, наличие коррупционных связей организованных преступных групп с сотрудниками правоохранительных органов и органов власти как непосредственно принимающих участие в совершении самих преступлений, так и занимающихся обеспечением «коридоров безопасности» при транспортировке незаконно добытой продукции [13, с. 40].

Проблема противодействия преступным посягательствам на особо ценные водные биологические ресурсы в регионе Каспия связана в том числе и с отсутствием налаженного взаимодействия между соответствующими уполномоченными органами субъектов РФ. Вследствие недостаточно жесткого пропускного режима и режима государственной границы на территорию РФ беспрепятственно проникают организованные группы браконьеров, осуществляющих незаконный лов осетровых в значительных объемах [8, с. 12].

Проблема сохранения и увеличения запасов осетровых рыб в Каспии стабильно остается в зоне повышенного внимания прикаспийских государств. Эффективная борьба с преступлениями, посягающими на особо ценные водные биологические ресурсы региона, является одним из действенных механизмов ее решения. В августе 2018 г. Азербайджанской Республикой, Исламской Республикой Иран, Республикой Казахстан, Российской Федерацией и Туркменистаном была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (*URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>* (*дата обращения: 09.10.2017*)). В соответствии с ней стороны вправе принимать законы и правила, относящиеся к проходу через территориальные воды, в том числе в отношении сохранения биологических ресурсов моря, предотвращения нарушения рыболовных законов и правил прибрежного государства, сохранения окружающей среды прибрежного государства, предотвращения, сокращения и сохранения под контролем ее загрязнения (ст. 8). Каждая из сторон также наделяется правом принятия соответствующих мер (досмотр, инспекция, преследование по горячим следам, задержание, арест и судебное разбирательство) в отношении су-

дов других сторон с целью обеспечения суверенных прав на недропользование и другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр, исключительных прав на промысел водных биологических ресурсов, а также в целях их сохранения и управления ими в своей рыболовной зоне (п. 3 ст. 12). Охране экологической системы Каспия и всех ее компонентов посвящена ст. 15 Конвенции, в соответствии с которой принимаются все необходимые решения и меры по сохранению биологического разнообразия, защите, восстановлению, устойчивому и рациональному использованию биологических ресурсов. Так, стороны самостоятельно или совместно принимают меры по предотвращению, снижению и обеспечению контроля за загрязнением Каспийского моря из любого источника. Ответственность за ущерб, нанесенный экологической системе Каспийского моря, стороны несут на основании норм международного права.

Эффективное противодействие современным угрозам безопасности государства, связанным с данной категорией преступлений, совершаемых в том числе транснациональными организованными преступными группировками, может быть обеспечено лишь при наличии налаженного взаимодействия между различными правоохранительными структурами как на национальном, так и на межгосударственном уровнях. Хотелось бы надеяться, что принятие указанной Конвенции обеспечит усиление борьбы с незаконным промыслом ценных водных биологических ресурсов, разработку прикаспийскими государствами дополнительных правовых мер, а также повышение эффективности уже существующих. Для повышения уровня противодействия преступным посягательствам на особо ценные водные биоресурсы Каспия представляется необходимым в первую очередь осуществить унификацию норм экологического и уголовного законодательства прикаспийских стран, а также оптимизировать взаимодействие правоохранительных и иных государственных органов, к компетенции которых относится борьба с организованной преступностью в данной сфере. При этом акцент должен быть сделан на выявлении и пресечении подобных преступлений, ликвидации каналов сбыта продукции, полученной преступным путем.

Нельзя упускать из виду и вопросы экологического образования и просвещения населения. При этом необходимо учитывать тот факт, что представления граждан о правомерности той или иной деятельности напрямую зависят от уровня их образования, специфики менталитета, профессиональ-

ной ориентации, географического положения региона, его удаленности от центра и пр. [14, с. 169]. Следует больше внимания уделять информированию граждан об уровне общественной опасности экологических преступлений в целом и данной категории в частности, о причиняемом ими ущербе, о масштабности и необратимости негативных последствий для всего общества. Целесообразной представляется также разработка специальных мер поддержки населения со стороны государства, направленных на экономическое развитие прикаспийских регионов РФ. Создание новых рабочих мест для местного населения будет способствовать снижению уровня как официальной, так и скрытой безработицы и повышению легальных доходов граждан. При этом существенное внимание должно уделяться развитию промышленного рыбоводства рыб осетровых пород. Это должно обеспечить

появление на рынке легально произведенной продукции осетровых (как рыбы, так и икры), создающей реальную конкуренцию нелегально добытой продукции, благодаря чему браконьерство станет экономически неэффективным.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что общественная опасность преступных посягательств на окружающую среду в целом и на особо ценные водные биологические ресурсы в частности определяется не только единичными негативными последствиями для отдельных компонентов биологического разнообразия, но и возникновением системной угрозы в таких важных сферах, как устойчивое развитие государства в интересах нынешнего и будущих поколений, национальная безопасность (в том числе экономическая и экологическая), права граждан на благоприятную окружающую среду.

KRIMINOLOGISCHE BEURTEILUNG DER STRAFBAREN EINGRIFFE IN DIE WERTVOLLEN AQUATISCH-BIOLOGISCHEN RESSOURCEN

Die Erhaltung der biologischen Vielfalt und ihrer Bestandteile ist eines der strategischen Ziele für eine nachhaltige menschliche Entwicklung. Damit dies erreicht werden kann, werden verschiedene rechtliche Mittel und Mechanismen eingesetzt, um die Qualität des Lebensraums, der Ökosysteme und der genetischen Artenvielfalt zu erhalten. Der Schutz der biologischen Vielfalt beruht auf einer komplexen, zielgerichteten und multidisziplinären Tätigkeit. Einer der wichtigsten und wirksamsten Mechanismen ist die Warnung und die Verhinderung von Eingriffen in die Komponenten, insbesondere in die aussterbenden Arten, deren Anzahl von Jahr zu Jahr stetig abnimmt. Laut der Satzung der Vereinten Nationen, ist die Zahl der seltenen und vom Aussterben bedrohten Pflanzen- und Tierarten, in den letzten vier Jahrzehnten aufgrund von Wilderei und illegalem Handel um 40% gestiegen. Zum gegenwärtigen Zeitpunkt hat sich der Schutz von besonders wertvollen Wildtieren und aquatisch biologischen Ressourcen stark verbessert. Allerdings können die verhängten Verbote für sich genommen, das Problem der steigenden Kriminalität in diesen Bereichen nicht lösen.

Die Größe, die Handelsbestände und die Struktur der Störpopulation haben sich in der kaspischen Region im Laufe des 20. und 21. Jahrhunderts verändert. Grund dafür, waren sowohl natürliche als auch anthro-

pogene Einflüsse. Die Anzahl ist nämlich aufgrund der zunehmenden illegalen Fischerei erheblich gesunken.

Der regionale Charakter der Umweltkriminalität in der RF lässt sich anhand von verschiedenen Faktoren ermitteln, welche sich zudem auf die Anzahl der begangenen Verbrechen, ihre Beweggründe und Voraussetzungen sowie das Ausmaß der zugefügten Schäden an der Umwelt auswirken. Diese Zustände sind oftmals auch nicht wiederherzustellen. In der kaspischen Region lassen sich immer noch beträchtlich niedrige Störfischbestände nachweisen, welche zudem Aufschluss über die regionale Umweltkriminalität bietet. Störfische sind für Wilderer vorwiegend wegen ihres Handelswertes für schwarzen Kaviar und der Verfügbarkeit auf den Märkten so attraktiv.

Der Lebensstandard der Bevölkerung der jeweiligen Region ist ein weiterer wichtiger Faktor. Bekanntermaßen führen unzureichende Lebensbedingungen bei der wirtschaftlichen Entwicklung in besonders ressourcenhaltigen Naturregionen, zu einem Anstieg der illegalen

Umweltnutzung. Die Möglichkeit der schnellen kriminellen Bereicherung ist für die Bürger sehr anreizend, vor allem in Regionen mit großer Arbeitslosigkeit und nur geringem durchschnittlichen Einkommen. Wie bereits festgestellt sind Störe aufgrund ihres

hohen Marktwerts und insbesondere ihres wertvollen Kaviars besonders attraktiv für den illegalen Fischfang. Als Beispiel wäre anzuführen, dass 1kg Beluga- oder Störkaviar einen durchschnittlichen Marktwert von 70.000 Rubel aufweist. Demnach wird die widerrechtliche Nutzung der natürlichen Ressourcen zur Lebensgrundlage der ansässigen Bewohner. Angesichts des geringen Einkommens der Einwohner in den kaspischen Regionen der RF (welches erheblich unter dem des nationalen Durchschnitts liegt) und der offiziellen Arbeitslosenzahlen (die zum Teil doppelt so hoch sind, als in anderen russischen Regionen) lässt sich auf eine gewisse Billigkeit für die Situation der kaspischen Einwohner herleiten.

Ein zusätzlicher, dafür aber nicht weniger wichtiger Faktor ist die tolerante Haltung der Bevölkerung zur Existenz des Phänomens, eines solchen Störfischfangs, welcher bereits Tradition und Geschichte in den Regionen hat und sich auf die Anzahl der begangenen Straftaten auswirkt, die im Zusammenhang zur illegalen Fischerei von Störfischen stehen. Allerdings wird das tatsächliche Ausmaß dieser öffentlichen Gefahr zu diesem Phänomen von der Gesellschaft noch nicht in dem gebotenen Maße anerkannt. Zumal die Höhe des tatsächlich verursachten Schadens schwer zu ermitteln ist, aufgrund des starken illegalen Fischfangs.

Zu beachten ist die hohe Latenzzeit der benannten Straftaten, welche wegen folgenden Gründen entsteht: geringe Aktivität der Strafverfolgungsbehörden, u.a. wegen Personalmangel und der zu den Wilderern vergleichsweise unzureichenden materiellen und technischen Unterstützung.

Korruption und Missbrauch in Amtsstellungen, wie den Strafverfolgungsbehörden und örtlichen Staatsorganen. Sowie mittelmäßig wirksame Anwendung von Rechtsvorschriften, welche der Bekämpfung dieses Phänomens dienen.

Zudem ergibt sich die Hohe Latenzzeit direkt aus der Strafflosigkeit der Täter, welche aber nicht dazu beiträgt, dass die Effizienz der Prävention zu solchen Straftaten eingeschränkt wird. Seit den letzten Jahrzehnten wurde der illegale Fangbetrieb von Störfischen zunehmend zum Mittelpunkt der organisierten (und auch internationalen) Kriminalität. In der Literatur wird angemerkt, dass die gegenwärtige Etappe der Umweltkriminalität der Russischen Föderation, durch ein ansteigendes Auftreten von korruptem und kriminellen Verhalten gekennzeichnet ist und sich bis hin zur organisierten Kriminalität und zur Berufskriminalität vordringt.

Das Problem sich diesen widerrechtlichen Angriffen, auf besonders wertvolle, aquatisch-biologische Ressourcen in den kaspischen Regionen zu widersetzen, besteht zum Teil an der Abwesenheit einer stand-

festen Zusammenarbeit der zuständigen Behörden der RF. Mit der Konsequenz, dass ein unzureichend striktes Durchgangsregime und Grenzregime besteht. Dies führt zu einem ungehinderten Eindringen der organisierten Gruppierungen von Wilderern in das Gebiet der RF, welche illegale Störfischerei von nicht unerheblichen Umfang betreiben.

Wirksame Maßnahmen gegen Straftaten dieser Art können nur unter den Voraussetzungen einer standfesten Zusammenarbeit der nationalen und internationalen strafrechtlichen Behörden sichergestellt werden.

Demnach erscheint es zunächst notwendig, eine Vereinheitlichung der umwelt- sowie strafrechtlichen Gesetznormen in den kaspischen Regionen gewährleisten zu können. Des Weiteren soll die Zusammenarbeit innerhalb der Strafverfolgungsbehörden und anderen staatlichen Behörden, deren Zuständigkeit in der Bekämpfung organisierter Kriminalität liegt, optimiert werden.

Der Schwerpunkt sollte dabei in der Aufdeckung und Unterbindung solcher Straftaten sowie in der Abschaffung möglicher Vertriebswege, für die in illegaler Weise verschafften Erzeugnisse liegen.

Die Fragen zum Umweltwesen und zur Aufklärung der Bevölkerung zu diesem Thema, mittels detaillierter Informationen zu dem Ausmaß der öffentlichen Gefahren für Straftaten dieser Art, die verursachten Schäden sowie die unumkehrbaren Folgen für die gesamte Gesellschaft, dürfen nicht aus den Augen verloren werden.

Dementsprechend halten wir auch eine staatliche Unterstützung der wirtschaftlichen Entwicklung in den kaspischen Regionen für zweckmäßig. Weiterhin sollte eine Schaffung neuer Arbeitsplätze für die Bevölkerung, einen Rückgang der offiziellen, sowie verdeckten Arbeitslosigkeit bedeuten und zu einem Anstieg des legalen Einkommens der Bürger führen. Das wesentliche Augenmerk sollte dabei in der Entwicklung der gewerblichen Fischzucht von Störfischen liegen.

Abschließend möchte ich noch gerne anmerken, dass die öffentliche Gefahr von kriminellen Eingriffen in die Umwelt als Ganzes und insbesondere in die aquatisch-biologischen Ressourcen sich nicht nur in den einheitlichen Folgeerscheinungen für die einzelnen Komponenten der biologischen Vielfalt äußert, sondern auch in dem Aufkommen einer systemischen Gefahr besteht, indem eine nachhaltige staatliche Entwicklung, welche dem Interesse der heutigen Generation sowie auch der zukünftigen Generation dient, nicht mehr gewährleistet werden kann. Schließlich ist auch die nationale Sicherheit (einschließlich der Wirtschafts- und Umweltsicherheit) und die Rechte des Einzelnen auf vorteilhafte Umweltbedingungen betroffen.

Литература

1. Мирзоян А.В., Ходоревская Р.П. Биоразнообразие объектов водных биологических ресурсов Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия Рыбное хозяйство. 2017. № 4. С. 49–60.
2. Исбеков К.Б., Асылбекова С.Ж., Куликов Е.В., Ким А.И. Браконьерство – один из основных факторов снижения численности осетровых рыб каспийского бассейна // Астраханский вестник экологического образования. 2015. № 1(31). С. 50–57.
3. Дицевич Я.Б. Противодействие преступлениям в сфере оборота особо ценных водных биоресурсов: проблемы правового регулирования и практики применения // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 206–216.
4. Редникова Т.В. Организованная экологическая преступность в России и за рубежом: криминологическая характеристика и меры противодействия // Lex Russica. 2018. № 9. С. 98–108.
5. Самойлова Ю.Б. Уголовно-правовая охрана редких и находящихся под угрозой исчезновения водных биологических ресурсов: вопросы правоприменения // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства. Сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.С. Сорокун. Ростов-на-Дону, 2018. С. 226–231.
6. Калинина О.М. О проблемах применения ст. 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 5. С. 55–61.
7. Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Экологическая преступность в России: состояние, тенденции и средства борьбы // Экологическая преступность в Европе / сост. Франсуаза Коммт, Людвиг Кремер, отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: Городец, 2010. С. 244–348.
8. Багаев А.А. Криминологическая характеристика и уголовно-правовое регулирование борьбы с незаконной добычей водных животных и незаконной охотой // Естественные науки. 2008. № 3 (24). С. 10–14.
9. Бессонов А.А. Информация о предмете преступного посягательства как элемент криминологической характеристики незаконной добычи рыбных ресурсов // Научные исследования: от теории к практике. 2015. Т. 2. № 4 (5). С. 241–243.
10. Дегтерев А.А. Становление массового браконьерства осетровых на Нижней Волге и Каспии // Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (55). С. 16–24.
11. Репецкая А.Л. Угрозы экологии со стороны организованной преступности: современное состояние проблемы // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 т. 2017. С. 105–109.
12. Белых Л.А., Гаевская Е.Ю. Проблемы правовой охраны животного мира в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2010. № 5–6. С. 74–79.
13. Иншигеев В.С., Бондарь А.Я. Браконьерство как новый вид криминального профессионализма // Педагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3(54). С. 38–40.
14. Мацкевич И.М. Новая уголовная политика // Российский криминологический взгляд. 2012. № 3. С. 168–182.
15. Мацкевич И.М. Причины преступлений (новый взгляд на хорошо забытые старые проблемы) // Юрист. 2013. № 19. С. 24–31.

References

1. Mirzozjan A.V., Hodorevskaja R.P. Bioraznoobrazie ob"ektov vodnyh biologicheskikh resursov Volzhsko-Kaspijskogo rybohozjajstvennogo bassejna [Biodiversity of aquatic biological resources of the Volga-Caspian fisheries basin]. Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija Rybnoe hozjajstvo [Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series Fisheries], 2017, no. 4, pp. 49–60. (In Russian, abstract in English)
2. Isbekov K.B., Asylbekova S.Zh., Kulikov E.V., Kim A.I. Brakon'erstvo – odin iz osnovnyh faktorov snizhenija chislennosti osetrovyh ryb kaspijskogo bassejna [Poaching is one of the main factors reducing the number of sturgeon in the Caspian basin]. Astrahanskij vestnik jekologičeskogo obrazovanija [Astrakhan Bulletin of Environmental Education], 2015, no. 1(31), pp. 50–57. (In Russian, abstract in English)
3. Dicevich Ja.B. Protivodejstvie prestuplenijam v sfere oborota osobo cennyh vodnyh bioresursov: problemy pravovogo regulirovanija i praktiki primenenija [Counteraction to crimes in the sphere of circulation

of especially valuable water biological resources: problems of legal regulation and practice of use]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and international law], 2016, no. 9, pp. 206–216. (In Russian, abstract in English)

4. Rednikova T.V. Organizovannaja jekologicheskaja prestupnost' v Rossii i za rubezhom: kriminologicheskaja harakteristika i mery protivodejstvija [Organized environmental crime in Russia and abroad: criminological characteristics and countermeasures], *Lex Russica*, 2018, no. 9, pp. 98–108. (In Russian, abstract in English)

5. Samojlova Ju.B. Ugolovno-pravovaja ohrana redkih i nahodjashhihsja pod ugrozoi ischeznovenija vodnyh biologicheskikh resursov: voprosy pravoprimerenija [Criminal law protection of rare and endangered aquatic biological resources: law enforcement issues]. In *Aktual'nye problemy primenenija ugolovnogo zakonodatel'stva* Sbornik nauchnyh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii [Actual problems of application of criminal legislation. Collection of scientific papers of participants of the International Scientific and Practical Conference]. Ed. N.S. Sorokun. Rostov-na-Donu, 2018, pp. 226–231. (In Russian)

6. Kalinina O.M. O problemah primenenija st. 258¹ Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [On the problems of application of art. 258¹ of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Jelektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu* [Electronic Supplement to the Russian Law Journal], 2016, no. 5, pp. 55–61. (In Russian, abstract in English)

7. Dubovik O.L., Zhalinskij A.Je. Jekologicheskaja prestupnost' v Rossii: sostojanie, tendencii i sredstva bor'by [Environmental crime in Russia: condition, trends and countermeasures]. In *Jekologicheskaja prestupnost' v Evrope* [Enironmental crime in Europe]. Comp. Fransuaza Kommt, Ljudvig Kremer. Ed. O.L. Dubovik. Moscow: Gorodec publ., 2010, pp. 244–348. (In Russian)

8. Bagaev A.A. Kriminologicheskaja harakteristika i ugolovno-pravovoe regulirovanie bor'by s nezakonnoj dobychej vodnyh zhivotnyh i nezakonnoj ohotoj [Criminological characteristics and criminal law regulation of the fight against illegal prey of aquatic animals and illegal hunting]. *Estestvennye nauki* [Natural Sciences], 2008, no. 3 (24), pp.10–14. (In Russian, abstract in English)

9. Bessonov A.A. Informacija o predmete prestupnogo posjagatel'stva kak jelement kriminalisticheskoi harakteristiki nezakonnoj dobychi rybnyh resursov [Information on the subject of criminal infringement as an element of forensic characterization of the illegal extraction of fish resources]. *Nauchnye issledovanija: ot teorii k praktike* [Scientific research: from theory to practice], 2015, vol. 2, 4 (5), pp. 241–243. (In Russian, abstract in English)

10. Degtarev A.A. Stanovlenie massovogo brakon'erstva osetrovyh ni Nizhnej Volge i Kaspii [Formation of mass poaching of sturgeon in the Lower Volga and the Caspian]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanitarian research], 2015, no. 3(55), pp. 16–24. (In Russian, abstract in English)

11. Repeckaja A.L. Ugrozy jekologii so storony organizovannoi prestupnosti: sovremennoe sostojanie problemy [Threats to environment from the side of organized crime: current state of the problem]. In *Dejatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh uslovijah* sbornik materialov XXII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii [Activity of law enforcement bodies in modern conditions collection of materials of the XXII International Scientific and Practical Conference], in 2 vol., 2017, pp. 105–109. (In Russian)

12. Belyh L.A., Gaevskaja E.Ju. Problemy pravovoi ohrany zhivotnogo mira v Rossijskoj Federacii [Problems of the legal protection of wildlife in the Russian Federation]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science], 2010, no. 5–6, pp. 74–79. (In Russian, abstract in English)

13. Inshigeev V.S., Bondar' A.Ja. Brakon'erstvo kak novyj vid kriminal'nogo professionalizma [Poaching as a new type of criminal professionalism]. *Pedagogika v pravoohranitel'nyh organah* [Pedagogy in law enforcement], 2013, no. 3(54), p. 38–40. (In Russian, abstract in English)

14. Mackevich I.M. Novaja ugolovnaja politika [New criminal policy]. *Rossijskij kriminologicheskij vzgljad* [Russian criminological view], 2012, no. 3, pp. 168–182. (In Russian, abstract in English)

15. Mackevich I.M. Prichiny prestuplenij (novyj vzgljad na horosho zabytye starye problemy) [Causes of crime (new view on well-forgotten old problems)], *Jurist* [Lawyer], 2013, no. 19, pp. 24–31. (In Russian, abstract in English)

АКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И АКТ АГРЕССИИ В УК РФ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФРГ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Серебренникова Анна Валерьевна

Целью предлагаемой научной статьи является рассмотрение вопросов, связанных с уголовной ответственностью за акт международного терроризма и акт агрессии в УК РФ и уголовном законодательстве ФРГ.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод

Выводы. Статья посвящена актуальным проблемам исследования изменений УК РФ и уголовного законодательства Германии, устанавливающих ответственность за акт международного терроризма и агрессии соответственно. Автором исследуются Уголовный кодекс о преступлениях международного характера от 26.06.2002 г., § 13 – Акт агрессии, а также ст. 361 УК РФ, устанавливающая ответственность за акт международного терроризма. Авторы анализируют понятие агрессии, данное в резолюции № 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. Применительно к акту международного терроризма приведен пример из российской правоприменительной практики. Авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации с учетом законодательного опыта ФРГ.

Научная и практическая значимость. Изучение опыта зарубежных стран, в том числе законодательного регулирования институтов, связанных с уголовной ответственностью за акт международного терроризма и акт агрессии в УК РФ и уголовном законодательстве ФРГ, позволяет решить российскому законодателю ряд проблем, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, Федеративная Республика Германии, уголовное законодательство, акт международного терроризма, акт агрессии, уголовная ответственность.

Предлагаемое научное исследование посвящено исследованию последних новаций УК РФ 1996 г. и уголовного законодательства Германии, устанавливающих ответственность за акт международного терроризма и агрессии соответственно. Данные изменения не получили достаточного исследования в российской уголовно-правовой доктрине. Применительно к обсуждаемой проблеме заслуживают внимания работы Т.Ф. Миняевой и А.В. Серебренниковой «Противодействие террористической деятельности в России и Германии» [2], Л.А. Бахваловой и А.В. Серебренниковой «Дополнительное уголовное право Германии» [3], носящие сравнительно-правовой

характер. Однако анализируемые нами изменения в силу своей новизны не были обсуждены, в особенности параграф 13 Уголовного кодекса о международных преступлениях в Германии. Целью настоящей статьи является на основании анализа опыта законодателя Германии разработать предложения по совершенствованию УК нашей страны.

При изучении обозначенной выше проблемы следует отметить, что особенностью уголовного права ФРГ является то, что оно кодифицировано не полностью. Наряду с Уголовным кодексом существуют иные многочисленные некодифицированные уголовно-правовые нормы, содержащиеся

в различных законах. Поэтому следует различать собственно Уголовный кодекс (кодифицированный акт) и более широкое понятие – уголовное право, в которое входят как УК ФРГ, так и иные многочисленные уголовно-правовые предписания, содержащиеся в различных законах, составляющих так называемое дополнительное уголовное право.

Основным источником уголовного права ФРГ является Уголовный кодекс (УК) от 15 мая 1871 г. (в редакции от 13 ноября 1998 г.). Дополнительным уголовным правом (*Nebenstrafrecht*) считаются все те законы (помимо УК), содержащие правовые предписания, которые ставят определенные действия под угрозу наказания. Такие уголовно-правовые предписания содержатся во многих законах, число которых затрудняются назвать германские правоведы. Эти законы в большинстве своем содержат нормы, регулирующие не уголовно-правовые отношения, а публично-правовые или гражданско-правовые отношения (например, в области экономического права (§ 45 Закона об атомной энергии, § 35 Закона о федеральном банке, § 54 Закона о кредитных учреждениях), в области здравоохранения (§ 63 Федерального закона о борьбе с эпидемиями), в области производства продовольственных товаров и предметов потребления (§ 11 Закона о соответствии продовольственных товаров требованиям гигиены и качества) и многие другие.

Важным законом дополнительного уголовного права является Уголовный кодекс о преступлениях международного характера (*vom 26. Juni 2002 (BGBl. I S. 2254), das durch Artikel 1 des Gesetzes vom 22. Dezember 2016 (BGBl. I S. 3150) geändert worden ist*).

Законом от 22 декабря 2016 г. в рассматриваемый кодекс был введен § 13 Акт агрессии (*Verbrechen der Aggression*), который сформулирован следующим образом: (1) кто ведет агрессивную войну или совершает иное агрессивное действие, которое по своему виду, своей тяжести или по своему объему представляет явное нарушение Хартии Объединенных Наций, наказывается пожизненным лишением свободы.

(2) кто планирует агрессивную войну или иное агрессивное действие по смыслу абзаца 1, подготавливает или развязывает их, наказывается пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок не менее 10 лет. Деяние, предусмотренное предложением 1, является только тогда уголовно наказуемым, когда:

1. Ведется агрессивная война, или совершается иное агрессивное деяние или

2. Существует опасность для Федеративной Республики Германия, заключающаяся в проведении агрессивной войны или другого агрессивного действия, представляющего опасность для Федеративной Республики Германия.

Под агрессивным действием понимается такое, которое направлено против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости государства или иное предусмотренное Хартией Объединенных Наций несанкционированное применение вооруженной силы государства. Исполнителем деяния на основании преступления, предусмотренного абзацами 1 и 2, может быть только тот, кто фактически по своему положению вправе контролировать политические или военные действия государства или отклонить их. В менее тяжелых случаях, предусмотренных абз. 2, наказанием является лишение свободы на срок не менее 5 лет.

Подобных норм, устанавливающих уголовную ответственность за аналогичные деяния в УК РФ нет, однако есть статья 353 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность лишь за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны. Это преступление относится к преступлениям против мира и безопасности человечества и расположено в гл. 34, имеющей одноименное название.

Базой для принятия данной нормы стала резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г., которая закрепила следующее положение: «...поскольку агрессия является наиболее серьезной и опасной формой незаконного применения силы, таящей в себе в условиях существования различных видов оружия массового уничтожения возможную угрозу мирового конфликта со всеми его катастрофическими последствиями, на данной стадии следует дать определение агрессии» (*Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. (URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 12.10.2018))*).

Агрессией является применение государством вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении. Пояснительное примечание: В настоящем определении термин «государство»

а) употребляется, не предвещая вопроса о признании или вопроса о том, является ли государ-

ство членом Организации Объединенных Наций; б) включает там, где это уместно, понятие «группы государств».

На основании этих предписаний акт агрессии в международном праве является наиболее опасным видом нарушения мира; в каждом случае констатируется Советом Безопасности ООН на основе его полномочий по Уставу ООН, при этом Совет Безопасности не связан формальными признаками Определения агрессии 1974 г. и может выйти за рамки установленного последним перечнем акта агрессии на основании констатации Советом Безопасности. Акт агрессии создает основание для принятия этим органом рекомендаций или решений о том, какие меры в соответствии с гл. VII Устава ООН следует принять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности [1].

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ в УК РФ введена ст. 361, устанавливающая уголовную ответственность за акт международного терроризма. Акт международного терроризма — это террористическая акция, при осуществлении которой субъект ее совершения и объект посягательства принадлежат более чем одному государству.

Объективная сторона данного преступления (ч. 1 ст. 361 УК РФ) сформулирована по подобию террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) — совершение вне пределов территории РФ взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации, ...а также угроза совершения указанных действий. Эти действия различаются по месту совершения — вне пределов территории РФ (ч. 1 ст. 361 УК РФ), или в ее пределах (ч. 1 ст. 205 УК РФ). Основное различие террористического акта от акта международного терроризма заключается в целях совершаемых действий: нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов РФ (ч. 1 ст. 361 УК РФ) и дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений (ч. 1 ст. 205 УК РФ).

Во второй части ст. 361 УК РФ содержится самостоятельный состав преступления — финансирование акта международного терроризма или вовлечение в его совершение. Ответственность за вовлечение в террористическую деятельность и финансирование терроризма установлена в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ.

Санкция ч. 1 ст. 361 — лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет, либо пожизненное лишение свободы, а санкция ч. 1 ст. 205 — лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, то есть ее максимальный предел на порядок меньше. Вместе с тем, санкции ч. 2 ст. 361 и ч. 1 ст. 205¹ — лишение свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до трех лет либо без такового, аналогичны.

За акт международного терроризма, повлекший причинение смерти человеку (ч. 3 ст. 361 УК РФ), независимо от формы вины предусмотрено лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненное лишение свободы. Такое же наказание установлено и по ч. 3 ст. 205 УК РФ за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку. Вместе с тем, пределы наказания за террористический акт, причинивший смерть человеку дифференцированы с учетом формы вины — в соответствии с п. б) ч. 2 ст. 205 УК РФ при причинении смерти по неосторожности — на срок от двенадцати до двадцати лет. Обязательное назначение дополнительного наказания в виде с ограничения свободы предусмотрено в обоих случаях. Не ясна позиция законодателя по установлению санкций за рассмотренные деяния, его подход к оценке степени опасности деяний — одинаково для финансирования террористического акта и акта международного терроризма и разного в части ответственности за деяния, создающие угрозу наступления общественно опасных последствий. [5]

В доктрине российского уголовного права большую критику вызывает статья 361 УК РФ, в которой акт международного терроризма определяется как совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угроза совершения указанных действий. Таким образом, акт, совершенный на территории Российской Федерации международным уже не будет восприниматься, а также им не будет являться акт, направленный не против граждан или интересов Российской Федерации». [2, с. 5]

Проанализированная нами норма пока не получила на практике широкого применения в силу специфики охраняемого ей объекта, однако по сведениям ТАСС, Следственный комитет РФ квалифицировал убийство посла РФ в Турции Андрея Карлова как акт международного терроризма. «По факту убийства чрезвычайного и полномочного посла РФ в Турецкой Республике Андрея Карлова Главным управлением по расследованию особо важных дел Следственного комитета России возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 361 УК РФ» («Акт международного терроризма, повлекший причинения смерти человеку») ([URL: http://tass.ru/politika/3888170](http://tass.ru/politika/3888170) (дата обращения 22.12.2018)).

По оценке российских средств массовой информации, теракты в Иране являются еще одним свидетельством беспрецедентного всплеска международного терроризма. Об этом заявил министр иностранных дел России Сергей Лавров на пресс-конференции после переговоров со своим испанским коллегой Альфонсо Дастисом Кеседо.

По словам главы МИД России, ситуация в мире требует объединения усилий в борьбе с терроризмом. И Россия, в том числе, предлагает НАТО заняться серьезным обсуждением военно-политической безопасности. Также речь зашла о ситуа-

ции в Сирии. Сегодняшние удары международной коалиции во главе с США по правительственным войскам Арабской Республики Лавров назвал актом агрессии. «Конечно, это агрессивный акт, который нарушает суверенитет, территориальную целостность Сирийской Арабской республики и вольно или невольно, но направлен был на те силы, которые представляют собой наиболее эффективные силы, борющиеся на земле с террористами. На счет объяснений, которые коалиция выдала, заявив, что эти проправительственные силы нарушили зоны деконфликтинга, мне о таких зонах неизвестно. Мы такие зоны признавать не можем», – заявил Сергей Лавров ([URL: http://www.itv.ru/news/2017-06-07/326632-sergey_lavrov_nazval_aktom_agressii_udary_mezhdunarodnoy_koalitsii_po_pravitelstvennym_voyskam_sirii](http://www.itv.ru/news/2017-06-07/326632-sergey_lavrov_nazval_aktom_agressii_udary_mezhdunarodnoy_koalitsii_po_pravitelstvennym_voyskam_sirii) (дата обращения 22.12.2018)).

В представленной статье нами были проанализированы новации норм УК РФ 1996 г. и уголовного законодательства Германии, устанавливающих ответственность за акт международного терроризма и агрессии. Учитывая международно-правовые документы, в частности Резолюцию 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года и изучив опыт германского законодателя по вопросам установления уголовной ответственности за акт агрессии, считаем необходимым ввести соответствующую норму в УК РФ.

DER ANSCHLAG DES INTERNATIONALEN TERRORISMUS UND DIE ANGRIFFSHANDLUNG IM STRAFKODEX DER RUSSISCHEN FÖDERATION UND IN DER STRAFGESETZGEBUNG DER BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND: BERÜHRUNGSPUNKTE

Der vorliegende Aufsatz ist der Analyse der letzten Neuregelungen des Strafkodexes der Russischen Föderation vom Jahre 1996 und der Strafgesetzgebung der Bundesrepublik Deutschland, welche die Strafbarkeit eines Anschlags des internationalen Terrorismus und einer Angriffshandlung verankern, gewidmet. Diese Änderungen wurden in der russischen strafrechtlichen Doktrin nicht ausreichend beleuchtet. Die von uns analysierten Änderungen wurden aufgrund der Neuheit nicht besprochen. Das betrifft insbesondere § 13 des Völkerstrafgesetzbuches. Ziel dieses Aufsatzes ist es, auf Grund der Analyse der Erfahrungen des

deutschen Gesetzgebers die Vorschläge zur Verbesserung des Strafkodexes unseres Landes zu erarbeiten.

Bei der Analyse des oben genannten Problems sollte man anmerken, dass eine Besonderheit des deutschen Strafrechts darin besteht, dass es nicht völlig kodifiziert ist. Neben dem UK existieren andere zahlreiche nichtkodifizierte strafrechtliche Normen, die in unterschiedlichen Gesetzen enthalten sind.

Deswegen muss man zwischen dem UK (ein kodifizierter Akt) und einem breiteren Begriff – das Strafrecht, das sowohl UK, als auch andere zahlreiche strafrechtliche Vorschriften beinhaltet, die in

unterschiedlichen Gesetzen, die das sogenannte Nebenstrafrecht bilden, enthalten sind – unterscheiden.

Eine Hauptrechtsquelle des deutschen Strafrechts ist der UK vom 15.05.1871 (in der Fassung vom 13.11.1998).

Ein wichtiges Gesetz des Nebenstrafrechts ist das Völkerstrafgesetzbuch „(vom 26. Juni 2002 (BGBl. I S. 2254), das durch Artikel 1 des Gesetzes vom 22. Dezember 2016 (BGBl. I S. 3150) geändert worden ist“.

Durch das Gesetz vom 22.12.2016 wurde in das Völkerstrafgesetzbuch § 13 (Verbrechen der Aggression) eingeführt, der wie folgt formuliert ist:

Wer einen Angriffskrieg führt oder eine sonstige Angriffshandlung begeht, die ihrer Art, ihrer Schwere und ihrem Umfang nach eine offenkundige Verletzung der Charta der Vereinten Nationen darstellt, wird mit lebenslanger Freiheitsstrafe bestraft.

Wer einen Angriffskrieg oder eine sonstige Angriffshandlung im Sinne des Absatzes 1 plant, vorbereitet oder einleitet, wird mit lebenslanger Freiheitsstrafe oder mit der Angriffskrieg geführt oder die sonstige Angriffshandlung begangen worden ist oder

durch sie die Gefahr eines Angriffskrieges oder einer sonstigen Angriffshandlung für die Bundesrepublik Deutschland herbeigeführt wird.

Eine Angriffshandlung ist die gegen die Souveränität, die territoriale Unversehrtheit oder die politische Unabhängigkeit eines Staates gerichtete oder sonst mit der Charta der Vereinten Nationen unvereinbare Anwendung von Waffengewalt durch einen Staat.

Beteiligter einer Tat nach den Absätzen 1 und 2 kann nur sein, wer tatsächlich in der Lage ist, das politische oder militärische Handeln eines Staates zu kontrollieren oder zu lenken. In minder schweren Fällen des Absatzes 2 ist die Strafe Freiheitsstrafe nicht unter fünf Jahren.

Eine ähnliche Norm, die eine Strafbarkeit verankert, existiert im Strafkodex der Russischen Föderation nicht. Allerdings gibt es Art. 335, der die Planung, Vorbereitung, Aufstachelung zum oder die Führung vom Angriffskrieg unter Strafe stellt. Diese Straftat gehört zum Friedensverrat und ist im Abschnitt 34 („Friedensverrat“) geregelt.

Als Grundlage für die Verabschiedung von einer solchen Norm diente die Resolution 3314 (XXIX) der Generalversammlung vom 14.12.1974, die eine folgende Vorschrift verankert hat: „...dass die Aggression die schwerste und gefährlichste Form der rechtswidrigen Anwendung von Gewalt ist, die unter den Bedingungen, die durch die Existenz von Massenvernichtungswaffen aller Art geschaffen wurden, die mögliche Gefahr eines weltweiten Konflikts mit all seinen verheerenden Folgen mit sich bringt, und dass daher der Begriff der Aggression nunmehr definiert werden sollte“.

Aggression ist die Anwendung von Waffengewalt durch einen Staat, die gegen die Souveränität, die territoriale Unversehrtheit oder die politische Unabhängigkeit eines anderen Staates gerichtet oder sonst mit der Charta der Vereinten Nationen unvereinbar ist, wie in dieser Definition ausgeführt. Erläuterung: Der Begriff „Staat“

a) wird in dieser Definition unabhängig von der Frage der Anerkennung und unabhängig davon verwendet, ob ein Staat Mitglied der Vereinten Nationen ist;

b) schließt in dieser Definition gegebenenfalls auch den Begriff „Gruppe von Staaten“ ein.

Durch das föderale Gesetz vom 06.07.2016 N 375-ФЗ wurde Art. 361 eingeführt, der die Strafbarkeit für die Begehung des Anschlags des internationalen Terrorismus verankert. Unter dem Anschlag des internationalen Terrorismus versteht man eine terroristische Aktion, bei deren Durchführung das Subjekt der Begehung und das Angriffsobjekt mehr als zu einem Staat gehören.

In dem vorliegenden Aufsatz wurden die Neuregelungen des Strafkodexes der Russischen Föderation vom Jahre 1996 und der Strafgesetzgebung der Bundesrepublik Deutschland, welche die Strafbarkeit des Anschlags des internationalen Terrorismus und Angriffshandlung verankern, analysiert. In Berücksichtigung auf die völkerrechtlichen Vorschriften, insbesondere die Resolution 3314 (XXIX) der Generalversammlung vom 14.12.1974 halten wir die Einführung einer entsprechenden Norm in den Strafkodex der Russischen Föderation als erforderlich.

Литература

1. Вершинина П.И. Понятие акта международного терроризма. Проблема дефиниции // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/12/24722> (дата обращения: 07.12.2018).

2. Миняева Т.Ф., Серебренникова А.В. Противодействие террористической деятельности в России и Германии // Евразийская адвокатура. 2017. № 2. С. 62–68.

3. Серебренникова А.В., Бахвалова Л.А. Дополнительное уголовное право Германии. LAP LAMBERT Academic Publ., 2012. 132 с.

References

1. Vershinina P.I. Ponyatie akta mezhdunarodnogo terrorizma. Problema definitsii [Concept of the act of international terrorism. Problem of definition]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific research], 2017, no. 12. (In Russian)
2. Minyazeva T.F., Serebrennikova A.V., Protivodeistvie terroristicheskoi deyatel'nosti v Rossii i Germanii [Counteraction of terrorist activities in Russia and Germany]. Evraziiskaya advokatura [Eurasian Advocacy], 2017, no. 2, pp. 62–68. (In Russian)
3. Serebrennikova A.V., Bakhvalova L.A. Dopolnitel'noe ugovnoe pravo Germanii [Additional criminal law of Germany]. LAP LAMBERT Academic Publ., 2012. 132 p. (In Russian)

СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ГОСУДАРСТВО ИЛИ ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА?

Халилов Рафик Нурулович

***Цель:** на основе изучения опыта зарубежных стран по социальной реабилитации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, сформулировать сложившиеся модели государственно-частного партнерства; на основе изучения деятельности Автономной некоммерческой организации «Центр социальной реабилитации и адаптации», действующей в Республике Татарстан, проанализировать сложившуюся модель государственно-частного партнерства, выявить достоинства и сформулировать просчеты в ее деятельности.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, наблюдения, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Накопленный потенциал зарубежных стран в постепенной ресоциализации и реабилитации может быть использован при разработке отечественных программ и моделей работы с лицами, освободившимися из исправительных учреждений. В Республике Татарстан сложился механизм государственно-частного партнерства, конструктивно взаимодействующий в этой сложной социальной сфере. В России данное направление деятельности все предшествующие периоды находилось в сфере государственного регулирования и прямого государственного управления, исчерпав в настоящее время свой потенциал, о чем свидетельствует неизменно высокий рецидив преступлений.*

Основными проблемами при организации государственно-частного партнерства в указанной сфере являются: отсутствие правовой базы, недостаток ясности и прозрачности процедур выбора партнера, формирования условий соглашения, механизмов контроля и других элементов формирования и реализации проектов реабилитации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В российской теории и практике отсутствует единый взгляд на концепцию государственно-частного партнерства в сфере исправления, реабилитации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Приватизация этого направления деятельности влечет крайне негативные социальные, политические последствия. Государственно-частное партнерство, с одной стороны, позволяет привлечь ресурсы субъектов гражданского общества, с другой — сохранить контроль и надзор государства за оказание социально значимых услуг, необходимых обществу, что позволит отчасти решить заданную проблему.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в анализе зарубежных и отечественных моделей государственно-частного партнерства, выявлении особенностей взаимодействия государства и благотворительных организаций в процессе реабилитации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.*

***Ключевые слова:** лица, освободившиеся из мест лишения свободы; реабилитация и ресоциализация; государственно-частное партнерство; зарубежный опыт; общественная безопасность.*

Освобождение из мест лишения свободы для большинства бывших осужденных сопряжено с целым рядом проблем, большую часть из кото-

рых они не в состоянии решить самостоятельно. Вместе с тем государство и общество заинтересованы в том, чтобы после отбытия наказания,

общество пополняли бы полноправные граждане, готовые вести социально одобряемый образ жизни.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (*Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»*) предусматривает целый комплекс мероприятий по совершенствованию социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными, которая предполагает изменение и совершенствование деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания, по разработке единой стратегии и политики по ее реализации (*Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*// СПС «КонсультантПлюс»). Эту проблему нельзя решить только силами государственных органов, без участия общественности и институтов гражданского общества. В этих условиях особенно важно понимать, что именно общество заинтересовано, в первую очередь, в повышении эффективности исполнения уголовных наказаний и достижения целей наказания.

Вместе с тем деятельность уголовно-исполнительной системы ограничена рамками исправительных учреждений, а будут ли осужденные лица, отбывшие вынесенное им уголовное наказание и вышедшие на свободу, вести законопослушный образ жизни и интегрироваться в общество или вновь вернуться на криминальный путь, это вопрос принципиальный для российского общества.

В действующих нормативных правовых актах органы ФСИН РФ и МВД РФ не включены в перечень субъектов ресоциализационных постепенных мероприятий, не прописано межведомственное взаимодействие государственных, муниципальных органов и учреждений в этой деятельности, не определены основания и пределы участия частных лиц и частных, в том числе и религиозных организаций, в этом процессе.

В этой связи показателен проект, реализуемый в текущем году в Самарской области, где в 2018 г. введен пилотный проект «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него на период 2018–2021 гг.» в качестве инновационного социального образовательного проекта. Задачами этого проекта стали:

во-первых, изучение сложившихся практик ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы;

во-вторых: формирование комплексной эффективной системы ресоциализации граждан, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (*Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»* // СПС «КонсультантПлюс»).

По мнению создателей проекта, ключевая проблема, на решение которой направлен проект, заключается в разрыве между задекларированными в российском уголовно-исполнительном законодательстве задачами по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации и реальным воплощением их в жизнь. Сложившаяся на современном этапе система ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы традиционно базируется на официальной точке зрения, согласно которой лица, освобожденные из исправительных учреждений, получают социальную помощь и социальную поддержку со стороны групп социальной защиты ФСИН, участвуют в различных государственных программах, находятся под контролем ФСИН, МВД, других официальных структур власти и управления. Однако, как мы уже неоднократно отмечали и аргументировали, данный подход имеет низкую социальную эффективность.

Данная проблема носит общегосударственный, устойчивый, системный, как гносеологический, так и предметный характер, затрагивает интересы институтов семьи, власти и управления.

В настоящее время за рубежом разрабатываются и реализуются программы социальной работы с лицами, отбывшими уголовное наказание. Все они базируются на принципах, сформулированных международными организациями, в частности Управлением Организацией Объединенных Наций (Вена, 2018 г.), Комитетом Министров Европейского Совета (2000 г.) (*Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)*) ([URL: https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=51f18066-3ae5-4c95-8340-97230d3e0de5](https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=51f18066-3ae5-4c95-8340-97230d3e0de5) (дата обращения: 6.12. 2018)).

Европейские принципы реализации программ социализации основываются на индивидуализации процесса ресоциализации, приоритетными являются меры по повышению уровня грамотности; формирования навыков решения межличностных и семейных проблем; преодоления

асоциального поведения, в том числе, преодоления наркомании и алкоголизма; трудоустройство [2, с. 119].

В практике зарубежной социальной работы с указанной категорией лиц, реализуется государственно-частное партнерство (далее – ГЧП), т. е. реализация проектов, предполагающих сотрудничество между частными благотворительными, религиозными организациями и лицами, и государственными учреждениями, и органами, исполняющими уголовные наказания. В ряде стран функции социальной работы берут на себя службы пробации и специально созданные некоммерческие организации. Пробация – это условное неисполнение назначенного наказания либо условное неназначение наказания с помещением осужденного на определенный срок под индивидуальный надзор специального должностного лица (агента, помощника, уполномоченного по пробации).

На современном этапе сложилось несколько моделей государственно-частного партнерства в реализации реабилитационных мероприятий в отношении лиц, отбывших уголовное наказание. Можно условно сформулировать несколько моделей.

1. Страны общего права (Англия, Канада, США). После отбывания наказания большое внимание уделяется формированию психологической готовности вести правопослушный образ жизни. Освободившиеся из мест лишения свободы направляются на прохождение программ и тренингов, специально разработанных для ресоциализации. Такая практика существенно (до 66%) снижает рецидив преступлений [2, с. 118].

2. Страны системы континентального права (Франция, Дания, Швейцария, Швеция, Германия). В этих странах сложилось самостоятельное направление деятельности, регулируемое государством постпенитенциарная адаптация.

Наиболее эффективной признана немецкая система социальной помощи отбывшим уголовное наказание. Так опыт Германии состоит из взаимовлияния и взаимодействия двух элементов – государства и благотворительных организаций и частных лиц. Заметное место в общественной инициативе занимает деятельность немецких профсоюзов и церкви, помощь оказывают Немецкая Римская Католическая Церковь и Немецкая Протестантская Церковь. В собственности этих некоммерческих организаций имеются жилые помещения, которые они по необходимости предоставляют нуждающимся, где проводятся тренинги, курсы по адаптации. Во всех землях

созданы ассоциации социальной помощи, тесно взаимодействующие с центрами занятости.

Уникальным опытом Германии является социальная программа привлечения волонтеров – пожилых людей и молодежи, которые посещают места лишения свободы на постоянной основе. Также функционирует Гражданская служба, где молодые люди, не проходящие военную службу, проживают на протяжении трех–пяти лет в одной квартире с человеком, освободившимся из мест лишения свободы, считается, что такое взаимодействие препятствует развитию тюремной субкультуры [2].

Приведенный выше анализ показывает, что накопленный потенциал зарубежных стран в постпенитенциарной ресоциализации и реабилитации может быть использован при разработке отечественных программ и моделей работы с лицами, освободившимися из исправительных учреждений.

В 2015 г. был введен в действие Федеральный Закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты в Российской Федерации» (Федеральный закон от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»). Как отмечают исследователи, целью ГЧП является реализация, возникающего в результате общественного развития, публичного интереса. В отечественной правовой доктрине ГЧП интерпретируется в широком смысле, как любое взаимодействие государства и бизнеса, направленное на достижение общественно значимого результата, создание институтов развития с участием бизнеса и государственных структур, так и в узком – на уровне конкретного проекта на уровне взаимодействия властных структур и частного бизнеса [1, с. 10]. Именно в этом контексте мы будем рассматривать взаимодействие, сложившееся в процессе реабилитации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

В Республике Татарстан сложилась своя модель реабилитационного процесса, ставшая, на наш взгляд, результатом инициативы «снизу», а затем получившая поддержку со стороны государственных и муниципальных органов. Представленная ниже модель является механизмом ГЧП, реализуемого в конкретной социальной сфере. На современном этапе практика ГЧП в указанной сфере

является перспективным направлением стратегии общественного развития [2, с. 123].

Как уже отмечалось, в мировой практике ГЧП в сфере реабилитации и ресоциализации осужденных, отбывших наказание, является обычной и эффективной практикой. Это направление в социальной сфере является достаточно капиталоемким, а его экономический эффект отсроченный и неочевидный. Вместе с тем, необходимо разработать эффективные схемы взаимодействия государства и частной инициативы в социально значимых проектах, адаптируя многообразный опыт западных стран к отечественным реалиям.

В 2014 г. была создана Автономная некоммерческая организация «Центр социальной реабилитации и адаптации» (далее – АНО «ЦРА»), поставившая задачу ресоциализации и реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Модель ресоциализации, реализуемая АНО «ЦРА» не имеет аналогов в России и включает в себя программу поэтапной системной ресоциализации лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Программа не имеет жесткой унифицированной системы и представляет собой поэтапное и психологическое восстановление утраченных навыков общежития. Предполагается, что каждый обращающийся может выбрать удобный ему формат взаимодействия для решения одной или нескольких проблем. Сотрудники Центра отмечают, что больше становится тех, кто понимает, что залогом их благополучия является полноценное участие в программе реабилитации и адаптации.

Более 300 человек за 3 года существования Центра воспользовались помощью Центра, рецидив преступлений составил 3%. Трудоустройство освободившихся из мест лишения свободы осуществляется на крупных строительных площадках Татарстана, с которыми заключены договоры о сотрудничестве.

Центр формирует систему социального сопровождения для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, трудоустраивает, предоставляет временное жилье, обеспечивает продовольственными наборами, сезонной и специальной одеждой, комплектами первой необходимости, помогает в восстановлении документов и оказывает медицинскую помощь. Вместе с тем, анализ деятельности АНО выявил ряд спорных и неоднозначных аспектов в деятельности организации.

Руководитель большое внимание уделяет подбору клиентов Центра – как правило, это лица с устойчивой мотивацией к дальнейшему право-послушному поведению и включению в трудовую

деятельность. Субъективный подход сам по себе предполагает высокую эффективность деятельности Центра. Также к числу факторов, вызывающих опасение, отнесем непрозрачность деятельности центра. Декларируется, что финансирование программ осуществляется за счет собственной хозяйственной деятельности и благотворительных взносов. Учитывая особые общественные отношения, складывающиеся вокруг контингента уголовно-исполнительной системы, вызывает опасение, что в финансовую деятельность попадут средства из преступного оборота.

Приведенный выше анализ показывает, что в Республике Татарстан сложился механизм ГЧП, конструктивно взаимодействующий в этой сложной социальной сфере и удовлетворяющий потребность общества в обеспечении общественной безопасности. Специфика отношений в партнерстве, выбор формы, содержания проекта зависит, прежде всего, от сферы деятельности, где реализуется ГЧП. В России данное направление деятельности все предшествующие периоды находилось в сфере государственного регулирования и прямого государственного управления, исчерпав в настоящее время свой потенциал, о чем свидетельствует неизменно высокий рецидив преступлений.

Общей и наиболее острой для этого направления деятельности государства является проблема недостаточного финансирования; неразработанность механизмов социального сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы; отсутствие достаточной нормативной правовой базы процесса реабилитации и ресоциализации.

Подведем итоги:

Мы считаем, что для эффективного достижения социально значимых результатов исправительный процесс должен представлять последовательную и комплексную программу действий, основанную на индивидуальном и всестороннем подходе к каждому осужденному, целенаправленно проводимую исправительными учреждениями, территориальными органами уголовно-исполнительной системы и органами исполнительной власти. Только такой подход к данному процессу позволит качественно решать стоящие перед ним задачи и в значительной степени достичь поставленных перед уголовным наказанием целей.

В Республике Татарстан сложилась модель ГЧП, реализуемая в деятельности Автономной некоммерческой организации «Центр социальной реабилитации и адаптации». Государство и частный сектор сотрудничают в наиболее важном общественно значимом направлении.

Модель ресоциализации, реализуемая АНО «ЦРА», не имеет аналогов в России и включает в себя программу поэтапной системной ресоциализации лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Вместе с тем выявлены и негативные аспекты в деятельности Центра.

Преодолеть негативные явления в деятельности Центра возможно при комплексном подходе к организации и регламентации Центра. Эволюция взаимоотношений институтов государства и агентов гражданского общества в развитых и развивающихся странах в сфере реабилитации и ресоциализации доказала, что их конструктивное взаимодействие является важнейшим фактором, обеспечивающим устойчивый результат. Постоянно увеличивающийся разрыв между потребностями общества и возможностями правоохранительных органов и уголовно-исполнительной системы, бюджетными ограничениями обусловили развитие партнерских отношений в сфере постпенитенциарного воздействия на лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Основными проблемами при организации ГЧП в указанной сфере являются отсутствие правовой базы, недостаток ясности и прозрачности процедур выбора партнера, формирования условий соглашения, механизмов контроля и других элементов формирования и реализации проектов реабилитации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В российской теории и практике вообще отсутствует единый взгляд на концепцию ГЧП в сфере исправления, реабилитации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что деятельность центра, безусловно, носит общественно значимый характер, но вместе с тем, нуждается в определенной корректировке:

– необходимо предоставлять равные возможности доступа в реабилитационные центры для всех нуждающихся, выразивших готовность пройти курс реабилитации, независимо от того, счита-

ет ли их перспективными руководство центра. Это обстоятельство не противоречило бы принципу социальной справедливости, принципам российского законодательства. С другой стороны такой подход не искажал бы действительную картину эффективности деятельности реабилитационного центра;

– возникла необходимость создания нормативной базы функционирования подобных центров, где были бы регламентированы основы деятельности, взаимные обязанности сторон, источники финансирования;

– учитывая высокую социальную напряженность данного вида деятельности, а также тот факт, что реабилитационные центры напрямую связаны с процессами, происходящими в местах лишения свободы, следует создать в структуре территориального органа ФСИН специальные подразделения. Они должны быть наделены надзорными функциями, прямо взаимодействующими с администрацией исправительных учреждений с одной стороны, и с другой – руководством реабилитационного центра.

Эффективности реабилитационных действий и реабилитационного процесса, в целом, нельзя добиться только силами государственных органов, без участия общественности и институтов гражданского общества. В этих условиях особенно важно понимать, что именно общество заинтересовано, в первую очередь, в повышении эффективности исполнения уголовных наказаний и достижения целей наказания.

Приватизация этого направления деятельности влечет крайне негативные социальные, политические последствия. Государственно-частное партнерство, с одной стороны, позволяет привлечь ресурсы субъектов гражданского общества, с другой – сохранить контроль и надзор государства за оказание социально значимых услуг, необходимых обществу, что позволит отчасти решить заданную проблему.

RESOZIALISIERUNG, WENN INHAFTIERTE PERSONEN NACH ABSITZEN DER FREIHEITSSTRAFE WIEDER ENTLASSEN WERDEN: EINE STAATLICHE ODER PRIVATE INITIATIVE?

Ich biete an das Problem, welches sich über die letzten Jahre in der Republik Tatarstan entwickelt hat, zu erörtern. Ein Autor zu diesem Thema, begann seinen Dienst im Strafvollzug, in einem ganz gewöhnlichen Posten und beendete diesen im Rang eines Obersts. Nach seinem Ausscheiden aus dem Dienst widmete er sich der wissenschaftlichen Analyse zu den

Problemen des Strafvollzugssystems, an welcher Stelle das Thema der Resozialisierung nach dem Strafvollzug von besonderer Bedeutung erscheint. Zudem ist er Stellvertretender Vorsitzender des Öffentlichen Rates vom Föderalen Strafvollzugsdienst der Russischen Föderation für die Republik Tatarstan und ist für die Angelegenheiten des Vollzugsdienstes in Zusammenarbeit

zu den zivilgesellschaftlichen Institutionen zuständig. Die zusammengetragenen Ergebnisse dieser Tätigkeit möchten wir Ihnen im Folgenden bekanntmachen.

Wir sind der Ansicht, dass ein umfassendes folgerichtiges Handlungsprogramm von den Strafvollzugsanstalten in Zusammenarbeit mit den gebietsbezogenen Organen des Strafvollzugssystems und den Exekutivbehörden notwendig wäre, deren Herangehensweise dem einzelnen Verurteilten angepasst werden sollte, um wirklich effektiv relevante Ergebnisse im Bereich der Resozialisierung erzielen zu können. Nur eine solche Herangehensweise würde es für den Resozialisierenden ermöglichen, die anfallenden Aufgaben und Probleme qualitativ zu lösen und den verfolgten Strafzweck weitreichend im Auge zu behalten.

Zwei Wohltätigkeitsorganisationen unterstützen dabei die Resozialisierung der aus dem Freiheitsentzug entlassenen und um Hilfe kommenden Menschen. Die autonome gemeinnützige Organisation „Zentrum für Resozialisierung und Adaptation“ (ZRA) sowie der ehrenamtliche nationale islamische Fond (Jardam-Hilfe) wurden im Jahre 2014 gegründet.

Das Modell der Resozialisierung, welches von der autonomen gemeinnützigen Organisation „ZRA“ umgesetzt wird, besteht aus einer stufenweisen systematischen Resozialisierung der zuvor inhaftierten Person. Dieses Modell besitzt allerdings keine vergleichbaren Analogien in Russland. Das Programm ist weder einheitlich noch stringent. Es besteht vielmehr in einer stufenweisen Heranführung und psychologischen Aufarbeitung, der für eine Gesellschaft wichtigen Fähigkeiten, welche durch den Freiheitsentzug verloren gegangen sind. Ausgangspunkt für das Wiedererlangen solcher gesellschaftsfähigen Eigenschaften ist, dass der zu Hilfefommende ein für ihn geeignetes Programm wählen kann, um das bei ihm vorherrschende Problem in den Griff zu bekommen.

Wir haben die Aktivitäten im Zentrum ZRA durch Beobachtungen, Umfragen und Interviews von den zur Hilfe kommenden Personen, wie auch den zuständigen Mitarbeitern untersucht und haben dabei folgendes festgestellt: Mehr als 300 Menschen haben sich in den letzten 3 Jahren Hilfe im benannten Zentrum gesucht, wovon nur 3% wiederholt straffällig geworden sind. Die aus der Haftanstalt entlassenen Personen sollen dabei erstmalig auf großflächigen Baustellen von Tatarstan, mit welchen ein solches Mitwirken verabredet wurde, mit der bestehenden Gesellschaft in Kontakt kommen. Das ZRA Zentrum spielt dabei eine Vermittelnde Rolle der Bürgerinitiative von der Republik Tatarstan: Ihr Entscheidungsträger ist Mitglied im Öffentlichen Rat vom Föderalen Strafvollzugsdienst der Russischen Föderation für die Republik Tatarstan. Es besteht ein Abkommen über eine Kooperation des

Strafvollzugsdienstes hinsichtlich sozialer Unterstützung und Hilfe für aus der Haft entlassene Personen, welche sich in besonders schwierigen Lebenssituationen befinden. Zudem bestehen Übereinkünfte mit staatlichen medizinischen Einrichtungen. Das ZRA Zentrum verfolgt sein Leitbild vor allem auf den verschiedenen Ebenen der vollziehenden Exekutive.

Das Zentrum bildet ein soziales Betreuungssystem für aus der Haft entlassene Personen, rehabilitiert diese, indem sie versucht mögliche Arbeitsplätze zu vermitteln, stellt vorübergehende Unterkünfte zur Verfügung, organisiert Verpflegungspakete sowie Bekleidung, bietet Hilfe bei der Wiedererlangung von Ausweispapieren und bei der medizinischen Versorgung. Weiterhin verfügt das Zentrum über landwirtschaftliche Anlagen, wo weitere Einrichtungen und Unterkünfte mit zufriedenstellenden Bedingungen errichtet werden sollen. Bereits Dutzende Anträge sind für Rehabilitationskurse und Kurse gegen die Alkoholabhängigkeit im Zentrum eingegangen.

Die Ergebnisse der Befragungen sollen es uns ermöglichen die Wichtigkeit des ZRA Zentrums, vor allem in Hinblick auf die mentalen und sozialen Besonderheiten der Einsätze für die Entlassenen, zu erkennen. Ein Großteil der Befragten hat vermerken lassen, dass sie in die Wirkung des Zentrums vertrauen. Dies lässt sich auch aus der wirklich erteilten Hilfe sowie den erfolgreichen Ergebnissen der Resozialisierung und Arbeitsvermittlung für die aus der Haft entlassenen Personen festhalten.

Allerdings wurden auch negative Gesichtspunkte des Zentrums ins Licht gerückt. Nämlich zum einen, dass die Auswahl der Teilnehmer für das Resozialisierungsprogramm anhand strenger Kriterien getroffen wird. Es werden nur Personen aus der Entlassung gefördert, bei denen eine besonders hohe Motivation zur Besserung und ein geringes Risiko für die erneute Straffälligkeit festgestellt werden kann. Ein weiterer Anhaltspunkt für Bedenken besteht

aufgrund der fehlenden Transparenz der getätigten Aktivitäten von Seiten des Zentrums. Es besteht lediglich die Erklärung, dass die Programme auf eigene Kosten des Zentrums bzw. durch die gespendeten Beiträge finanziert werden. In Anbetracht der Umstände des Strafvollzugssystems, besteht die Besorgnis, dass es sich jedoch auch um Geld aus zuvor begangenen Verbrechen handeln könnte.

Aufgrund der angeführten Punkte lässt sich zusammenfassen, dass das ZRA Zentrum einen sehr bedeutenden gesellschaftlichen Charakter aufweist, es jedoch noch einiger Verbesserungen bedarf:

Es erscheint notwendig einen gleichberechtigten Zugang für alle bedürftigen und zur Hilfe kommenden Personen und somit dieselben Möglichkeiten

auf ein Resozialisierungsprogramm zu gewähren. Dies sollte nicht von einzelnen Personen aus der Leitungsabteilung und ihrer möglicherweise subjektiven Einschätzung zur erneuten Straffälligkeit geschehen. Dieser Umstand würde auch dem gesellschaftlichen Gleichheitsgrundsatz des russischen Gesetzgebers Genüge tun. Zudem würde das tatsächliche Ergebnis von Resozialisierungsmaßnahmen nicht verfälscht werden, sondern die tatsächlichen Gegebenheiten einer solchen Einrichtung widerspiegeln.

Weiterhin ist es unabdingbar einzelne Regelungen für eine Einrichtung dieser Art zu schaffen, um die grundlegenden Tätigkeiten der Einrichtung, die beiderseitigen Verpflichtungen der Parteien sowie die möglichen Finanzierungsmittel zu bestimmen.

In Hinblick auf die bestehenden gesellschaftlichen Spannungen und darauf, dass die Resozialisierungszentren in direktem Zusammenhang mit den bevorstehenden Prozessen stehen, welche sich auf dem

Gelände der Haftanstalt ereignen, sollte dort eine weitere Abteilung für speziell dieses Anliegen der Resozialisierung geschaffen werden. So würde weiterhin eine Aufsicht bestehen bleiben und die Justizvollzugsanstalt könnte so mit dem Resozialisierungszentrum zusammenwirken.

Zusammenfassend ist festzustellen, dass eine Wirksamkeit der resozialisierenden Maßnahmen sowie des Resozialisierungsprozesses nicht allein durch die öffentlichen Einrichtungen und Stellen erreicht werden kann, sondern es eines Mitwirkens der Gesellschaft und ihrer Institutionen bedarf. Unter diesen Voraussetzungen sollte die Gesellschaft in der Lage sein auf eine effiziente Vollstreckung und Erreichung der Strafziele zu vertrauen.

Denn von der Wirksamkeit solcher Einrichtungen hängt letztendlich die öffentliche Sicherheit und Ordnung sowie das rückfällige Verhalten von den entlassenen Personen ab.

Литература

1. Белицкая А.В. Комментарии к Федеральному закону от 13 июня 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». М.: Юстицинформ, 2016. 272 с.
2. Розенцвайг А.И. Зарубежные модели практик ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: криминологический анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 118–122.
3. Фильченков В.А. Формирование государственно-частного партнерства в социальной сфере: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 24 с.

References

1. Belickaja A.V. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 13 ijunja 2015 g. # 224-FZ «O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, municipal'no-chastnom partnerstve v Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossijskoj Federacii» [Comments to the Federal Law of June 13, 2015 No. 224-FZ “On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. Moscow: Justicinform Publ., 2016. 272 p. (In Russian)
2. Rozencvajg A.I. Zarubezhnye modeli praktik resocializacii lic, otbyvshih ugovnoe nakazanie i osvobodzhonnyh ot nego: kriminologicheskij analiz [Foreign models of the practice of re-socialization of persons who have served a criminal sentence and are released from it: a criminological analysis]. Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University]. 2018, vol. 4, no. 2, pp. 118–122. (In Russian)
3. Fil'chenkov V.A. Formirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v social'noj sfere: Avtoref. diss ... k. je. n. [Formation of public-private partnership in the social sphere: Author's abstract. Diss ...cand.econom. scien.] Moscow, 2008. 24 p. (In Russian)

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Шамурзаев Таалайбек Турсунович,
Балашов Талгат Тулеуович

Цель: провести анализ новых Уголовного, Уголовно-процессуального кодексов, а также Кодекса Кыргызской Республики о проступках, принятых в ходе судебной реформы, целями которой были повышение эффективности и качества правосудия; обеспечение гарантий судебной защиты прав и свобод человека и гражданина; приведение законодательства в соответствие нормам международного права и международным стандартам в области прав человека. Авторы излагают свою позицию относительно отдельных положений новых нормативных актов.

Методология: сравнительно-правовой, формально-логической и системный методы.

Выводы. В целом новые кодексы содержат ряд прогрессивных положений. Но в то же время отдельные их нормы требуют систематизации, а ряд из них не соответствует Конституции Кыргызской Республики. В ходе проведенного исследования были выявлены и иные пробелы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также неоднозначное толкование отдельных законодательных положений.

Научная и практическая значимость настоящей статьи состоит в том, что на основе результатов исследования были разработаны направления совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, кассационная инстанция, депонирование доказательств, медиация, предварительные слушания, процессуальные соглашения, производство о проступках, судебный контроль, следственный судья, специальные следственные действия, преюдиция.

В Кыргызстане в ходе судебной реформы принятой Указом Президента от 8 августа 2012 г. № 147 «О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республики» [5] разработаны и приняты новые кодексы и законы в их числе Уголовный кодекс [1], Уголовно-процессуальный кодекс [2] и Кодекс о проступках [3], вступающие в законную силу с 1 января 2019 г. Основой для проведения реформы послужили новая Конституция Кыргызской Республики [4], международные соглашения, ратифицированные парламентом страны. Приведение национального законодательства в соответствие с Конституцией стало приоритетным направлением судебной реформы.

Совершенствование уголовного законодательства было продиктовано необходимостью гуманизации правосудия, отхода от репрессивных мер уголовно-правового воздействия, внедрения

новых механизмов воздействия на осужденного в целях его ресоциализации.

К основным новеллам нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК КР) можно отнести:

оптимизацию уголовной ответственности. Преступления небольшой тяжести были исключены из УК КР и включены в Кодекс о проступках. Привлечение к ответственности за совершение проступка не влечет за собой судимости;

декриминализацию деяний. Отдельные деяния, совершаемые в сфере гражданско-правовых отношений, также исключены из УК КР, например, незаконное использование товарного знака, неправомерные действия при банкротстве и др.;

депенализацию деяний. Снижены сроки лишения свободы: максимальный срок – 15 лет, минимальный – шесть месяцев, по совокупности

преступлений – 20 лет. Сохранено пожизненное лишение свободы;

реформу системы и видов наказания. Введение категоризации наказаний. По мнению разработчиков, это позволит оптимизировать наказания и сузить дискреционные полномочия судей. К примеру, лишение свободы на определенный срок делится на шесть категорий (ст. 70);

введение иных принудительных мер уголовно-правового воздействия (мер безопасности). К мерам безопасности относятся: конфискация (изъятие) имущества (ст. 96); конфискация денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации (ст. 97); возмещение причиненного ущерба при конфискации (ст. 98); возмещение материального ущерба и компенсация морального вреда (ст. 99); выдворение (ст. 100). Меры безопасности применяются судом независимо от того, привлечено ли лицо к уголовной ответственности или освобождено от нее либо от наказания;

введение института пробации. Пробационный надзор (пробация) является принудительно-поощрительной мерой уголовно-правового воздействия (ст. 83). Предусмотрено, что она применяется судом при назначении наказания в виде лишения свободы на срок не более пяти лет, учитывая тяжесть преступления, личность виновного, его согласие на применение пробационного надзора, а также другие обстоятельства дела;

введение мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц. Согласно ст. 123 к юридическому лицу могут применяться принудительные меры уголовно-правового воздействия, если деяние совершено от имени или посредством юридического лица физическим лицом в интересах данного юридического лица, независимо от того, привлечено это физическое лицо к уголовной ответственности или нет.

Указанными мерами являются: штраф, ограничение прав, ликвидация юридического лица.

Разработка нового Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК КР) была обусловлена, в частности, необходимостью:

преодоления обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве;

повышения эффективности досудебных и судебных процедур;

обеспечения необходимых процессуальных гарантий для подозреваемых, обвиняемых и потерпевших.

Новая модель уголовного судопроизводства требует решения ряда организационно-структур-

ных вопросов, и реформирования деятельности правоохранительных органов. Именно по этим причинам новые кодексы вступили в силу только с 1 января 2019 г.

К основным новеллам нового УПК КР можно отнести:

кардинальное изменение досудебного производства. Под досудебным производством понимается уголовное судопроизводство с момента регистрации заявления, сообщения о преступлении и (или) проступке в Едином реестре преступлений и проступков до направления прокурором материалов дела в суд для его рассмотрения по существу (ст. 5). Законодатель отказался от стадии возбуждения уголовного дела как начальной стадии уголовного процесса. Предусмотрено уведомление о подозрении (гл. 32). При наличии достаточных доказательств, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления и (или) проступка, уполномоченное должностное лицо органа дознания, следователь письменно уведомляют об этом данное лицо;

внедрение принципиальных основ для обеспечения состязательности процесса. Субъекты уголовного судопроизводства (раздел II) классифицируются в соответствии с принципом осуществления уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон (суд, участники процесса со стороны обвинения, участники процесса со стороны защиты, иные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве).

К сожалению, ст. 18 нового УПК КР «Принцип осуществления уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон» не соответствует принципу закрепленному в ч. 3 ст. 99 Конституции Кыргызской Республики, согласно которому судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Возможно, законодатель исходил из того, что без равноправия сторон нельзя обеспечить их состязательность, но в любом случае законодательные акты не должны противоречить основному Закону государства.

Путем внедрения дополнительных процессуальных гарантий разработчиками законопроекта предпринята попытка уравнивать в правах сторону защиты с обвинением. Подозреваемые обеспечиваются защитником с момента уведомления о подозрении в совершении преступления, а при задержании – с момента фактического задержания. Они имеют право на гарантированную государством юридическую помощь в случае отсутствия выбранного защитника, на заключение процессуальных соглашений в случаях, предус-

мотренных законодательством. При этом органы досудебного производства, прокурор и суд лишены процессуальных возможностей вмешиваться в выбор защитника и препятствовать его участию в деле (ст. 45).

Значительно расширены права защитников путем предоставления им права ходатайствовать перед следственным судьей о депонировании доказательств, инициировать на договорной основе производство экспертизы. Защитники обеспечены гарантиями на свидания с подзащитными наедине без ограничений их количества и продолжительности и в условиях, исключающих возможность прослушивания (ст. 54);

введение преюдиции (ст. 97), т. е. правила, согласно которому вступившие в законную силу приговор, а также другое решение суда по делу, разрешающее его по существу, обязательны для всех государственных органов, организаций и граждан в отношении правовой оценки по отношению к лицу, о котором они вынесены, а также другого суда, а потому не допускается повторное рассмотрение того же дела как в целом, так и в частности. В тоже время это не препятствует отмене и изменению приговора и других решений суда в апелляционном и кассационном порядке по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Исходя из того, что преюдиция относится к формальным средствам доказывания, как и презумпция, представляется целесообразным включить преюдицию в гл. II Кодекса как принцип уголовного судопроизводства;

приведение в соответствие с международными требованиями и Конституцией республики порядка избрания, обжалования, пересмотра мер пресечения. В Указе Президента Кыргызской Республики от 8 августа 2012 г. «О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республики» («Эркин Тоо». 14 августа 2012 г. № 70.) говорилось о необходимости избрания, изменения или отмены мер пресечения судом. Согласно УПК КР 1999 г. два вида мер пресечения из семи, избирались решением судьи (заключение под стражу и домашний арест). В новом УПК КР (ст. 107) предусмотрено шесть видов мер пресечения и все они должны избираться следственным судьей по ходатайству прокурора с участием подозреваемого, обвиняемого, прокурора и защитника.

На наш взгляд, недостатком нового УПК КР является недостаточное количество мер пресечений, альтернативных заключению под стражу, а также исключение такой меры пресечения, как личное поручительство. Расширение альтерна-

тивных мер пресечения не имеет смысла, если для этого не будут созданы необходимые материально-организационные условия. Это особенно ярко проявляется в случае с домашним арестом, требующим в условиях современного общества механизма обеспечения надлежащего поведения обвиняемого;

расширение судебного контроля в ходе досудебного производства. Одной из значимых новелл с точки зрения защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, является введение процессуальной фигуры – следственный судья, что позволит обеспечить надлежащий контроль за задержанием лиц, подозреваемых в совершении преступления; избранием мер пресечения; проведением специальных следственных действий и следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности;

введение специальных следственных действий (гл. 31) – разновидность следственных действий, которые в настоящее время закреплены в Законе Кыргызской Республики от 16 октября 1998 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (ИПС «ТОКТОМ Универсал», 2018 (дата обращения 28.07.2018)).

Специальные следственные действия проводятся без информирования вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц, интересы которых они затрагивают, и направлены на выяснение обстоятельств, получение сведений, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве, когда следственными действиями установить это не представляется возможным.

Согласно ст. 213 нового УПК КР к числу специальных следственных действий отнесены: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и (или) выемка; прослушивание переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами; снятие информации с компьютеров, сервером и других устройств; аудио, видеоконтроль лица или места; наблюдение за лицом и местом; проникновение и обследование нежилого помещения или иного владения лица; получение образцов для сравнительного исследования в целях производства экспертизы; внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности; контрольная поставка; контрольный закуп;

введение процессуальных соглашений. Предусмотрены следующие их виды: о признании вины (гл. 58); о сотрудничестве (гл. 59); о примирении сторон (гл. 60).

Для подобных случаев предусмотрен особый порядок производств. Соглашения о признании вины, о примирении сторон позволят обеспечить эффективность процесса, исключить излишние формальности и бюрократические проволочки.

Соглашение о сотрудничестве может служить подспорьем в борьбе с организованной преступностью, экстремизмом, терроризмом, обеспечит безопасность лиц, изъявивших желание сотрудничать с правосудием;

внедрение медиации. Медиации и медиатору, его правам и обязанностям посвящены соответственно ст. 5 и 62. Кроме того, принят Закон Кыргызской Республики от 28 июля 2017 года № 161 «О медиации» (ИПС «ТОКТОМ Корпорация Про», 2018 (дата обращения: 28.07.2018)).

Медиация позволит упростить процесс применения карательных мер и станет одним из механизмов реализации конституционной нормы о развитии внесудебных и досудебных методов, форм и способов защиты прав и свобод человека и гражданина;

изменение конфигурации начала судебного производства. До начала судебного разбирательства судья принимает одно из следующих решений: о возвращении поступившего дела прокурору; о направлении дела по подсудности; о назначении предварительного слушания; о назначении судебного заседания (ст. 268).

Однако полностью отказаться от возвращения уголовного дела прокурору не удалось (п. 1 ч. 1 ст. 268), что было оговорено и в рекомендациях Комиссии по выработке согласованных предложений по дальнейшему реформированию судебной системы Кыргызской Республики.

Суды должны принимать решения, руководствуясь конституционным принципом презумпции невиновности, а не предоставлять право органам следствия и прокуратуры исправлять ошибки, допущенные в ходе расследования. Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан свидетельствует о том, что институт возвращения уголовного дела прокурору на данной стадии процесса наличествует.

Начало судебного производства дополнено новым этапом – предварительными слушаниями (гл. 39), их проводит судья в закрытом заседании с участием сторон.

Предварительные слушания проводятся: по особо тяжким преступлениям; при наличии ходатайства стороны об исключении недопустимых доказательств; при наличии оснований для приостановления или прекращения дела; при на-

личии ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в отсутствие обвиняемого; для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей; для решения вопроса о заявленных ходатайствах, об изменении меры пресечения, отводах судьи, о приостановлении или прекращении дела (ст. 270);

изменение порядка прохождения дела в стадиях судебного производства. Согласно ст. 391 суды апелляционной инстанции рассматривают жалобы и представления на не вступившие в законную силу приговоры и постановления, вынесенные судом первой инстанции, а также жалобы и представления на постановления, вынесенные следственным судьей в порядке судебного контроля. Предметом апелляционного рассмотрения являются законность, обоснованность приговора, иного решения суда первой инстанции, постановления следственного судьи (ст. 400).

В соответствии с УПК КР 1999 г. суды второй инстанции были правомочны рассматривать уголовные дела, не вступившие в законную силу (в апелляционном порядке) и вступившие в законную силу (в кассационном порядке), что, на наш взгляд, нарушало инстанционность рассмотрения дел. Кроме того, теперь судья апелляционной инстанции не вправе выносить определение об отмене обжалованного судебного акта и о направлении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции либо о возвращении дела прокурору для восполнения пробелов следствия, неустранимых в суде, что представляется немаловажным с точки зрения защиты прав и свобод осужденного (оправданного).

В соответствии с УПК КР Верховный суд является судом кассационной инстанции. В этом качестве он на основании кассационной жалобы или представления проверяет законность приговора, определения суда апелляционной инстанции. Не подлежат пересмотру в кассационном порядке вступившие в законную силу судебные решения первой инстанции, не обжалованные в апелляционном порядке, а также решения суда апелляционной инстанции, вынесенные по жалобам на постановления следственного судьи;

производство по делам о проступках. Глава 61 содержит статьи, касающиеся досудебного производства по делам о проступках, в которых регламентируется: если порядок производства и органы дознания, уполномоченные осуществлять досудебное производство по таким делам; общие положения досудебного производства по делам о проступках; порядок досудебного про-

изводства в форме следствия; прекращение производства по делам о проступках; то окончание досудебного производства по делам о проступках; решения прокурора по делам о проступках; подача ходатайства о вынесении приговора без проведения судебного разбирательства.

Глава 62 посвящена судебному производству по делам о проступках. Судья в пятидневный срок изучает поступившее дело с ходатайством о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и постановляет приговор. Судебное заседание без проведения судебного разбирательства проводится с обязательным участием обвиняемого и его защитника.

Если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился обвиняемый, обосновано, подтверждается доказательствами, собранны-

ми по делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает обвиняемому наказание, которое не может превышать 2/3 максимального срока или максимального размера штрафа, предусмотренного за совершение проступка.

С нашей точки зрения, регламентация производства по делам о проступках в новом УПК КР небесспорна. Представляется более логичным и целесообразным принять самостоятельные процессуальные кодексы: по уголовным делам и по делам о проступках.

В целом же новые кодексы Кыргызской Республики содержат прогрессивные положения и представляют определенный интерес для законодателя и ученых в целях их исследования, совершенствования и применения практической реализации.

ZUSATZGESETZ DER STRAF – UND STRAFPROZESSGESETZGEBUNG DER KIRGISISCHEN REPUBLIK

Die Optimierung der strafrechtlichen Haftung. Dabei wurden aus dem kirgisischen Strafgesetzbuch strafbare Handlungen hervorgehoben und geringfügige Vergehen in ein separates Strafgesetzbuch (einen Verhaltenskodex) übertragen. Weiterhin zieht die Anzeige alleine, keine Vorstrafe mit sich.

Die Entkriminalisierung von Handlungen. Bestimmte Handlungen, die dem zivilrechtlichen Bereich unterfallen, wurden dem StGB der KR abgesondert, z.B. die widerrechtliche Nutzung von Markenzeichen sowie unrechtmäßige Handlungen bei Insolvenzfällen, etc.

Die Entpönalisierung von Handlungen. Im StGB der KR wurden die Haftstrafen reduziert. Die maximale Dauer einer Haftstrafe beläuft sich von nun an auf 15 Jahre und die Mindeststrafe beträgt sechs Monate. Sind mehrere Straftatbestände verwirklicht, so beläuft sich die Dauer auf maximal 20 Jahre. Die lebenslange Freiheitsstrafe bleibt bestehen. Im Verhaltenskodex über geringfügigen Vergehen wird keine Freiheitsstrafe, als Form der Bestrafung, vorgesehen.

Reform des Bestrafungssystems und der verschiedenen Arten der Bestrafung. Das StGB der KR hat eine Kategorisierung der Strafen eingeführt, welche nach Ansicht der ausarbeitenden Organe zu einer Strafoptimierung und zu ermessensfehlerfreien Entscheidungen führen soll. Dabei soll z.B. die Freiheitsstrafe in sechs Kategorien unterteilt werden, etc.

Zu den wichtigsten Neuerungen der StPO der KR gehören:

Grundlegende Änderungen im vorgerichtlichen Verfahren. Dabei wurde ein neues Konzept des Vorverfahrens eingeführt. Dem strafrechtlichen Prozess, wurde ein Anfangsstadium vorangestellt, welches die Möglichkeit bietet bei Ablehnung der sog. Verdachtsmittlungen, einen strafrechtlichen Prozess gar nicht erst einzuleiten.

Die Einführung grundlegender Prinzipien zur Gewährleistung eines kontradiktorischen Prozesses. Die Themen des Gerichtsverfahrens werden entsprechend dem Grundsatz der Strafverfolgung sowie nach der Grundlage der Gleichheit und dem Verhandlungsprinzip eingestuft.

Durch die Einführung zusätzlicher Verfahrenszusicherungen sollen die beiderseitigen Rechte der Parteien in einem Verfahren sichergestellt werden. Die Rechte der Verteidigerseite wurden erweitert, indem ihr das Recht eingeräumt wurde, den Richter zur Hinterlegung von Beweismitteln aufzufordern und so eine Untersuchung dieser Beweismittel einzuleiten.

Die Übereinstimmung mit internationalen Anforderungen und Grundgesetzen, im Verfahren der Wahlen, der Rechtsbehelfe sowie vorbeugender Maßnahmen, wie der Revision. Unseres Erachtens, mangelt es der neuen StPO der KR weiterhin an einer Vielzahl

von Präventivmaßnahmen, als Form der persönlichen Bürgschaft, die eine Alternative zur Freiheitsstrafe darstellen könnten.

Die Ausdehnung der gerichtlichen Kontrolle auf vorgerichtliche Ermittlungsverfahren. Mit der Einführung der Verfahrensfigur, sollte der Richter eine ordnungsgemäße Kontrolle über die Ingewahrsamnahme mutmaßlicher Täter, über die Auswahl der in Betracht kommenden Maßnahmen sowie über die geführten Ermittlungsverfahren haben, da die verfassungsmäßigen Rechte und Freiheiten des Einzelnen eingeschränkt werden.

Die Einführung von speziellen Ermittlungshandlungen. Derzeit ist eine Vielzahl an Ermittlungsmaßnahmen, über operative Ermittlungsaktivitäten, im Gesetzgeber der Kirgisischen Republik verankert. Diese Maßnahmen werden ohne Kenntnis der an den Ermittlungsmaßnahmen beteiligten Personen durchgeführt, um erst die Umstände des Einzelfalles aufzuklären.

Die Einführung von Verfahrensvereinbarungen. Es existieren folgende Arten von Verfahrensvereinbarungen: Dem Bekenntnis zur Schuld, zur Zusammenarbeit und zur Einigung unter den Parteien. Für die benannten Fälle ist eine spezielle Reihenfolge des Verfahrens vorgesehen.

Die Einführung der Mediation, als Mechanismus der Wiederherstellung des Rechtswesens, gestattet die Vereinfachung des Prozesses und der Lösung von Aufgaben sowie die Minderung der strafrechtlichen Maßnahmen. Zudem wäre dies eine weitere Form der außergerichtlichen und vorgerichtlichen Einigung und eine weitere Möglichkeit des Rechtsgüterschutzes der Bürger.

Eine wesentliche Änderung in der Ausführung von Gerichtsverfahren zu Beginn. Zu Beginn des Verfahrens muss der Richter bereits die vorliegenden Entscheidungen über: die Zurückweisung des Falles an den Staatsanwalt und die Zuständigkeit des Gerichts treffen bzw.

ob eine vorläufige Anhörung in Frage kommt und betreffende Fragen zu der Gerichtssitzung klären.

Könnte die Strafsache nicht vollständig an den Staatsanwalt zurückgewiesen werden, so bleibt die Aufgabe vorübergehend bestehen, dies war auch Empfehlung der Kommission für weitere Reformen der KR.

Die Gerichte sollen ihre Entscheidungen, unter dem Grundsatz der Unschuldsvermutung treffen und dies nicht den Ermittlungsbehörden oder Staatsanwälten überlassen. Eine vergleichende Analyse der

Strafprozessgesetzgebung der RF und der Republik Kasachstan zeigt, dass sich die Zurückweisung des Falles an den Staatsanwalt als nicht besonders selten herausstellt.

Die Einleitung des Gerichtsverfahrens wird seither durch eine neue Phase ergänzt – der vorläufigen Anhörung, im Rahmen einer geschlossenen Sitzung unter den Beteiligten Parteien und dem Richter.

Die Änderung der Reihenfolge in den einzelnen Phasen des Verfahrens. Die Berufungsgerichte sind für die Bearbeitung der Rechtsbehelfe, die nicht in Gesetzeskraft tretenden Urteile, der ersten gerichtlichen Instanz sowie Beschwerden gegen den Untersuchungsrichter zuständig. Denn in der aktuellen StPO der KR, sind die Gerichte der zweiten Instanz befugt sowohl Strafsachen zu prüfen, die nicht rechtskräftig geworden sind, als auch rechtskräftig gewordene Entscheidungen. Unseres Erachtens verletzt dies den Instanzenzug der Gerichte im Verfahren. Unter den Gesichtspunkten des Rechtsschutzes und der Freiheiten des Verurteilten, erhält die neue StPO- Ordnung eine besondere Aufmerksamkeit, für die ausgeschlossenen Regelungen der alten StPO. Wird in der Berufungsinstanz das Urteil aufgehoben, so kommt es zur erneuten Eröffnung des Verfahrens in der Erstinstanz oder zur Verweisung an den Staatsanwalt, um mögliche Verfahrensfehler zu beheben.

In der neuen Strafprozessordnung der KR ist der Oberste Gerichtshof das Gericht der Revisionsinstanz. Dieses Gericht soll das Berufungsgericht, im Hinblick auf Beschwerden und die Rechtmäßigkeit der Strafen prüfen. Rechtskräftig gewordene Entscheidungen der ersten Instanz, die nicht in einem Berufungsverfahren angefochten wurden sowie Entscheidungen des Berufungsgerichts, die wegen Beschwerden gegen Entscheidungen des Untersuchungsrichters erlassen wurden, unterliegen keiner Revision.

Zu den Verfahren wegen der strafbaren Handlungen. Die Regelungen über die strafbaren Handlungen in der neuen StPO der KR sind unseres Erachtens unstrittig. Es erscheint logisch und zweckmäßig die Strafprozessordnung und den Verhaltenskodex der KR auseinanderzuhalten.

Schließlich ist festzuhalten, dass die neuen Regelungen der Kirgisischen Republik progressive Bestimmungen enthalten und im großen Interesse des Gesetzgebers und der Wissenschaftler stehen, um ihre Forschungen und Anwendungen in ihrer praktischen Anwendung zu verbessern.

Литература

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. Бишкек: Академия, 2018. 352 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. Бишкек: Академия, 2018. 624 с.

3. Кодекс Кыргызской Республики о проступках. Бишкек: Академия, 2018. 112 с.
4. Конституция Кыргызской Республики. Бишкек: Академия, 2010. 144 с.

References

1. Ugolovnyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki [Criminal code of the Kyrgyz Republic]. Bishkek: Akademiya Publ., 2018. 352 p.
2. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki [Criminal code of the Kyrgyz Republic]. Bishkek: Akademiya Publ., 2018. 624 p.
3. Kodeks Kyrgyzskoi Respubliki o prostupkakh [The code of the Kyrgyz Republic about offenses]. Bishkek: Akademiya Publ., 2018. 112 p.
4. Konstitutsiya Kyrgyzskoi Respubliki [Constitution of the Kyrgyz Republic]. Bishkek: Akademiya Publ., 2010. 144 p.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ МОШЕННИЧЕСТВА В РОССИИ

Шевелева Светлана Викторовна

Цель: прогнозирование проблем, с которыми столкнется практика при реализации положений Федерального закона от 23 апреля 2018 г. №111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», и разработка научно обоснованных предложений по формированию единообразной практики применения норм о хищениях с банковских счетов и электронных денежных средств.

Методология: системно-структурный, формально-логический и другие научные методы.

Выводы. Выявлена несоразмерность наказания опасности совершенного деяния.

Предметом преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ, являются исключительно электронные денежные средства (в ст. 159⁶ УК РФ может быть еще право на имущество). Следовательно, принципиальной разницей между рассматриваемыми тремя составами является способ совершения преступления. В первом случае – это тайное хищение (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), во втором – обман или злоупотребление доверием (ст. 159³ УК РФ), в третьем – ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передача компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (п. «в» ч. 3 ст. 158⁶ УК РФ).

Установлено, что средство совершения преступления в ст. 159³ УК РФ шире, нежели в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ.

Исходя из необходимости отказаться от архаичного подхода к определению предмета хищения, обладающего тремя признаками – экономическим, юридическим и физическим, предлагается признавать предметом хищения все объекты гражданских прав, закрепленных в ст. 128 ГК РФ, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ.

Научная и практическая значимость. Значимость статьи заключается в том, что расширяются знания в вопросах определения предмета хищения, а также квалификации хищений с банковского счета и в отношении электронных денежных средств, а также сформулирован ряд рекомендаций по противодействию специальным видам мошенничества и квалифицированной кражи, предметом которых являются электронные денежные средства.

Ключевые слова: мошенничество, кража, электронное средство платежа, электронные денежные средства, компьютерное мошенничество, момент окончания преступления, небанковская кредитная организация, электронный кошелек, банковская карта, платежная система.

В 2012 г. по инициативе Президента РФ, поддержанной Верховным Судом РФ, в российское уголовное законодательство было введено шесть самостоятельных составов мошенничества (Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ.

2012. № 49. Ст. 6752)). Разделение существовавшего ранее одного состава о мошенничестве на шесть самостоятельных в зависимости от сферы совершения было продиктовано необходимостью исключения манипулирования соответствующими нормами уголовного закона. Поспешность принятия такого законодательного решения сказалась на качестве нормативного материала.

В результате данный закон стал, пожалуй, самым критикуемым. Непроработанность отдельных положений, касающихся специальных видов мошенничества, привела к тому, что уже через два года Конституционный Суд РФ норму о мошенничестве в предпринимательской сфере признал противоречащей Конституции РФ в части размера наказания; еще через два года в рассматриваемые составы преступлений были внесены существенные законодательные изменения. В конце 2017 г. Верховный Суд РФ дал разъяснения по практике применения специальных видов мошенничества, однако многие вопросы все еще остаются без ответа со стороны законодателя и высшей судебной инстанции. В результате суды применяют данные составы методом проб и ошибок, что не красит отечественную правоприменительную практику.

Весной 2018 г. были внесены еще более противоречивые изменения: в ст. 158 УК РФ введен квалифицирующий признак – кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (далее – ЭДС) при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, снижены пороговые значения крупного размера с 1,5 млн руб. до 250 тыс. руб., особо крупного – с 6 млн руб. до 1 млн руб. в ст. 159³ (мошенничество с использованием электронных средств платежа), 159⁶ (мошенничество в сфере компьютерной информации); ч. 3 ст. 159⁶ дополнена новым квалифицирующим признаком – мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении ЭДС (Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2581)).

Рассмотрим некоторые проблемы, с которыми в ближайшее время столкнется практика.

Несоразмерность наказания опасности совершенного деяния. Ввиду того, что новые квалифицированные составы кражи и мошенничества в сфере компьютерной информации помещены в ч. 3 соответствующих статей, их наказуемость приравнена к краже или компьютерному мошенничеству, совершенному в крупном размере. На данное обстоятельство обратил внимание Верховный Суд РФ в своем официальном отзыве на законопроект, справедливо указав, что критерием определения преступности деяний и дифференциации их наказуемости должен является размер похищенного, а не возможность проведения полноценных оперативно-розыскных мероприятий (*Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ (в части усиления уголовной ответственности*

за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)» (URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/186266-7> (дата обращения: 01.11.2018)), на которые в качестве обоснования указывали авторы законопроекта в своей пояснительной записке.

Практика свидетельствует, что до принятия указанного Закона, не единичны были ситуации, когда уголовное преследование в отношении виновных, совершивших хищение ЭДС, прекращалось в связи с примирением сторон на основании ст. 76 УК РФ (например, на основании этой статьи от уголовной ответственности были освобождены Т. и В., которые, имея на руках мобильный телефон и карту потерпевшего И., перевели денежные средства с его банковской карты на подконтрольные им счета. Потерпевший в суде заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении В. и Т. в связи с примирением с ним. (*Постановление Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 4 августа 2015 г. Уголовное дело № 1-839/2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr1.sudrf.ru> (дата обращения: 17.12.2018)*). Теперь такое будет невозможно в силу изменения категории преступления.

Учитывая, что разграничение административно наказуемых и уголовно наказуемых насильственных хищений по признаку размера причиненного вреда возможно только в случаях совершения неквалифицированной кражи, мошенничества или присвоения и растраты (ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ), на практике нередко будут возникать ситуации, когда за хищение незначительных сумм посредством перечисления со счета потерпевшего на подконтрольный счет виновное лицо будет приговариваться к довольно серьезным видам наказания.

Так, С. был признан виновным в серии краж, совершенных с использованием системы интернет-платежей «Яндекс. Деньги». Являясь работником предприятия «Почта России», он украл упаковку карт оплаты системы интернет-платежей «Яндекс. Деньги» номиналом 1500 руб. каждая. Впоследствии, пользуясь стационарным компьютером, произвел перевод денежных средств с данных карт на виртуальный счет, открытый на свое имя. Сумма ущерба составила суммарно 24 тыс. руб. (*приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 13 апреля 2012 г. Уголовное дело № 1-113/2012. СПС «КонсультантПлюс»*).

Еще один пример. У. при помощи своего мобильного телефона посредством платежной системы «Яндекс. Деньги», введя номер и данные банковской карты своего сослуживца – его фа-

милию, имя, отчество, снял денежные средства последнего в размере 1549 руб. и перевел их на счет своего мобильного телефона, тем самым получив возможность распорядиться похищенным по своему усмотрению. Его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 158 УК РФ (*приговор Магнитогорского гарнизонного военного суда Челябинской области от 28 марта 2014 г. Уголовное дело № 1-8/2014 // [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr1.sudrf.ru> (дата обращения: 3.11.2018)*).

С учетом изменений, внесенных в апреле 2018 г., аналогичные действия будут подлежать квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ с санкцией до шести лет лишения свободы.

Законодательные новеллы нацелены на усиление уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или ЭДС. Однако детальный анализ санкций, а также толкование терминологии, используемой законодателем в диспозициях рассматриваемых норм, позволяет утверждать, что при сходных по сути преступных посягательствах размер наказания будет существенно отличаться. Так, лицо, совершившее кражу с банковского счета или в отношении ЭДС, подлежит уголовной ответственности в виде лишения свободы сроком до шести лет. Аналогичное наказание предусмотрено, если виновный осуществит хищение с банковского счета или ЭДС посредством вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передаче компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Однако в случае совершения обмана в целях хищения ЭДС ему не может быть назначено наказание выше трех лет лишения свободы (ч. 1 ст. 159³ УК РФ). Сказанное требует разъяснений.

В Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872) электронное средство платежа определяется как средство и (или) способ, позволяющий клиенту с помощью оператора осуществлять переводы безналичных денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. Таким образом, электронными средствами платежа (далее – ЭСП) могут быть вещи материального мира – банковские карты, мобильные устройства и т.п., а также способ передачи распоряжений клиента своему оператору по переводу электронных денежных средств (например, система «клиент-банк», «Яндекс. Деньги», «WebMoney» и т.п.).

Под ЭДС следует понимать денежные средства, которые предварительно предоставлены

физическим или юридическим лицом оператору для исполнения денежных обязательств без открытия банковского счета исключительно с использованием электронных средств платежа (п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872). По сути, ЭДС – это некий «информационный» эквивалент реальных денежных средств. Превратить электронные деньги в реальные рубли можно, только выведя их из электронной платежной системы [1, с. 4]. ЭДС могут переводиться только посредством электронных средств платежа.

Иными словами, предметом преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159³, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ, являются исключительно ЭДС (при совершении преступления, предусмотренного ст. 159⁶, предметом может быть еще и иное право на имущество, например, модификация информации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, государственного кадастра недвижимости и др.). Следовательно, принципиальной разницей между рассматриваемыми тремя составами является способ совершения преступления. В первом случае – это тайное хищение, во втором – обман или злоупотребление доверием, в третьем – ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Возникает вопрос: почему второй способ хищения менее опасен, чем два других?

Правовая природа безналичных денежных средств. В соответствии со ст. 128 ГК РФ наличные денежные средства являются вещью, тогда как безналичные – иным имуществом наряду с бездокументарными ценными бумагами и имущественными правами. Уголовно-правовая доктрина несколько иначе трактует термин «имущество» применительно к хищениям. Доминирующей точкой зрения в уголовном праве является выделение трех признаков предмета хищения: физического, экономического и правового (или юридического) [2, с. 61]. Физический признак означает материальность предмета. Экономический признак свидетельствует о том, что имущество имеет потребительскую значимость, меновую стоимость и должно быть выделено из естественного состояния, т.е. опосредовано через человеческий труд. Юридический признак указывает на наличие законного владельца, следовательно, для виновного оно должно быть чужим. Шире предмет хищения понимается только в составах о мошенничестве за

счет речевого оборота «право на имущество». При мошеннических действиях может быть похищено имущество, определяемое цивилистами как вещь, а также право на имущество. По нашему мнению, под предметом хищения следует понимать все объекты гражданских прав, указанные в ст. 128 ГК РФ, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ. Однако Верховный Суд РФ требует распространять на безналичные денежные средства режим вещей, когда эти средства выступают в качестве предмета хищения в различных формах, включая кражу [3, с. 70].

Средство совершения в новых составах преступлений. Ранее в диспозиции ст. 159³ УК РФ указывалось, что средством совершения могут быть кредитные, расчетные **и иные** (выделено авт.) платежные карты. В соответствии с Положением Банка России от 10 августа 2012 г. № 2862-У «Об эмиссии банковских карт и об операциях, совершаемых с использованием платежных карт» (*Вестник Банка России. № 67. 2012*) существуют три вида карт: расчетная (дебетовая), на которой могут находиться денежные средства как клиента, так и кредитные средства; кредитная, на которой находятся исключительно кредитные средства; предоплаченная, предназначенная для совершения ее держателем финансовых операций, если расчеты осуществляются банковской организацией, а у держателя возникает право требования к кредитной организации по оплате товаров, услуг или выдаче наличных средств. По сути, предоплаченная карта – это электронный кошелек, когда клиент, не открывая банковский счет, может осуществлять переводы ЭДС.

Все иные виды карт – бонусные, подарочные и т.п. – под действие указанной нормы не попадали, так как платежной картой не являлись, а их выпуск осуществлялся не кредитными организациями, а, к примеру, магазинами, АЗС и т.д.

Изменение диспозиции ст. 159³ привело к тому, что к указанным картам, как средству совершения преступления добавились ЭСП, понимаемые как вещи материального мира – планшеты, смартфоны и т.д., позволяющие производить расчеты без фактического наличия карты, а также как способ осуществления операций с безналичными денежными средствами. Такой вывод проистекает из определения ЭСП, закрепленного в Законе «О национальной платежной системе».

Средством совершения преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ, являются, как указано в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (*Бюллетень*

Верховного Суда РФ. 2018. № 2), «средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением...».

Следовательно, рассматриваемый признак объективной стороны шире в ст. 159³ УК РФ, нежели в п. «в» ч. 3 ст. 158 и ст. 159⁶ УК РФ.

Особенности определения потерпевшего. Оператором ЭДС может быть как банк, так и небанковская кредитная организация (далее – НКО). При этом НКО должна иметь лицензию Банка России на осуществление таких операций. Исчерпывающий перечень НКО, имеющих право осуществлять электронные денежные переводы, размещен на официальном сайте Банка России.

Обязательным условием осуществления переводов ЭДС является наличие заключенного клиентом договора с банком или НКО и регистрация на сайте оператора. В соответствии с ч. 4 ст. 9 Закона «О национальной платежной системе» оператор обязан уведомлять клиента о совершении каждой операции с использованием ЭСП, а также обеспечить возможность направления ему клиентом уведомления об утрате ЭСП и (или) о его использовании без согласия клиента (ч. 5 ст. 9). Перевод ЭДС кредитной организацией осуществляется незамедлительно после принятия оператором распоряжения плательщика. Исключением является перевод ЭДС с использованием предоплаченной карты, который осуществляется в срок не более трех рабочих дней после принятия оператором распоряжения клиента, если более короткий срок не предусмотрен договором, заключенным оператором ЭДС с клиентом, либо правилами электронной платежной системы (ч. 11 ст. 7). Перевод денежных средств с банковского счета также осуществляется в течение трех дней (ч. 5, 6, 10 ст. 5).

С 26 сентября 2018 г. вступили в силу еще более жесткие требования по переводу ЭДС с использованием ЭСП. Если оператор заподозрит, что перевод ЭДС происходит без ведома клиента, он должен направить ему запрос на подтверждение такой транзакции. Если в течение двух дней от клиента подтверждение не получено, оператор возобновляет транзакцию (ст. 7 указанного Закона).

В случае если в течение того срока, пока денежные средства находятся на корреспондентском счете оператора, от клиента поступит заявление о приостановлении транзакции, а оператор перевод не остановит, то у клиента возникает право требовать от банка или иной НКО возвращения похищенных денежных средств. Соответственно потерпевшей стороной в уголовном деле будет являться опера-

тор. Отсутствие своевременного обращения клиента к оператору освобождает банк или иную НКО от обязанности возмещения вреда. В таком случае потерпевшим будет являться клиент.

Разграничение мошенничества, совершенного с банковского счета или в отношении ЭДС от кражи. Очевидно, что разграничение новых квалифицированных составов ст. 158 и 159⁶ УК РФ должно происходить по способу совершения преступления. Однако в практике не единичны случаи неверного понимания судами способа совершения преступления, предусмотренного диспозицией ч. 1 ст. 159⁶.

Так, как кража были расценены действия Х., которая, работая в Сбербанке, выяснила, что некоторые клиенты после зачисления денежных средств на свои карты выбрасывают чеки в урны, находящиеся при банкоматах. На таких чеках содержится 20-значный номер для разового входа в «Сбербанк Онлайн». Приислав соучастников, которые забирали такие чеки в урнах, Х. получила доступ к квитанциям с паролями для входа в личный кабинет клиента интернет-банка «Сбербанк Онлайн». Пользуясь своим мобильным телефоном, она вошла в интернет-банк «Сбербанк Онлайн», после чего совершила действия, направленные на тайное хищение денежных средств с банковских карт клиентов ПАО «Сбербанк России», переведя часть их денежных средств на свой виртуальный номер в платежном сервисе «Яндекс. Деньги» (*приговор Катав-Ивановского городского суда от 14 сентября 2016 г. Уголовное дело № 1- 77/2016 // [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr1.sudrf.ru>. (Дата обращения: 10.10.2018 г.)*).

Аналогичные действия К., А.К., А.Е. были квалифицированы как мошенничество с использованием компьютерных технологий (ч. 4 ст. 159⁶). К., работая в Сбербанке, располагала сведениями о том, что часть клиентов при совершении банковских операций по личным счетам, получая распечатанные два бумажных чека, содержащие сведения о постоянном пароле, идентификаторе пользователя и 20 одноразовых паролях, необходимых для получения доступа в личный кабинет банковского счета клиента ПАО «Сбербанк России», выбрасывают указанные чеки в мусорные урны. Она предложила А.К. и А.Е. забирать данные чеки из урн, находящихся возле филиалов Сбербанка. На основании сведений из чеков виновные переводили денежные средства клиентов банка на свои виртуальные счета системы «Яндекс. Деньги» (*приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Уде от 13 июля 2017 г. Уголовное*

дело № 1-410/2017 // [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr1.sudrf.ru> (дата обращения: 10.10.2018)).

В отечественной уголовно-правовой доктрине доминирует позиция, согласно которой совершить обман можно только в отношении лица, обладающего сознанием и волей. Однако практика применения нормы о компьютерном мошенничестве пошла несколько иным путем. В случае если хищение средств происходит посредством модификации компьютерной информации, правоприменитель в большинстве случаев такие посяательства оценивает как мошенничество, даже если обмана в отношении владельца имущества не происходило.

Верховный Суд РФ попытался разграничить кражу с использованием возможностей Интернета и компьютерное мошенничество. Так, в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ (п. 20) указано, что вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передаче компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него. В случаях, если виновный совершает хищение, используя учетные записи собственника или иного владельца, такие действия следует квалифицировать как кражу.

Таким образом, Верховный Суд РФ акцентирует внимание не на присутствии или отсутствии адресата обмана – собственника или иного законного владельца имущества, а на факте изменения или не изменения компьютерной информации. При этом высшая судебная инстанция разъясняет, что изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, произошедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться воздействием на программное обеспечение (п. 21).

Момент окончания хищения с банковского счета или ЭДС. Право собственности определяется как триада владения, пользования и распоряжения. Однако законодатель допускает, что хищение может произойти не только посредством нарушения всей триады. Похититель может изъять и обратить, а может изъять или обратить имущество свое пользе. Союз «и (или)» в законодательном определении хищения (примечание 1 ст. 158) дает повод утверж-

дать, что хищение будет окончено уже тогда, когда произошло изъятие без фактического обращения. Поэтому следует поддержать позицию Пленума Верховного Суда РФ указавшего в п. 5 уже неоднократно, что при мошенничестве с ЭДС преступление считается оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или ЭДС, «в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб».

Место совершения хищения с банковского счета или ЭДС. Однако в указанном постановлении оставлен без внимания вопрос о месте совершения преступления, предметом которого являются ЭДС. Одни авторы полагают, местом совершения такого рода преступных посягательств является место совершения действия или бездействия виновного лица. Если же данные действия начаты в одном месте, а закончены в другом, местом совершения преступления будет считаться место их окончания [3, с. 76]. По мнению других авторов, место открытия банковского счета, на который были зачислены похищенные денежные средства, по смыслу ч. 2 ст. 32 УПК РФ следует считать местом окончания совершения хищения безналичных денег [4, с. 4–10]. Оба подхода имеют как плюсы, так и минусы. В первом случае можно говорить о процессуальной экономии: максимальное сокращение сроков, средств, времени, затраченного как на предварительное расследование, так и судебное разбирательство, стеснения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства на предмет их непосредственного участия.

Во втором случае, как указывает Н. Маликова, специфика хищений подобного рода «допускает совершение преступления во время движения (например, при поездке в автомобиле), что существенно затрудняет определение места фактического нахождения виновного лица в момент совершения преступления». Далее автор умозрительно заключает: «...Установление такого места в большей степени подвержено влиянию субъективных факторов, в том числе манипуляциям со

стороны правонарушителя в целях определения наиболее выгодной для него территориальной подследственности и подсудности» [5, с. 3].

Позиция авторов, указывающих на предпочтительность определения места совершения хищения ЭДС по месту совершения действий виновного, представляется более предпочтительной. Уголовно-правовой доктриной определено, что следует понимать под местом преступления, совершаемого в движении (например, в поезде, самолете и т.д.). Применительно к ч. 2 ст. 152 и ч. 2 ст. 32 УПК РФ необходимо сделать вывод, что данные положения закона о начале и окончании преступления относятся к совершаемым действиям (бездействию) виновного, а не к наступившим последствиям, как это имеет место и в случае с мошенничеством при зачислении безналичных денежных средств на банковские счета, которое является результатом его противоправных действий [3, с. 77].

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 152 УПК РФ предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков. В случае невозможности определения места совершения преступления, предварительное расследование необходимо проводить по месту непосредственного обнаружения преступления [6, с. 37]. Такое законодательное требование было предусмотрено в ст. 132 УПК РСФСР. В настоящее время также действует принцип «кто выявил преступление, тот его и расследует» (ч. 5 ст. 151 УПК РФ), получивший в науке наименование альтернативной подследственности. «Она так же, как и персональная подследственность, дезавуирует действие предметной подследственности, являясь по отношению к ней специальной нормой (lex specialis)» [7, с. 37].

В любом случае, учитывая трансграничный характер мошенничества с ЭДС, место совершения преступления должно определяться исходя от целей и задач уголовного судопроизводства.

DIE PROBLEME DER EINSTUFUNG VON QUALIFIKATIONSTATBESTÄNDEN DES BETRUGES IN RUSSLAND

Im Jahre 2012 wurden auf Initiative des Präsidenten der Russischen Föderation, der auch vom Obersten

Gerichtshof der Russischen Föderation unterstützt wurde, in die russische Strafgesetzgebung sechs selbst-

ständige Straftatbeständen des Betruges eingeführt. Ein Grund für die Erweiterung des früher existierenden Straftatbestandes des Betruges, war die Notwendigkeit einer Manipulation der entsprechenden Normen des Strafgesetzes entgegenzuwirken. Zurzeit verankert der russische Strafkodex den sogenannten „einfachen Betrug“ (Art. 159 Abs. 1–4 Strafkodex), den Betrug im Bereich der unternehmerischen Tätigkeit (Art. 159 Abs. 5–7 Strafkodex), den Kreditbetrug (Art. 159¹ Strafkodex), den Betrug beim Erhalt von Leistungen (Art. 159² Strafkodex), den Betrug bei der Verwendung von elektronischen Zahlungsmitteln (Art. 159³ Strafkodex), den Versicherungsbetrug (Art. 159⁵ Strafkodex) und den Betrug im Bereich von Computerinformationen (Art. 159⁵ Strafkodex).

Jedoch hat die Eilbedürftigkeit zur gesetzgeberischen Entscheidung die normative Qualität stark beeinflusst. Im Ergebnis war das genannte Gesetz deshalb einer starken Kritik ausgesetzt. Die einzelnen Normen, welche die Sonderfälle des Betruges betreffen, sollen nicht genügend durchdacht worden sein. Dies hat dazu geführt, dass schon nach zwei Jahren (2014), das Verfassungsgericht der Russischen Föderation, die Norm des Betruges im Bereich der unternehmerischen Tätigkeit in Bezug auf deren Strafraumen, als verfassungswidrig erklärt hat. Nach weiteren zwei Jahren (2016) wurden die wesentlichen gesetzgeberischen Änderungen in die genannten Straftatbestände eingetragen. Ende 2017 hat das Oberste Gericht der Russischen Föderation die Anwendungspraxis für Sonderfälle des Betruges erläutert. Allerdings blieben viele Fragen seitens des Gesetzgebers und des Obersten Gerichts unbeantwortet. Im Ergebnis wenden die Gerichte die genannten Straftatbestände aufgrund der Versuchs- und Irrtums-Methode an, was die rechtsanwendende Praxis nicht sehr viel schöner gestaltet.

Im Frühling 2018 wurden noch kontroversere Änderungen eingetragen. In den Art. 158 Strafkodex (Diebstahl) wurde die Qualifikation des Diebstahls von Bankkonten eingeführt. Außerdem ist bei einem Fehlen der Tatbestandsvoraussetzungen, in Bezug auf elektronische Geldmittel, der Art. 159³ Strafkodex vorgesehen, wobei die Zahlen des großen Ausmaßes von 1,5 Mio. Rubel auf 250.000 Rubel herabgesetzt wurden sowie beim besonders großen Ausmaß – von 6 Mio. Rubel auf 1 Mio. Rubel gemäß Art. 159³ Strafkodex. Weiterhin enthält der Art. 159⁶ Strafkodex Regelungen zum Computerbetrug und der 3. Absatz des Art. 159⁶ Strafkodex eine ergänzende Qualifikation zum Computerbetrug, mittels Begehung von Bankkonten, welche entsprechend der elektronischen Mittel ausgelegt werden sollen.

Die letzten gesetzgeberischen Änderungen des Betrugstatbestandes zielen auf eine stärkere strafrechtliche Verantwortlichkeit, bei einem Diebstahl von

Bankkonten als Geldmittel oder beim Diebstahl von elektronischen Geldmitteln ab. Tatsächlich steigen die Zahlen der kontaktlosen Bankvorgänge jährlich und umfassen mittlerweile etwa 95% aller getätigten Transaktionen. Sodass die Einführung neuer Bankdienstleistungsformen zwangsläufig und fraglos die Kriminalität in diesen Bereichen erhöht. Zudem bieten die neuen High-Tech Formen von Bankdienstleistungen, Hackern eine weitere Möglichkeit die Kunden mithilfe von Viren unerlaubt anzugreifen, auszuspähen und eine Fehlfunktion des Computers zu simulieren. Indessen besteht auch die Möglichkeit der Diebstähle von elektronischen Geldmitteln durch anderweitige Übertragungsmethoden der Kreditinstitute, ohne vorherige Eröffnung eines Bankkontos.

Infolge dieser Gesetzesänderungen wird die Strafverfolgungsbehörde zwangsläufig Schwierigkeiten bei den Qualifikationstatbeständen haben. Zum einen, kann sich ein und dieselbe Handlung gleichzeitig nach mehreren Tatbeständen qualifizieren, wie der Aneignung von elektronischen Geldmitteln, als Bankkonten (Art. 158 Abs. 3 Strafkodex) sowie Betrug bei der Verwendung von elektronischen Zahlungsmitteln (Art. 159³ Strafkodex). Zudem besteht noch die Möglichkeit eines Computerbetrugs, im Zusammenhang mit Bankkonten sowie in Bezug auf elektronische Geldmittel (Art. 159⁶ Abs. 3). Des Weiteren, weisen die genannten Nomen einen Blankett-Charakter auf, dessen Hauptquelle das sich ständig ändernde Gesetz, über das nationale Zahlungssystem, ist.

Wenn wir versuchen die anwendende Praxis dieser Normen zu prognostizieren, würden wir zu folgendem Ergebnis gelangen: Die Art. 158 und 159⁶ Strafkodex, enthalten die gleichen Qualifizierungsmerkmale, der einzige Unterscheid besteht lediglich in der Begehungsweise des Diebstahls. Im ersteren Tatbestand, wird der Diebstahl heimlich begangen. Im letzteren, geschieht dies mittels Eingabe, Löschung, Sperrung und Abwandlung von Computerinformationen oder aufgrund sonstiger Maßnahmen und Eingriffe, in die Speichereinrichtung, die Verarbeitung und Übertragung von Daten oder die Informations- und Telekommunikationsnetzwerke. Diese Eingriffe werden auch unter dem Begriff des „Computerbetruges“ subsumiert. Tatsächlich herrscht nach dem landeseigenen strafrechtlichen Grundsatz die Auffassung, dass eine Täuschung nur gegenüber einer Person möglich ist, welche die Merkmale des Bewusstseins und Willens besitzt, sodass ein Irrtum überhaupt erst hervorgerufen werden kann. Anderes ergibt sich bei der Anwendung des Computerbetruges. Der Gesetzgeber nimmt in den meisten Fällen einer Aneignung von Geldern mittels Änderung von Computerinformationen einen Betrug an, auch wenn keine Täuschung des Eigentümers vorlag.

Der Oberste Gerichtshof der Russischen Föderation hat versucht, den Diebstahl, welcher mithilfe eines Internetnetzwerks begangen wurde, von dem Computerbetrug abzugrenzen. Sodass in dem Entscheid des Plenums vom Obersten Gericht erklärt wurde, dass Eingriffe in die Speichereinrichtung, Verarbeitung und Übertragung von Computerinformationen sowie von Informations- und Telekommunikationsnetzwerken, als gezielte Eingriffe auf die Software gewertet werden sollen, da die Datenspeicherung, -verarbeitung sowie die – Übertragung beeinträchtigt werden und dem Beschuldigten die Möglichkeit bieten, sich illegal an fremden Daten und Besitz zu bemächtigen oder sich ein Recht zu diesen zu verschaffen. Im Falle dessen, dass sich der Täter rechtswidrig etwas aneignet, in dem er fremde Konten verwendet, ist diese Tathandlung als Diebstahl zu qualifizieren. Mit anderen Worten konzentriert sich der Oberste Gerichtshof der Russischen Föderation nicht auf die An- oder Abwesenheit des Betrugsadressaten (den Eigentümer), sondern auf die Tatsache der Änderung oder Nichtänderung von Computerinformationen. Hierbei stellt das Oberste Gericht klar, dass die Datenänderung über den Zustand des Kontos oder den Cashflow, die sich aus der Verwendung der Anmeldeinformationen durch das Opfer ergibt, nicht als Auswirkung auf die Software erfasst werden soll.

Im Falle einer Abgrenzung von Betrug mittels Verwendung von elektronischen Geldmitteln und Betrug mittels Computerinformationen, an Bankkonten, soll der Begrifflichkeit des Gesetzes, über das nationale Zahlungssystem, nicht gefolgt werden. Unter dem Rechtsakt der elektronischen Geldmittel, versteht sich der Weg oder die Art und Weise, die es dem Kunden ermöglicht bargeldlos zu bezahlen oder über sein Konto zu verfügen, beispielsweise mittels Kartenzahlung. Die elektronischen Zahlungsmittel können materielle Dinge, wie Bankkarten oder mobile Geräte sein sowie Banküberweisungen, von dem jeweiligen Kreditinstitut (Bsp.: Kundenbank, Jandex.Money, WebMoney, etc.).

Unter dem Begriff der elektronischen Geldmittel sollten lediglich solche Geldmittel verstanden werden, welche zuvor von einer natürlichen oder juristischen Person dem Bankinstitut bereitgestellt worden sind, um möglichen Verpflichtungen nachzukommen, ohne ausschließlich ein Bankkonto für elektronische

Zahlungen zu eröffnen (Kapitel 18 des Gesetzes über das nationale Zahlungssystem). Die elektronischen Geldmittel stellen im Wesentlichen ein Äquivalent zu echtem Geld dar. Das elektronische Geld kann in echte Rubel umgewandelt werden, indem es aus dem elektronischen Zahlungssystem abgezogen wird.

Allerdings können die elektronischen Geldmittel nur über die jeweiligen elektronischen Zahlungsmittel übertragen werden. Betreiber, kann sowohl eine Bank, als auch eine Krediteinrichtung sein. Letztere sollte eine Lizenz der russischen Zentralbank haben, um solche Transaktionen durchführen zu können. Die Voraussetzung für eine solche Lizenz, ist eine getroffene Vereinbarung mit der Bank oder die Registrierung auf der Website des Betreibers.

Demgemäß besteht eine Qualifikation gemäß Art. 159³ Strafkodex, wenn der Täter betrügerisch in den Besitz einer Bankkarte (Debit-, Kredit-, oder Prepaidkarte) kommt und diese in einem Geschäft, Kredit- oder anderem Institut verwendet oder diese zunächst Verfälscht, um diese anschließend zum Bezahlen zu gebrauchen. Wird eine gefälschte Karte verwendet, so ist die benachteiligte Partei die, bei der die entsprechende Zahlung vorgenommen wurde. Demnach besteht eine qualifizierte Tathandlung, sobald der Täter die Karte mit einem elektronischen Zahlungssystem in Verbindung bringt, wodurch eine Überweisung veranlasst und beim Opfer eine Täuschung hervorgerufen wird. Ein Qualifikationstatbestand ist ebenfalls erfüllt, wenn der Täter durch Betrug, die Kontonummern und Geheimzahlen für die elektronischen Zahlungssysteme erlangt, um anschließend Zahlungen auf andere Konten zu veranlassen.

Gemäß Art. 159⁶ Abs. 3 Strafkodex ist ein weiterer Qualifikationstatbestand erfüllt, wenn der Täter mittels Eingabe, Löschung, Sperrung oder Abwandlung von Computerinformationen, dem Eigentümer die Möglichkeit der Verwendung und Verfügung entzieht.

Der Deutsche Strafgesetzbuch enthält ebenfalls Regelungen zum Computerbetrug (§ 263a), Betrug, Subventionsbetrug (§ 264), Kapitalanlagebetrug (§ 264a), Versicherungsmissbrauch (§ 265), Erschleichen von Leistungen (§ 265a) und Kreditbetrug (§ 265b). Demnach ist es sehr interessant, die Meinung der Kollegen über die Qualifizierung dieser Tatbestände zu hören.

Литература

1. Варпаева И.А. Электронные корпоративные средства платежа как современные формы безналичных расчетов автономных учреждений // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2016. № 7. С. 2–8.
2. Сунчалиева Л.Э. Мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 187 с.

3. Павлюченко Ю.В. Место совершения преступления и момент его окончания по делам о мошенничестве в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2018. № 2. С. 69–78.
4. Архипов А.В. Проблемы определения места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2016. № 3. С. 4–10.
5. Маликова Н. ВС РФ о мошенничестве и растрате // ЭЖ-Юрист. 2017. № 49. С. 3–6.
6. Тимошенко Ю.А. Место совершения преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Законность. 2015. № 7. С. 37–39.
7. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1280 с.

References

1. Varpava I.A. Elektronnye korporativnye sredstva platezha kak sovremennye formy beznalichnyh raschetov avtonomnyh uchrezhdenij [Electronic corporate means of payment as modern forms of non-cash payments of Autonomous institutions] Buhgalterskij uchet v byudzhetyh i nekommercheskih organizacijah [Accounting in budget and non-profit organizations], 2016, no. 7, pp. 2–8. (In Russian)
2. Sunchaliev L.Eh. Moshennichestvo (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekt) [Fraud (criminal law and criminological aspect)]: diss. ...kand. jurid. nauk Stavropol', 2004. 187 p. (In Russian)
3. Pavlyuchenko Yu.V. Mesto soversheniya prestupleniya i moment ego okonchaniya po delam o moshennichestve v otnoshenii beznalichnyh denezhnyh sredstv [The place of Commission of the crime and the time of its completion in cases of fraud in respect of non-cash funds]. Ugolovnoe pravo [Criminal law], 2018, no. 2, pp. 69–78. (In Russian; abstract in English)
4. Arhipov A.V. Problemy opredeleniya mesta soversheniya moshennichestva v otnoshenii beznalichnyh denezhnyh sredstv [Problems of determining the place of fraud in respect of non-cash funds]. Ugolovnoe pravo [Criminal law], 2016, no. 3, pp. 4–10. (In Russian; abstract in English)
5. Malikova N. VS RF o moshennichestve i rastrate [The Supreme court of Russia on fraud and embezzlement]. EHZH-Yurist [Electronic Journal Lawyer], 2017, no. 49, pp 3–6. (In Russian; abstract in English)
6. Timoshenko Yu.A. Mesto soversheniya prestupleniya: ugolovno-pravovoj i processual'nyj aspekty [The scene of the crime: criminal-legal and procedural aspects]. Zakonnost' [Legality], 2015, no. 7, pp. 37–39. (In Russian; abstract in English)
7. Arutjunjan A.A., Brusnicyn L.V., Vasil'ev O.L. and others. Kurs ugolovnogo processa [The Course of Criminal Process Law] Ed. L.V. Golovko. Moscow: Statut Publ., 2016. 1280 p. (In Russian).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СМЯГЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Шидловский Андрей Викторович

Цель: раскрыть правовую природу нового в белорусском законодательстве института досудебного соглашения подозреваемого (обвиняемого) о сотрудничестве и его стимулирующее значение в части смягчения наказания и заглаживания вины.

Методология: диалектика, анализ, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Досудебное соглашение о сотрудничестве по своей правовой природе имеет ряд общих позиций с распространенной в мире законодательной и правоприменительной практикой сделок о признании вины. Заключение указанного соглашения о сотрудничестве в соответствии с белорусским уголовным законодательством возможно при совершении преступления любой категории и независимо от видов и пределов наказаний в санкции статьи Особенной части уголовного закона.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь является межотраслевым, поскольку регламентируется нормами УК и УПК Беларуси. По своей социально-правовой природе данный институт является компромиссным (основное его предназначение – обеспечение достижения целей уголовной ответственности и ее неотвратимости, заглаживание вреда, причиненного преступлением) и поощрительным (его главные правовые инструменты – поощрение и стимулирование позитивного посткриминального поведения виновного лица посредством смягчения максимального порога самого сурового основного наказания, установленного в санкции статьи Особенной части УК Беларуси).

Научная и практическая значимость. Автором проведен сравнительно-правовой анализ зарубежных аналогов института досудебного соглашения о сотрудничестве. Обобщаются позитивные стороны и наиболее эффективные законодательные подходы к смягчению наказания в случае выполнения лицом обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве в различных правовых семьях.

Ключевые слова: наказание, лишение свободы, досудебное соглашение о сотрудничестве, признание вины, стимулирование, смягчение.

Особенности института досудебного соглашения о сотрудничестве и его стимулирующее значение в законодательстве Республики Беларусь. В УК Республики Беларусь 1999 г. впервые введены правила назначения наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, внедряемый в национальную правоприменительную практику, направлен на мотивацию подозреваемых (обвиняемых) к более активному

взаимодействию с органами предварительного следствия в обмен на определенные послабления при назначении наказания в зависимости от категории и характера совершенного преступления, роли в нем виновного лица и вида рецидива [1, с. 231].

Специальные правила смягчения наказания при выполнении лицом, совершившим преступление, обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве предусмотрен в ч. 3 ст. 65,

ч. 4 ст. 66 и ст. 69¹ УК Беларуси. Исследованию новых законоположений автором этих строк уделялось внимание в специальных публикациях, в которых были затронуты ключевые аспекты этого правового феномена [1, с. 231–234; 2, с. 37–40].

Необходимо заметить, что название ст. 69¹ «Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве», на наш взгляд, требует уточнения. Основанием для смягчения наказания является фактическое выполнение подозреваемым (обвиняемым) обязательств, предусмотренных в соглашении о сотрудничестве, а не юридический факт заключения им такого соглашения. Поэтому правильнее было бы говорить о назначении наказания при выполнении обязательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве – это, прежде всего, уголовно-процессуальное явление, которое имеет под собой историю весьма разносторонней зарубежной практики и достаточно обширный массив литературных источников, что избавляет нас от необходимости изучения частных нюансов процедуры заключения такого соглашения. В контексте настоящей статьи мы остановимся на исследовании некоторых не менее важных в этой связи правовых аспектах, позволяющих объяснить актуальные вопросы применения специальных правил смягчения наказания.

Процессуальный смысл досудебного соглашения о сотрудничестве состоит в том, что ходатайство о его заключении подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить после возбуждения уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного расследования (ч. 5 ст. 468⁶ УПК Республики Беларусь). Досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено с лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, а также по уголовным делам ускоренного производства и в случае, если содействие подозреваемого (обвиняемого) заключается в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности (ч. 2 и ч. 3 ст. 468⁶).

В ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления, указывает действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также дей-

ствия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Подозреваемый (обвиняемый) также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших (ч. 4 ст. 468⁶).

В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное преследование подозреваемого (обвиняемого), при условии признания им своей вины и выполнения взятых на себя обязательств завершается констатацией судом виновности лица в совершении преступления и назначением ему наказания, т.е. обвинительным приговором. При этом не предполагается освобождение ни от уголовной ответственности, ни от наказания. Исходя из подхода белорусского законодателя, выполнение подозреваемым (обвиняемым) позитивных действий в рамках такого рода соглашения в материально-правовом смысле стимулируется только смягчением наказания.

Смягчение наказания в случае выполнения лицом обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве заключается в следующем. В ч. 1 ст. 69¹ УК Беларуси установлены ограничения максимального срока или размера наказания наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Кодекса: он не может превышать его половины, а при совершении лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, – 2/3.

Как показывает анализ этой нормы уголовного закона, правила смягчения наказания касаются только основного вида наказания. Ограничение максимального порога наказания закон связывает с наиболее строгим его основным видом, предусмотренным соответствующей статьей Особенной части УК Беларуси. В подавляющем большинстве санкций Кодекса в качестве такого вида наказания выступает лишение свободы. Очевидно, что указанные положения ориентированы прежде всего на сокращение максимальных сроков лишения свободы.

В ч. 2 ст. 69¹ законодатель предусмотрел исключение из указанных правил. Оно касается лица, совершившего преступление, за которое предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь. В этом случае при выполнении им обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве смертная казнь не применяется. Такому лицу может быть назначено наказание

в виде пожизненного заключения или лишения свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК Беларуси.

Интересно, что аналогичное исключение, зафиксированное в ч. 4 ст. 62 УК РФ, отражает весьма лояльную позицию законодателя, а именно: в этом случае пожизненное лишение свободы или смертная казнь не применяются, срок или размер наказания при этом не могут превышать $2/3$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части уголовного закона.

Очевидно, что формальное ограничение максимального срока или размера основного наказания неприменимо к пожизненному заключению, исходя из его правовой природы. Представляется, что при выполнении обязательств досудебного соглашения лицом, совершившим преступление, за которое предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь, в законе следует закрепить возможность замены пожизненного заключения на лишение свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части уголовного закона. Несомненно, это повысит стимулирующее значение рассматриваемой законодательной новации.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь закреплены особенности в правилах назначения наказания при опасном и особо опасном рецидиве преступлений, а также организатору (руководителю) организованной группы. Так, при выполнении виновным обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, лишение свободы за опасный рецидив или особо опасный рецидив назначается без учета ограничений, установленных ч. 2 ст. 65 УК Беларуси, т. е. повышающих минимальный срок наказания до половины при опасном рецидиве и до $2/3$ при особо опасном рецидиве от максимального его срока. В этом же случае закон отменяет и ограничение минимального срока наказания, закрепленное в ч. 2 ст. 66 УК (не менее $3/4$ срока наиболее строгого вида наказания, установленно-го за соответствующее преступление), для организатора (руководителя) организованной группы (ч. 4 ст. 66).

Необходимо отметить, что правила ст. 69¹ УК Беларуси применяются независимо от наличия или отсутствия отягчающих обстоятельств и в этом плане являются более мягкими в сравнении с позицией российского законодателя. Так, согласно ч. 2 ст. 62 УК РФ наличие отягчающих обстоятельств в случае заключения досудебного

соглашения о сотрудничестве исключает применение смягчающих правил.

Для применения специальных норм, смягчающих наказание в рассматриваемом случае, в соответствии с белорусским уголовным законом не имеют правового значения данные, характеризующие обвиняемого (отрицательная характеристика по месту работы, службы, учебы или жительства и т.д.; наличие или отсутствие судимости; подвергался ли ранее уголовному преследованию или нет; страдает ли наркоманией или алкоголизмом; имеет ли постоянное место жительства и работы или нет и т.д.). Однако следует помнить, что согласно требованиям ст. 62 смягчающие и отягчающие обстоятельства, данные о личности виновного в обязательном порядке учитываются судом при индивидуализации наказания, но в диапазонах смягчения его пределов, установленных ч. 3 ст. 65, ч. 4 ст. 66 и ст. 69¹ УК Беларуси.

По нашему мнению, в случае невыполнения лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, взятых на себя обязательств либо сокрытия от следователя или прокурора каких-либо существенных обстоятельств совершения преступления либо сообщения заведомо ложных сведений о содеянном наказании должно назначаться в общем порядке без применения специальных правил смягчения наказания, предусмотренных в ст. 69¹ УК Беларуси. Норма с подобным по смыслу содержанием закреплена, например, в ст. 63¹ УК РФ.

Конкуренция нормы о назначении наказания в случае выполнения обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве с иными положениями белорусского УК Беларуси. Соблюдение подозреваемым (обвиняемым) требований, установленных уголовно-процессуальным законом и составляющих предмет досудебного соглашения о сотрудничестве, является основанием для освобождения лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных в гл. 12 УК Беларуси. Очевидно, что нормы о назначении наказания при выполнении обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве конкурируют с положениями института освобождения от уголовной ответственности. Зададимся вопросом: зачем обвиняемому заранее просить заключить с ним соглашение о сотрудничестве, которое предполагает только смягчение наказания в обвинительном приговоре суда, если можно до судебного разбирательства, выполнив те же требования на стадии предварительного расследования либо еще ранее, после совершения преступления, быть освобожденным от уголовной ответственности?

Соотношение института досудебного соглашения о сотрудничестве и института освобождения от уголовной ответственности законодатель не регламентирует. Полагаем, что эти институты могут применяться в сочетании. Если обвиняемым оказано необходимое содействие следствию и одновременно имеются основания для освобождения от уголовной ответственности, то ему следует инициировать вопрос о своем освобождении перед следователем и прокурором. При положительном решении соглашение о сотрудничестве автоматически утрачивает свое значение (уголовное дело прекращается), а при отрицательном — правовые последствия, обусловленные соглашением о сотрудничестве, остаются в силе (наказание смягчается).

Законоположения о досудебном соглашении о сотрудничестве переплетаются с рядом смежных стимулирующих уголовно-правовых норм, а именно: с основаниями и условиями освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК Беларуси), в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем (ст. 88¹), а также в случаях, предусмотренных в примечаниях к статьям Особенной части уголовного закона.

Содержащиеся в УК Беларуси перечни условий, стимулирующих посткриминальное позитивное поведение, имеют существенное сходство. Однако заметим, что освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в ст. 88 и 88¹, является правом уполномоченных государством органов и должностных лиц. Прекращение же уголовного преследования в отношении подозреваемых или обвиняемых при соблюдении этих условий, является обязанностью органов предварительного расследования независимо от фактического раскаяния и выполнения предполагаемых досудебным соглашением обязательств. Например, освобождается от уголовной ответственности: лицо, добровольно или по требованию власти освободившее заложника (ст. 291 УК Беларуси); лицо, добровольно прекратившее участие в организации, созданной для осуществления террористической деятельности (ст. 290⁴); лицо, давшее взятку, если в отношении его имело место вымогательство взятки либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном (примечание к ст. 431).

При наличии условий, указанных в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК Беларуси, досудебное соглашение о сотрудничестве, по нашему мнению, не должно за-

ключаться в связи с необходимостью принятия решения о прекращении уголовного преследования. При установлении оснований и условий, предусмотренных в ст. 88, 88¹, целесообразность заключения такого рода соглашения также отпадает автоматически.

Зарубежный законодательный и правоприменительный опыт. В уголовно-правовой сфере, в уголовном судопроизводстве, ряда зарубежных государств, весьма распространена практика сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) с правоохранительными органами по уголовным делам. Досудебное соглашение о сотрудничестве в разных странах именуется по-разному: «делка с правосудием», «делка с судом», «делка о признании вины», «соглашение о признании вины», «делка о согласии с обвинением», «соглашение о наказании», «уголовно-процессуальное соглашение», «делка о доказательствах» и т. п.

В государствах англосаксонской правовой системы институт сделки о признании вины применяется с начала XIX в. В механизме уголовной юстиции США сделки (соглашения) о признании вины занимают доминирующие позиции. По некоторым данным, процент уголовных дел, по которым заключаются сделки с правосудием, в этой стране остается неизменно высоким (в пределах 80–90 %) [3, с. 282]. В отдельных источниках приводятся еще более внушительные цифры о ежегодном разрешении уголовных дел в США посредством указанной процедуры — более 90% [4, с. 13–15]. Дело в том, что соглашение о признании вины, по существу, выражает отказ обвиняемого от права на суд присяжных, которое гарантировано Конституцией США, и заменяет вердикт присяжных о виновности. Такое соглашение автоматически устраняет все споры между обвинителем и защитой по вопросу вины обвиняемого.

Следует отметить, что существуют разные виды сделок о признании вины. Так, в уголовном процессе США практикуется *plea-bargaining* (плибарген) — «обвиняемый через своего адвоката договаривается с прокурором о приемлемых для обеих сторон условиях приговора, который они потом представляют на утверждение судьи. В этом случае подсудимый добровольно признает себя виновным, но только в меньшем преступлении, чем то, в котором его обвиняют, в обмен на более легкое наказание» [5, с. 45–48].

Заявление обвиняемого о нежелании оспаривать предъявленное обвинение кладется в основу так называемого «индикативного приговора» [6, с. 131]. Вынесение этого приговора опирается

на достигнутые предварительно договоренности о виде и (или) о сроке наказания. По результатам переговоров с участием судьи определяется наиболее адекватная для обвиняемого мера наказания в случае признания им своей вины.

Не менее распространенной разновидностью сделки о признании вины являются целерантные сделки (от лат. *celerantes* — «быстрый, стремительный»), т.е. сделки об упрощении процедуры судопроизводства: объектом исследования здесь является не сама виновность, а формальное согласие обвиняемого с обвинительным заключением [7, с. 467]. Такой вариант сделок характерен в большей мере для европейских государств, например, Италии, Испании, Португалии, ФРГ. Признание вины здесь не всегда является условием заключения сделки, достаточно согласия лица с обвинением. В обмен на эти действия законом предусмотрено ограничение меры наказания (в Испании — не более шести лет лишения свободы) либо определенная скидка (в Италии — снижение срока лишения свободы на 1/3) [5, с. 45–48; 7, с. 468].

В рамках процедуры *confornidad* (соглашение о наказании) в уголовном процессе Испании обвинение направляет в суд ходатайство о назначении наказания сроком до шести лет, который, не проводя судебного заседания, выносит приговор, которым утверждает меру наказания, согласованную сторонами [8, с. 189–190]. Похожая процедура в УПК Португалии именуется «*sumarissimo*» и применяется только по делам о преступлениях, предусматривающих наказание не свыше шести месяцев тюремного заключения (ст. 392) [8, с. 190–191].

Итальянский вариант «соглашения о наказании» (*patteggiamento*) практикуется по делам об уголовных проступках и правонарушениях, предполагая достижение согласия между обвинением и защитой о назначении обвиняемому наказания в виде штрафа или тюремного заключения сроком до двух лет [8, с. 193–195].

Уголовно-процессуальное соглашение (*Absprachen in Strafverfahren*) немецкая доктрина признает феноменом исключительно правоприменительной практики. Речь идет, в частности, о том, что «обвиняемый соглашается признать свою вину при условии отказа прокурора от обвинения по преступлениям, связанным с «основным» преступлением (при наличии их совокупности). Другая ситуация: по соглашению между сторонами защита не заявляет ходатайств об истребовании новых доказательств *in favorem*, если она уверена, что наказание не будет строже того,

о котором существует договоренность с обвинением» [8, с. 196–199].

В ограниченной форме сделки с правосудием практикуются в Польше, а именно, в случаях преступлений, наказуемых тюремным заключением на срок не более трех лет. Процедура называется «добровольное подчинение наказанию» и позволяет суду принять согласованное постановление без проверки доказательств, что значительно сокращает сроки судебного разбирательства. При этом одновременно должны быть соблюдены следующие условия: а) подзащитный признает вину, и защитник предлагает наказание, — обвинитель соглашается; б) соглашается потерпевший; в) соглашается суд (*Сделка с правосудием (западный опыт)* // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakonia.ru/analytics/77/28>. (Дата обращения: 03.07.2018)). Однако суд может не согласиться с условиями заключенной сделки (даже если подзащитный, потерпевший и обвинитель уже договорились), предложив свои уточнения. Если подзащитный соглашается с позицией суда и меняет предложенное наказание, то в этом случае суд одобряет сделку и выносит вердикт согласно договоренности [9].

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве признан и в различных правовых модификациях внедрен в системы уголовного правосудия государств ближнего зарубежья: Грузии, Казахстана, Молдовы, России, Украины, прибалтийских государств. Например, по содержанию ст. 471 и ст. 472 УПК Украины, как отмечает А. Толочко, определяющим при заключении сделки о признании вины для обеих сторон является достижение договоренностей относительно: 1) наказания (его вида и размера); 2) назначения согласованного наказания для его отбывания или назначения наказания с освобождением от его отбывания с испытанием; 3) согласования с ограничением процессуальных прав относительно обжалования приговора на основании сделки; 4) согласия относительно последствий невыполнения сделки как стимулирующего фактора для обеспечения ее выполнения [9, с. 167].

В УК Республики Казахстан 2014 г. новшеством являются поощрительные нормы (о назначении наказания и об освобождении от уголовной ответственности) в случае заключения процессуального соглашения (ст. 55, 67 УК) (*Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V* // [Электронный ресурс]. 2018. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=54;-4&sub_id2=530000&sel_link=1004096021. (Дата обращения: 03.07.2018)).

В ст. 612 УПК Республики Казахстан 2014 г. предусмотрены две формы такого соглашения: 1) сделки о признании вины – по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям – в случае согласия подозреваемого, обвиняемого с подозрением (обвинением); 2) соглашения о сотрудничестве – по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений (*Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852. (Дата обращения: 03.07.2018))*).

Таким образом, досудебное соглашение о сотрудничестве в зарубежном уголовном праве и уголовном процессе выражается, как правило, в заключении сделок: 1) о признании вины в обмен на смягчение обвинения или на снижение наказания, либо на смягчение обвинения и снижение наказания; 2) о сотрудничестве со следствием, в рамках которого лицо не может преследоваться за содеянное либо в рамках соглашения о признании вины.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: законодательная регламентация и практика применения института досудебного соглашения о сотрудничестве везде и всегда сопровождается вопросами относительно содержания обязательств, выдвигаемых перед подозреваемым (обвиняемым), и тех условий, которые должны соблюдать сторонами этих отношений. Во многих государствах ключевым моментом заключения досудебных соглашений (сделок) о сотрудничестве является включение в них в качестве обязательных условий возмещение вреда потерпевшему и учет его мнения относительно наказуемости виновного.

В Республике Беларусь вопрос о выражении потерпевшим своего мнения относительно возможности заключения такого соглашения не урегулирован. Полагаем, что потерпевший вправе высказать свою точку зрения по включаемым в соглашение условиям, которые особенно затрагивают или могут затронуть его права и законные интересы. Однако учитывая публичный характер конфликтных уголовно-правовых отношений, окончательное решение о целесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве должно приниматься государством в лице уполномоченных на то должностных лиц. Позиция потерпевшего принимается во внимание судом при определении виновному меры нака-

зания. По делам частного обвинения мнение потерпевшего является обязательным критерием, составляющим содержание принципа индивидуализации наказания, которым должен руководствоваться суд в соответствии с требованиями ст. 62 УК Беларуси.

Ключевыми позициями досудебного соглашения о сотрудничестве, в которых выражается сущность норм, стимулирующих право послушание, являются: 1) признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины в совершении преступления; 2) позитивные действия, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно при совершении преступления любой категории и независимо от видов и пределов наказаний, предусмотренных за него в санкции статьи Особенной части уголовного закона.

Основанием смягчения наказания может быть только фактическое выполнение подозреваемым (обвиняемым) обязательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве.

Смягчение наказания с применением ст. 69¹ УК Беларуси возможно как за единичное преступление, так и при наличии совокупности преступлений, причем в различной их комбинации. Здесь оно не обременено наличием отягчающих обстоятельств. Для применения специальных норм, смягчающих наказание в рассматриваемом нами случае, согласно положениям УК Беларуси, никакого правового значения не имеют данные, негативно характеризующие обвиняемого. Кроме того, напомним, что смягчающие и отягчающие обстоятельства, данные о личности виновного в обязательном порядке учитываются судом при индивидуализации наказания в соответствии с требованиями ст. 62 УК, но в диапазонах смягчения его пределов, установленных ч. 3 ст. 65, ч. 4 ст. 66 и ст. 69¹ УК.

Обсуждаемые новшества в правилах смягчения наказания как конкурируют, так и сочетаются с иными специальными нормами о назначении наказания (ст. 65, 66, 67, 69, 70, 71 УК Беларуси), в том числе и с привилегированными положениями разд. V «Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет» уголовного закона.

Закон не исключает смягчения наказания согласно содержанию новой стимулирующей нормы в сочетании с требованиями при осуждении с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК Беларуси) и с условным неприменением наказания (ст. 78).

Подводя итог, отметим, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве Республики Беларусь является межотраслевым, поскольку регламентируется нормами УК и УПК; а по своей социально-правовой природе —

компромиссным (основное его предназначение — обеспечение достижения целей уголовной ответственности и ее неотвратимости, заглаживание вреда, причиненного преступлением, возмещение вреда потерпевшему и т.п.) и поощрительным (главные его правовые инструменты — поощрение и стимулирование позитивного посткриминального поведения виновного посредством смягчения максимального порога самого сурового основного наказания, установленного в санкции статьи Особенной части УК).

GESETZGEBENDE PRAXIS DER MILDERUNG DER STRAFE BEIM ABKOMMEN ÜBER DIE MITARBEIT (VERGLEICHENDE ASPEKTE)

Im Jahre 1999 wurden erstmals Regelungen, bezüglich einer vorgerichtlichen Einigung und Zusammenarbeit mit dem Angeklagten, in das belarussische Strafgesetzbuch eingeführt.

Zu Anfang eine Bemerkung. Titel und Inhalt des Art. 1–69 StGB Belarus, ist die Zweckbestimmung der Bestrafung, im Falle einer vorgerichtlichen Einigung und einer Zusammenarbeit, was bedeutet, dass die tatsächliche Leistung des Beschuldigten, welcher durch die Einigung zu einer Zusammenarbeit zugestimmt wurde, erfüllt werden muss, damit diese die Grundlage für eine Strafmilderung bilden kann. Die rechtliche Tatsache allein, dass eine solche Vereinbarung getroffen wurde, ist nicht ausreichend. Deshalb wird im Weiteren davon ausgegangen, dass die Verpflichtungen an eine vorgerichtliche Vereinbarung und die Zusammenarbeit erfüllt sind. Die wesentlichen Aspekte und die neuen Rechtsvorschriften, dieses rechtlichen Phänomens wurden auch aus den jeweiligen Sonderveröffentlichungen berücksichtigt.

Die Bedeutung der vorgerichtlichen Einigung über die Zusammenarbeit besteht darin, dass der Beschuldigte (Angeklagte) die Schuld anerkennt und seine Verpflichtungen erfüllt. In dem Falle endet die Strafverfolgung mit der gerichtlichen Verkündung der Schuld, für die Begehung der Straftat und die Verhängung einer Bestrafung durch das Urteil. Hier wird weder von der strafrechtlichen Verantwortung abgesehen, noch von einer Straffreiheit ausgegangen. Ausgehend vom belarussischen gesetzgeberischen Ansatz, hat die Erfüllung der, im Rahmen der Vereinbarung getroffenen Handlungen durch den Beschuldigten (Angeklagten) lediglich eine strafmildernde Wirkung.

Die Strafmilderung, im Falle, dass die Verpflichtungen aus der vorgerichtlichen Einigung vom Beschul-

digten erfüllt werden, sieht wie folgt aus: Im ersten Absatz der Art. 1-69 StGB Belarus, befinden sich die Beschränkungen für die maximale Dauer bzw. Höhe der Strafe für den schwersten Fall des Grundtatbestandes. In den Artikeln des besonderen Teils des StGB wird vorgesehen, dass die Hälfte der Strafe und im Falle der Begehung einer besonders schweren Straftat, welche die Verletzung des Lebens oder der Gesundheit einer anderen Person beinhaltet, zwei Drittel der Strafe nicht überschreiten darf. Die Untersuchung der Strafrechtsnormen hat ergeben, dass die Strafmilderungsbestimmungen nur für die Hauptstrafe gelten, zusätzliche Strafen werden dabei nicht berücksichtigt.

Im zweiten Absatz der Art. 1-69 StGB Belarus, hat der Gesetzgeber eine Ausnahme für die Anwendung dieser Regeln bestimmt. Diese Ausnahme bezieht sich auf Person, die eine solche Straftat begangen haben, für welche das Strafgesetz eine lebenslange Freiheitsstrafe oder Todesstrafe vorsieht. Wird der Verpflichtung einer vorgerichtlichen Einigung in einem solchen Fall nachgegangen, wird von der Todesstrafe abgesehen. Eine solche Person, kann stattdessen zu lebenslanger Haft oder Freiheitsstrafe, im Rahmen des entsprechenden Artikels des besonderen Teils des StGB, verurteilt werden.

Die formelle Beschränkung der maximalen Dauer der Grundstrafe bzw. der Höchststrafe ist offensichtlich nicht anwendbar auf die lebenslange Freiheitsstrafe, wenn man von der Rechtsnatur dieser Strafe ausgeht. Erfüllt der Täter einer Straftat, für die das Gesetz eine lebenslange Freiheitsstrafe oder eine Todesstrafe vorhersieht, die Verpflichtungen, die mit einer vorgerichtlichen Einigung einhergehen, so soll nach dem Gesetz die Möglichkeit bestehen, diese Art der Bestrafung durch eine Freiheitsstrafe im Rahmen

des jeweiligen Artikels des besonderen Teils des StGB zu ersetzen.

Es ist zu beachten, dass die Regelungen der Art. 1–69 StGB Belarus unabhängig vom Vorliegen oder Fehlen erschwerender Umstände angewendet werden und in dieser Hinsicht milder sind als die Regelungen des russischen Gesetzgebers. Nach dem zweiten Absatz des Art. 62 StGB RU von 1996, schließt das Vorliegen, von erschwerenden Umständen im Falle einer vorgerichtlichen Einigung, die Strafmilderung aus.

Die strafrechtliche Kultur, das Strafrecht sowie die Rechtsprechung haben in einer Vielzahl von Staaten, eine verbreitete Praxis über die Zusammenarbeit der Beschuldigten mit den Strafverfolgungsbehörden. Die vorgerichtliche Einigung über eine Zusammenarbeit wird weltweit sehr unterschiedlich bezeichnet: Abmachung mit der Rechtspflege, Abmachung mit dem Gericht, Abmachung über die Anerkennung der Schuld, Einverständnis über die Schuldanerkennung, Abmachung über die Einigung mit dem Beschuldigten, Einverständnis über die Bestrafung, Strafprozessvereinbarung, Abmachung über ein Beweisverfahren, etc.

Zum Vergleich ist festzustellen, dass es weltweit verschiedene Arten gibt Vereinbarungen über die Schuldanerkennung zu treffen. Im amerikanischen Strafverfahren gibt es dazu ein klassisches Beispiel, nämlich das „plea bargaining“, welches darin besteht, dass sich der Beschuldigte durch seinen Anwalt, mit dem Staatsanwalt über beidseitig hinnehmbare Bedingungen einigt, welche dann dem Richter zur Bewilligung vorgelegt werden. In diesem Fall bekennt sich der Angeklagte freiwillig zu seiner Schuld für ein geringeres Verbrechen im Austausch für seine Strafmilderung.

Eine weitere sehr verbreitete Abwandlung der Einigung über die Schuldanerkennung ist die Vereinbarung zur Vereinfachung des Verfahrens, wobei der Gegenstand der Untersuchung nicht die Schuld selbst ist, sondern die förmliche Zustimmung des Beschuldigten zur Anklage [4, c. 467]. Diese Art der Vereinbarung ist vor allem für europäische Länder, wie Italien, Spanien, Portugal und Deutschland charakteristisch.

Die Absprachen in Strafverfahren werden von der deutschen Strafrechtslehre grundsätzlich in der strafrechtlichen Praxis anerkannt. Es handelt sich beispielsweise darum, dass sich der Beschuldigte seiner Schuld anerkennt, wenn der Staatsanwalt auf die Beschuldigung wegen dem Hauptverbrechen verzich-

tet. Eine andere Situation ist, dass die Verteidigung der Parteien keine Anträge stellt, um neue Beweise zu belegen, wenn sie sich sicher ist, dass die Strafe nicht schwerer ausfällt, als die, die in der Vereinbarung mit dem Angeklagten getroffen wurde [5, c. 196–199].

Das Institut der vorgerichtlichen Einigung über die Zusammenarbeit, wird in den Strafrechtssystemen vieler Länder, mit den jeweiligen Modifikationen festgelegt, wie in Georgien, Kasachstan, Moldawien, Russland, Ukraine und den baltischen Staaten.

Somit werden die vorgerichtlichen Einigungen im ausländischen Strafrecht und Strafprozess mit dem Abschluss einer Vereinbarung ausgedrückt wie folgt:

über die Schuldanerkennung im Austausch für eine Strafmilderung oder im Gegenzug für die Milderung der Anklage;

über die Zusammenarbeit in der Untersuchung, für welche die Person nicht strafrechtlich verfolgt werden darf oder sich seiner Schuldanerkent.

Das Dargelegte erlaubt uns Schlussfolgerungen zu ziehen, die für unser richtiges Verständnis und die Anwendung spezieller Regeln über die Strafmilderung, im Falle der Erfüllung der Verpflichtungen aus der vorgerichtlichen Einigung, wichtig sind (Art.1–69 StGB Belarus).

Die Kernpunkte, der vorgerichtlichen Einigung über die Zusammenarbeit, sind: a) Die Schuldanerkennung des Beschuldigten (Angeklagten) bei Begehung der Tat; b) Das Positive Handeln des Beschuldigten (Angeklagten), zu welchem er sich durch die Zusammenarbeit verpflichtet hat, wie Hilfe bei der Untersuchung, Enthüllung und Überführung möglicher Mittäter, Fahndung nach den Vermögensgegenständen,

welche sich durch die Tat verschafft wurden sowie die Schadenswidergutmachung, durch Zahlung der Ertragsgewinne, welche durch die Straftaten erworben wurden und anderen Maßnahmen zur Beseitigung des Schadens, welcher durch die Straftat verursacht wurde.

Die Grundlage der Strafmilderung, kann nur die tatsächliche Erfüllung der Verpflichtung sein, welche sich für den Beschuldigten (Angeklagten) aus der vorgerichtlichen Einigung über die Zusammenarbeit ergeben.

Der Abschluss einer vorgerichtlichen Einigung über eine Zusammenarbeit ist bei Begehung einer Straftat jeder Kategorie möglich und unabhängig von der Art und Grenze der Bestrafung nach dem jeweiligen Artikel des besonderen Teils des Strafgesetzbuches.

Литература

1. Шидловский А.В. Назначение наказания по уголовному праву Беларуси. Минск: БГУ, 2015. 295 с.
2. Шидловский А.В. Сравнительно-правовая практика смягчения наказания при выполнении обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве // Юстиция Беларуси. 2015. № 11. С. 37–40.

3. Иванов А.А. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2012. № 2 (1). С. 282–286.
4. Бахновский А.В. Сделка с правосудием (на примере «ALFORD PLEA» и «NOLO CONTENDERE PLEA»): противоречивые аспекты опыта США // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 13–15.
5. Сарсенбаев Т. Сделка о признании вины в уголовном процессе Республики Казахстан // Юрист. 2004. № 10. С. 45–48.
6. Кельбиев М.Р. Сравнительно-правовой анализ американской сделки о признании вины и особого порядка судебного разбирательства российского уголовного судопроизводства // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2010. № 4. С. 130–136.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. 697 с.
8. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.
9. Толочко А. Сделка о признании вины в уголовном процессе Украины / А. Толочко // Legea și viața. 2014. № 3. С. 167.

References

1. Shidlovsky A.V. Naznachenie nakazaniya po ugovnomu pravu Belarusi [Appointment of punishment on criminal law of Belarus]. Minsk: BSU, 2015. 295 p. (In Russian)
2. Shidlovsky A. V. Sravnitel'no-pravovaya praktika smjagcheniya nakazaniya pri vypolnenii objazatel'stv dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Comparative legal practice of mitigation of punishment in the performance of the obligations of the pre-trial cooperation agreement]. Yustitsiya Belarusi [Justice of Belarus], 2015, no. 11, pp. 37–40. (In Russian, abstract in English)
3. Ivanov A. A. Pravovoe regulirovanie instituta sdelok o priznanii viny v SShA [Legal regulation of the institution of plea bargaining in the US]. Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Pravo» [Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N. I. Lobachevsky. The series “Law”]. 2012, no. 2 (1), pp. 282–286. (In Russian, abstract in English)
4. Bakhnovsky A. V. [«Sdelka s pravosudiem» (na primere «ALFORD PLEA» i «NOLO CONTENDERE PLEA»): protivorechivye aspekty opyta SShA [«Deal with justice» (on the example of «ALFORD PLEA» and «NOLO CONTENDERE PLEA»): conflicting aspects of US experience]. Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya [Almanac of modern science and education]. Tambov: Gramota Publ, 2007, no. 7 (7): in 2 parts. P. I, pp. 13–15. (In Russian, abstract in English)
5. Sarsenbaev T. Sdelka o priznanii viny v ugovnom processe Respubliki Kazahstan [Deal of recognizing guilt in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan]. Jurist [Lawyer], 2004, no. 10, pp. 45–48. (In Russian, abstract in English)
6. Kelbiev M.R. Sravnitel'no-pravovoj analiz amerikanskoj sdelki o priznanii viny i osobogo porjadka sudebnogo razbiratel'stva rossijskogo ugovnogo sudoproizvodstva [Comparative legal analysis of the American deal on the recognition of guilt and the special order of the trial of the Russian criminal procedure]. Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki» [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series «Legal Sciences»], 2010, no. 4, pp. 130–136. (In Russian, abstract in English)
7. Smirnov A. V., Kalinsky K. B. Ugolovny protsess [Criminal Process: textbook for universities]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2004. 697 p. (In Russian)
8. Golovko L. V. Al'ternativy ugovnomu presledovaniju v sovremennom prave [Alternatives to criminal prosecution in contemporary law]. Sankt Petersburg, Lae centre Press Publ., 2002. 544 p. (In Russian)
9. Tolochko A. Deal on the admission of guilt in the criminal process of Ukraine [Sdelka o priznanii viny v ugovnom processe Ukrainy]. Legea și viața, 2014, no. 3, p. 167.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ

Баронова Валерия Сергеевна,

Косенкова Алина Ивановна

Научный руководитель: кандидат юридических наук Саламова С.Я.

***Цель:** дать характеристику понятию «насилие», рассмотрев его с различных аспектов: с позиции философии, психологии, законодательства. Привлечь внимание к такой важной и актуальной проблеме, как насилие в семье над детьми, ознакомиться с его видами, формами, а также причинами возникновения. Отметить резко негативные последствия физического и психологического насилия над несовершеннолетними.*

***Методология:** анализ, абстрагирование, аналогия, диалектика, формально-логический, синтез, индукция, описание, опрос.*

***Выводы.** Проблема насилия в семье долгое время была относительно закрытой областью, и до настоящего времени существует сопротивление общества обращению к ней.*

Важность изучения данной темы обусловлена не только остротой социальной проблемы, но и наличием существенных противоречий в представлениях о данном феномене, так плотно закрепившихся в социуме. Как показывают исследования, насилие существует во всех социальных группах независимо от уровня дохода, образования, расовых, культурных и иных факторов. Важно отметить, что данная проблема перестает быть локальным, бытовым, сугубо личным аспектом жизни индивида. Колоссальная скорость ее развития и повсеместное расширение области охвата приводят к созданию международных организаций, сообществ, разработке программ, направленных на борьбу и предотвращение данного негативного социального явления. Сложность изучения также сопряжена с тем, что причины проявления насилия в семье помимо социально-экономических факторов включают еще и личностные (индивидуальные) причины.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в подробном рассмотрении причин и форм проявления насилия в семье над детьми, а также в предложенных способах предотвращения и устранения этого негативного явления в обществе.*

***Ключевые слова:** насилие, семья, дети, поведение, статистика, жестокость, профилактика, последствия, ответственность, противодействие.*

Понятие и виды насилия. Насилие, его формы и последствия — сложная и неоднозначная сторона общественной жизни. Актуальность изучения данной темы обусловлена не только остротой социальной проблемы, но и наличием существенных противоречий в представлениях о данном феномене.

Насилие является объектом исследования многих областей знаний: философии, социологии, медицины, правовых наук. Одна из дефиниций понятия «насилие» определяет его как преднаме-

ренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо ожидаются) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [3, с. 5].

В «Толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова «насилие» определяется как:
1. применение физической силы к кому-нибудь;
2. применение силы, принудительное воздействие

на кого-что-нибудь; 3. притеснение, злоупотребление властью, незаконное применение силы [5, с. 490].

Оригинальную интерпретацию насилия дает немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, определяя его как общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни вплоть до ее разрушения, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность» и как «узурпацию свободной воли в ее наличном бытии» [4, с. 511].

Таким образом, понятие «насилие» предполагает два подхода к его пониманию: один несет ярко выраженный негативный оттенок. В данном случае мы говорим о совокупности физического, психологического и/или иного давления на конкретный субъект или группу лиц. Второй подход рассматривает насилие как исключительно факт физического воздействия, наносящего ощутимый ущерб здоровью или благосостоянию личности, в некоторых случаях, ставящий ее жизнь под угрозу.

Множество трактовок понятия «насилие» обуславливает и множество классификаций рассматриваемого явления. Наиболее распространенной классификацией видов насилия основывается на характере насильственных действий: физическое, сексуальное, психологическое (эмоциональное).

1. *Физическое насилие* – нанесение одним лицом другому лицу каких-либо физических травм, увечий, различных телесных повреждений, которые негативно сказываются на здоровье лица, подверженного физическому воздействию насильственного характера.

2. *Сексуальное насилие* – любой вид домогательства, выраженный в форме навязанных прикосновений, принуждения к половому акту и совершение сексуальных действий в отношении кого-либо против его воли.

3. *Психологическое (эмоциональное) насилие* – воздействие на психику объекта путем запугивания, угроз с целью сломить его волю к сопротивлению и к отстаиванию своих прав, а также принуждения к совершению определенных действий вопреки его воли.

Конечно, данная классификация является не единственной. В качестве другого критерия можно выделить тип социальной группы (среды), в которой происходит воздействие насильственного характера по отношению к субъекту общения и взаимодействия. Рассмотрим ее внимательнее:

1. *Буллинг*. Каждый из нас в своей жизни сталкивался с ситуацией, когда в классе или иной

подростковой (молодежной) группе происходит «травля» одного или нескольких учеников. Как оказалось, проявление агрессии в коллективе по отношению к определенному лицу тоже является своеобразным видом проявления психологического, а иногда и физического насилия, которое активно изучается наукой. Жертвами постоянной или эпизодической школьной травли (буллинга) становятся порядка 20–25% школьников, а по результатам некоторых исследований – до 50% [7, с. 4].

По мнению известного социолога И.С. Кона, буллинг – это запугивание, физическое или психологическое воздействие, направленное на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить себе, сломить волю.

2. *Моббинг*. Является формой психологического насилия, массовая травля в коллективе (школе, университете, но чаще всего в профессиональном). Человек не вписывается в рабочую среду, не может найти общий язык с коллегами и подвергается постоянным упрекам, издевательствам, осуждению с их стороны.

3. *Домашнее (бытовое) насилие*. Это жестокое обращение к лицу со стороны такой социальной группы, как семья. Обычно может включать сразу несколько видов насилия: психологическое, физическое, сексуальное и т.д. Чаще всего от данного вида насильственных действий в семьях страдают женщины и несовершеннолетние дети.

4. *Насилие на улице*. Это преступное посягательство на жизнь, здоровье или имущество лица за пределами его жилища. Оно осуществляется, как правило, деклассированными элементами, преступными группами, субъектами, находящимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Сюда можно включить такие преступления, как: побои, разбой, изнасилование, грабеж, кражу личного имущества и т.д.

Семейное насилие в отношении детей, его формы. Детство – самый важный этап в жизни любого человека, потому что в это время развивается здоровье, психика, социальные ценности. Кроме того, это время, когда дети зависят от взрослых, ребенку необходима их защита и поддержка. Но в наши дни многие дети подвергаются насилию со стороны старших. К сожалению, часто это исходит от самых близких людей для ребенка – от родителей.

Проблема насилия над несовершеннолетними является одной из самых «острых» в современном обществе. Ее актуальность достаточно велика практически для всех стран мира, в том числе и для России. К тому же количество детей, над

которыми в семье совершается насилие, в нашей стране неуклонно растет.

Насилие над ребенком существовало всегда. Но обсуждение подобного рода тем до недавнего времени было под запретом. Лишь теперь общество начинает осознавать насколько катастрофически масштабы жестокого обращения с детьми. Американский историк Ллойд Де Моз в своей работе «Психоистория» говорит, что история детства — это кошмар, от которого мы только недавно стали пробуждаться. Чем глубже в историю — тем меньше заботы о детях и тем больше у ребенка вероятность быть убитым, брошенным, избитым, терроризированным и сексуально оскорбленным [2, с. 14].

Изучение этой проблемы крайне важно, поскольку перенесенное в детстве жестокое отношение оказывает сильное влияние на развитие детей и не может не изменить всю их дальнейшую жизнь.

Для детей, подвергающихся жестокому обращению со стороны родителей, семья играет неоднозначную роль. В таком случае, она препятствует правильной социализации личности ребенка, а тем самым создает угрозу физическому и нравственному здоровью. Именно поэтому мы говорим о насилии со стороны самых родных людей, о том, что происходит ежедневно и очень редко передается огласке. Обычно исследователи выделяют три основных вида насилия над ребенком: физическое, сексуальное, психологическое. Рассмотрим, в каких формах могут выражаться указанные виды насилия.

1) *Формы физического насилия*: избиение; удары; пощечины; прижигание горячими предметами; вовлечение ребенка в употребление наркотиков, алкоголя; принуждение к приему медицинских препаратов, отравляющих и психотропных веществ; попытки удушения или утопления ребенка. Важно отметить, что физическому насилию чаще подвергаются дети мужского пола, чем женского. Также стоит обратить внимание на то, что маленькие дети получают более тяжелые физические повреждения, чем дети старшего возраста.

2) *Формы сексуального насилия над детьми*: демонстрация ребенку половых органов; все виды сексуальных контактов; вовлечение детей в съемки или просмотры порнографических фильмов и прочее; чаще сексуальное насилие над детьми совершается лицами с низким социально-экономическим статусом, низким уровнем социальной активности. В отличие от физического насилия, жертвами сексуального злоупотребления, как правило, бывают девочки. Они, согласно статистике,

в 1,5–3 раза чаще подвергаются сексуальному насилию, чем мальчики.

3) *Формы психологического насилия*: а) *отвержение*. Родители отказываются выполнять просьбы и удовлетворять потребности ребенка в форме, выражающей сильную неприязнь, путем демонстрации агрессии или предвзятого отношения к ребенку; б) *отказ в эмоциональном отклике*. Заключается в нежелании общаться с ребенком. Отказ от детей бывает как физическим, так и моральным. Физический отказ выражается в избиении своего ребенка, родители отставляют детей в специальных учреждениях. Моральный отказ совершается, когда родители не дают детям той любви и заботы, которые необходимы, не проявляют интереса или заинтересованности по отношению к ребенку; в) *унижение*. Означает постоянное высмеивание ребенка, употребление по отношению к нему обидных прозвищ и оскорбительные замечания; г) *угрозы в адрес ребенка*. Преднамеренная физическая и социальная изоляция. Родители запирают ребенка в каком-либо помещении. Также, всячески препятствуют его взаимодействию со сверстниками, друзьями и родственниками; д) *терроризирование*. Ребенка высмеивают за проявление любых эмоций, предъявляют к нему требования, не соответствующие его возрасту или не понятные ему; е) *эксплуатация*. Родители используют ребенка для заработка денег либо для реализации своих потребностей, заставляют выполнять сложную физическую работу. ж) *постоянная критика ребенка*. В ребенке развивается стойкий комплекс неполноценности: он лишний в этой жизни, от него одни неприятности. Все, что делает ребенок, является неправильным; з) *однократное грубое психическое действие*, вызывающее у ребенка психическую травму (например, драка родителей в присутствии ребенка, частые скандалы, крики). Помимо выше перечисленного существуют также неявные формы психологического насилия, к которым можно отнести: поддразнивание за естественные качества (внешность, характер), которые трудно или невозможно исправить («опять тормозишь» и т.д.); никогда не хвалить ребенка; стремление обвинять ребенка в собственных проблемах (отсутствие карьерного роста, неприятности в личной жизни); преднамеренное снижение личностной ценности ребенка («кому ты еще нужен», «куда ты от меня денешься»).

Причины возникновения насилия в семье. Проблема насилия в семье долгое время была относительно закрытой областью, и до настоящего времени существует сопротивление общества

обращению к этой проблеме. В сознании людей в рамках всего общества или же отдельного индивида и средств массовой информации проблема насилия представлена в очень деформированном виде, часто искажаясь преднамеренно, с целью скрыть реальные следы и последствия этого опасного социального явления. Существует много мифов о проблеме домашнего (семейного) насилия, таких как – насилие имеет место только в социально неблагополучных семьях и среди граждан определенного социального положения и т. п.

Насилие существует во всех социальных группах независимо от уровня дохода, образования, положения в обществе, расовых, культурных, религиозных, социальных и экономических аспектов. Это означает одно – распространенность различных видов и форм насилия в семье такова, что охватывает всю популяцию.

Среди причин домашнего насилия над детьми можно выделить социально-экономические и личностные (индивидуальные) [8, с. 51].

Социально-экономические причины:

1. общество «закрывает глаза» на насилие в отношении женщин и детей в семьях;
2. неразвитое законодательство во многих странах мира, что не позволяет наказывать домашних агрессоров;
3. невозможность контролировать свою агрессию;
4. демонстрация насилия на телевидении, в компьютерных играх и современной литературе;
5. алкоголизм, наркомания, что снижает самоконтроль и вызывает вспышки необоснованной агрессии и т.д.

Между социально-экономическими и индивидуальными причинами проходит достаточно тонкая грань, ведь они очень тесно связаны между собой. Личность подвержена воздействию общества и окружающей среды, в которой она непосредственно существует. Зачастую, индивид придерживается конформистского стиля поведения, синхронизируясь с обществом. Если социум одобряет насилие, не считает его негативным аспектом, с которым нужно бороться, воспринимает любые его формы или же просто старается не обращать на его проявления внимание, то и в сознании отдельного индивида также укрепляется мысль о возможности проявления насилия в отношении других людей, друзей и близких.

Самой «уродливой» и неприемлемой формой такого поведения является насилие в семье над детьми. В настоящее время проблема жестокого обращения с детьми разного возраста, преимущественно несовершеннолетними, актуальна во

многих странах мира и характерна для всех социально-экономических и культурных слоев общества. К сожалению, пережитое домашнее насилие откладывает огромный отпечаток на дальнейшую жизнь ребенка, имеет негативное влияние на развитие, психологическое и эмоциональное состояние.

Теперь обратимся к причинам жестокого обращения с детьми в семье. Помимо социально-экономических факторов существуют причины, природа которых намного сложнее и противоречивее, так как они связаны с личностным (индивидуальным) аспектом человека. Например, в некоторых семьях в качестве дисциплинарных мер используют различные виды физического наказания – от подзатыльников, ударов до порки ремнем [11]. Таким образом, можно сказать, что причины кроются в методах воспитания, которые многие родители считают необходимыми и наиболее правильными.

Помимо всего прочего, иногда причины очень тесно связаны с личными психологическими и моральными травмами самих родителей, которые в детстве пережили насилие. В таком случае, собственный ребенок становится объектом вымещения злобы, отчаяния и попыток компенсировать собственную душевную травму [1, с. 27]. Насилие со стороны матери, помимо всего, может быть результатом конфликтов, тяжелого бракоразводного процесса с бывшим супругом – отцом малыша, ребенок может быть похож на нелюбимого человека и невольно напоминать о нем. Встречаются ситуации, чаще всего в неблагополучных семьях, когда насилие над ребенком связано с причиной случайности его рождения, незапланированной беременности женщины.

Социальная изоляция семьи, наряду с другими вышеперечисленными факторами, влияет на негативное отношение к детям. Как показали исследования, уровень насилия над детьми в социально изолированных семьях намного выше, чем в обычных семьях. Большинство родителей, совершающих насилие над детьми, не являются активно вовлеченными в социальную жизнь, что, в свою очередь, ограничивает возможность общества быть осведомленными о состоянии их взаимоотношений с детьми и хоть как-то влиять на это [6, с. 366–369].

Многие ситуации в нашей жизни, имеющие негативный характер, часто связаны с недостатком знаний в той или иной области, отсутствием необходимой информации. Это могут быть обстоятельства обычной повседневной жизни, возникающие при взаимодействии с обществом

обстоятельства, связанные с трудовой и творческой деятельностью и т.д. Точно так обстоят дела и в семейной жизни. Уровень образования родителей также может стать одной из причин их жестокого отношения к собственному ребенку. Специалисты отмечают, что с повышением уровня образованности родителей, обратно пропорционально этому явлению, понижается вероятность их жестокого обращения с детьми.

Таким образом, сущность жестокого обращения в семье гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Причины кроются в социально-экономических, психологических, семейных, экономических и иных факторах. Поэтому эта проблема является объектом многих научных изучений и исследований, как прошлого, так и современности.

Статистические данные о насилии в семьях над детьми. В последние годы в Российской Федерации наблюдается рост числа преступлений сексуального характера, совершаемых против детей. К сожалению, статистические данные по этим вопросам, которыми мы располагаем, не такие актуальные как хотелось бы. Тем не менее, они позволяют говорить об определенных тенденциях. По данным статистики, в России в 2010 г. от насилия в семьях пострадало 100 227 детей. 1684 ребенка были убиты, 3161 — искалечен, 2386 детям был причинен тяжкий вред [Данные Детского фонда ООН, 2011 г.]. По исследованиям Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского, жестокое обращение в семье терпят в основном дети 6–7 лет; 60–70% таких детей, постоянно избиваемых своими родителями, отчимами (мачехами), официальными представителями, сожителями матери (отца), отстают в развитии, страдают различными физическими и психоэмоциональными расстройствами. Это говорит о том, что малолетние являются более уязвимой категорией так, как они не могут обратиться в специальные учреждения, рассказать о жестоком обращении родственникам или друзьям, боясь вызвать новую волну гнева родителей (иных официальных представителей).

Нужно отметить, что каждой четвертой российской семье имеют место факты насилия над детьми разных возрастов. Результаты опроса, проведенного НИИ семьи по заказу Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ, показали, что из всех форм насилия, о которых мы писали, наиболее часто применяется физическое в различных формах. Детей бьют за провинности (26%), срывая раздражение (29%), когда в доме беда (20%), когда не могут справиться с ними другим способом (19%), это делают пси-

хически неуравновешенные (14%), в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (29%) [10, с. 2].

Стоит обратить внимание, что в России около 3 тысяч детей ежегодно погибают от семейного насилия, а около 60 тысяч детей родители и вовсе выгоняют из дома. Что касается Беларуси (если мы рассмотрим зарубежные данные), то по результатам проведенного в 2012 году многоиндикаторного кластерного обследования по оценке положения детей и женщин (МИКС-4) две трети (почти 65%) детей в возрасте 2–14 лет подвергались насильственным методам воспитания. При этом среди детей в возрасте 2–4 лет более 46% наказывались физически (побои, пощечины, тяжкие телесные повреждения), а свыше 55% испытывали психологическое и моральное давление в своей семье. Среди детей в возрасте 5–9 лет эти цифры составляют почти 38% и 62%, соответственно. Процент мальчиков, которые подвергались физическому или психологическому насилию в семье, немного выше, чем процент девочек (67% и 62%, соответственно) [8, с. 50].

По данным, предоставленным ООН, от жестокого обращения со стороны родителей ежегодно в мире страдают около 2 млн детей в возрасте до 14 лет, причем каждый десятый из них умирает; примерно 2 тысяч детей погибают в результате суицидов. Более 50 тыс. детей ежегодно убегают из дома, спасаясь от жестокого обращения в семье, около половины из них находятся в розыске. В детских домах 80% детей — это «социальные сироты», т. е. сироты при живых родителях, которые лишены их внимания и заботы.

По статистике, в мире ежегодно около 10 млн детей становятся свидетелями домашнего насилия, около 40 млн детей подвергаются жестокому обращению. Самоубийство является третьей по статистике причиной смерти среди подростков, подвергшихся насилию, по всему миру, что говорит о чрезвычайной серьезности и важности проблемы. По оценкам ЮНИСЕФ, 2 млн детей погибли в результате семейных конфликтов в течение последних 10 лет, а 6 млн получили травмы и стали инвалидами. В США ежегодно регистрируется около 1400 случаев гибели детей, причиной которой стали действия (в том числе и преступное бездействие) взрослых. А по оценкам Университета Теннесси, ежегодно в США по вине взрослых погибают до 4 тыс. детей. (Справка от редакции журнала «Союз криминалистов и криминологов». *Около 300 млн детей в возрасте от 2 до 4 лет во всем мире регулярно подвергаются насилию со стороны своих родителей и опекунов.*

Еще до 250 млн детей регулярно наказываются путем физического воздействия. По данным, полученным из 30 стран, 6 из 10 детей в возрасте от 12 до 23 месяцев постоянно подвергаются насильственным дисциплинарным мерам воздействия. Среди детей этого возраста почти половина подвергается физическим наказаниям, и еще столько же детей подвергаются словесным оскорблениям. Только 60 стран приняли законодательство, которое полностью запрещает применение телесных наказаний в отношении детей дома.

Во всем мире около 1,1 миллиарда родителей и опекунов убеждены, что физическое наказание необходимо для правильного воспитания или обучения детей.

Таким образом, в настоящее время 600 миллионов детей во всем мире в возрасте до 5 лет не имеют полноценной правовой защиты от насилия. Родители не обязательно применяют насилие с намерением причинить вред ребенку. Скорее, это происходит от гнева, минутного разочарования и непонимания причиняемого ими вреда. Проявление насильственных методов воспитания в юном возрасте может быть особенно вредным, учитывая неспособность детей понять мотивацию действий родителей.

Все эти ключевые факты были рассчитаны на основе данных DHS, MICS и других национальных репрезентативных опросов, проведенных в период с 2005 по 2016 год. Оценка законодательства была дана на основе информации, взятой из данных организации Глобальной инициативы по прекращению всех телесных наказаний детей // URL: <https://data.unicef.org/topic/child-protection/violence/violent-discipline/> (дата обращения: 12.03.2019)).

Мы провели опрос среди родственников, друзей и знакомых, принадлежащих разным возрастным и социальным группам. В итоге в опросе приняло участие 100 человек: 65 девушек и 35 мужчин. В основном его прошли наши сверстники (возрастная категория от 14 до 20 лет) – 76 человек; от 21 – до 35 – 15 человек; от 36 до 50 – 6 человек; и младше 14 лет – 3 человека. К счастью, больше половины (60%) опрошенных в жизни не встречались с домашним насилием, 82% сами не подвергались домашнему насилию со стороны родителей, и к тому же друзья и знакомые у 53% опрошенных не подвергались домашнему насилию. Подавляющее большинство (81%) считает, что не нужно применять «жестокость» при воспитании детей, но при этом 36% процентов респондентов считают допустимым физическое наказание. 89% опрошенных считают, что детям, подвергшимся насилию со стороны родителей, нужно обращаться за помощью: 43% полагают,

что дети должны обращаться к родственникам, друзьям; 37% – по телефону доверия; 17% думают, что следует обратиться в правоохранительные органы и 3% сказали, что это зависит от ситуации.

Профилактика детского насилия в семьях. Множественность факторов, вызывающие ситуации насилия в отношении детей в семье, диктуют необходимость разработки различных мер, затрагивающих все аспекты жизнедеятельности и направленных на профилактику детского насилия в семьях. Одним из таких факторов является здоровый образ жизни, физическая и социальная активность семьи. Здоровая семья – это группа, которая ведет правильный образ жизни, в который присутствует благоприятный психологический климат, высокая духовная культура, стабильный материальный достаток [9, с. 43]. Власти современных государств стараются популяризировать правильный образ жизни, вовлечь семьи в социальные программы, способствующие развитию физических, интеллектуальных и творческих способностей их членов.

В Российской Федерации проблемами защиты прав ребенка занимаются: аппарат Уполномоченного по правам ребенка в РФ, Общественная палата, Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, общественные фонды и организации.

Помимо различных мероприятий, реализующихся на государственном и международном уровнях, существуют и должны существовать способы действенной профилактики домашнего насилия на региональном (местном) уровне. Необходимо, чтобы в рамках школьной программы, дети могли получить необходимые знания о своих правах и свободах, средствах их защиты, в случае возникновения домашнего насилия или иных неправомерных ситуаций. На сегодняшний день, в российских школах это осуществляется на уроках ОБЖ. Кроме того, в учебную программу по ОБЖ введены новые требования к подготовке учащихся. Эта мера вызвана в первую очередь тем, что за последние несколько участились случаи проявления жестокого обращения по отношению к детям в семьях. В дисциплину внесены темы, касающиеся домашнего насилия в семье над детьми. Учащиеся на сегодняшний день должны знать:

– положения Конвенции о правах ребенка и национального законодательства о защите детей от всех форм насилия и жестокого обращения, об обеспечении прав ребенка на уважение личного достоинства и физическую неприкосновенность;

– что такое насилие в отношении детей и каковы его типы (физическое, сексуальное, психологическое);

– правила поведения при угрозе насилия, службы поддержки и оказания психологической помощи, а также их контактные данные [9, с. 13].

Такая информация позволит ребенку различать формы негативного поведения в его семье, в нужный момент заблаговременно предотвратить насилие по отношению к себе.

Помимо всего вышеперечисленного существуют также службы психологической помощи и поддержки. Специалисты, работают не только с детьми и подростками, ставшими жертвами домашнего насилия, помогают им преодолеть негативные последствия для психического и физического здоровья ребенка. Психологи также работают в детских центрах, дошкольных образовательных учреждениях и школах. Здесь основная задача сводится к обнаружению проблемы на ранних стадиях их развития (возможно, к ребенку плохо относятся в семье, происходят постоянные конфликты или сама семья относится к разряду неблагополучных). Таким образом, работа психологов также является эффективным и действенным способом профилактики домашнего насилия в семье над детьми.

Теперь поговорим о правовой базе, созданной ранее и разрабатываемой до сих пор, для предотвращения и борьбы с этим негативным и опасным общественным явлением. В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла всеобщую Декларацию прав человека, которая является международным актом, провозглашающим права и свободы человека. В 1959 г. ООН приняла Декларацию прав ребенка, а в 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила международную Конвенцию о правах ребенка, к которой РФ присоединилась в 1990 г. Эти акты закрепляют положения, согласно которым каждый человек от рождения имеет определенный объем неотчуждаемых прав и свобод, в том числе мужчины, женщины и дети имеют право на жизнь без насилия, а в случае его возникновения – на оказание помощи и защиту своих законных прав и интересов.

Последствия детского насилия в семьях. Насилие над детьми носит разрушительный характер и приводит к потере доверия к себе и обществу, тревоге, нарушениям сна, унынию, агрессии. Результатом жестокого обращения с детьми является формирование у них эмоциональной или умственной неспособности к сочувствию, эгоцентризм, что является основными составляющими «синдрома безразличия», лежащего в основе преступного поведения. Несовершеннолетние, ставшие свидетелями и жертвами домашнего насилия, перенимают модель поведения и воспроизводят ее уже в своей семье.

Понимая под жестокостью стремление к причинению боли, мучений, выражающееся в действии, бездействии, словах, подобное обращение с ребенком принято относить к одной из форм несексуального садизма, т. е. причинение беспомощному, беззащитному существу страданий вплоть до лишения жизни. Психический садизм, как отдельная форма, выражающаяся в унижении другого человека с помощью слов, нередко приводит к суициду жертвы.

Подводя итог всему выше сказанному, хочется отметить, что проблема домашнего насилия остается одной из самых актуальных проблем современности. Конечно, многие государства мира и все мировое сообщество объединяются для ее разрешения, создают программы по защите детей, их прав, свобод и законных интересов. Однако все это не возымеет действия, если само общество продолжит игнорировать данную проблему. Мы не сможем достичь желаемого результата, пока взрослый человек, увидевший у ребенка физические или психологические проявления насилия, не откажется от мысли, что так нужно, «родители сами разберутся со своим ребенком», «зачем вмешиваться в чужую семью» и т.д. Нет, это не проблема конкретного человека, отдельной семьи или группы людей. Это наша общая проблема. Если мы хотим оставить после себя здоровые поколения, способные продолжать наши начинания, открывать новые горизонты и смело смотреть в будущее, не нужно оставаться равнодушными.

Литература

1. Черепанова Е.С. Психологический стресс. Помогите себе и ребенку Книга для школьных психологов, родителей и учителей. М.: Издательский центр «Академия», 1997. 96 с.
2. Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 512 с.
3. Насилие и его влияние на здоровье: доклад о ситуации в мире / под ред. Этьенна Г. Круга и др.; [Пер.: Дубровина Л.В., Первушин А.С.]. М.; Женева: Весь Мир ВОЗ, 2003. XXVI, 349 с.
4. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики. 2004. 1072 с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Пресс, 2005. С. 1216.

6. Ганджи П., Дуст М., Хакиминия Б. Исследование семейных факторов, влияющих на насилие над детьми со стороны родителей // Молодой ученый. 2013. № 7. С. 366–369.
7. Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Черкасова С.А. Теоретико-методические основы деятельности педагога-психолога по предотвращению буллинга в школах Тульского региона: гендерно-возрастной аспект. Тула: Издательство «ГРИФ и К», 2014. 237 с.
8. Козлова Г.Л. Ранняя профилактика домашнего насилия: пособие для педагогов учреждений общего среднего образования. Минск: Четыре четверти, 2015. 64 с.
9. Яковлева Н.Н. и др. Профилактика домашнего насилия: пособие для учителей учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. Минск: Четыре четверти, 2015. 148 с.
10. Алексеева Л.С. О насилии над детьми в семье // Социс. 2003. № 4. (URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-04/Alexeeva.pdf> (дата обращения: 24.12. 2018)).
11. Защита детей от жестокого обращения / под ред. Е.Н. Волковой. Спб.: Питер. 2007. (URL: https://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/zashita_deteyi_ot_jestokogo_obrasheniya/read_online.html?page=4 (дата обращения: 12.12.2018)).

References

1. Cherepanova E.S. Psikhologicheskiy stress. Pomogi sebe i rebenku Kniga dlya shkol'nykh psikhologov, roditeley i uchiteley [Psychological stress. Help yourself and the child Book for school psychologists, parents and teachers]. Moscow: Academy Publ., 1997. 96 p. (In Russian).
2. Lloyd de Mause. Psikhistoriya [Foundations of Psychohistory]. Rostov-on-Don: Phoenix Publ., 2000. 512 p. (In Russian).
3. Nasiliye i yego vliyaniye na zdorov'ye: Doklad o situatsii v mire [Violence and its impact on health: A report on the world situation] Ed. Etienna G. Krug and others; [translate: Dubrovina LV, Pervushin AS]. Moscow; Geneva: The whole World of WHO, 2003. XXVI, 349 p. (In Russian).
4. Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar' [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Ed. A.A. Ivina. Moscow: Gardarik Publ. 2004. 1072 p.
5. Ushakov D.N. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Alta-Press Publ., 2005. 1216 p.
6. Gandzhi P., Dust M. Ya., Hakiminia B. Issledovaniye semeynykh faktorov, vliyayushchikh na nasiliye nad det'mi so storony roditeley [Investigation of family factors influencing the violence of children by parents]. Molodoy uchenyy [Young Scientist], 2013, no. 7, pp. 366–369. (In Russian).
7. Shalaginova K.S., Kulikova T.I., Cherkasova S.A. Teoretiko-metodicheskiye osnovy deyatelnosti pedagoga-psikhologa po predotvrashcheniyu bullinga v shkolakh Tul'skogo regiona: genderno-vozzrastnoy aspect [Teoretiko-methodical bases of activity of the teacher – the psychologist on prevention of bullying in schools of the Tula region: the gender-age aspect]. Tula: «GRIF and K» Publ., 2014. 237 p. (In Russian).
8. Kozlova G. L. Rannyyaya profilaktika domashnego nasiliya: posobiye dlya pedagogov uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya [Early Prevention of Domestic Violence: A Handbook for Teachers of General Secondary Education Institutions] Minsk: Four quarters Publ., 2015. 64 p. (In Russian).
9. Yakovleva N.N. Profilaktika domashnego nasiliya: posobiye dlya uchiteley uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s russkim yazykom obucheniya [Prevention of domestic violence: a manual for teachers of general secondary education with the Russian language of instruction] Minsk: Four quarters Publ., 2015. 148 p. (In Russian).
10. Alekseeva L.S. O nasilii nad det'mi v sem'ye [On Violence Against Children in the Family]. (URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-04/Alexeeva.pdf> (reference date: 24.12. 2018)).
11. Protect children from abuse. [Zashchita detey ot zhestokogo obrasheniya]. Ed. by E.N. Volkova (URL: [tps://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/zashita_deteyi_ot_jestokogo_obrasheniya/read_online.html?page=4](https://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/zashita_deteyi_ot_jestokogo_obrasheniya/read_online.html?page=4) (reference date: 12.12.2018)).

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ УГОЛОВНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, DR. IUR. HABIL., ПРОФЕССОРА УВЕ ХЕЛЛЬМАННА

Саламова Себила Якубовна,
Федоров Никита Ильич,
Луковников Владислав Вадимович,
Левина Яна Анатольевна,
Чимизгина Дарья Алексеевна

Цель: передача накопленного опыта и знаний. Криминологическим кабинетом МГЮА имени О.Е. Кутафина был организован ряд встреч студентов с известными учеными, внесшими серьезный вклад в развитие науки юриспруденции. Одна из таких встреч состоялась с выдающимся немецким ученым, специалистом в области уголовного права Уве Хелльманном.

Методология: интервью.

Выводы. Интервью, проведенное студентами Института частного права, Института прокуратуры, Института судебных экспертиз Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина, под началом руководителя Криминологического кабинета С.Я. Саламовой с Уве Хелльманном, позволило узнать интересные биографические факты его жизни и научной деятельности, отличительные особенности юридического образования в Германии, возможные направления развития российско-германского сотрудничества в правовой сфере, преимущества получения образования в России и в Германии.

Было задано много сложных, интересных и глубоких вопросов, которые зачастую заставляли задуматься. Студенты получили профессиональные советы, которые помогут им в учебе и в будущей практике.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного интервью могут быть использованы в учебном процессе при изучении курса уголовного права, криминологии и других наук уголовно-правового цикла в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: интервью, уголовное право, уголовное законодательство, юридическое образование, экономические преступления, Германия, Потсдамский университет, Криминологический кабинет, наука, научные исследования.

Беседовали: Руководитель Криминологического кабинета Себила Якубовна Саламова, студент третьего курса Института частного права университета имени О.Е. Кутафина Никита Федоров, студент второго курса Института прокуратуры университета имени О.Е. Кутафина Владислав Луковников, студенты первого курса Института судебных экспертиз университета имени О.Е. Кутафина Яна Левина и Дарья Чимизгина.

Уве Хелльманн — немецкий правовед, специалист в области уголовного права, уголовно-процессуального права, экономического уголовного права, налогового уголовного права, хабилитированный доктор права, профессор.

Уве Хелльманн родился в 1955 г. в городе Любекке (Вестфалия). Изучал право в университете г. Билефельда и получил полное юридическое образование, сдал государственный экзамен в 1981 г.

До 1986 г. Уве Хелльманн работал научным сотрудником на кафедре профессора Ханса Ахенбаха в университете г. Оснабрюка. Там в 1986 г. он получил докторскую степень.

С 1992 г. Уве Хелльманн преподает уголовное, уголовно-процессуальное право и налоговое уголовное право. Проработав в качестве приглашенного профессора в университетах Хайдельберга, Трира и Бохума, перешел на работу в Потсдамский университет, где в августе 1994 г. стал заведующим кафедрой уголовного и экономического уголовного права, а затем, в определенный период, и деканом юридического факультета.

Уве Хелльманн читает курс лекций по Общей и Особенной части уголовного права, уголовно-процессуального права, экономического и налогового уголовного права, европейского и международного уголовного права, является автором учебников по Общей и Особенной части Уголовного Уложения ФРГ, экономическому уголовному и уголовно-процессуальному праву. Работает над комментариями к Уголовному Уложению и Налоговому кодексу ФРГ и является соредактором нескольких серий научных трудов.

Являясь давним членом Сената Потсдамского университета, с октября 2014 г. Уве Хелльманн стал его председателем.

Уве Хелльманн осуществляет сотрудничество со многими зарубежными университетами и является членом научных советов ряда журналов, издающихся в России.

Уве Хелльманн является руководителем Германского представительства Союза криминалистов и криминологов.

1 марта 2014 г. Уве Хелльманн был награжден высшей юридической премией «Фемида» — старейшей и одной из самых авторитетных правовых наград России.

Луковников В.: Профессор Хелльманн, что повлияло на выбор Вашей профессии? Почему Вы решили заняться именно правом?

Профессор Хелльманн У.: На самом деле это случайность. Я хотел стать журналистом и с удовольствием погрузиться в тонкости языка. Но этот процесс я хотел связать с процессом обучения

и подумал, какая еще профессия хорошо подходит к журналистике. Рассматривал такие варианты, как история и право. Подал документы как на исторический, так и на юридический факультет. Был принят и туда, и туда. Я подумал и пошел на юридический. Уже там понял, что это мое. Тогда идея стать журналистом отпала и, таким образом, я стал юристом.

Чимизгина Д.: Скажите, пожалуйста, работы каких ученых оказали на Вас наибольшее влияние?

Профессор Хелльманн У.: На Ваш вопрос достаточно сложно ответить... *(Задумался.)*

Когда я только начал учиться, купил много книг по юриспруденции. Они все меня впечатлили, так как я не понимал, как можно написать книгу. После я купил большой учебник очень известного в Германии ученого в области уголовного права Ешика (*Ханс-Хайнрих Ешек — профессор, крупный специалист в области уголовного права. Им опубликовано около 600 работ, посвященных Общей части уголовного права, наказаниям, мерам исправления и безопасности, Особенной части, а также уголовно-процессуальному праву — здесь и далее примечание редактора*) и впечатлился тем, что ничего не понял из того, что в этой книге было написано. Сейчас, спустя уже много лет, я понимаю, что это очень высококачественный учебник и его содержание отличное! Но тогда я этого понять не мог... Очень красиво книга выглядела: переплет винокрасного цвета с золотыми буквами на нем. Это тоже впечатлило меня. *(Смеется.)*

Федоров Н.: Профессор Хелльманн, почему Вы выбрали уголовное право? Чем оно привлекло Вас в сравнении с гражданским, например?

Профессор Хелльманн У.: С самого начала я считал, что уголовное право интереснее, чем гражданское, потому что оно более жизненно. То есть ситуации, почему, например, человек совер-

шает преступления, почему составы преступления возникают, они ближе к жизни, чем гражданско-правовые аспекты.

Левина Я.: Профессор Хелльманн, когда Вы решили связать свою жизнь с наукой? Когда она начала Вас интересовать?

Профессор Хелльманн У.: Вообще, моя карьера, моя жизнь как правоведа, так и ученого связана с большим количеством случайностей, поскольку даже само решение пойти в юриспруденцию оказалось случайным.

Когда я закончил обучение на юридическом факультете, я думал связать свою жизнь либо с прокуратурой, либо стать судьей по уголовным делам. Но, так как я был очень молод, я немного испугался, что следующие сорок лет моей профессиональной деятельности буду заниматься одним и тем же. Поэтому я решил, что попробую что-то другое, а потом посмотрю.

Потом появилась возможность стать научным сотрудником на кафедре, но это тоже была чистая случайность. И этой возможностью я воспользовался и в скором времени понял, что как занятие наукой, так и преподавание меня очень увлекает.

Затем я защитился, защитил работу, которая соответствует кандидатской диссертации в России. Скромно замечу, с очень хорошим результатом! *(Смеется.)*

Подумал, что можно написать habilitation (Хабилитация – процедура получения высшей академической квалификации. После прохождения процедуры habilitation претенденту присваивается ученая степень habilitированного доктора, которая дает право на занятие профессорской должности в университете, что соответствует российской ученой степени доктора наук). Это мне тоже удалось. После я стал профессором.

На самом деле, я такого поворота событий сам не ожидал, поскольку после моей последней лекции я остался в аудитории, посмотрел по сторонам и сказал себе, что это последний раз, когда я нахожусь в аудитории. *(Смеется.)* Но все, что произошло потом, было делом случая. Я никогда не планировал стать профессором, просто в жизни появлялся ряд возможностей.

В связи с этим, я хотел бы вам сказать, чтобы вы не фокусировались на какой-то конкретной профессии. Необходимо стать хорошим юристом, а потом жизнь может дать абсолютно разные шансы и, может быть, произойдет совсем не то, что вы в самом начале представляли.

Чимизгина Д.: Профессор Хелльманн, что Вы можете сказать о правовой науке в России?

Профессор Хелльманн У.: Я неохотно даю комментарии по таким вопросам, поскольку это все-таки правопорядки других стран. Но за время со-

трудничества с российскими коллегами я понял, что в правопорядке, как российском, так и немецком, есть очень много общего.

Луковников В.: Профессор Хелльманн, а почему Вы решили наладить отношения именно с Россией?

Профессор Хелльманн У.: Случай! *(Улыбается.)* Как и все в моей научной карьере является случаем...

В 2006 г. я, с деканом факультета и коллегой с гражданско-правовой кафедры, приехал в Москву в Университет им. О.Е. Кутафина (до этого у меня не было вообще никаких контактов с Россией). Нас очень сердечно приняли здесь, с большой теплотой. И помимо других профессоров, которые нас принимали, был профессор Рарог (я с ним до этого не был знаком и не знал, какое значение его труды имеют для российской уголовно-правовой науки) (Рарог Алексей Иванович *(21 января 1937)* — советский и российский ученый-правовед, специалист в области уголовного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации).

И наш юридический факультет Потсдамского университета (Потсдамский университет — государственный университет в Бранденбурге. Самое крупное из четырех высших учебных заведений столицы Бранденбурга) заключил с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (в то время еще была Московская государственная юридическая академия во главе которой стоял академик О.Е. Кутафин) договор о сотрудничестве. Но чтобы все это не осталось на бумаге, а было претворено в жизнь, я пригласил в следующем году профессора Рарога в Германию. Мы друг другу сразу же, с самого начала понравились. Таким образом и началось наше сотрудничество, которое получило такое развитие, о котором я и подумать не мог! *(Улыбается.)* Что самое главное, с двух сторон сразу же было желание сотрудничество претворить в жизнь!

Началось все с того, что я приехал на двухдневную конференцию в январе 2007 г. к профессору Рарогу. Потом мы разработали немецко-российский семинар, в котором участвовали студенты, затем круглый стол по вопросам уголовного экономического права. Это, собственно, то мероприятие, в котором я сегодня буду принимать участие *(в стенах Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) ежегодно проходит российско-германский круглый стол)*. Также у нас есть трехсторонние мероприятия, которые проводятся каждый год. Но когда это только все начиналось, я и подумать не мог, что это сотрудничество так разовьется.

Луковников В.: Как Вы думаете, в каких направлениях возможно развивать российско-германское сотрудничество в правовой сфере?

Профессор Хелльманн У.: Я считаю, что во всех областях! Я занимаюсь сотрудничеством с Россией в области науки, но я знаю, что есть сотрудничество и на уровне прокуратуры, и на уровне полиции. Я предполагаю, что было бы интересно сотрудничать и в рамках гражданского права, поскольку речь идет и об экономических отношениях — это тоже очень важно!

Федеров Н.: Мы знаем о Вашей любви к России, очень рады, что Вы так часто посещаете нашу страну. С какими странами у Потсдамского университета также налажен культурно-правовой обмен?

Профессор Хелльманн У.: С Францией очень плотная кооперация, с университетом Париж Нантер (Университет Париж X — Нантер (Университет Западный Париж — Нантер-ля-Дефанс). Является вторым по величине кампусом Франции после Нантского университета. Один из тринадцати парижских университетов). Завтра полетим обратно в Берлин, а в субботу я полечу в Париж. И в понедельник, и во вторник буду читать там лекции в университете Нантер. Уже более 20 лет в Потсдамском университете существует программа для немецко-французских студентов.

Также у нас тесная кооперация с Венгрией — с университетом Сегед (*Сегедский университет — университет в венгерском городе Сегеде, является одним из крупнейших университетов Венгрии*). У нас есть программа, которая дает двойной диплом венгерским студентам. В конце октября я полечу в Сегед и проведу там лекции по общей части уголовного права.

Можно сказать, что самые тесные контакты Потсдамского университета — это связи с Университетом имени О.Е. Кутафина, с парижским университетом Нантер и университетом Сегед. Также есть большое количество программ с европейскими университетами. Заключено соглашение о сотрудничестве с университетом Иллинойс в США.

Левина Я.: профессор Хелльманн, как Вы считаете, юридическое образование в России сильно отличается от юридического образования в Германии? Могли бы Вы назвать преимущества образования в России и в Германии?

Профессор Хелльманн У.: Насколько я могу судить, отличия между юридическим образованием в Германии и России являются существенными. Основное отличие заключается в том, что в Германии существует система двух государственных экзаменов: первый сдается при окончании уни-

верситета, а второй после двухгодичного, так называемого, референдариа (это практика, которую студенты проходят в суде, прокуратуре, государственных органах, адвокатских бюро). После того, как кандидат сдал второй государственный экзамен, он может заниматься любыми юридическими профессиями в Германии. Это, что касается структуры юридического образования.

Что касается университетской части, то отличие Германии от России заключается в том, что в немецком университете образование нацелено на решение юридических задач, фабул дела, которые очень близки к реальным жизненным ситуациям. Речь в Германии не идет о том, чтобы знать наизусть, что написано в законе. Законом нужно уметь пользоваться. На экзамене это разрешено и даже ожидается, что студент будет смотреть в закон. Речь идет о том, чтобы фабула дела была решена на основании закона и его толкования.

Все экзамены выглядят таким образом: студенту дается фабула дела, например: А стреляет Б в колено. Подлежит ли А и уголовной ответственности и почему? Фабулу дела необходимо решать с применением техники, которая заключается в использовании определенных юридических терминов (рекомендаций).

Я думаю, что в этом заключается основное различие юридического образования.

Чимизгина Д.: Что на Ваш взгляд наиболее важно в образовании студентов?

Профессор Хелльманн У.: *(Задумался.)* Наверное, мыслить юридически. Студентам необходимо привить умение определять проблему, изучая фабулу дела. Если видишь фабулу дела, то какие проблемы можно заметить, где они находятся. Научить их быть самокритичными при изучении дела и принятии по нему решения для его всестороннего рассмотрения. Самокритичность очень важна!

Саламова С. Я.: В нашем Университете при кафедре криминологии и уголовно-исполнительного права создан научный центр «Московский криминологический кабинет». В рамках его работы студенты принимают участие в научной и научно-исследовательской работе, присутствующие здесь студенты в том числе. Предусмотрен ли подобный формат работы со студентами в Вашем Университете?

Профессор Хелльманн У.: Вчера вечером я впервые услышал о том, что ваши студенты таким образом вовлекаются в научную работу. И считаю, что это прекрасный формат! Особенно то, какие научные плоды приносит такая работа со студентами.

К сожалению, в Потсдаме ничего похожего нет. В нашем университете немного по-другому построена сама система. На моей кафедре работают и студенты, и младшие научные сотрудники, которые также вовлечены в исследовательскую работу. Но они принимают участие в моих научных проектах и это не идет ни в какое сравнение с тем, что есть на кафедре криминологии и уголовно-исправительного права.

Федоров Н.: Уважаемый профессор Хелльманн, Вы знакомы с российским уголовным законодательством. Если сравнивать его с немецким, какое из них более демократично на Ваш взгляд?

Профессор Хелльманн У.: Я не уверен, что можно все подогнать под формулу демократичности. *(Задумался.)*

На мой взгляд, самое большое отличие немецкого уголовного законодательства заключается в том, что у немецкого уголовного права, уголовного законодательства очень давняя и последовательная история. Германское уголовное уложение, в такой структуре, которой оно существует до сих пор, существует с 1871 г., даже можно сказать, что с 1851 г. (потому что Прусское уголовное уложение стало потом уголовным уложением всей Германии). Безусловно, было внесено очень много изменений, но уголовно-правовая традиция очень давняя.

И, я думаю, что в России это чуть-чуть по-другому, потому что после распада СССР в России был создан новый Уголовный кодекс. И, конечно, это гораздо сложнее написать новый уголовный кодекс, нежели годами совершенствовать то, что уже есть.

Если мы вернемся к вопросу демократичности, то немецкое право и, в частности, немецкое уголовное право во многом зависит от права Европейского союза. Есть многочисленные директивы Европейского союза, которые предписывают государствам-членам Европейского союза внести в свое уголовное законодательство определенные составы преступлений. У немецкого парламента — Бундестага — нет возможности маневрирования, т.е. депутаты должны делать то, что предписывает европейское законодательство. Тем самым, демократические какие-то решения переносятся на европейский уровень. Возвращаясь к вопросу демократичности, хочу сказать, что мне сложно определить какое право более демократично.

Федоров Н.: Какая страна из романо-германской правовой семьи, на Ваш взгляд, «задает тренды» в области совершенствования уголовного законодательства и какова в этом роль России и Германии?

Профессор Хелльманн У.: Вопрос, конечно, сложный...*(Задумался.)*

Я уже сказал о том, что правопорядки стран-членов Европейского союза во многом зависят от европейского законодателя. В основном все решается на уровне переговоров. Есть некоторые области, на которые больше влияет французское право, в некоторых областях немецкое право имеет приоритет... Что касается континентальной системы права, я бы сказал, что Франция и Германия лидируют.

Что же касается стран — членов Европейского союза, то правопорядки там отличаются и чтобы прийти к консенсусу, необходимо принятие большого количества решений. В этом смысле на Россию мало обращают внимания, так как хватает своих проблем, когда страны-члены не могут между собой договориться.

Левина Я.: Профессор Хелльманн, какие вопросы в уголовном праве на сегодняшний день, по Вашему мнению, являются наиболее актуальными?

Профессор Хелльманн У.: На мой субъективный взгляд, поскольку я занимаюсь вопросами уголовно-экономического права, одной из наиболее актуальных является грань сотрудничества между экономикой и правом. Но, честно говоря, я не думаю, что эти проблемы можно решать посредством уголовного права. На них можно реагировать. В Германии, где такая последовательная история развития уголовного права, нет проблем, которые не могут быть решены. Если мы берем такие проблемы как терроризм, или проблемы, вызванные националистскими побуждениями, то уголовным правом на них можно лишь реагировать, но нельзя решить. Причины нужно устранять каким-то другим способом.

Федоров Н.: В XXI веке очень важно быть в самом центре событий. Как Вы знаете, блокчейн и криптовалюты стали нашей повседневной реальностью. Как на эти новшества отреагировало уголовное законодательство Германии?

Профессор Хелльманн У.: Я не считаю, что немецкое право должно реагировать на эти новшества. Все, что приходит новое, например, берем преступления, связанные с криптовалютой, то это чаще всего мошенничество.

Чимизгина Д.: Как Вы думаете, какие виды новых преступлений могут появиться в связи с развитием общества и научно-техническим прогрессом?

Профессор Хелльманн У.: Я думаю, что человечество все, что можно было выдумать, выдумало! Мне сложно представить, что в связи с научно-

техническим прогрессом возникнут еще какие-то составы преступлений, на которые уголовное право должно отреагировать. В любом случае все сводится к тому, что люди хотят заработать как можно больше денег и проще всего это сделать посредством мошенничества или кражи, а в этом ничего нового нет.

Моббинг в интернете является достаточно новым трендом и происходит он техническим путем. И тут возникает вопрос: должно ли реагировать уголовное право введением нового состава преступления? Мне кажется, что тоже не нужно.

Левина Я.: Профессор Хелльманн, многие утверждают, что юридическая профессия будет через 20–30 лет неактуальна и функции юристов смогут выполнять роботы. Вы с этим согласны?

Профессор Хелльманн У.: Хочу сказать, что я немного старше чем вы *(Смеется.)*. Когда я уже закончил учебу, возникал вопрос, можно ли, например, судью заменить автоматом, так, чтобы проблема вводилась сверху, а снизу давалось ее юридическое решение. *(Смеется.)*

Мне кажется, что таким образом проблемы не решаются. Это взгляды, которые очень сильно связаны с Америкой. Это американская идея — решать все с помощью техники. Например, я считаю, что совершенно неоправданно использование детекторов лжи для того, чтобы выяснить, говорит человек правду или нет. Неоправданно использование компьютерных программ для определения вероятности рецидива.

Думаю, и через двадцать лет потребность в юристах будет иметь место. В юриспруденции речь идет о проблемах, связанных с людьми, а такие проблемы не могут решать компьютеры, их могут решать сами люди!

Луковников В.: Какой уровень латентной преступности в Германии? В каких сферах она наиболее распространена?

Профессор Хелльманн У.: Латентная преступность на то и латентная, что о ней не знают. *(Смеется.)*

Действительно, есть раздел криминологии, который посвящен тому, как можно вычислить уровень латентной преступности и что с ним делать. Есть случаи, где казалось бы очевидно, что латентной преступностью не может быть убийство, которое подтверждено доказательствами. Но мы не можем с точностью утверждать, если даже врач сказал, что смерть наступила естественным путем, что так оно и было, а не потому, что врачу не хватает знаний, чтобы понять, что это было убийство. Если же брать экономическую преступность, в частности на предприятиях, то мы

Профессор Уве Хелльманн оставляет запись в книге почетных гостей в Музее Бутырского тюремного замка

можем только опросить работников предприятий на предмет того, считают ли они себя жертвами экономических преступлений в последние годы. Это будет только мнение, которое они выскажут, а реальность и субъективное мнение в некоторых случаях абсолютно разные вещи.

Чимизгина Д.: Профессор Хелльман, каков процент экономических преступлений в Германии?

Профессор Хелльманн У.: Можно в этом случае говорить только о статистике, то есть о тех фактах, которые действительно были установлены. Что касается процента экономических преступлений из общего количества, то я бы сказал, что их достаточно мало, не больше 4–5%. Но они дают больше половины от всего установленного материального ущерба (более 60% от общего его количества).

Луковников В.: Должны ли, по Вашему мнению, экономические преступления наказываться лишением свободы?

Профессор Хелльманн У.: Законодатель должен принять решение, насколько серьезными он считает экономические преступления и какие санкции за их совершение могут последовать. В Германии правило таково: если нанесен значительный ущерб, то наступает санкция в виде лишения свободы, из расчета условно 1 млн евро – 1 год лишения свободы. Есть и экономические преступники, которые были приговорены к большим срокам ли-

шения свободы, от 6, 7, 8 лет... Есть и мошенники, похитившие до 100 млн Евро. Такие мошенники приговариваются к высоким срокам заключения. Я считаю это правильным, так как полученные преступным путем деньги оказываются в другой стране в полной безопасности, преступник отбывает наказание и оказывается с деньгами, полученными незаконным путем. Поэтому, на мой взгляд, преступник должен заплатить за это соответствующую цену.

Левина Я.: Переехали бы Вы жить в Российскую Федерацию? Если да, то в какой регион?

Профессор Хелльманн У.: Опять очень сложный вопрос. *(Смеется.)*

Мне и в Германии нравится жить, но если бы я переезжал в Россию, то наверное бы туда, где все-таки тепло, потому что я бы хотел взять с собой жену, а ей необходимо тепло. Поэтому в Сибирь мы точно не поедим. *(Смеется.)* Например, могу представить переезд в Сочи, хотя мне и в Сибири было бы неплохо. В Москве тоже хорошо, но мы уже люди пожилые, лучше туда, где тепло.

Саламова С. Я.: Профессор Хелльман, напоследок хочу попросить Вас дать советы нашим студентам в их будущей профессиональной деятельности, а может даже и в научной, если они решат идти дальше в науку.

Профессор Хелльманн У.: Один совет я уже дал: будьте ко всему открыты! Принимайте ваше образование всерьез. Постарайтесь стать хорошими юристами. Не становитесь машинами, всегда оставайтесь людьми. Попробуйте понять, где лежат проблемы. Если мы говорим об уголовно-правовой области, постарайтесь понять, какие обстоятельства привели к конфликту. Понимайте свои общественные обязанности: вы – механизмдвигающий общество вперед. Принимайте те возможности, которые перед вами возникают. И если вы понимаете, что вам нравится не только потреблять знания, которые вам даются, но и создавать новые идеи, и открывать что-то новое – это показатель того, что вам нужно идти в науку.

Саламова С. Я.: Спасибо огромное, профессор Хелльман, за интересную беседу, за тот опыт, который Вы постарались передать ребятам!

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ХРИТИНИНА Д.Ф., КОТОВА В.П., ПОЛУБИНСКОЙ С.В. СУДЕБНАЯ ПСИХИАТРИЯ: УЧЕБНИК // под общ. ред. Д.Ф. Хритинина. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. 632 с.

Мацкевич Игорь Михайлович

В рецензии характеризуется содержание, структура, методика и аргументация учебника по судебной психиатрии. Освещается подход авторов учебника к логике изложения отдельного научного направления и самостоятельной учебной дисциплины факультативного характера.

Ключевые слова: психиатрия, преступление, уголовное право, суд, справедливость, правосудие, здравоохранение, юридическое образование, свидетель, потерпевший.

Представленный на рецензирование учебник по судебной психиатрии выдерживает уже шестое издание.

За это время авторский коллектив неоднократно менялся. Основной автор учебника и его главный редактор Д.Ф. Хритинин помнит об этом и с теплотой отзывается о тех, кто в свое время привносил в учебник идеи и отвечал за его актуальность, и кого сейчас, увы, уже нет с нами — Г.В. Морозов и Н.М. Жариков.

Структура учебника, с одной стороны, вполне традиционна, а с другой — имеет отличия и особенности.

Красной нитью через учебник проходит справедливая мысль, что здравоохранение и органы правосудия акцентируют внимание на защите прав и соблюдении правовых гарантий психически больных людей, которые обвиняются совершении общественно опасных действий. Нередко от мнения судебного психиатра зависит не только правильность вынесения приговора, но и судьбы людей, причем не только тех, кто совершил неблагоприятные поступки, но и тех, кто от них пострадал. Решения часто принимаются по очень тонкой грани.

Происходит это потому, что судебная психиатрия имеет дело с разными людьми, а право пытается разных людей подогнать под единые

стандарты. При этом индивидуальный характер человека, проявляющийся в его отношении к другим людям и обществу в целом, состоит из диаметрально противоположных черт: коллективизм — индивидуализм, честность — лживость, жестокость — жалостливость, эгоизм — альтруизм, трудолюбие — лень, аккуратность — небрежность, скромность — хвастливость, эгоизм — склонность к самопожертвованию и т.п.

Все это, а также многое другое необходимо учитывать при проведении судебной психиатрической экспертизы.

В учебнике на базе современных достижений психиатрии и обобщения опыта практической деятельности судебных психиатров сформулированы принципы и критерии экспертной оценки психических расстройств, наиболее часто встречающихся в судебно-психиатрической практике.

История отечественной судебной психиатрии описана коротко, но емко.

Глава, посвященная организации и проведению судебно-психиатрических экспертиз в достаточном и необходимом объеме информативна. Отрадно, что авторы владеют правовыми знаниями и точно ссылаются на нормативные правовые акты.

Отдельно рассматриваются вопросы судебно-психиатрических экспертиз в уголовном про-

цессе. Правильно обращено внимание, что в УК РФ 1996 г. появилась норма об уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Речь идет о вменяемом субъекте преступления, страдающем неглубокими, нетяжелыми болезненными психическими расстройствами, влияющими на его способность к осознанному и волевому поведению. Впрочем, говорить об этом как о впервые применяемом в отечественном законодательстве положении, представляется небольшим преувеличением. Действующие ранее законодательные конструкции предполагали привлечение к уголовной ответственности лиц, которые, хотя и страдали различными формами психических отклонений, но отдавали отчет в своих действиях в момент совершения преступления. Кстати, авторы учебника сами это признают ниже по тексту.

Не менее интересным представляется освещение вопросов судебно-психиатрических экспертиз в гражданском процессе. Кстати, мало кто знает, что большинство подобных экспертиз назначается как раз в ходе рассмотрения не уголовных, а гражданских дел.

Большое и справедливое внимание уделено проблеме свидетелей и потерпевших.

Сложными являются вопросы психиатрической помощи осужденным, находящимся в исправительных учреждениях, а также вопросы освобождения осужденных, которые в момент отбытия наказания стали страдать психическими расстройствами. Важно не только обеспечить права таких людей, но и не поддаться на уловки и ухищрения некоторых из них, когда таким способом они пытаются сократить назначенный им судом срок наказания.

Для меня, как криминолога, наибольший интерес представляет глава 7, в которой освещены общественно опасные действия лиц с психическими расстройствами и, главное, — их профилактика. Важно, что при оценке и прогнозе опасного поведения лиц с психическими расстройствами используются разнообразные методы и методики, включая изучение статистических показателей, комплексный анализ динамичных протективных переменных. Среди таких показателей также могут быть индивидуальные психологические характеристики пациента. При этом оценка всех факторов риска имеет значение для прогноза противоправного поведения, особенно насильственного противоправного поведения, для конкретного человека с индивидуальным планированием превентивных лечебных и медицинских социальных реабилитационных мероприятий.

До сих пор наиболее эффективно активное диспансерное наблюдение за пациентами, которое направлено на предупреждение общественно опасных действий, выявление вероятности которых определяется соответствующей клинической подготовкой врачей. Это позволяет своевременно обнаружить формирующийся психопатологический механизм противоправного поведения. Если больной выписан после стационарного принудительного лечения, особое внимание должно уделяться выполнению содержащихся в выписке из истории болезни рекомендаций по лечению, реабилитации и, что особенно примечательно, оказанию ему социальной помощи и трудоустройству. Два последних элемента традиционно еще с советских времен очень плохо реализуются на практике.

Авторы учебника верно отмечают, что несмотря на то, что сегодня медицина обогатилась новыми методами и технологиями, которые вроде бы позволяют выявить психопатологические изменения в человеке на самых разных стадиях заболевания, несмотря на достижения в создании современных инструментальных методов исследования в медицине, главным в диагностике психических заболеваний остается клиникопсихопатологический метод, основанный на индивидуальном опросе пациента.

В главе 12 говорится о психических расстройствах в предстарческом и старческом возрасте, что коррелирует с новым направлением в криминологии — гендерной криминологией.

Негативное влияние алкоголя и других психоактивных веществ на поведение человека, строго говоря, известно. При этом в разное время отношение к этому влиянию и у врачей, и у простого населения, и даже у представителей правоохранительных органов, а также у судей, было разное. Когда-то состояние опьянения, как это ни забавно сегодня звучит, считалось смягчающим вину провинившегося обстоятельством. Авторы правильно утверждают, что для профилактики алкоголизма следует применять комплекс социальных и медицинских мероприятий. И другого здесь ничего не придумаешь. Вся работа по организации выявления и лечения лиц, злоупотребляющих алкоголем, должна проводиться на фоне широкого противоалкогольного воспитания населения. Антиалкогольная пропаганда должна проводиться с учетом возможных медицинских и социальных последствий, а также факторов, способствующих распространению пьянства и алкоголизма.

Говоря о наркомании, обоснованно различаются ее виды, в зависимости от приоритетного

употребления того или иного наркотика и наркосодержащего препарата: опийная наркомания; каннабиноидная наркомания; кокаиновая наркомания; наркомания, вызванные употреблением снотворных веществ; злоупотребление психостимуляторами; злоупотребление галлюциногенами.

Отдельно рассмотрены психические отклонения в поведении, связанные с токсикоманией.

В главе 25 рассмотрены разнообразные расстройства влечений людей, которые приводят их к нарушению законов. Речь идет о патологическом воровстве (клептомания), расстройствах половой идентификации, и расстройствах сексуального предпочтения (парафилии), куда входит и педофилия, которую можно назвать бичом современного общества потребителей. Предупредить педофилию очень сложно, если вообще возможно.

В то же время среди расстройств влечения людей я не нашел игроманию, хотя психические отклонения, вызванные ею, приводят не только к саморазрушению личности, но и к совершению преступления.

Личность человека в учебнике классифицируется по разнообразным критериям. Среди других интерес представляет следующая классификация: паранойяльная личность; шизоидная личность; диссоциальная личность; эмоционально неустойчивая личность; истерическая личность; ананкастная личность; тревожная (мнительная) личность; зависимая личность; психастеническая личность. Каждый вид классификации представляет интерес не только с точки зрения оценки причин совершенного противоправного поведения, но и возможного профилактического воздействия на нее.

Рецензируемый учебник поможет студентам освоить достаточно сложный материал, аспирантам поможет углубиться в нюансы оценки отклоняющего поведения людей. Врачам учебник станет подспорьем в принятии правильных решения, а для юристов, и особенно представителей правоохранительных органов – учебник будет настольной книгой и поможет за каждым ужасным случаем совершения преступления не потерять человека.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Сержик Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения, профессор Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армения, avetisyanserj@mail.ru

Балашов Талгат Тулеуович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, t.balashov@mail.ru

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник руководителя Нижегородской академии МВД РФ по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского научно-прикладного центра «Юридическая техника», baranov_prof@bk.ru

Баронова Валерия Сергеевна – студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, vbaronova@mail.ru

Бочкарева Елена Вадимовна – аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), lena.bochkareva.lena@gmail.com

Волчецкая Татьяна Станиславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминологии и правовой информатики Балтийского федерального университета им. И. Канта, larty777@gmail.com

Грачева Юлия Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, uvgracheva@mail.ru

Дамаскин Олег Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, dov39@mail.ru

Кадников Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России, член Союза криминалистов и криминологов, krim-pravo@yandex.ru

Косенкова Алина Ивановна – студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, alina_kos1357@mail.ru

Лаврентьева Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, mari.lav.702@yandex.ru

Левина Яна Анатольевна – студентка 1-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, uya.levina@bk.ru

Луковников Владислав Вадимович – студент 2-го курса Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, mg.vlad.lu@yandex.ru

Лукьянов Владимир Викторович – кандидат юридических наук, доцент, советник ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, vvl1957@list.ru

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, mackevich2004@mail.ru

Мушкет Иван Ильич – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного гидрометеорологического университета, i.mushket@rshu.ru

Полубинская Светлана Вениаминовна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, svepol@yandex.ru

Понятовская Татьяна Григорьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, tagri8@yandex.ru

Рарог Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, alek.rarog@yandex.ru

Редникова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, trednikova@yandex.ru

Саламова Себила Якубовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, руководитель Московского криминологического кабинета МГЮА, sebila@mail.ru

Серебренникова Анна Валерьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, serebranna@hotmail.com

Туркин Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, nav_t@mail.ru

Федоров Никита Ильич – студент 3-го курса института частного права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина, allahodamnce@mail.ru

Халилов Рафик Нуруллоевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, r.n.halilov@mail.ru

Чимизгина Дарья Алексеевна – студентка 1-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, chimdar15@mail.ru

Чучаев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, moksha1@ Rambler.ru

Шамурзаев Таалайбек Турсунович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета, taalha@mail.ru

Шевелева Светлана Викторовна – доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета, профессор кафедры уголовного права, decan46@yandex.ru

Шидловский Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана по учебно-воспитательной работе юридического факультета Белорусского государственного университета, shidlovsky_a@mail.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Avetisyan Serzik S. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verehrter Rechtsanwalt der Republik Armenien, Professor der Russisch-Armenische Staatliche Universität, Richter des armenischen Kassationsgerichts, avetisyanserj@mail.ru

Balashov Talgat T. – Dr. iur., Professor, Leiter des Lehrstuhls für strafrechtliche Disziplin und Strafverfolgung Eurasische juristische D.A. Kunaev-Akademie, t.balashov@mail.ru

Baranov Vladimir M. – Doctor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Stellvertretender Leiter für innovative Entwicklung der wissenschaftlichen Tätigkeit Nischni Nowgorod Akademie des Innenministeriums Russlands, Präsident des Nischegoroder wissenschaftlich-angewandten Forschungszentrums „Die juristische Technik“, baranov_prof@bk.ru

Baronova Valeria S. – Studentin des Instituts der Staatsanwaltschaft der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, vbaronova@mail.ru

Bochkareva Elena V. – Doktorand der Kriminologischen Abteilung und Strafrecht Moskauer Staatsgesetz Universität von O.E. Kutafin (MSAL), lena.bochkareva.lena@gmail.com

Chimizgina Daria A. – Studentin des 1. Jahres des Instituts für forensische Expertise an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, chimdar15@mail.ru

Chuchaev Alexandr I. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhl für Strafrecht Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, uvgracheva@mail.ru

Damaskin Oleg V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Chefwissenschaftler des Strafrechts, Strafverfahren und Kriminologie Abteilung, Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, dov39@mail.ru

Dubovik Olga L. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin, Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, o.l.dubovik@yandex.ru

Fedorov Nikita I. – Student des 3. Jahres des Privatrecht Instituts an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, allahodamnce@mail.ru

Gracheva Yulia V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozentin, Professor des Lehrstuhl für Strafrecht Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, uvgracheva@mail.ru

Kadnikov Nikolai G. – Dr. iur., Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht an der Moskauer V.J. Kikot-Universität des Innenministeriums, Mitglied des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, krim-pravo@yandex.ru

Khalilov Rafik N. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie Föderale Staatliche Universität Kasan, r.n.halilov@mail.ru

Kosenkova Alina I. – Studentin des Instituts der Staatsanwaltschaft der Kutafin Moskauer staatlichen juristischen Universität, alina_kos1357@mail.ru

Lavrentieva Maria S. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Außerordentlicher Professor des Lehrstuhls für Staatliche Rechts Disziplinen an dem Russischen staatliche Sozialuniversität, mari.lav.702@yandex.ru

Levina Yana A. – Studentin des 1. Jahres des Instituts für forensische Expertise an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, yna.levina@bk.ru

Lukovnikov Vladislav V. – Student des 2. Jahres des Instituts für Staatsanwaltschaft an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, mr.vlad.lu@yandex.ru

Lukyanov Vladimir V. – Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Berater des Rektors der russischen staatlichen pädagogischen Universität A.I. Herzen, vvl1957@list.ru

Matskevich Igor M. – Dr. iur., Professor, Leiter des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, Professor an der Moskauer Staatlichen

M.V.Lomonosov-Universität, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Vorsitzender des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen Vorsitzender der Internationalen Stiftung für rechtliche Initiative, mackevich2004@mail.ru

Musket Ivan I. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizerektor für wissenschaftliche Forschung der russischen staatlichen Hydrometeorologischen Universität, i.mushket@rshu.ru

Polubinskaya Svetlana V. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor, Leitenderwissenschaftler des Strafrechts, Strafverfahren und Kriminologie Abteilung, Institut für Staat und Recht der Russische Akademie der Wissenschaften, svepol@yandex.ru

Ponyatovskaya Tatiana G. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhl für Strafrecht Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität, tagri8@yandex.ru

Rarog Alexej I. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, wissenschaftlicher Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht Moskauer Staatliche Juristische O.E. Kutafin-Universität (MGJuA), alek.rarog@yandex.ru

Rednikova Tatiana V. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Wissenschaftliche Mitarbeiterin in der Abteilung für Umwelt-, Land und Agrarrecht, Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, Moskau, trednikova@yandex.ru

Salamova Sebila Y. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, Leiter des MSAL Moskauer kriminologischen Raum, sebila@mail.ru

Serebrennikova Anna V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie an der Moskauer Staatlichen M.V. Lomonosov-Universität, serebranna@hotmail.com

Shamursaev Taalajbek T. – Dr. iur., Professor, Leiter des Lehrstuhls für Strafprozessrecht und Kriminalistik Kirgisisch- Russische Slawische Universität, taalha@mail.ru

Sheveleva Svetlana V. – Dekan der Rechtswissenschaftlichen Fakultät Southwestern State Universität, Professor der Abteilung für Strafrecht, Doktor der Rechtswissenschaft, außerordentlicher Professor, decan46@yandex.ru

Shidlovsky Andrei V. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Dekan der Juristischen Fakultät bei der Bildungs-erziehungsarbeit der Belarussischen Staatlichen Universität, shidlovsky_a@mail.ru

Turkin Mikhail M. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor des Lehrstuhls für Zivil Staatliche Rechts Disziplinen an dem Russischen staatliche Sozialuniversität, nav_t@mail.ru

Volchetskaja Tatjana S. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiterin des Lehrstuhls für Strafverfahren, Kriminalistik und Rechtstechnik der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, larty777@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Avetisyan Serzik S. – doctor of law, professor, honored lawyer of the Republic of Armenia, professor of Russian-Armenian University, Judge of the Criminal Chamber of the Court of Cassation of Armenia, avetisyanserj@mail.ru

Balashov Talgat T. – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and law enforcement Eurasian Law Academy named after D.A. Kunaev, t.balashov@mail.ru

Baranov Vladimir M. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Innovative Development of Scientific Activity, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center «Juridical Technique», baranov_prof@bk.ru

Baronova Valeriya S. – Student of the Institute of the Prosecutor's Office of the Kutafin Moscow State Law University, vbaronova@mail.ru

Bochkareva Elena V. – postgraduate student of the Department of Criminology and penal law Moscow State Law University of O.E. Kutafin (MSAL), lena.bochkareva.lena@gmail.com

Chimizgina Daria A. – 1-nd year student of the Forensic Expertise Institute at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, chimdar15@mail.ru

Chuchaev Alexandr I. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, mokshal@rambler.ru

Damaskin Oleg V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Research Fellow of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminology Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, dov39@mail.ru

Dubovik Olga L. – Doctor of Law, Professor, Head Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, o.l.dubovik@yandex.ru

Fedorov Nikita I. – Third year student of the Private law institute, of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, allahodamnce@mail.ru

Gracheva Yulia V. – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, uvgracheva@mail.ru

Kadnikov Nikolai G. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, member of the Union of Criminalists and Criminologists, krim-pravo@yandex.ru

Khalilov Rafik N. – Candidate of Legal Sciences, Assistant professor of the criminal law department, Kazan (Privolzhsky) Federal University, r.n.halilov@mail.ru

Kosenkova Alina I. – Student of the Institute of the Prosecutor's Office of the Kutafin Moscow State Law University, alina_kos1357@mail.ru

Lavrentieva Maria S. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal disciplines of the Russian State Social University, mari.lav.702@yandex.ru

Levina Yana A. – 1-st year student of the Forensic Expertise Institute at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, yna.levina@bk.ru

Lukovnikov Vladislav V. – 2-nd year student of the Institute of Prosecution at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, mr.vlad.lu@yandex.ru

Lukyanov Vladimir V. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Advisor to the Rector of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen, vvl1957@list.ru

Matskevich Igor M. – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminology and Executive Law Chair at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of Moscow State University named

after M.V. Lomonosov, Honored Scientist of Russia, President of the Union of Criminalists and Criminologists, President of the International Foundation for Legal Initiatives, mackevich2004@mail.ru

Musket Ivan I. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific Research of the Russian State Hydrometeorological University, i.mushket@rshu.ru

Polubinskaya Svetlana V. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminology Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, svepol@yandex.ru

Ponyatovskaya Tatyana G. – Doctor of Laws., Professor, Professor of the Criminal Law Department of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, tagri8@yandex.ru

Rarog Alexey I. – Doctor of Law, Professor, Scientific Head of the Criminal Law Department of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, alek.rarog@yandex.ru

Rednikova Tatyana V. – Candidate of Legal Sciences, Researcher of the Environmental Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, trednikova@yandex.ru

Salamova Sebila Y. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminology and Executive Law Chair at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Head of Moscow criminological room at MSAL, sebila@mail.ru

Serebrennikova Anna V. – Doctor of law, Professor, Professor of the Department of criminal law and criminology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, serebranna@hotmail.com

Shamurzaev Taalaibek T. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Kyrgyz-Russian Slavic University, taalha@mail.ru

Sheveleva Svetlana V. – Dean of the Faculty of Law Southwestern State University, Professor of the Department of Criminal Law, doctor of jurisprudence, associate professor, decan46@yandex.ru

Shidlovsky Andrei V. – Candidate of Legal Sciences Deputy dean of educational work, associate Professor of criminal Law for the law faculty of the Belarusian State University, shidlovsky_a@mail.ru

Turkin Mikhail M. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law disciplines of the Russian State Social University, nav_t@mail.ru

Volchetskaya Tatyana S. – Doctor of law, Professor, Head of the Department of criminal procedure, criminalistics and legal technology I. Kant Baltic Federal University, larty777@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance.	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Rechtliche Aspekte der Verwendung des Polygraphen

Damaskin O.V., Polubinskaya S.V.

Ziel ist die allgemeine Beschreibung der Hauptanwendungsbereiche des Polygraphen in Russland; Analyse der gesetzlichen und normativen Rechtsakte zur Durchführung psychophysiologischer Untersuchungen mit einem Polygraphen; die Untersuchung der Rechtsprechung in Strafsachen im Hinblick auf die Zulässigkeit von Beweismitteln, die mittels eines Polygraphen erlangt werden; die Feststellung der Hauptprobleme im Zusammenhang mit der Verwendung eines Polygraphen, der Verletzung der Rechte und berechtigten Interessen der Bürger sowie die Vorlegung von Lösungsansätzen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, formell-rechtliche Methode, rechtliche Hermeneutik, aktuelle Rechtsprechung, Rechtsvergleichende Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie kommen die Autoren zu dem Schluss, dass es notwendig ist, ein Föderalgesetz über die Verwendung eines Polygraphen zu entwickeln und zu verabschieden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Autoren weisen auf die theoretische Diskrepanz in der in- und ausländischen Literatur über die theoretischen Grundlagen der Verwendung des Polygraphen sowie auf die Zuverlässigkeit der mit seiner Hilfe erzielten Ergebnisse hin, was die weit verbreitete Verwendung dieses technischen Werkzeugs in der Praxis nicht verhindert. Die Untersuchung der Bestimmungen der gesetzlichen und normativen Rechtsakte, die die Grundlage und das Verfahren für die Durchführung psychophysiologischer Untersuchungen unter Verwendung eines Polygraphen in Russland festlegen, ermöglichte den Autoren, eine Reihe von Gesetzeslücken in der bestehenden gesetzlichen Regelung zu identifizieren. Dazu gehören die unzureichende Regelung der Rechte von Personen, die sich solchen Untersuchungen unterziehen, das Fehlen einheitlicher Anforderungen an die berufliche Ausbildung und Qualifizierung von Fachkräften, die solche Untersuchungen durchführen sowie allgemein anerkannte Expertenmethodik. Die Autoren weisen auf die Notwendigkeit eines Föderalgesetzes über die Verwendung eines Polygraphen hin, das zur Lösung dieser Probleme beitragen und eine Garantie für die Achtung der Rechte und berechtigten Interessen der Bürger sein sollte.

Stichwörter: Polygraph, psychophysiologische Untersuchung, forensische psychophysiologische Untersuchung, forensische Beweise, Zulässigkeit von Beweisen, Sicherheitsbehörden, Strafverfolgungsbehörden, Arbeitstätigkeit, gesetzliche Regelungen, Rechte und berechnigte Interessen der Bürger.

Das Problem der Abgrenzung der Straftaten von geringfügigen Taten

Avetisyan S.S.

Ziel: ist auf der Grundlage einer vergleichenden rechtlichen Analyse der Strafrechtsvorschriften verschiedener Länder zwischen den Unterscheidungsmerkmalen einer Straftat und unbedeutenden Handlungen unterscheiden; das Wesen unbedeutender Taten offenbaren; eine Reihe von Vorschlägen zur Verbesserung der Gesetzgebung der Strafgesetzbücher in Armenien und Russland auszuarbeiten.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, formal-logische und rechtsvergleichende Methoden.

Schlussfolgerungen. Objektive und subjektive Kriterien für geringfügige Handlungen werden herausgearbeitet, die es ermöglichen, diese Handlungen von Verbrechen zu unterscheiden. Die Unbedeutung einer Handlung sollte als ein Umstand angesehen werden, der der strafrechtlichen Verantwortung entgegensteht. Wenn im Strafgesetzbuch von Armenien Straftaten angeordnet werden, wird die Frage der Unbedeutung der Handlungen gestrichen. Bei den Kategorien von Straftaten nach dem Strafgesetzbuch von Armenien sollte die Notwendigkeit berücksichtigt werden, Straftaten einzubeziehen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. des Artikels besteht darin, Kriterien für die Abgrenzung krimineller Handlungen von unbedeutenden zu entwickeln, bei denen der Grad der sozialen Gefahr einer Handlung gering ist. Vorgeschlagen werden praktische Empfehlungen zur korrekten Auslegung und Anwendung der strafrechtlichen Vorschriften zur Unbedeutung der Handlung; Es wurden spezielle Vorschläge zur Verbesserung der nationalen Strafgesetzgebung entwickelt.

Stichwörter: Gesetz, Kriminalität, soziale Gefahr der Tat, unbedeutende Handlung, Verantwortlichkeit, kriminelles Fehlverhalten, gesetzmäßiges Verhalten, Kategorien von Straftaten.

Rechtstechnische Mängel des UK der Russischen Föderation mit rechtsvergleichendem Fokus

Baranov V.M.

Ziel: einige technische und rechtliche Mängel des gültigen Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zu ermitteln und Wege zu deren Beseitigung sowie Wege zur Beseitigung der negativen Folgen ihres Funktionierens vorzuschlagen.

Methodologie: Verwendung von Methoden, Techniken und Mitteln der Rechtsvergleichung, Verwendung einer formalen Rechtsmethode im dialektischen Zusammenhang mit statistischen und soziologischen Ansätzen.

Schlussfolgerungen. Inhalt, Struktur und Form des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation müssen erheblich korrigiert werden: «Ausrüstung» mit detaillierter Präambel, Verringerung der Anzahl von Bewertungskonzepten und qualitative „Entschlüsselung“ der Definitionsnormen, Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Straftaten im Bereich der geistigen Sicherheit.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Dem Gesetzgeber und der Rechtsgemeinschaft werden eine Reihe organisatorischer und verwaltungstechnischer Maßnahmen angeboten, um die Strafgesetzgebung weiter zu verbessern sowohl die Wirksamkeit ihrer Umsetzung im Kontext der Globalisierung und die Verschärfung der außenpolitischen Situation zu erhöhen.

Stichwörter: Defekt des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, Fehler bei der Rechtsfindung, Rechtsvergleichungsmethode, Präambel des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, Zweck des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, Grundsatz der Strafpolitik, Bewertungskonzept des Strafrechts, Kodifizierungstechnik, Rechtsstellung des Bundesverfassungsgerichts Deutschlands, geistige Sicherheit.

Spezielle victimologische Verhinderung Gefährlicher Verbrechen In Familienhaushalten

Bochkareva E.V.

Ziel: Probleme zu berücksichtigen, die sich aus der Umsetzung der speziellen viktimologischen Prävention von Gewaltverbrechen in der Familie und im Haushalt ergeben, und neue Maßnahmen vorzuschlagen, um die Wirksamkeit dieser Prävention zu verbessern.

Methodologie: Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, interdisziplinäre Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Auf der Grundlage der Studie schlägt der Autor vor, ein zentralisiertes System von Krisenzentren als Maßnahme zur speziellen viktimologischen Prophylaxe gegen weibliche Opfer häuslicher Gewalt in Russland zu schaffen. Es wird vorgeschlagen, im Hinblick auf die Umsetzung der viktimologischen Prophylaxe im familiären und häuslichen Bereich im Hinblick auf Minderjährige eine wirksame Wechselwirkung zwischen verschiedenen Arten von Strukturen herzustellen, die auf dem Gebiet des Schutzes der Rechte von Minderjährigen tätig sind. Um ältere Menschen vor Gewaltdelikten und Misshandlungen zu schützen, wird vorgeschlagen, eine spezielle Einheit auf der Grundlage der Sozialschutzbehörden der Bevölkerung zu schaffen, deren Haupttätigkeit der soziale und rechtliche Schutz älterer Menschen einschließlich des Schutzes vor häuslicher Gewalt wäre. Außerdem scheint es nach der Ansicht des Autors auch ratsam zu sein, ein spezielles Korrekturprogramm für Männer einzuführen, die gewalttätig sind und in der Familie und im häuslichen Bereich Gewalt anwenden, und eine staatliche Telefonleitung („Helpline“) einzurichten, um Erste Hilfe zu leisten und Opfer der häuslichen Gewalt zu unterstützen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte wissenschaftliche Studie ermöglicht eine detailliertere Untersuchung der Probleme, die sich bei der Umsetzung der speziellen viktimologischen Prävention von Gewaltverbrechen in der Familie und im Haushalt ergeben. Diese Studie wird für das Studium sowohl von Wissenschaftlern als auch von Praktikern sowie von Universitätsstudenten, die Kriminologie, Viktimologie und Familienpsychologie studieren, von Nutzen sein.

Stichwörter: Gewaltverbrechen, Familie, Opferprävention, Kriminalprävention, Kriminalitätsoffer, Krisenzentrum, Vertrauensdienst.

Besonderheiten der Entwicklung von der modernen Kriminalistik in Deutschland und den USA

Volchetskaja T.S.

Ziel: Vergleichung und Analyse des Entwicklungsstandes der forensischen Wissenschaft in Deutschland und in den USA, als auch die Feststellung der Möglichkeit ihre wissenschaftlichen Erkenntnisse in Russland zu nutzen.

Methodologie: der dialektische Materialismus, Induktion, Deduktion, formal-juristische Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. *Basierend auf der Analyse der modernen wissenschaftlichen Literatur in Russland, Deutschland und in den Vereinigten Staaten von Amerika, werden die Entwicklungsstände der forensischen Wissenschaft in diesen Ländern bestimmt. Es wird herausgefunden, dass die deutschen und US-amerikanischen Wissenschaftler verschiedenen Ansichten über die Beschreibung von Natur, Gegenstand und Objekt der Kriminalistik haben. Es ist erwiesen, dass die Struktur der Kriminalistik in Deutschland, den Vereinigten Staaten und in Russland ungleichartig ist. In der Theorie und Methodologie der deutschen Kriminalistik werden in großem Umfang die Bestimmungen anderer Wissenschaften, vor allem der Naturwissenschaften, benutzen. Das Entwicklungsniveau der Kriminaltechnik in den Vereinigten Staaten und in Deutschland ist ziemlich hoch und erfüllt vollständig alle Anforderungen für die Bekämpfung der modernen Kriminalität, einschließlich der internationalen. Die aktuellen Probleme der deutschen Kriminaltaktik sind die strategischen Aspekte der Vernehmung, suggestive Fragen, die Verteidigungsstrategie, die Verweigerung von den geständigen Einlassungen der Angeklagten und eine Reihe andere.*

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Das Studium der modernen Errungenschaften der Kriminalistik in Deutschland und den Vereinigten Staaten erlaubt es, Trends in der Entwicklung dieser Wissenschaft zu definieren, um Kriminalität unabhängig von nationalen Grenzen zu bekämpfen, sowie die vielversprechenden Richtungen für die Entwicklung der Kriminalistik in Russland zu finden.*

Stichwörter: *Forensik, Kriminalistik, Kriminalistik in Deutschland, Kriminalistik in den USA.*

Bannbruch und bannbruchsähnliche Delikte: Ähnlichkeiten und Unterschiede

Gracheva Y.V., Chuchaev A.I.

Ziel: *Das Ziel des wissenschaftlichen Artikels ist die Spezifizierung der gesetzgebenden Merkmale von 4 Kompositionen des Schmuggels auf der Grundlage der theoretischen Bewertung der wichtigsten seiner Merkmale.*

Methodologie: *Die Methodik des wissenschaftlichen Artikels umfasst die dialektische Methode der Posen, andere (allgemeinwissenschaftliche) Methoden der Erkenntnis sozial-rechtlichen Phänomene (Analyse, Synthese, Deduktion und Induktion) sowie private-wissenschaftliche Methoden, wie Z. B. Historiker-rechtliche und systemische Methoden.*

Schlussfolgerungen. *1. Im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation gibt es 4 Artikel, in denen Schmuggel und 4 Artikel, in denen Zeichen «geschmuggelte Verbrechen» festgesetzt werden, beschrieben werden. Der Gesetzgeber hat Recht, ohne die Letzte Gruppe von Verbrechen durch den Schmuggel als sozial gefährliche Tat von jedem der betrachteten Verbrechen genannt zu haben, wird durch die ungesetzliche Bewegung eines Themas durch die Grenze nicht erschöpft, und es wird durch eine Reihe von alternativen Handlungen charakterisiert.*

2. Die Geschichte der Genesis und der Evolution des Strafgesetzbuches über die Verantwortung für den Schmuggel zeigt, dass seine Entstehung und Entwicklung durch die Entwicklung der Zollangelegenheit, der Wirtschaft des Landes, des innen- und Außenhandels bedingt sind. Der Schmuggel wurde in den alten Jahrhunderten geboren und entwickelt, als die Einfuhrzölle zum ersten mal eingeführt wurde und die waren exportiert wurden, erfolgte die Erhöhung Ihrer Größe proportional zum Wachstum der Aufgaben und war mit illegalen, versteckten Güterverkehr neben Zoll oder durch Zoll verbunden, mit Ihrer Vertuschung.

Die Gebühren waren: a) eine wesentliche Quelle für die Nachfüllung des Schatzes; B) ein Werkzeug für die Regulierung der außen- und Innenhandel-ob.

Später kaufte der Schmuggel zusätzliche Merkmale, es gab eine Abdeckung-nicht nur die Vermeidung von Gebühren, sondern auch das Verbot der Einfuhr oder Ausfuhr bestimmter waren.

3. Dezember 2011 gesehen richtig und wurde durch mehrere Faktoren verursacht: a) 2009 drei Länder der eurasischen Wirtschaftsgemeinschaft (Eurasis) haben den Vertrag über den Zollcode der Zollunion unterzeichnet; B) öffentliche Gefahr «waren» Schmuggel besteht in der Nichtzahlung von Zollgebühren, aber im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation fällt diese Handlung unter Zeichen der Kunst.

4. Das unmittelbare Objekt des Schmuggels von Bargeld und (oder) geldwerkzeugen (Kunst. 200¹ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation) ist die öffentliche Beziehung, die im Zusammenhang mit der Notwendigkeit des Schutzes der öffentlichen Sicherheit in dieser Verbindung, Kunst.200¹ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation entstehen würde, würde es notwendig sein, in der Abteilung des Bezirks 24 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zu positionieren.

5. Erfordert Aktualisierung die Anordnung der Kunst. 200² des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation im System von Normen des Speziellen Teils des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation und des Umstandes des Platzes der Kommission des Schmuggels.

6. In allen vier Einheiten des Schmuggels ist es notwendig, «die Zollgrenze des Zollvereins innerhalb von Eurases» auf «Zollgrenze des Zollvereins innerhalb von eaes «zu bemerken.

7. In der Kunst. 226¹ und 229¹ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation wird die richtige Instruktion außer der Zollgrenze des Zollvereins innerhalb von EURASEC auf der Grenze der Russischen Föderation durch ein Thema des Schmuggels verursacht. Sie sind Gegenstände, die im zivilen Verkehr begrenzt sind.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung sind in den formulierten Schlussfolgerungen, die bei der Durchführung weiterer Forschung sowohl durch Schmuggel, schmuggelverbrechen und zollverbrechen verwendet werden können. Darüber hinaus können Schlussfolgerungen verwendet werden, um Anzeichen von Schmuggel zu konkretisieren; bei der Entwicklung von Erklärungen durch den Plenum des obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation; Strafverfolgungsbehörden in der justiztätigkeit.

Stichwörter: Schmuggel, illegale Verbrechen, Zollunion eawu, Staatsgrenze der Russischen Föderation, Grenze der Zollunion eawu, Genesis und Entwicklung der Strafbarkeit für den Schmuggel, Import in das Territorium der Russischen Föderation, Export aus dem Territorium der Russischen Föderation, Umstand des Ortes des Schmuggels, Ausweichen der Zahlung von Zollzahlungen.

Qualifizierte Anzeichen von Umweltstraftaten im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation

Dubovik O.L.

Ziel ist das Hauptziel besteht darin, die Angemessenheit der strafrechtlichen Regulierung des Inhalts allgemeiner und besonderer Zeichen von Umweltstraftaten gemäß Kapitel zu ermitteln. 26 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation. Darüber hinaus stellt sich als Forschungsaufgabe heraus, welche Bedeutung diese Zeichen in den Komponenten von Straftaten mit einer Umweltkomponente haben. Die Verantwortung für das Begehen von Straftaten ist jedoch auch in anderen Kapiteln des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehen – 24, 25, 34. Die Hauptaufgabe besteht darin, die Systematik und die Verteilung von Qualifikationszeichen zu ermitteln oder indirekt über die Umwelt, ihre Komponenten und Einrichtungen, über die Umweltsicherheit der Russischen Föderation und ihrer Bürger. Auf diese Weise können sowohl die Liste als auch die Bedeutung der Qualifikationsmerkmale dieser Gruppe von Verbrechen geklärt werden.

Methodologie: Methoden der Strukturanalyse, logische und dogmatische Analyse, Sprach- und Strukturanalyse sowie Rechtsvergleichung.

Schlussfolgerungen. Mit aller Aufmerksamkeit, die in der Literatur in den Kommentaren zum Strafgesetzbuch der Russischen Föderation, den Lehrbüchern des Strafrechts, den monografischen Veröffentlichungen, dem Problem der qualifizierenden Elemente der Kriminalität, vor allem bei mehreren Objekten, wie Verbrechen gegen die öffentliche Sicherheit oder der Wirtschaft, ihrer Systematik, der Bewertung der allgemeinen und besonderen Qualifikationen, berücksichtigt wurde Zeichen, deren Errichtung und Nachweis, muss es als unzureichend anerkannt werden.

Ein Vergleich allgemeiner und besonderer Anzeichen von Umweltstraftaten gegen die öffentliche Sicherheit, die öffentliche Gesundheit und andere, die eine umweltrelevante Komponente (für Umweltschäden, ihre Bestandteile und Gegenstände, die Umweltrechte der Bürger, die Umweltsicherheit der Bevölkerung und der Gebiete) mit sich bringen, lässt den Schluss zu dass die Systematik (Liste und Korrelation) der Qualifikationsmerkmale, die in den Artikeln der Kapitel 24, 26 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation und in einer Reihe von anderen angegeben sind, nicht optimal ist. Sie entspricht nicht vollständig der öffentlichen Gefahr eines Eingriffs in die Umwelt und anderer gesetzlich geschützter umweltrelevanter rechtlicher Vorteile, ist durch Lücken (wenige) gekennzeichnet und bedarf daher einer besonderen Analyse und Klärung der Texte der strafrechtlichen Verbote.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In der einheimischen Literatur wird unter Beachtung der Offenlegung des Inhalts und der Rolle qualifizierender Anzeichen von Straftaten (Gewaltanwendung, Begehung von Straftaten durch eine organisierte Gruppe, auf dem Natur Geschützte Territorium, Tod usw.) die Systematik dieser Anzeichen nicht vollständig Berücksichtigt. Theoretisch ist es notwendig, die Notwendigkeit ihrer Benennung im Strafrecht zu belegen und praktisch entweder seine Anforderungen zu ändern oder die gerichtliche Ermittlungspraxis auf eine gründlichere Darstellung aller Beweise zu legen, die das Vorhandensein qualifizierender Anzeichen (auf Gegenstand, Subjekt und objektive Seite der Straftat) belegen. Es scheint, dass die Liste solcher Anzeichen manchmal willkürlich definiert wird, ohne die Ergebnisse kriminologischer und strafrechtlicher Untersuchungen, der gerichtlichen Praxis und der Positionen der strafrechtlichen Doktrin zu berücksichtigen. Daher ist es besonders wichtig, die Verteilung allgemeiner und besonderer Qualifikationsmerkmale sowohl hinsichtlich ihrer Systematik in den Kapiteln des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation als auch anhand der objektiven Gefahr bestimmter Handlungen zu vergleichen, die die öffentliche Sicherheit beeinträchtigen.

Stichwörter: Sicherheit, Wilderei, Gesetz, Kriminalität, Qualifikationsmerkmal, Corpus Delicti, Umwelt, Ökologie, Gewalt.

Zur Frage der strafrechtlichen Bestrafung und anderen strafrechtlichen Maßnahmen

Kadnikov N.G.

Ziel: Die Normen des Strafrechts, Artikel des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, die die rechtliche Natur der Strafe als Art der Strafe und als andere strafrechtliche Maßnahmen charakterisieren, um die Kriterien Ihrer Unterschiede zu zeigen und die strafrechtliche Bedeutung zu offenbaren.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Reformen des Strafgesetzes in der Russischen Föderation berührten viele Strafgesetze. Wesentliche Ergänzungen berührten das Institut für Bestrafung und beziehen sich im wesentlichen auf die Normen dieser Art von Bestrafung als Strafe. Darüber hinaus wird derzeit gesetzlich festgelegt, dass die Strafe nicht nur eine strafrechtliche Strafe ist, sondern auch ein anderes Maß für kriminell-rechtlichen Charakter anerkannt wird.

1. 46 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation hat eine Geldstrafe, die innerhalb der vom Strafgesetzbuch zur Verfügung gestellten Grenzen vorgeschrieben ist.

In H. 2 Kunst. 46 UK fixiert die Größe der Strafe und die Methoden seiner Berechnung. Der erste Weg zur Berechnung ist in absoluter monetärer Hinsicht. Früher waren die Maßnahmen von zweitausend fünfhundert bis zu einer Million Rubel, nach dem UKA-zanny Datum von fünftausend bis fünf Millionen Rubel. Der zweite Weg ist die Höhe des Gehalts oder des sonstigen Einkommens des verurteilten (hinter dem PE-Riord von zwei Wochen bis fünf Jahren). Der Dritte Weg zur Berechnung der Strafe – 204–204² des UK der Russischen Föderation), Bestechung des Mitarbeiters des Vertragsdienstes, des Vertragsverwalters, des Mitglieds der Kommission für Beschaffung und anderer autorisierter Personen, die die Interessen des Kunden im Bereich der Beschaffung von Waren, Arbeiten, Dienstleistungen für die Bereitstellung von staatlichen oder kommunalen Bedürfnissen (Art. 200⁵, 290–291² des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation) oder der Summe von ungesetzlich wechselnden Barmitteln und (oder) Kosten von Barmitteln (Kunst. 200¹ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation) (in der Höhe bis zum Lagerbetrag solcher Bestechung, Bestechungsgelder oder Summen von illegal verlagertem Geld und (oder) den Wert von Geldmitteln, aber es kann nicht weniger als fünfundzwanzigtausend Rubel und mehr als fünfhundert Millionen Rubel geben). Die Strafe, wie die Art der Strafe, kann sowohl ohne Ratenzahlung als auch mit Ratenzahlungen bis zu fünf Jahren (in Coot-Verzweigung mit H. 3 Kunst ernannt werden. 46 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation).

2. Als eine andere Maßnahme der strafrechtlichen Natur ist die gerichtliche Strafe eine Geldstrafe, die vom Gericht bei der Befreiung der Person von der Haftung in den Fällen, die durch den Artikel 762 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zur Verfügung gestellt werden, ernannt wird.

Die gerichtsstrafe sollte innerhalb von zwei Institutionen – die Befreiung von strafrechtlicher Haftung und anderer strafrechtlicher Maßnahmen betrachtet werden.

Die Bestimmungen über die gerichtsstrafe wurden im Allgemeinen Teil des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation durch das Bundesgesetz vom 3. Juli 2016 aufgenommen. Nr. 323-FZ in der Form des neuen Artikels 762 «Befreiung von der kriminellen Verantwortung mit der Ernennung der gerichtlichen Strafe» und des Kapitels 152 «Gerichtliche Strafe «Abschnitt VI» Andere Maßnahmen des kriminellen-rechtlichen Charakters», die Artikel 104¹ und 104² enthält, die den Prozess und das Verfahren der Anwendung dieses Maßes bestimmen.

Das Strafgesetz bindet die Bestimmung der Größe der gerichtsstrafe mit dem Inhalt der Sanktion des Artikels des Speziellen Teils des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation über die vollkommene vor-Annäherung. 104² des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation kann die Hälfte der maximalen Größe der Strafe in Form einer Strafe, die durch den entsprechenden Artikel Des speziellen Teils des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zur Verfügung gestellt ist, nicht überschreiten. Wenn in der Sanktion des verwendeten Artikels des Speziellen Teils des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation die Strafe nicht vor-ren ist, kann die Größe der gerichtsstrafe nicht mehr als zweihundertfünfzigtausend Rubel sein.

Zweifellos haben die Strafe als eine Art Strafe und als eine andere Maßnahme des strafrechtlichen Charakters viel gemeinsam. Dies sind jedoch verschiedene Kategorien, die Ihre juristische Natur und Ihre eigenen Inhalte haben.

In Anbetracht dessen, dass die Entstehung der sogenannten gerichtsstrafe, wie andere Maßnahmen der strafrechtlichen Vergeltung, den Mechanismus der strafrechtlichen Regulierung erheblich verändert. Vielleicht beobachten wir die Reflexion der objektiven Notwendigkeit einer differenzierten Methode der Wirkung auf die Personen, die Taten begangen haben, die durch das Strafrecht außer der rein strafbaren Vergeltung mit der macht nur der strafstrafe verfallen sind.

Stichwörter: Strafgesetzbuch der Russischen Föderation, Strafe als Art der strafstrafe, Strafe als anderes Maß des kriminell-rechtlichen Charakters.

Zur Frage der Ordnungswidrigkeiten im Bereich des geistigen Eigentums

Lavrentieva M.S., Turkin M.M.

Ziel ist eine Analyse der Rechtsvorschriften der Russischen Föderation zum rechtlichen Schutz der Rechte des geistigen Eigentums.

Methodologie: Abzug, formale Rechtsmethode, vergleichende Rechtsmethode

Schlussfolgerungen. Der Artikel befasst sich mit Fragen im Zusammenhang mit verschiedenen Arten von Straftaten im Bereich des geistigen Eigentums und der normativen gesetzlichen Regelung der Verantwortlichkeit für diese Straftaten in Russland. Besonderes Augenmerk gilt der Haftung für Verletzungen gewerblicher Schutzrechte.

Um die aktuelle Situation zu klären, Straftaten vorzubeugen und den Schutz von Patentrechten für gewerbliche Geschmacksmuster zu verbessern, müssen nach Ansicht der Autoren die gesetzlichen Vorschriften der Russischen Föderation angemessen geändert und gleichzeitig eine gewisse Abstufung (Unterteilung) der kriminellen Eingriffe – Patentrechte – vorgenommen werden.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Eine Analyse der gesetzlichen Regelung des Schutzes der geistigen Rechte in der Russischen Föderation ermöglicht es dem russischen Gesetzgeber, eine Reihe von Problemen zu lösen, die mit der Verbesserung der einschlägigen Rechtsnormen zusammenhängen.

Stichwörter: Straftat, administrative Verantwortung, Industriedesign, geistiges Eigentum.

Das Rechtsquellensystem des Strafrechts und die Probleme der Modernisierung

Lukyanov V.V., Musket I.I.

Ziel ist Begründung der Notwendigkeit einer Modernisierung des Strafrechtssystems in der Russischen Föderation.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, formale Rechtsmethode, vergleichende Rechtsmethode.

Schlussfolgerungen. Die wachsende Vielfalt der Rechtsquellen ist ein natürlicher Prozess, der allen modernen Gesetzen innewohnt. Dieser Prozess spiegelt die Merkmale der neuen Zeit, die veränderten Bedingungen für die Entwicklung des Rechts, des Staates und der gesamten Gesellschaft wider. Dies führt zu einer Zunahme des Volumens normativer Rechtsakte, der Ausweitung und Vertiefung des Rechtsbereiches, der Ausweitung des Kreises der Teilnehmer an Rechtsbeziehungen, der Entstehung neuer Eigenschaften und Merkmale, die neu entstehen, sowie sich ändernden sozialen Beziehungen. Die Aufmerksamkeit und die Stärkung der Rolle des Rechts in der Gesellschaft, die zu einem viel populäreren und maßgeblicheren Regulator der sozialen Beziehungen wird, lenkt die Aufmerksamkeit auf sich. Diese Prozesse machen die Modernisierung von Rechtssystemen objektiv notwendig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung besteht in der Analyse der Wirksamkeit des Strafrechtssystems der Russischen Föderation und der Vorschläge für deren Modernisierung.

Stichwörter: Quellen des Strafrechts, der Verfassung, allgemein anerkannte Grundsätze und Normen des Völkerrechts, gerichtliche Praxis, Lehre.

Kriminologische Bedeutung eines Freispruchs

Matskevich I.M.

Ziel: ist die Praxis der rechtfertigungs-Urteile zu untersuchen und die damit verbundenen Kriminologischen Risiken zu bewerten.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formale juristische Methode, Methode der vergleichenden Rechtswissenschaft.

Schlussfolgerungen. Die Praxis vieler Länder deutet auf verschiedene statische Daten über rechtfertigungsurteile und verschiedene Bewertungen Ihrer Bedeutung hin. In Russland glauben viele, dass rechtfertigungsurteile unangemessen gering gehalten werden. Gleichzeitig ist es wichtig zu verstehen, wie klein eine Reihe von rechtfertigungs-urteilen mit der Wirksamkeit oder nicht der Wirksamkeit des Justizsystems verbunden ist und ob eine große Anzahl von rechtfertigungs-urteilen eine Garantie für einen gerichtlichen Fehler ist. Wie die Studie gezeigt hat: 1) ein Freispruch ist eine Illusion eines Vorteils diesen oder eines anderen Gerichtssystems; 2) ein Freispruch bedeutet nicht Triumph der Gerechtigkeit, auch nicht in einem konkreten; 3) ein Freispruch gibt keine Garantie, dass kein gerichtlicher Fehler in diesem konkreten sowie in anderen Fällen passieren wird; 4) ein Freispruch trägt in sich ernsthafte negative Folgen, nicht nur für diejenigen, die eine Person in der Begehung einer Straftat beschuldigt haben, sondern auch für das Opfer, das Rechtssystem und den Staat im Gesamten; 5) ein Freispruch hat keine kriminologische Bedeutung.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Studie ermöglicht es Ihnen, das Wissen über die kriminologische Bedeutung von rechtfertigungs-urteilen zu ergänzen. Die Untersuchung der Ursachen der Aus-

scheidung und Schwerelosigkeit von ausredenurteilen ist ein Interessantes Kriminologisches Problem, das behandelt werden muss. Die Ergebnisse aus der Analyse können bei der Verbesserung der Rechtsvorschriften verwendet werden, die die Fragen der Strafverfahren und der Kriminologischen Bewertungen der Ergebnisse dieses Prozesses Regeln. Darüber hinaus können die Materialien der Studie bei der Vorbereitung von Jurisprudenzexperten im Bildungsprozess angewendet werden.

Stichwörter: Kriminologie, Gerichtsverfahren, Gerichtsreform, Richter, Urteil, Rechtfertigung, Anklage, Schuld, Gerechtigkeit, Rechtmäßigkeit, Gerichtsfehler, Verantwortung.

Die sportlichen Verhältnisse und ihre strafrechtlichen Regelungen

Ponyatovskaya T.G.

Ziel ist Analyse der in den Rechtsvorschriften der Russischen Föderation vorgesehenen Maßnahmen der rechtlichen Verantwortung für die Verwendung von Doping und die Ermutigung zu deren Anwendung, um den Grad der öffentlichen Gefahr durch diese Handlungen zu bewerten.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, Rechtsvergleichungsmethode

Schlussfolgerungen. Die Normen des Ordnungswidrigkeitsgesetzes der Russischen Föderation und des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, die die Verantwortung in diesem Bereich vorsehen, sind im Wesentlichen identisch und wurden in den letzten Jahren parallel angewandt. Die Kriminalisierung der Neigung zum Doping wird einer Reihe von Autoren durch den Grad der öffentlichen Gefahr der Tat zugeschrieben. Für ein solches Merkmal der öffentlichen Dopinggefahr sind jedoch schwerwiegendere Gründe erforderlich als die Annahme, dass im Sport mit Drogen verbotene Substanzen in Beziehung stehen. Die Motivation, Doping zu bekämpfen, unterscheidet sich erheblich von der Motivation, die dem illegalen Handel mit Betäubungsmitteln und psychotropen Substanzen entgegenwirkt. Gleichzeitig ist Doping nicht mit der Ausbreitung von Drogen und anderen psychoaktiven Substanzen inhärent und nicht schädlich für die öffentliche Gesundheit. Es kann jedoch negative Folgen für die Gesundheit nur derer haben, die es konsumieren.

Ein Verstoß gegen das Regulierungsverfahren kombiniert die Art von Straftaten gegen die öffentliche Sicherheit, die öffentliche Gesundheit und die öffentliche Sittlichkeit mit den regulatorischen Auflagen für Dopingverletzungen (einschließlich Straftaten gemäß Artikel 230¹ und 230² des Strafgesetzbuches). Dopingverletzungen können in das Kriminalitätssystem von Kapitel 25 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation passen, wenn die Identität (oder Beziehung) von Substanzen und Methoden, die im Sport mit gesundheitsgefährdenden Gegenständen verboten sind, deren Verbreitung unter staatlicher Kontrolle steht, hergestellt wird. Es besteht jedoch das Problem der Beziehung von im Sport verbotenen Substanzen zu den in Kapitel 25 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vorgesehenen Straftaten. Betäubungsmittel und psychotrope Substanzen sind unabhängig von den Eigenschaften des Organismus des Verbrauchers objektiv gefährlich. Verboten in Sportssubstanzen sind die Gefahren meist nicht. Im Gegenteil, sie sind in der Medizin weit verbreitet, weil sie heilende Eigenschaften haben. Dopingverbrechen sind mit den Verbrechen in Kapitel 25 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation vereint, nur der normative Charakter des Verbots und nicht die öffentliche Gefahr, da Dopingverstöße es nicht besitzen. Es geht darum, im aktuellen Strafgesetzbuch Straftaten einer neuen Art von Handlungen zu fixieren, die normativer Natur sind, aber keine rechtlichen, sondern politische Konditionalität. In den Normen der Artikel 230¹ und 230² des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation besteht kein Zusammenhang mit den Gegenständen des strafrechtlichen Schutzes. Grundlage dieser strafrechtlichen Verbote von Dopingverletzungen ist das opportunistische Kriterium – sozialpolitische Spannungen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die als Ergebnis der Analyse gezogenen Schlussfolgerungen können zur Verbesserung der Regulierungsgesetze zur Einführung gesetzlicher Verbote des Einsatzes von Doping verwendet werden und die Verantwortlichkeit dieser Handlungen auf den Grad ihrer öffentlichen Gefahr beziehen. Darüber hinaus können Forschungsmaterialien im Bildungsprozess zur Vorbereitung von Spezialisten auf dem Gebiet der Rechtswissenschaften verwendet werden.

Stichwörter: Doping, Strafrecht, Verbot von Strafrecht, Ordnungswidrigkeit, Sport.

Artikel 235¹ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation erfordert einen Wiederaufbau

Rarog A.I.

Ziel: Hervorheben der Inkonsistenz der aktuellen Version von Art. 235¹ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation auf das Völkerrecht und die russische Gesetzgebung im Bereich der Gesundheitsfürsorge sowie den Platz dieser Bestimmung im System des nationalen Strafrechts.

Methodologie: Methoden der systematischen und formalen rechtlichen Analyse.

Schlussfolgerungen. Neben den sektorbezogenen Gesetzen, die das Verfahren für die Herstellung und den Verkehr von Medizinprodukten regeln, sollten Leben und Gesundheit von Menschen durch ein Strafrecht geschützt werden, das die Verantwortung für die gefährlichsten Formen der Verletzung von Verboten im medizinischen Bereich vorsieht. Artikel 235¹ zusammen mit Art. 238¹ und 327² des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation bilden nach Ansicht des Gesetzgebers einen strafrechtlichen Mechanismus zur Bekämpfung des unerlaubten Handels mit medizinischen Erzeugnissen und werden vom Gesetzgeber als Verbrechen gegen die öffentliche Gesundheit bezeichnet. Analyse der Tatbestandteile nach Art. 235¹ lässt den Schluss zu, dass die Terminologie des Strafrechts nicht vollständig mit dem konzeptionellen Rahmen der Internationalen Medikrim-Konvention und den russischen Gesetzen im Bereich der Gesundheitsfürsorge übereinstimmt. Darüber hinaus widerspricht die aktuelle Ausgabe der analysierten Norm ihrer Position im Kapitel über Verbrechen gegen die öffentliche Gesundheit und die öffentliche Moral. Um die festgestellten Inkonsistenzen zu beseitigen, wurde eine neue Ausgabe von Art. 235¹ des Strafgesetzbuches.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung des Artikels liegt in der Analyse der aktuellen Strafgesetzgebung und der Vorschläge für eine mögliche Verbesserung.

Stichwörter: Medikamente, medizinische Geräte, illegale Produktion, Wartung medizinischer Geräte.

Kriminologische Beurteilung der strafbaren Eingriffe in die wertvollen aquatisch-biologischen Ressourcen

Rednikova T.V.

Ziel ist ein Kriminologische Beurteilung der strafbaren Eingriffe in die wertvollen aquatisch-biologischen Ressourcen am Beispiel des Störs des Kaspischen Meeresbeckens zu geben. Entwickeln Sie auf der Grundlage der durchgeführten Untersuchungen Empfehlungen zur Bekämpfung dieser Art von Kriminalität.

Methodologie: Interdisziplinäre Ansätze und Verwendung der Analyse, Abstraktion, Synthese, Deduktion und Induktion.

Schlussfolgerungen. Die öffentliche Gefahr von kriminellen Eingriffen in die Umwelt Vielfalt äußert, sondern auch in dem Aufkommen einer systemischen Gefahr besteht, indem eine nachhaltige staatliche Entwicklung, welche dem Interesse der heutigen Generation sowie auch der zukünftigen Generation dient, nicht mehr gewährleistet werden kann. Schließlich ist auch die nationale Sicherheit (einschließlich der Wirtschafts- und Umweltsicherheit) und die Rechte des Einzelnen auf vorteilhafte Umweltbedingungen betroffen. Zum gegenwärtigen Zeitpunkt hat sich der Schutz von besonders wertvollen Wildtieren und aquatisch biologischen Ressourcen in RF stark verbessert. Allerdings können die verhängten Verbote für sich genommen, das Problem der steigenden Kriminalität in diesen Bereichen nicht lösen.

Ein wichtiger Faktor ist die tolerante Haltung der Bevölkerung zur Existenz des Phänomens, eines solchen Störfischfangs, welcher bereits Tradition und Geschichte in den Regionen hat und sich auf die Anzahl der begangenen Straftaten auswirkt, die im Zusammenhang zur illegalen Fischerei von Störfischen stehen. Der Lebensstandard der Bevölkerung der jeweiligen Region ist ein weiterer wichtiger Faktor.

Zu beachten ist die hohe Latenzzeit der benannten Straftaten, welche wegen folgenden Gründen entsteht: geringe Aktivität der Strafverfolgungsbehörden, u.a. wegen Personalmangel und der zu den Wilderern vergleichsweise unzureichenden materiellen und technischen Unterstützung: Korruption und Missbrauch in Amtsstellungen, wie den Strafverfolgungsbehörden und örtlichen Staatsorganen. Sowie mittelmäßig wirksame Anwendung von Rechtsvorschriften, welche der Bekämpfung dieses Phänomens dienen.

Zudem ergibt sich die Hohe Latenzzeit direkt aus der Straflosigkeit der Täter, welche aber nicht dazu beiträgt, dass die Effizienz der Prävention zu solchen Straftaten eingeschränkt wird.

Wirksame Maßnahmen gegen Straftaten dieser Art können nur unter den Voraussetzungen einer standfesten Zusammenarbeit der nationalen und internationalen strafrechtlichen Behörden sichergestellt werden.

Demnach erscheint es zunächst notwendig, eine Vereinheitlichung der umwelt- sowie strafrechtlichen Gesetzenormen in den kaspischen Regionen gewährleisten zu können. Des Weiteren soll die Zusammenarbeit innerhalb der Strafverfolgungsbehörden und anderen staatlichen Behörden, deren Zuständigkeit in der Bekämpfung organisierter Kriminalität liegt, optimiert werden.

Der Schwerpunkt sollte dabei in der Aufdeckung und Unterbindung solcher Straftaten sowie in der Abschaffung möglicher Vertriebswege, für die in illegaler Weise verschafften Erzeugnisse liegen.

Die Fragen zum Umweltwesen und zur Aufklärung der Bevölkerung zu diesem Thema, mittels detaillierter Informationen zu dem Ausmaß der öffentlichen Gefahren für Straftaten dieser Art. die verursachten Schäden sowie die unumkehrbaren Folgen für die gesamte Gesellschaft, dürfen nicht aus den Augen verloren werden.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der Studie besteht in der Entwicklung von Empfehlungen zur Bekämpfung krimineller Angriffe auf besonders wertvolle Wasserressourcen.

Stichwörter: Kriminologische Beurteilung, aquatische biologische Ressourcen, Stör, Kriminalität, organisierte Kriminalität, internationale Zusammenarbeit, Umweltkriminalität, Umweltschutz.

Der Anschlag des internationalen Terrorismus und die Angriffshandlung im Strafkodex der Russischen Föderation und in der Strafgesetzgebung der Bundesrepublik Deutschland: Berührungspunkte

Serebrennikova A. V.

Ziel ist es die Fragen im Zusammenhang mit dem strafrechtlichen Verantwortlichkeit für einen Akt der internationalen Terrorismus und Aggression im Strafgesetzbuch und das Strafrecht Deutschland im Zusammenhang zu untersuchen.

Methodologie: Abzug, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode

Schlussfolgerungen. Der Artikel ist zu aktuellen Problemen der Studie des Strafgesetzbuches Änderungen gewidmet und das Strafrecht in Deutschland, die Verantwortung für einen Akt des internationalen Terrorismus und Aggression Gründung sind. Der Autor untersucht die Strafgesetzbuchs auf Verbrechen eines internationalen Charakter von 26.06.2002, die § 13 – Der Akt der Aggression, sowie Art. 361 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, die die Verantwortung für einen Akt des internationalen Terrorismus begründet. Die Autoren analysieren den Begriff der Aggression in Resolution Nr. 3314 (XXIX) der Generalversammlung vom 14. Dezember 1974. In Bezug auf den Akt des internationalen Terrorismus wird ein Beispiel der russischen Strafverfolgungspraxis gegeben. Die Autoren kommen zu dem Schluss, über die Notwendigkeit, das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation im Hinblick auf die deutschen Gesetzgebungs Erfahrung zu verbessern.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Das Studium der Erfahrungen anderer Länder, einschließlich der gesetzlichen Regelung des Instituts im Zusammenhang strafrechtliche Verantwortung für einen Akt des internationalen Terrorismus und Aggression im Strafgesetzbuch und das Strafrecht Deutschland, löst der russische Gesetzgeber eine Reihe von Problemen mit der Verbesserung der einschlägigen gesetzlichen Bestimmungen im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation verbunden.

Stichwörter: die Russische Föderation, die Bundesrepublik Deutschland, Strafgesetzgebung, der Akt des internationalen Terrorismus, der Akt der Aggression, die strafrechtliche Verantwortlichkeit.

Resozialisierung, wenn inhaftierte Personen nach Absitzen der Freiheitsstrafe wieder entlassen werden: Eine staatliche oder private Initiative?

Khalilov R. N.

Ziel: ist Formulierung der etablierten Modelle der öffentlich-privaten Partnerschaften aufgrund der ausländischen Erfahrung in Fragen sozialer Rehabilitation und Resozialisierung von Haftentlassenen;

Analyse der etablierten Modelle der öffentlich-privaten Partnerschaften aufgrund der Arbeit der autonomen gemeinnützigen Organisation „Zentrum der sozialen Rehabilitation und Resozialisierung“ in der Republik Tatarstan; Erkennung der Vorzüge und Mängelfeststellung bei ihrer Tätigkeit.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formalrechtlicher Ansatz, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode, Beobachtung, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die im Ausland gewonnenen Erkenntnisse und erworbenen Leistungen in Fragen der Resozialisierung und Rehabilitation nach Haftentlassung können bei der Entwicklung einheimischer Programme und Arbeitsmodelle bezüglich der Haftentlassenen verwendet werden.

In der Republik Tatarstan hat sich ein Mechanismus der öffentlich-privaten Partnerschaft herausgebildet, der konstruktiv in diesem komplexen sozialen Bereich interagiert. In Russland war dieses Tätigkeitsfeld bisherig im Bereich staatlicher Regulierung und direkter staatlicher Verwaltung. Dass dies derzeit sein Potenzial ausgeschöpft hat, wird durch das anhaltend hohe Rückfallverbrechen belegt.

Zu den Hauptproblemen bei der Organisation von öffentlich-privaten Partnerschaften in diesem Bereich gehören fehlende Rechtsbasis, mangelnde Klarheit und Transparenz der Verfahren bei der Partnerauswahl, Festlegung der Vertragsbedingungen und Kontrollmechanismen, sowie andere Elemente der Bildung und Durchführung von Projekten zur Rehabilitation und Resozialisierung von Haftentlassenen.

Das Konzept der öffentlich-privaten Partnerschaften im Bereich der Korrektur, Rehabilitation und Resozialisierung von Haftentlassenen in Russland ist in der Theorie und Praxis nicht einheitlich.

Die Privatisierung dieses Tätigkeitsfeldes hat äußerst negative Folgen im sozialen und politischen Bereich. Öffentlich-private Partnerschaften ermöglichen es einerseits, Ressourcen von zivilgesellschaftlichen Organisationen zu gewinnen, andererseits staatliche Kontrolle und Aufsicht über Erbringung der sozial wichtigen und von der Gesellschaft benötigten Dienstleistungen aufrechtzuerhalten, indem das jeweilige Problem teilweise gelöst wird.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung dieses wissenschaftlichen Artikels besteht darin, ausländische und inländische Modelle öffentlich-privater Partnerschaften zu analysieren und Besonderheiten der Wechselwirkung zwischen Staat und gemeinnützigen Organisationen bei der Rehabilitation und Resozialisierung von Haftentlassenen festzustellen.

Stichwörter: Haftentlassene; Rehabilitation und Resozialisierung; öffentlich-private Partnerschaft; ausländische Erfahrung; öffentliche Sicherheit.

Zusatzgesetz der Straf- und Strafprozessgesetzgebung der Kirgisischen Republik

Shamursaev T.T., Balashov T.T.

Ziel: Die neue Straf- und Strafprozeßordnung sowie den Kodex der Kirgisischen Republik und im Laufe der Justizreform gemachten Fehlverhalten zu analysieren. Der Zweck der Justizreform ist: Steigerung der Effizienz und Qualität der Justiz; Gewährleistung des gerichtlichen Schutzes der Menschen- und Bürgerrechte und -freiheiten; Anpassung der Gesetzgebung an die Normen des internationalen Rechts und des internationalen Standards im Bereich der Menschenrechte. Die Autoren legen ihre bestimmten Einstellungen in Bezug auf den neuen Rechtsvorschriften dar.

Methodologie: Eine rechtsvergleichende, formal-logische, konsequente Methoden der Wissensnutzungen ermöglichte Innovations der Strafgesetzgebung in Bezug auf die Entkriminalisierung zu analysieren, strafrechtliche Verantwortung und die Strafprozessgesetzgebung zu optimieren, um die Anklageabweichung des Strafverfahrens zu überwinden und die grundlegenden Prinzipien des kontradiktorischen Verfahrens zu gewährleisten.

Schlussfolgerungen. Im Allgemeinen enthalten die neuen Kodizes eine Reihe von fortschrittlichen Bestimmungen und sind von Interesse von Gesetzgeber und Wissenschaftler zum Zwecke der Forschung, Entwicklung und Anwendung in der Praxis. Gleichzeitig entsprechen bestimmte Normen der neuen Kodizes nicht den Bestimmungen der Verfassung der Kirgisischen Republik und erfordern eine Systematisierung. Lücken in der Straf- und Strafprozessordnung, unzureichende Ausbildung von Strafverfolgungsbeamten, mangelnde Auslegung können im Laufe ihrer Ausführung zu unerwünschten Konsequenzen führen.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung wird durch die Fähigkeit bestimmt, ihre Ergebnisse bei der Entwicklung von Möglichkeiten zu nutzen, um das kriminelle und Strafprozessrecht, in der Forschung als auch in der Strafverfolgung zu verbessern.

Stichwörter: Berufungsinstanz, Kassationsinstanz, Hinterlegung von Beweisen, Vermittlung, vorläufige Anhörungen, Verfahrensvereinbarungen, Produktion von Fehlverhalten, gerichtliche Überprüfung, Ermittlungsrichter, spezielle Ermittlungsaktionen, Vorurteil.

Die Probleme der Einstufung von Qualifikationstatbeständen des Betruges in Russland

Sheveleva S.V.

Ziel: Der Zweck der Studie besteht darin, die Probleme vorherzusagen, mit denen die Praxis bei der Umsetzung der Bestimmungen des Bundesgesetzes vom 23.04.2018 Nr. 111-FZ konfrontiert wird und wissenschaftlich fundierte Vorschläge zur Bildung einer einheitlichen Praxis der Anwendung von Normen über Diebstähle von Bankkonten und elektronischen Geldern formuliert werden.

Methodologie: System-strukturellen, formell-logischen und anderen wissenschaftlichen Methoden erreicht.

Schlussfolgerungen. Es wurde die Unverhältnismäßigkeit der Bestrafung der Gefahr der vollkommenen Handlung aufgedeckt.

Gegenstand von Straftaten nach Absatz «D» Teil 3, Artikel 158, Artikel 159³, Absatz «a» Teil 3 st. 159⁶ StGB sind ausschließlich elektronische Mittel (in v. 159⁶ StGB RF kann immer noch das Recht auf Eigentum). Daher ist der grundlegende Unterschied zwischen den drei fraglichen Formulierungen eine Möglichkeit, ein Verbrechen zu begehen. Im ersten Fall – es ist ein geheimer Diebstahl (P. «G» H. 3 Kunst. 158 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation), im zweiten-Betrug oder Missbrauch des Vertrauens (Art. 159³ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation), in der Dritten-Eingabe, Entfernung, Blockierung, Änderung von Computerinformationen oder andere

Intervention in der Funktion der Mittel der Lagerung, Verarbeitung oder Übertragung von Computerinformationen oder Informations- und Telekommunikationsnetze (P. «in» H. 3 Kunst. 158⁶ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation).

159³ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ist breiter als in P. «G» H. 3 Kunst. 158 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation und P.» in « H. 3 Kunst. 159⁶ des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation.

Es ist bewiesen, dass der archaische Ansatz zur Bestimmung des Gegenstandes des Diebstahls mit drei Zeichen – ökonomisch, rechtlich und körperlich – abgelehnt werden muss. 128 GK der Russischen Föderation, mit Ausnahme von geistigem Eigentum und immateriellen Gütern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung der Arbeit ist, dass das Wissen in Bezug auf die Bestimmung des Gegenstandes des Diebstahls sowie die Qualifikation der Diebstähle vom Bankkonto und in Bezug auf elektronisches Geld erweitert wird. Die praktische Bedeutung der Studie ist, dass separate Empfehlungen für die Anwendung spezieller Arten von Betrug und qualifizierten Diebstahl formuliert werden, wo das Thema des Verbrechens elektronische Geldmittel sind.*

Stichwörter: *Betrug, Diebstahl, elektronisches Zahlungsmittel, elektronisches Geld, Computerbetrug, zum Zeitpunkt des Verbrechens, nicht-bankkreditorganisation, elektronische Brieftasche, Bankkarte, Zahlungssystem.*

Gesetzgebende Praxis der Milderung der Strafe beim Abkommen über die Mitarbeit (vergleichende Aspekte)

Shidlovsky A.V.

Ziel: *Die Rechtsnatur des neuen belarussischen Rechtsinstituts für vorgerichtliche Abmachungen des mutmaßlichen Täters (Angeklagten), handelt über die Enthüllung der Zusammenarbeit und die anregende Bedeutung im Teil der Strafmilderung und die Wiedergutmachung der Schuld.*

Methodologie: *Dialektik, Analyse, formell-rechtliche Methode, Methoden der interdisziplinären Rechtsforschung und rechtsvergleichende Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Die in Belarus eingeführte vorgerichtliche Abmachungsvereinbarung über die Enthüllung der Zusammenarbeit, hat in ihrer Rechtsnatur eine Reihe von gemeinsamen Positionen, mit der weltweit verbreiteten gesetzgeberischen und rechtsanwendenden Praxis über die Anerkennung der Schuld. Der Abschluss einer vorgerichtlichen Einigung über die Enthüllung der Zusammenarbeit, ist nach der belarussischen Strafgesetzgebung, bei jeder Kategorie eines Verbrechens und unabhängig von der Strafe, nach dem Besonderen Teil des Strafgesetzbuchs möglich.*

Das Institut der Zusammenarbeit und vorgerichtlichen Einigung in Belarus ist interdisziplinär, da es sowohl im Strafgesetzbuch und in der Strafprozessordnung geregelt wird. Dieses Institut ist in seiner sozial-gesetzlichen Natur flexibel (der Hauptzweck besteht darin, die Erreichung der strafrechtlichen Verantwortung und ihre Unvermeidlichkeit sicherzustellen sowie die durch die Straftat verursachten Schäden zu beheben) und ermutigend (die wichtigsten Rechtsinstrumente sind dabei: die Ermutigung und die Förderung des positiven postkriminellen Verhaltens des Täters, durch die Abschwächung der Höchstgrenze der Hauptstrafe, welche im Besonderen Teils des Strafgesetzbuchs geregelt ist).

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutsamkeit liegt in den rechtsvergleichenden Merkmalen der bestehenden Erfahrungen über ausländische Analogien des Instituts für vorgerichtliche Einigungen über die Enthüllung der Zusammenarbeit. Die positiven Aspekte und die gesetzgeberischen Ansätze der Strafmilderung werden zusammengefasst, wenn die Voraussetzungen an eine vorgerichtliche Einigung und Zusammenarbeit in den verschiedenen Rechtssystemen erfüllt sind.*

Stichwörter: *Bestrafung, Freiheitsstrafe, vorgerichtliche Einigung über eine Zusammenarbeit, Zusammenarbeit des Angeklagten, Schuldbekennnis, Rechtsfolge, Milderung.*

Gewalt gegen Kinder in der Familie

Baronova V.S., Kosenkova A.I.

Wissenschaftlicher Berater: *Kandidat der Rechtswissenschaften Salamova S.Ja.*

Ziel: *Die Charakteristik des Begriffs „Gewalt“ zu geben, der allseitig vom Standpunkt der Philosophie, Psychologie und Rechtsnormen behandelt ist; die Aufmerksamkeit zu diesem bedeutenden und aktuellen Problem wie Gewalt gegen Kinder in der Familie zu erregen; sich mit der Absichten, Formen und Grundlagen der Auslöschung der Gewalt bekannt zu machen; negative Auswirkungen der physischen und psychologischen Gewalt der Jugendliehen zu verzeichnen.*

Methodologie: Analyse, Abstraktion, Analogie, Dialektik, formell-logische Methode, Synthesis, Induktion, Beschreibung, Umfrage.

Schlussfolgerungen. Das Problem der Gewalt gegen Kinder in der Familie für die lange Zeit war ein relativ schließendes Feld und bis zum gegenwärtigen Zeitpunkt existiert der Widerstand der Gesellschaft.

Die Wichtigkeit der Forschung dieses Thema ist begründend auf nicht nur die Aktualität des gesellschaftlichen Problems, sondern die Existenz der wesentlichen Widersprüche in Darlegung dieses Phänomens, die sehr stark in der Gesellschaft sind. Wie Forschungen zeigen, existiert Gewalt in allen gesellschaftlichen Gruppen unabhängig von den Ankommen, der Ausbildung oder rassischen, kulturellen und anderen Faktoren. Es ist wichtig anzumerken, dass dieses Problem nicht mehr nur lokale, kommunale und persönliche Aspekte des individuellen Lebens hat. Unermessliches Tempo der Entwicklung dieses Problems und flächendeckende Erweiterung des Feldes führen zu der Gründung der weltweiten Organisationen, Gemeinschaften, der Ausarbeitung von Programmen, die auf den Kampf und den Ausschuss dieser negativen Erscheinung geführt sind. Kompliziertheit des Studiums bedingt auch mit den Grundlagen der Auslösung der Gewalt in der Familie, hängt nicht nur von den sozial-ökonomischen Faktoren, sondern auch persönlichen Grundlagen ab.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in einer detaillierten Behandlung der Grundlagen und Formen der Auslöschung der Gewalt gegen Kinder in der Familie und in den angeordneten Methoden der Prävention und Ausräumung dieser negativen Erscheinung in der Gesellschaft.

Stichwörter: Gewalt, Familie, Kinder, Verhalten, Verhalten, Statistik, Grausamkeit, Prävention, Auswirkung, Verantwortlichkeit, Gegenwirkung.

Interview mit dem Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsrecht an der Juristischen Fakultät für Jura der Universität Potsdam, dr. iur. habil., Professor Uwe Hellmann

Salamova S.Y., Fedorov N.I., Lukovnikov V., Levina Y., Chimizgina D.

Ziel ist Transfer von gesammelten Erfahrungen und Wissen. Kriminologisches Büro der Moskauer Rechtsakademie nach O.E. Kutafina organisierte eine Reihe von Studententreffen mit renommierten Wissenschaftlern, die einen wichtigen Beitrag zur Entwicklung der Rechtswissenschaft leisteten. Eines dieser Treffen fand mit Uwe Hellmann statt, einem herausragenden deutschen Wissenschaftler und Strafrechtsexperten.

Methodologie: Interview.

Schlussfolgerungen. Interview geführt von Studenten des Instituts für Privatrecht, des Instituts der Staatsanwaltschaft, des Instituts für forensische Prüfungen der Staatlichen Universität Moskau, benannt nach O.E. Kutafin, unter der Aufsicht des Leiters des kriminologischen Kabinetts S.Ya. Salamova mit Dr. iur. habil., Prof. Uwe Hellmann ermöglichte es, interessante biografische Fakten über sein Leben und seine wissenschaftlichen Aktivitäten zu erfahren, die Besonderheiten der juristischen Ausbildung in Deutschland, mögliche Entwicklungsrichtungen der russisch-deutschen Zusammenarbeit im rechtlichen Bereich, die Vorteile der Ausbildung in Russland und Deutschland.

Es wurden viele komplexe, interessante und tiefe Fragen gestellt, die Sie oft zum Nachdenken anregten. Die Studierenden erhielten einen professionellen Rat, der ihnen beim Studium und in der zukünftigen Praxis helfen wird.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse des Interviews können im Bildungsprozess bei der Untersuchung des Strafrechts, der Kriminologie und anderer Wissenschaften des Strafrechts in Hochschuleinrichtungen verwendet werden.

Stichwörter: Interview, Strafrecht, Strafrecht, juristische Ausbildung, Wirtschaftsverbrechen, Deutschland, Universität Potsdam, Kriminologieraum, Wissenschaft, wissenschaftliche Forschung.

Buchbesprechung Khritinin D.F., Kotov V.P., Polubinskaya S.V. Forensische Psychiatrie: Lehrbuch. Ed. D.F. Khritinin. 6th ed., Moscow: Norma; INFRA-M Verlag, 2019. 632 s.

Matskevich I.M.

Die Buchbesprechung beschreibt Inhalt, Struktur, Methodik und Argumentation des Lehrbuchs zur forensischen Psychiatrie. Es deckt die Herangehensweise der Autoren des Lehrbuchs an die Logik der Darstellung einer eigenen wissenschaftlichen Richtung und einer unabhängigen akademischen Disziplin optionaler Natur ab.

Stichwörter: Psychiatrie, Kriminalität, Strafrecht, Gericht, Justiz, Gerechtigkeit, Gesundheit, juristische Ausbildung, Zeuge, Opfer.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Legal Aspects of Polygraph Use

Damaskin O.V., Polubinskaya S.V.

Mission: to describe the main areas of polygraph use in Russia; to analyze the legislative and regulatory legal acts governing the conduct of psycho-physiological tests on polygraph; to study judicial practice in criminal cases with regard to the admissibility of evidences obtained using a polygraph; to show the main problems associated with the polygraph use and fraught with infringement of the rights and legitimate interests of citizens, as well as suggest ways to solve them.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, formal legal method, legal hermeneutics, topical jurisprudence, comparative legal method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. As a result of the study, the authors come to the conclusion that it is necessary to draft and adopt a federal law on polygraph use.

Scientific and practical significance. The authors draw attention to the theoretical discrepancy in the domestic and foreign literature on the theoretical basis for polygraph use, as well as the reliability of the results obtained with its help, which does not prevent the widespread use of this technical tool in practice. The study of the legislative and regulatory legal acts governing the grounds and procedure for conducting psycho-physiological tests on polygraph in Russia allowed the authors to identify a number of gaps in the existing legal regulation, among those – the insufficiently complete regulation of the rights of persons undergoing such tests, the lack of uniform requirements for professional training and qualification of experts, carrying out the examinations, as well as generally accepted expert techniques. The authors point out the need for a federal law on the use of a polygraph, which should solve these problems and serve as a guarantee for the rights and legitimate interests of citizens.

Keywords: polygraph, psycho-physiological test, forensic psycho-physiological examination, forensic evidence, admissibility of evidence, security agencies, law enforcement agencies, employment, legal regulation, rights and legitimate interests of citizens.

The problems of delimiting crimes from insignificant acts

Avetisyan S.S.

Mission: on the basis of a comparative legal analysis of the criminal legislation of different countries, distinguish between the distinguishing signs of a crime and insignificant acts; to reveal the essence of insignificant deeds; to develop a set of proposals on legislative improvement of the criminal codes of Armenia and Russia.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, induction, deduction, formal-logical and comparative-legal methods.

Conclusions. Objective and subjective criteria for minor acts are singled out, which make it possible to distinguish these acts from crimes; the insignificance of an act should be regarded as a circumstance precluding criminal responsibility; in case of provision in the Criminal Code of Armenia of the institution of criminal offenses, the question of the insignificance of the acts will be removed. The categories of crimes under the Criminal Code of Armenia should be envisaged taking into account the need to include criminal offenses.

The scientific and practical significance of the article is to develop criteria for delineating criminal acts from insignificant ones, in which the degree of social danger of an act is small; practical recommendations on the correct interpretation and application of the criminal rule on the insignificance of the act are proposed; specific proposals have been developed to improve national criminal legislation.

Keywords: law, crime, social danger of the act, insignificant act, responsibility, criminal misconduct, lawful behavior, categories of crimes.

Technical and legal defects of the Criminal Code of the Russian Federation in the focus of comparative law

Baranov V.M.

Mission: to identify some technical and legal defects of the current Criminal Code of the Russian Federation and propose ways to eliminate them and to overcome the negative consequences of their functioning.

Methodology: methods, techniques and means of comparative jurisprudence, formal legal method in the dialectical connection with statistical and sociological approaches.

Conclusions. The content, structure and form of the Criminal Code of the Russian Federation need to be significantly adjusted: “equipment” with a detailed preamble, reducing the number of evaluation concepts and a qualitative “decoding” of the definitive norms, differentiation of criminal responsibility for crimes in the field of spiritual security.

Scientific and practical importance. Legislators and the legal community are offered a series of organizational and managerial measures to further improve criminal legislation, increase the effectiveness of its implementation in the context of globalization and the exacerbation of the international political situation.

Keywords: defects of the Criminal Code of the Russian Federation, law-making mistake, preamble to the Criminal Code of the Russian Federation, purpose of the Criminal Code of the Russian Federation, principle of criminal policy, evaluative concept of criminal law, codistics, legal position of the Federal Constitutional Court of Germany, spiritual security.

Special victimological prevention of violent crime in family-household sphere

Bochkareva E.V.

Mission: To consider the problems arising in the implementation of special victimological prevention of violent crime in the family and domestic sphere and to propose new measures to improve the effectiveness of such prevention.

Methodology: Analysis, synthesis, induction, deduction, interdisciplinary method, comparative legal method.

Conclusions. Based on the study, the author proposes to create a centralized system of crisis centers as a measure of special victimological prophylaxis against women victims of domestic violence in Russia; for the implementation of victimological prevention in the family and domestic sphere with regard to minors, it is proposed to establish effective interaction between various types of structures working in the field of protecting the rights of minors; in order to protect elderly people from violent crimes and ill-treatment, it is proposed to create a special unit on the basis of the social protection authorities of the population whose core activity would be social and legal protection for elderly people, including protection from domestic violence. Also, according to the author, it seems advisable to introduce a special correction program for men who are inclined to use violence in the family and domestic sphere and to create a federal telephone line “Helpline” with the aim of providing first aid and support to all of violence.

Scientific and practical significance. The study provides recommendations for the improvement of special victimological prevention of violent crime in the family and domestic sphere. This study will be useful for the study of both scientists and practitioners, as well as university students studying criminology, victimology and family psychology.

Keywords: violent crime, family, victimological prevention, crime prevention, crime victim, crisis center, trust service.

Development features of modern criminalistics in Germany and the USA

Volchetskaya T.S.

Mission: to compare and to analyze the level and development trends of criminalistics in Germany and the USA, and establish the possibility of using their scientific achievements in Russia.

Methodology: materialistic dialectics, induction, deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. Based on the analysis of modern scientific literature in Russia, Germany and the United States of America, the levels of development of forensic science in these countries are determined. Different approaches of German and American scientists to the description of the essence, subject and object of criminalistics are revealed. It is established that the structure of forensic science in Germany, the United States and in Russia is different. The theory and methodology of criminalistics in Germany makes extensive use of the provisions of other sciences, primarily natural sciences. The level of development of criminalistics technic in the United States and Germany is quite high, it fully meets all the requirements of countering international crime. The actual problems of the German forensic tactics are the strategic aspects of interrogation, suggestive questions, defense strategy, refusal of confessions to the accused and others.

Scientific and practical significance. The study of modern achievements of criminalistics in Germany and the United States allows us to identify trends in the development of this science in countering crime, regardless of national borders, and to establish promising directions for the development of criminalistics in Russia.

Keywords: forensic science, foreign criminalistics, criminalistics in Germany, criminalistics in the USA.

Smuggling and “smuggling” crimes: similarities and differences

Gracheva Y.V., Chuchaev A.I.

Mission: To clarify the legislative features of the 4 compositions of smuggling on the basis of theoretical evaluation of its most significant features.

Methodology: analysis, synthesis, deduction and induction, dialectical as historical, legal and systemic methods.

Conclusions. 1. In the Criminal code of the Russian Federation there are 4 articles, which describe smuggling and 4 articles, which set out the signs of «smuggling crimes». The legislator is right not to call the last group of crimes smuggling, because the socially dangerous act of each of the crimes under consideration is not limited to the illegal movement of the object across the border, and is characterized by a number of alternative actions.

2. The history of the Genesis and evolution of criminal legislation on the responsibility for smuggling shows that its emergence and evolution are due to the development of customs, the country's economy, domestic and foreign trade. Smuggling began and developed in ancient times, when the duty on imported and exported goods was first introduced, the increase in its scale was proportional to the growth of duties and was associated with the illegal, hidden movement of goods in addition to customs or through customs, with their concealment.

Duties were: a) a significant source for replenishment of the Treasury; b) an instrument for the regulation of foreign and domestic trade-whether.

Later, smuggling acquired additional features, and not only duty evasion, but also a ban on the import or export of certain goods was covered.

3. Decriminalization of «commodity» smuggling on December 7, 2011 was seen as correct and was due to several factors: a) in 2009, three countries of the Eurasian economic community (EurAsEC) signed an Agreement on the Customs code of the Customs Union; b) the public danger of «commodity» smuggling is the non-payment of customs duties, but in the criminal code of the Russian Federation this act falls under the signs of article 194 of the criminal code.

4. The direct object of smuggling of cash and (or) monetary instruments (article 200¹ of the criminal code) is public relations arising from the need to protect public security, and therefore, article 200¹ of the criminal code should be placed in Chapter 24 of the criminal code.

5. Requires clarification of the location of the 200² article of the criminal code of the Russian Federation in the system of norms of the Special part of the criminal code and the circumstances of the place of Commission of smuggling.

6. It is necessary to notice «the customs border of the Customs Union within the framework of the EurAsEC» to the customs border of the Customs Union within the framework of the EAEU «in all four smuggling compositions.

4. 226¹ and 229¹ of the criminal code of the Russian Federation the correct indication in addition to the customs border of the Customs Union within the EurAsEC on the state border of the Russian Federation is due to smuggling. They are items that are limited in civil circulation.

Scientific and practical significance. The conclusions, which can be used in further research on both smuggling, smuggling crimes and customs crimes. In addition, the findings can be used to specify the signs of smuggling; in the development of explanations by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; law enforcement agencies in law enforcement.

Keywords: smuggling, smuggling crimes, customs Union of the EAEU, the state border of the Russian Federation, the border of the Customs Union of the EAEU, the Genesis and evolution of criminal liability for smuggling, import into the territory of the Russian Federation, export from the territory of the Russian Federation, the fact of the place of smuggling, evasion of customs payments.

Qualifying signs of environmental crimes under the Criminal Code of Russian Federation

Dubovik O.L.

Mission: to identify the reasonableness of the criminal law regulation of the content of general and special qualifying signs of environmental crimes under Chapter 26 of the Russian Federation Criminal Code. In addition, as a research task, it turns out what the significance of these signs is in the components of crimes with an environmental component, but responsibility for committing crimes is also provided for in other chapters of the Criminal Code of the Russian Federation – 24, 25, 34. The main task is to identify the systematics and distribution of qualifying signs (direct or indirect) on the environment, its components, on the environmental safety of the Russian Federation and its citizens. This will allow clarifying both the list and the meaning of the qualifying features of this group of crimes.

Methodology: methods of structural analysis, logical and dogmatic analysis, linguistic and structural analysis and comparative law.

Conclusions. *With all the attention paid in the literature in the comments to the Criminal Code of the Russian Federation, textbooks on criminal law, monographic publications, the problem of qualifying elements of crime, first of all, multi-object, such as crimes against public safety or economic, their systematics, assessment of the ratio of general and special qualifying signs, their establishment and proof, it has to be recognized as insufficient.*

Comparison of general and special qualifying signs of environmental crimes against public safety, public health and others that carry an environmentally significant component (for environmental damage, its components and objects, the environmental rights of citizens, the environmental safety of the population and territories) allows us to conclude that the systematics (list and correlation) of qualifying features indicated in the articles of chapters 24, 26 of the Criminal Code of the Russian Federation and in a number of others is not optimal. It does not fully correspond to the public danger of encroachment on the environment and other environmental-significant legal benefits protected by law, is characterized by gaps (few), and therefore needs special analysis and clarification of the texts of criminal law prohibitions.

Scientific and practical significance. *In the domestic scientific literature, with all the attention to the disclosure of the content and role of qualifying signs of crimes (the use of violence, the commission of crimes by an organized group, on the territory of the reserve, causing death, etc., etc.), the systematics of these signs are not fully considered. Theoretically, it is necessary to substantiate the need for their designation in criminal law, and practically either change its requirements, or focus the judicial-investigative practice on a more thorough account of all the evidence indicating the presence of qualifying signs (on the object/subject, subject and objective side of the crime). It seems that the list of such signs is sometimes arbitrarily defined without taking into account the results of criminological and criminal law studies, judicial practice and the positions of the doctrine of criminal law. Therefore, it is especially important to compare the distribution of general and special qualifying signs both with regard to their systematics in the chapters of the Criminal Code of the Russian Federation, and on the basis of the objective danger of specific acts that encroach on public safety.*

Keywords: *safety, poaching, law, law, crime, qualifying signs, corpus delicti, environment, ecology, violence*

On the issue of fine as a criminal punishment and as a different measure of criminal law

Kadnikov N.G.

Mission: *Identify the rules of criminal law, articles of the criminal code, which characterize the legal nature of the penalty as a form of punishment and as another measure of criminal law to show the criteria for their differences and reveal the criminal law value.*

Methodology: *dialectics, analysis, deduction, formal legal and comparative legal methods.*

Conclusions. *Reforms of the criminal law in the Russian Federation have affected many institutions of criminal law. Significant additions were made to the institution of punishment and to a significant extent relate to the rules on such a form of punishment as a fine. Moreover, at present, the legislation stipulates that the penalty is not only criminal penalties, but also recognizes another measure of criminal legal character.*

1. *As a form of punishment, a fine in accordance with Art. 46 of the criminal code is a monetary penalty imposed within the limits provided by the criminal law.*

In part 2 of Art. 46 of the criminal code fixed the size of the fine and the ways of its calculation. The first method of calculation – in absolute monetary terms. Previously, the amount of measures ranged from two thousand five hundred to one million rubles, after the specified date it ranged from five thousand to five million rubles. The second method – in the amount of wages or other income of the convict (for the period from two weeks to five years). The third method of calculating the fine – in a ve-mask, a multiple of the cost of the item or the amount of commercial bribery (article 204–204² criminal code), bribery of an employee of contract service, contract Manager, member of the Commission on the implementation of procurement and other authorized persons, representing interests of the customer in the procurement of goods, works, services for state or municipal needs (article 200⁶ of the criminal code), bribery (article 290–291² criminal code) or the amount of illegally transferred cash and (or) value of cash instruments (article 200⁰ of the criminal code) (in the amount of up to one hundred times the amount of such bribery, bribes or amounts of illegally transferred funds and (or) the value of monetary instruments, but may not be less than twenty-five thousand rubles and more than five hundred million rubles). The penalty as a type of punishment can be imposed both without installments and with installment payments up to five years (in accordance with part 3 of article 46 of the criminal code).

2. *As another measure of criminal law, a court fine is a monetary penalty imposed by the court when a person is released from criminal liability in the cases provided for in article 762 of the criminal code.*

The judicial fine should be considered within the framework of two institutions – exemption from criminal liability and other criminal law measures.

Provisions on the court fine were included in the General part of the criminal code of the Federal law of July 3, 2016. No. 323-FZ in the form of new article 762 «Exemption from criminal liability with the imposition of a judicial fine» and Chapter 152 «Judicial fine» of section VI «Other measures of a criminal nature», containing articles 104⁴ and 104⁵, defining the conditions and procedure for the application of this measure.

Criminal law links the definition of the size of the judicial penalty with the contents of the authorization article of the criminal code about the perfect pre-crime. According to part 1 of Art. 104⁵ of the criminal code the size of the court fine may not exceed half of the maximum penalty in the form of a fine under the relevant article of the special part of the criminal code. If the sanction applied article of the special part of the criminal code fine is not provided – Ren, the amount of the court fine may not be more than two hundred and fifty thousand rubles.

Undoubtedly, a fine as a form of punishment and as another measure of a criminal law nature, have much in common. However, these are different legal categories that have their own legal nature and independent content.

Given the above, it should be recognized that the appearance in the criminal code of the so-called judicial fine, as a measure of criminal law impact, significantly changes the mechanism of criminal law regulation. Perhaps we are seeing a reflection of the objective need for a more differentiated way of influencing the perpetrators of acts punishable by criminal law, in addition to purely punitive retribution with the power of only criminal punishment.

Keywords: *the criminal code, the penalty as a criminal sanction, the penalty as a measure of criminal legal character.*

On the issue of offenses in the field intellectual property

Lavrentieva M.S., Turkin M.M.

Mission: *to analyze the legislation of the Russian Federation regarding the legal protection of intellectual property rights.*

Methodology: *deduction, formal legal method, comparative legal method.*

Conclusions. *The article deals with issues related to various types of offenses in the field of intellectual property, normative legal regulation of responsibility for these offenses in Russia. Particular attention is paid to liability for violation of intellectual property rights in relation to industrial designs. In order to clarify the current situation, prevent offenses and improve the protection of patent rights for industrial designs, according to the authors, it is necessary to make appropriate changes to the regulatory legal acts of the Russian Federation, while at the same time providing for a certain gradation (division) on the objects of criminal encroachment – patent rights.*

Scientific and practical significance. *An analysis of the legal regulation of the protection of intellectual rights in the Russian Federation allows the Russian legislator to solve a number of problems related to the improvement of the relevant legal norms.*

Keywords: *offense, administrative responsibility, industrial design, intellectual property.*

System of sources of criminal law: problems of modernization

Lukyanov V.V., Musket I.I.

Mission *is to justify the need to modernize the system of sources of criminal law in the Russian Federation.*

Methodology: *dialectics, analysis, synthesis, formal legal method, comparative legal method.*

Conclusions. *The growing diversity of sources of law is a natural process inherent in all modern law. This process reflects the features of the new time, the changed conditions for the development of law, the state, the whole society. This leads to an increase in the volume of normative legal acts, the expansion and deepening of the sphere of legal regulation, the expansion of the circle of participants in legal relations, the emergence of new properties and characteristics governing newly emerging, as well as changing social relations. The attention and enhancement of the role of law in society, which is becoming a much more popular and authoritative regulator of social relations, draws attention to itself. These processes make the modernization of systems of sources of law objectively necessary.*

Scientific and practical significance *consists in analyzing the effectiveness of the system of sources of criminal law of the Russian Federation and proposals for its modernization.*

Keywords: *sources of criminal law, the constitution, generally accepted principles and norms of international law, judicial practice, doctrine.*

Criminological value of verdict of acquittal

Matskevich I.M.

Mission: to study of the practice of acquittal and assessment of criminological risks associated with this.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, method of comparative law.

Conclusions. The practice of many countries shows different statistic data on acquittals and different assessments of their significance. In Russia, a significant number of people consider that the number of verdicts of acquittal is unreasonably low. At the same time, it is important to understand how a small number of acquittals is related to the effectiveness or ineffectiveness of the judicial system, and whether a large number of acquittals is a guarantee against a miscarriage of justice. As it is proved by conducted study: 1) acquittal is an illusion of the legal advantage of a particular judicial system; 2) an acquittal does not mean the triumph of justice, including in a specific criminal case; 3) an acquittal does not guarantee that there will be no judicial error in this particular case and in other cases; 4) an acquittal carries serious negative consequences not only for those who accused a person of committing a crime, but also for the victim of a crime, the legal system and the state as a whole; 5) no justification for conviction has any criminological value.

Scientific and practical significance. The conducted research allows to add knowledge about criminological value of acquittals. The study of the reasons for making and not issuing acquittals is an interesting criminological problem that needs to be addressed. The findings of the study can be used to improve regulatory legal acts that regulate the issues of criminal justice and criminological assessments of the results of this process. Also, the research materials can be used in the training process in the training of specialists in the field of jurisprudence.

Keywords: criminology, judicial reform, judge, sentence, justification, accusation, guilt, justice, lawfulness, judicial error, responsibility, society, acquittal.

Sports and criminal law

Ponyatovskaya T.G.

Mission: to analyze the measures of legal responsibility provided for in the legislation of the Russian Federation for the use of doping and inducement to its use, to assess the degree of public danger of these acts.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, method of comparative law

Conclusions. The norms of the Code on Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, providing for responsibility in this sphere, are essentially identical and have operated in parallel over the past few years. The criminalization of the inclination to doping is attributed to a number of authors by the degree of public danger of this act. However, for such a characteristic of the public danger of doping, more serious grounds are required than the assumption of the relationship of substances prohibited in sports with drugs. The motivation for countering doping is significantly different from that which is the basis for countering illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. At the same time, doping does not have a public danger inherent in the spread of drugs and other psychoactive substances, and is also not harmful to public health, but it can have negative consequences for the health of only those who use it.

Violation of the regulatory procedure combines the nature of crimes against public safety, public health and public morality with the regulatory conditionality of doping violations (including crimes under Articles 230¹ and 230² of the Criminal Code). Doping violations can fit into the crime system of chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation if the identity (or relationship) of substances and methods prohibited in sports with objects dangerous to the health of the population, the circulation of which is under state control, is established. However, there is the problem of the relation of substances prohibited in sports to the objects of crimes provided for in Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation. Narcotic drugs and psychotropic substances are objectively dangerous regardless of the characteristics of the organism of the consumer. Prohibited in sports substances for the most part do not have the property of danger. On the contrary, they are widely used in medicine because they have healing properties. Doping crimes are united with the crimes of chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation only the normative nature of the prohibition, and not public danger, since doping violations do not possess it. It is about fixing in the current Criminal Code of crimes of a new kind of acts, having a normative nature, but not legal, but political conditionality. In the norms provided for by Articles 230¹ and 230² of the Criminal Code of the Russian Federation, there is no connection with the objects of criminal law protection. The basis of these criminal law prohibitions of doping violations is the opportunistic criterion socio-political tensions.

Scientific and practical significance. *The conclusions made as a result of the analysis can be used in improving the regulatory legal acts governing the introduction of legal prohibitions on the use of doping, as well as relate the responsibility provided for these actions to the degree of their public danger. In addition, research materials can be used in the educational process in the preparation of specialists in the field of jurisprudence.*

Keywords: *doping, criminal law, criminal law prohibition, administrative offense, sport.*

Article 235¹ of the Criminal Code of the Russian Federation requires reconstruction

Rarog A.I.

Mission: *is to highlight the inconsistency of the current version of Art. 235¹ of the Criminal Code of the Russian Federation to international law and Russian legislation in the field of health care, as well as the place of this provision in the system of national criminal law.*

Methodology: *methods of systematic and formal legal analysis.*

Conclusions. *Along with the sectoral laws regulating the procedure for the production and circulation of medical products, the life and health of people should be protected by criminal law providing for responsibility for the most dangerous forms of violation of prohibitions in the field of medicine. Article 235¹ along with Art. 238¹ and 327² of the Criminal Code of the Russian Federation, in the opinion of the legislator, forms a criminal-legal mechanism for countering the illicit trafficking of medical products and are attributed by the legislator to crimes against public health. Analysis of the elements of the crime under Art. 235¹, allows to come to the conclusion that the terminology of criminal law is not fully consistent with the conceptual framework of the International Medikrim Convention and Russian legislation in the field of health care. In addition, the current edition of the analyzed norm is inconsistent with its location in the chapter on crimes against public health and public morality. To eliminate the noted inconsistencies a new edition of Art. 235¹ of the Criminal Code.*

The scientific and practical significance of the article lies in the analysis of the current criminal legislation and proposals for its possible improvement.

Keywords: *drugs, medical equipment, illegal production, maintenance of medical equipment.*

Criminological characteristics of criminal attacks on particularly valuable aquatic biological resources

Rednikova T.V.

Mission. *To give a criminological characteristic of criminal encroachments on especially valuable aquatic biological resources on the example of the sturgeon of the Caspian Sea basin. On the basis of the conducted research, develop recommendations for countering this type of crime.*

Methodology: *analysis, abstraction, synthesis, deduction and induction.*

Conclusions. *The growth of environmental crime creates a systemic threat to ensuring the sustainable development of the state, national security (including economic and environmental security), and the rights of citizens to a favorable environment. In the last decade, the criminal law protection of especially valuable wild animals and aquatic biological resources in the Russian Federation has been significantly strengthened. However, it is impossible to solve the problem of crime solely by increasing the measures of responsibility. One of the factors contributing to its growth in this area is the tolerant attitude of the population to this phenomenon, taking into account the age-old traditions of the existence of the sturgeon fisheries. Another important factor is the low standard of living of the population of the Caspian region. The high latency of this type of crime is due to the low activity of law enforcement agencies, corruption, as well as insufficiently effective application of relevant legislation. Effective counteraction to crimes of this category can be provided only under the condition of well-established interaction between various law enforcement agencies both at the national and at the intergovernmental levels. It seems necessary first of all to ensure the unification of the norms of environmental and criminal legislation in the countries of the Caspian region, as well as to optimize the interaction of state structures whose competence includes the fight against organized crime. Emphasis should be placed on the identification and suppression of such crimes, the elimination of distribution channels for products obtained by criminal means. Particular attention should be paid to the development and implementation of special measures to support the population from the state, aimed at the economic development of the Caspian regions of the Russian Federation, as well as informing the population about the level of public danger of crimes in this category, their damage, scale and irreversibility of negative consequences for the whole society.*

Scientific and practical significance. *The significance of the study consists in developing recommendations for countering criminal attacks on particularly valuable water resources.*

Keywords: *criminological characteristics, aquatic biological resources, sturgeon, crime, organized crime, international cooperation, environmental crime, environmental protection.*

The act of international terrorism and aggression in the Criminal Code of the Russian Federation and the criminal legislation of the Federal Republic of Germany: common ground

Serebrennikova A. V.

Mission: *The purpose of the proposed scientific article is to consider issues related to the criminal liability for the act of international terrorism and act aggression in the case of the Russian Federation and criminal legislation of the FRG.*

Methodology: *deduction, formal-legal method, comparative legal method*

Conclusions. *The article is devoted to topical problems of investigation of changes in the Criminal Code of the Russian Federation and the criminal legislation of Germany, establishing responsibility for the act of international terrorism and aggression respectively. The author examines the Criminal Code on crimes of an international character of 26.06.2002, § 13 – The act of aggression, and art. 361 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes responsibility for an act of international terrorism. The authors analyze the notion of aggression given in resolution No. 3314 (XXIX) of the General Assembly of 14 December 1974. With reference to the act of international terrorism, an example is given of Russian law enforcement practice. The authors come to the conclusion that it is necessary to improve the criminal code of the Russian Federation, taking into account the legislative experience of the FRG.*

Scientific and practical significance. *The study of the experience of foreign countries, including the legislative regulation of the institution associated with the criminal liability for act of international terrorism and act aggression in the case of the Russian Federation and criminal legislation of the FRG, allows the Russian legislator to solve a number of problems related to the improvement of relevant legal norms in the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *the Russian Federation, the Federal Republic of Germany, criminal legislation, the act of international terrorism, the act of aggression, criminal responsibility.*

Entities of Social Rehabilitation of Persons Released from Prison: State or Private Initiative?

Khalilov R. N.

Mission. *Based on the preliminary research of world practices concerning social rehabilitation and re-socialization of persons released from prison, the current paper aims to formulate existing models of public-private partnership; based on the study of the Autonomous non-profit organization “Center for social rehabilitation and adaptation”, operating in the Republic of Tatarstan, to analyze the existing model of public-private partnership, and to identify its advantages and determine mistakes throughout its activities.*

Methodology: *dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of hyphenated sciences legal research, observation, comparative legal method.*

Conclusions. *The best world practices experience in the post-penitentiary re-socialization and rehabilitation can be implemented in the development of local programs and models of work with persons released from correctional institutions. The Republic of Tatarstan has developed a mechanism of public-private partnership that has effective implementation within this complex social sphere. In Russia, this area of activity previously was regulated and administered by the state, at present having exhausted its potential, as evidenced by the consistently high rate of crimes.*

The main problems in the organization of public-private partnership in this area are the lack of legal framework, lack of clarity and transparency of procedures for choosing a partner, determining the terms of the agreement, establishing control mechanisms and other elements of the structuring and implementation of projects for the rehabilitation and re-socialization of persons released from prison. In Russian theory and practice there is no unified view on the concept of public-private partnership in the sphere of correction, rehabilitation and re-socialization of persons released from prison.

Privatization of this activity has proved to have extremely negative social and political consequences. Public-private partnership, on the one hand, allows attracting resources of civil society, on the other – maintaining control and supervision of the state for the provision of socially important services necessary for society, which in turn may partly solve the problem.

Scientific and practical significance. *The significance of the present academic paper lies in the analysis of world and local practices regarding the construction of public-private partnership models, identifying the particularities of interaction between the state and charitable organizations in the process of rehabilitation and re-socialization of persons released from prison.*

Keywords: *persons released from prison; rehabilitation and re-socialization; public-private partnership; world practices; public safety.*

Innovations of the criminal and criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic

Shamurzaev T.T., Balashov T.T.

Mission: *to carry out the analysis to new Criminal, Criminal procedure codes and also the Code of the Kyrgyz Republic about the offenses accepted during judicial reform, which purposes were increase in efficiency and quality of justice; providing guarantees of judicial protection of the rights and freedoms of the person and citizen; reduction of the legislation in compliance with rules of international law and the international standards in the field of human rights. Authors state their position concerning to separate provisions of new regulations (legal acts).*

Methodology: *comparative and legal, formal and logical, system methods.*

Conclusions. *In generally new Codes contain a number of progressive provisions and produce a certain interest at the legislator and scientists for the purpose of their research, improvement and practical activities. At the same time, some standards of new Codes don't correspond to provisions of the Constitution of the Kyrgyz Republic and demand systematization. Gaps of the criminal and criminal procedure legislation, insufficient training of law enforcement officials, lack of interpretation can lead to undesirable consequences during their execution.*

The scientific and practical importance *are defined by a possibility of using the results in development of the directions of improvement of the criminal and criminal procedure legislation, in research and law-enforcement activities.*

Keywords: *appeal instance, cassation instance, deposition of evidence, mediation, preliminary hearings, procedural agreements, production about offenses, judicial control, investigative judge, special investigative action, prejudice.*

Some problems of qualification of special types of fraud in Russia

Sheveleva S.V.

Mission: *to predict the problems faced by the practice in the implementation of the provisions of the Federal law of 23.04.2018 №111-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" and the formulation of evidence-based proposals for the formation of a uniform practice of application of rules on theft from Bank accounts and e-money.*

Methodology: *system-structural, formal-logical and other scientific methods.*

Conclusions. *Identified disproportionate punishment, danger of the acts.*

The subject of crimes under p. «d» part 3 of Art. 158, art. 159³, p. «с» part 3 of Art 159⁶ of the criminal code are exclusively electronic money (in article 159⁶ of the criminal code may be still the right to property). Therefore, the principal difference between the three compositions is the method of committing the crime. In the first case—a secret theft (p. «g» part 3 of Art. 158 of the criminal code), in the second—deception or abuse of trust (art. 159³ of the criminal code), the third—input, removal, blocking, modification of computer information or other interference in the operation of means of storage, processing or transmission of computer information or information and telecommunication networks (p. «b» part 3 of article 158⁶ of the criminal code).

It is established that the means of committing a crime in article 159³ of the criminal code is broader than in paragraph «d» of part 3 of article 158 of the criminal code and paragraph «C» of part 3 of article 159⁶ of the criminal code.

The necessity of abandoning the archaic approach to the definition of the object of theft, which has three features — economic, legal and physical. It is proposed to recognize the subject of theft of all objects of civil rights enshrined in article 128 of the civil code, except for intellectual property and intangible benefits.

Scientific and practical significance. *The scientific significance of the work lies in the fact that the knowledge in the definition of the subject of theft, as well as the qualification of theft from a Bank account and in relation to e-money is expanding. The practical significance of the study is that some recommendations on the use of special types of fraud and skilled theft, where the subject of the crime is electronic money, are formulated.*

Keyword: *fraud, theft, electronic means of payment, electronic money, computer fraud, the end of the crime, non-Bank credit institution, e-wallet, Bank card, payment system.*

Legislative practices of mitigating punishment in implementing the obligations of the pre-trial cooperation agreement (comparative aspects)

Shidlovsky A.V.

Mission: to demonstrate the legal nature of the new institution of the pre-trial cooperation agreement of the suspect (accused) in the Belarusian legislation and its significance in terms of mitigating punishment and rectifying the wrongdoing.

Methodology: dialectics, analysis, formal-legal, comparative legal methods, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The pre-trial cooperation agreement introduced in the Republic of Belarus has a number of similarities with the widespread institution and practice of plea bargain. According to Belarusian criminal law, a pre-trial cooperation agreement is possible for any offence, regardless of the severity, the length or the type of the sentence provided for by the article in the Special Part of the Criminal Code.

The institution of the pre-trial cooperation agreement in the Republic of Belarus is intersectoral, as it is regulated by the rules of the Criminal Code and the Criminal Procedural Code. In its socio-legal nature, this institution is a compromise (its main purposes are to ensure the attainment and inevitability of achieving criminal responsibility and to repair the harm caused by the crime) and encouraging (its main legal tools are to encourage and stimulate the positive post-criminal behaviour of the perpetrator by mitigating the highest sentence in the sentence spectrum established by the relevant article of the Special Part of the Criminal Code).

Scientific and practical significance. The importance of the scientific article is in undertaking a comparative legal description of how other countries handle the institution of the pre-trial cooperation agreement. The positive aspects of such an agreement and the most effective legislative approaches to mitigating punishment are summarised, on the basis that the offender fulfils the conditions of the agreement.

Keywords: punishment, imprisonment, pre-trial agreement, of the cooperation, admission of guilt, encouragement, mitigation.

Violence against children within a family

Baronova V.S., Kosenkova A.I.

Scientific leader: candidate of law Salamova S. Ya.

Mission. 1) to characterize the concept of “violence” addressing its various aspects in philosophy, in psychology and in legislation. 2) to draw attention to the serious issue of violence against children within a family and review its types, forms and causes. 3) to note negative consequences of physical and psychological violence against people under 18 years old.

Methodology: analysis, abstraction, analogy, dialectics, aristotelian method, synthesis, induction, description, interrogation.

Conclusions. The issue of child abuse have not been discussed for a long time and until now there is a public resistance to it.

The relevance of the topic is due to the fact that it is an acute social problem and there are contradictions in understanding of the phenomenon well-established in society.

Research shows that the violence exists in all social groups whatever the income, education, race, culture and other factors. It should be noted that it ceases to be about an individual. The growth of the problem results in the establishment of international organizations, communities and programming aimed at prevention of this negative social phenomena.

The complexity of the issue is related to its individual causes apart from socio-economic factors.

Scientific and practical significance. The significance of the article consists of detailed review of the causes and mechanisms of violence against children within a family and the ways of prevention of this negative social phenomena.

Keywords: violence, family, children, behaviour, statistics, prophylaxis, consequences, responsibility, opposition.

Interview with the Head of the Department of Criminal and Economical Criminal Law at the Faculty of Law, Potsdam University, dr. iur. habil., Professor Uwe Hellmann

Salamova S.Y., Fedorov N.I., Lukovnikov V., Levina Y., Chimizgina D.

Mission: to transfer of accumulated experience and knowledge. Criminological office of Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin organized a number of student meetings with renowned scientists who made a serious contribution to the development of the science of jurisprudence. One of these meetings took place with Uwe Hellmann, an outstanding German scientist and expert in criminal law.

Methodology: *interview.*

Conclusions. *Interview conducted by students of the Institute of Private Law, the Institute of Prosecutor's Office, the Institute of Forensic Examinations of Moscow State University named after O.E. Kutafin, under the supervision of the head of the Criminological Cabinet S.Ya. Salamova with Dr. iur. habil., Professor Uwe Hellmann made it possible to learn interesting biographical facts of his life and scientific activities, the distinctive features of legal education in Germany, possible directions of development of Russian-German cooperation in the legal sphere, the benefits of education in Russia and Germany.*

Many complex, interesting and deep questions were asked, which often made you think. Students received professional advice that will help them in their studies and in future practice.

Scientific and practical significance. *The results of the interview can be used in the educational process in the study of the course of criminal law, criminology and other sciences of the criminal law cycle in higher educational institutions.*

Keywords: *interview, criminal law, legal education, economic crimes, Germany, University of Potsdam, Criminology room, science, scientific research.*

Book Review *Khritinin D.F., Kotov V.P., Polubinskaya S.V. Forensic Psychiatry: a textbook. Ed. D.F. Khritinin. 6th ed., Moscow: Norma; INFRA-M Publ., 2019. 632 p.*

Matskevich I.M.

The review describes the content, structure, methodology and argumentation of the textbook on forensic psychiatry. It covers the approach of the authors of the textbook to the logic of presentation of a separate scientific direction and an independent academic discipline of an optional character.

Keywords: *psychiatry, crime, criminal law, court, justice, health, legal education, a witness, a victim.*